

Андрей Белянин

Свирепый ландграф

Мощный прилив хорошего настроения
в шквал злого смеха обеспечен всем!

Annotation

Во втором романе трилогии Андрея Белянина тринадцатый ландграф Меча Без Имени вновь вступает в схватку со Злом. Шумно и весело крушит он злодеев, легко и быстро находит друзей, даже богиня красоты спускается с небес к нашему герою...

- [Андрей Белянин](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Эпилог](#)
-

Андрей Белянин
Свирепый ландграф

Скорбь и уныние овладели миром. Брат завидовал брату, дочь – матери, а муж – жене. Предчувствие возрождения Великого Зла охватило землю, и лишь Локхайм – Небесный город – поддерживал надежды страждущих. Неверящие пытались бежать, а верящие зажигали свечи у памятника тринадцатому ландграфу...

Все начинается с чего-то. В моем случае – с телефонного звонка. Как она умудрилась позвонить – ума не приложу! На все Соединенное королевство, сколько мне помнится, ни одной телефонной будки. Ну, может быть, откуда-то из Локхайма... В свое время там было понапичкано немало передовой техники, глядишь, скромненький сотовый телефончик и уцелел. Хотя какая мне разница! Главное, что этот звонок не был шуткой. Я, знаете ли, не настолько глуп, чтобы всем подряд рассказывать о своей героической эпопее. К чему? Еще поверят, начнут искать пути в параллельные миры, а если найдут – устроят шоп-туры за антиквариатом. Фигу! Места это заповедные – и нечего лезть с фотоаппаратом... Ладно. Вам расскажу. Но только вам! Я – Скиминок. В смысле Скиминок – это я! Прозвище такое... А полный титул очень длинный – лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени. Неплохо, а? В параллельные миры я попал случайно. Теперь у меня там полно друзей – король Плимутрок I, его дочь Лиона и ее муж русский князь Злобыня Никитич, маг-ветеринар Матвейч, маркиз де Браз, старый рыцарь сэра Чарльз Ли по прозвищу Повар, верховная ведьма Горгулия Таймс, кардинал Калл и другие. Что же касается Лии, Бульдозера и Вероники – то они больше чем друзья. Они уже как бы родственники...

Лия – это мой паж. Так похожа на худенького мальчишку, что многие верили. Характерец не сахар, но я ее люблю, как и Бульдозера. Он мой оруженосец. Полное имя Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир. Ну каково это выговаривать до конца? Бульдозер – круче, лаконичней и очень точно обрисовывает объект. Раньше его дразнили трусливым рыцарем, но теперь-то он храбрый. Вероника – малолетняя ведьма – практикантка, спасенная нами от костра. Ох, и хлебнули мы с нею... Недоучившаяся ведьма – это, знаете ли, более чем катастрофа!

А час назад они позвонили. Я имею в виду Жана и Лию. Похоже, что у них там серьезные проблемы с Раюмсдалем. Признаться, мы все про него и забыли. Как же он выжил при взрыве Башни Трупов? Спрошу при случае... А то мы действительно переувлеклись борьбой с его папочкой – знаменитым Ризенкампом. Ох, и гад же был, скажу я вам! Так что сыночка, тоже скотовода порядочного, я упустил из виду. А вот теперь он всплыл, и мои ребята, судя по всему, в серьезной передрыге...

Какое-то время мне пришлось просто метаться по квартире из угла в угол. Единственный вход во Врата был, сколько мне помнится, в изрядной дали, и попасть туда весьма проблематично. Оставалось решить знаменитый вопрос Чернышевского – что делать? Немного успокоившись, я, к глубокому удивлению своей жены, переоделся в клетчатую рубашку, черные джинсы и кроссовки. Накинул на плечи фиолетовый плащ и закрепил его серебряной пряжкой с изображением то ли корней дерева, то ли осьминога.

– Куда это ты вырядился в десять часов вечера?

– Так... пройдуь немного.

– В таком виде?!

Нет, моя жена меня хорошо знает... врать бессмысленно.

– Мне звонили ребята. Я выскочу на минутку, надо помочь кое-кому.

Женушка кротко вздохнула и пошла ставить чайник.

– Чтоб через пятнадцать минут был к чаю.

– Возможно, обернусь быстрее... – вслух подумал я, выходя из подъезда.

Ночная свежесть дохнула в лицо. Что же дальше... ага! Напротив подъезда стоял белый конь. В сгущающихся сумерках его шкура казалась темно-голубой, седло и упряжь отсвечивали серебром, а фиолетовые глаза смотрели на меня призывно и внимательно. Господи, как все просто... Ведь кому расскажи – не поверят. Я потрепал коня по холке, протянул руку и... на луке седла висел рыцарский пояс с кольцом, а в кольце меч. Мой Меч! Меч Без Имени! Второго такого нет во всей Вселенной, в этом я свято убежден. Теплая рукоять ласково коснулась ладони. Я надел пояс, выхватил меч, сделал несколько пробных взмахов. Серебристая сталь со свистом резанула воздух. От меча шли неизъяснимые токи уверенности, веселья, бесшабашной радости жизни. Меч Без Имени! Я как-то не сразу уловил, что его рукоять становится все теплее и теплее – это гарантия приближающейся опасности...

– Гражданин, подойдите-ка сюда.

От соседнего дома ко мне неторопливо двигались два милиционера. Меч уже просто жег руки. Что ж мне, в собственном микрорайоне блюстителей порядка уничтожать?! Я прыгнул в седло и рванул поводья.

– Стоять!

Милиция на ходу взялась за пистолеты. Благородное животное поднялось на дыбы, сделав эффектную свечку, и с места взяло в галоп. Я им не управлял, это было бы бессмысленно. После первой же минуты скачки город исчез. Мы бешено мчались по пустынным полям, по берегу моря, по чему-то мягкому вроде облаков... Потом впереди забрезжил свет. Белый конь яростно закусил удила, и сила инерции вышвырнула меня из седла, как пушинку. Я долго летел в светлеющую неизвестность, пока не треснулся лбом об очень твердую поверхность. На время меня отключило. Когда наконец-то наступило прояснение, передо мной красовались дубовые ворота Ристайла...

Глава 1

Свирепый ландграф

Руки целы, меч на месте, голова не отвалилась... Несомненная удача. Ну что ж! По крайней мере я очнулся здесь уже не впервые и знал, как себя вести.

– Эгей! Идиоты, болваны, висельники! – заорал я во всю пасть, молотя кулаками по мореному дубу. – Сейчас же открыть ворота благородному мне!

– Какого черта? – в смотровом окошке показалась трогательно знакомая физиономия стражника.

– Открывай, говорю! Не видишь, кто пришел?

– Иди своей дорогой, чужеземец!

Окошко захлопнулось. Ничего не понимаю... Я что, так изменился, да ведь не прошло и года?! Пришлось потарабанить еще.

– Негодяи, сейчас же откройте ворота лорду Скиминоку, тринадцатому ландграфу Меча Без Имени!

– Если ты ландграф, то я кардинал Калл.

– Хорошо, – согласился я. – Просто доложите обо мне королю. Можно Злобыне. На худой конец даже Лионе.

Стражник подумал и исчез. Отсутствовал он недолго.

– Благородный сэр, мы будем счастливы видеть твой подвиг под этими стенами. Соверши деяние, достойное имени ландграфа, и ворота почета откроются пред тобой. – Заросшая густой щетиной физиономия расплылась в счастливой улыбке.

Ага! Это что же, все сначала?! Да они что, с ума посходили?!

– Где князь?

– На охоте вместе с их величеством.

– А Лиона?

– Их высочество еще спят.

– Ну, так разбудите!

– Это небезопасно!

– Ладно. А где Жан Буль де Зир? – вынужденно я пошел на попятную.

Стражник сочувственно вздохнул:

– И его нет. Между нами говоря, у него сейчас большие проблемы...

– Кардинал?

– Он в отъезде. У него ревизия по монастырям.

– Что же, совсем никого нет? Весь город пустой? – взвыл я.

– Ну, кто есть, сейчас будут на стенах. Честно сказать, лично мне вы кажетесь очень похожим на героического ландграфа. Хотя он был на две головы выше, и усы длиннее, и в плечах, как медведь, и голос, подобный боевой трубе, и... Вон ваш подвиг, благородный сэр!

Из-за поворота стены выехали два рыцаря. Как это до боли знакомо... В прежние времена я дважды выходил с мечом против конного противника. Тяжелое вооружение здесь скорее помеха, чем преимущество. Меж тем рыцари подъехали ближе, их гербы мне были незнакомы, возможно, кто-нибудь из баронских сынков приехал в Ристайл послужить дедовским клинком славному Плимутроку.

– Откуда у тебя такой меч, бродяга?! – грозно спросил тот, что слева, качнув шлемом, увенчанным лисьей мордой.

Что ж, понимаю его любопытство, Меч Без Имени прекрасное оружие и никогда не остается незамеченным.

– Я – Лорд Скиминонок, Ревнитель и Хранитель, тринадцатый ландграф Меча Без Имени. Вынужден сообщить, что не смогу попасть в город без надлежащего подвига. Полагаю, что и у вас те же проблемы. Есть интересная идея – вы сдаетесь мне в плен, я, как герой, иду через ворота, вы за мной в качестве багажа. В обмен на услугу обязуюсь лично представить вас королю.

Какое-то время они молчали. Потом переглянулись и едва не рухнули с седел от хохота. Давненько я не встречал такого искреннего веселья. Ну, почему это все так раздражает... Просто я уже забыл, как надо разговаривать с рыцарями.

– Эй, вы, недоумки с кастрюлями на головах! Пока вы тут ржете, время неумолимо приближается к обеду, и если вы не принимаете мой вызов...

– Фигляр и шут! Мы видели памятник лорду Скиминоку, – вставил свое слово тот, что справа (и с перекрещенными молниями на щите). – Будь ты рыцарем, любой из нас наказал бы тебя за дерзкую попытку присвоить чужое имя. Но мы не пачкаем руки об уличных комедиантов...

– Это приятно, – выдавил я.

– Мы топчем их лошадьми, – гордо закончил другой.

Мамочка родная! Эти самовары развернули коней и поскакали в стороны. О нет! Я прекрасно знаю, что бывает потом. Из-за другого поворота показалась шумная кавалькада. Это возвращался с охоты их величество король Плимутрок I. Значит, есть робкая надежда на то, что меня успеют спасти. Или откатать... или похоронить, если будет что... Для привлечения внимания я стал подпрыгивать, кричать и размахивать мечом. Со стен раздались бурные аплодисменты. Двое рыцарей развернули коней, взяв меня в клещи. Убьют! Вот ей-богу, убьют и не заметят. Ага! Все-таки заметили! От кавалькады отделился широкоплечий всадник в собольей шапке. Злобыня! Друг! Быстрее! Рыцари приближались с неумолимостью линейных броненосцев. Еще несколько секунд и...

– Не смей! – загремел голос князя, но было поздно.

Меч Без Имени словно ожил в моей руке. Одно копьё я отбил, от второго увернулся, а потом кубарем вылетел из-под ног столкнувшихся на полной скорости коней! Не помню, как это у меня получилось, наверное, жить захотелось... Но вы бы видели, во что превратились два горделивых рыцаря! Их так пришлепнуло друг о друга, что доспехи заклинило и парни валялись в пыли, как гряда свежепрессованного металлолома. Народ на стенах с ума сходил, неистовствуя в овациях. Вверх взвились флаги, затрубили трубы, а Злобыня, резко осадив скакуна, сгреб меня в медвежьих объятия:

– Лорд Скиминонок вернулся!

Торжественный ужин был объявлен вечером, а в настоящее время мы сидели в тесном дружеском кругу за маленьким столом и я едва успевал отвечать на вопросы короля:

– Где ты так долго пропадал?

– Дела, Ваше Величество.

– Мог бы и отложить, – кокетливо фыркнула Лиона, демонстративно похлопывая себя по огромному животу. – У нас скоро будет пополнение. Бабки говорят, что, возможно, двойня.

– Рад за вас! – прочавкал я. – Злобыня, я в тебе не сомневался! Как там с отстройкой русских городов?

– Восстановили Новый Город. По одному проекту достраиваем следующий, он почти создан, но имя никак не подберем.

– А город уже создан? Ну так и назови.

– Как? – загорелся князь.

– Создан, создал, создаль, суздаль. Суздаль – хорошее название для русского города.

– В масть! – решили все, а король, подлив мне вина, заговорщицки прищурился.

– Признайся, ландграф! Ты ведь тогда сбежал от королевы Локхайма?

– Ну... не совсем... я бы не хотел, чтобы она так думала.

– Мужчины... – горько вздохнула Лиона. – Вы все одинаковы. Вскружите девушке голову – и шмыг в другое измерение.

– А где мои ребята? – перевел разговор я.

Все как-то неуверенно переглянулись. Мне показалось, что за столом повисло напряженное молчание. Первым опомнился Его Величество:

– Так выпьем еще раз за здоровье моего дорогого друга лорда Скиминока и пусть Меч Без Имени никуда не отпускает его из нашего мира, где мы любим и чтим геройского ландграфа!

Все дружно тяпнули, но мне пришлось демонстративно отодвинуть кубок в сторону.

– Что это значит?! Я читал о мрачном средневековье, и если вы что-нибудь сделали с моими друзьями...

– Охолонись, брат! – укоризненно покачал головой Злобыня. – Нешто на нас креста нет? Али мы добра не помним? Иное случилось. Девчужке твоей мы дом отрядили в собственное пользование. Жан был командиром личной охраны короля. Так что честь и почет твоим друзьям мы оказали. Да вот незадача... Как эта шумиха началась – трусливый рыцарь исчез.

– Какая шумиха? Вот что, расскажите-ка все по порядку. Во-первых, я здесь появился потому, что на меня вышли Лия с Бульдозером и доложили о каких-то проблемах с Раюмсдалем. Но связь оборвалась... Так в чем дело?

– Он ищет Зубы Ризенкампфа! – трагическим шепотом сообщила принцесса.

– Да ну? – не понял я. – Зубы? Ему что, своих мало – хочет вставить в два ряда?

– Тут вот какое дело. Не ведаешь ты, над чем потешаешься, – вновь посуровел князь. – Род Ризенкампфа древнее многих боярских, но нарождаются на свет они не так, как крещеные люди. Вот и принц твой, на что уж дурак, а соображает – о продолжении думать надо. Сына растить. А где его взять?

– Что значит где?

– Да уж так, видать, наказал их Господь, что должны они, прежде чем внука заиметь, хоть один зуб деда добыть.

– Совершенно идиотский обычай! – решил я. – В жизни своей ничего глупее не слышал. Что же получается – меня вызвали из-за того, что Раюмсдаль ищет вставную челюсть своего папочки, загоревшись желанием стать папой самому?! Умнее ничего не смогли придумать?

– Да что вы все о делах, о делах, – поморщился король. – Давайте лучше о женщинах! Вот ты, ландграф, сбежал от Танитриэль, а она тебя ох как искала... Зря ты с ней так. Она баба видная, с положением, и фигура, и прочее... Нет, я тебя решительно не понимаю!

Так... Судя по всему, происходит что-то, во что меня не собираются посвящать. Или боятся, а они не трусы... Опять все всерьез. Я встал из-за стола и направился к двери.

– Сядь, ландграф! – Плимутрок довольно резко хлопнул ладонью по столу, зазвенела посуда, раньше он себе такого не позволял. – Ты прав. Мы должны сказать тебе правду. А правда в том, что все движется по кругу. Ризенкампфа нельзя убить навсегда. Еще мои предки пытались вывести этот зловредный корень – ни черта! Они возрождаются вновь и вновь. Каким-то образом это связано с зубами... Но как именно, не знает никто. Зато всем известно, что если по миру прошел слух о зубах, то не пройдет и года, как на свет появится новый отпрыск рода Ризенкампфа! Для тебя – живущего в ином мире – это не значит ровным счетом ничего, и слава Богу! Но для нас... Мой внук... или внучка должны будут вновь браться за меч, ибо бредовую идею власти над мирами новый тиран впитывает с молоком матери. Что, если душа убитого тобой злодея воплотится в сыне Раюмсдаля? Мы уже скоро год, как живем тихо и мирно. Войн нет, нас никто не беспокоит, страна успешно залечивает раны. Локхайм помогает научными советами, предсказывает погоду, предупреждает об опасностях. Даже нечисть ведет себя достаточно мирно, хотя, по правде сказать, королей мы уничтожили... А что теперь?! Люди узнали, что Раюмсдаль жив! Он ищет Зубы Ризенкампфа! Он жаждет мести. И мстить он будет именно нам, хотя ко всему этому делу приложил руку один небезызвестный ландграф...

– Ты не думай, – вмешался князь, – мы тебя не виним. Помог расправиться с врагом – честь тебе и хвала!

– Но не доведешь ли ты до конца свою героическую одиссею?! – ласково закончила его супруга.

Что ж, уважаю принцессу Лиону именно за то, что она сразу говорит о том, чего хочет. Остальные более дипломатичны.

– Все ясно. Будь по-вашему. Я останусь и набью шишек склочному Раюмсдалю. А теперь последний вопрос, от которого вы успешно ускользаете, – где мои ребята?

Все трое потупились и вздохнули...

– Я ж тебе и толкую, – наконец решился Злобыня, стараясь не глядеть в мою сторону, – по ту пору, что в народе молва пошла о зубах Ризенкампфа, среди людишек брожения начались. Кто в слезы, кто в монастырь, кто за оружие, а кто и к иноземным богам за помощью поспешил. В городах странные мужичонки попадаться стали. Ходят без штанов, в оранжевых тряпках, босы, головы бриты, а на затылке хвостик. Срамота! Я тут троих конем потоптал – мерзость какая... Однако никому, кажись, зла не творят, бьют себе в барабаны, мясо не потребляют и все время лопочут: Харя Кришна. Кардинал их тоже требовал прищучить, да ведь и не за что вроде. Нашего Бога они не хулят, безобразий себе не позволяют. Ну и не трогают их...

– Знакомая картинка, – буркнул я.

– Так вот и оно ж! – разгорячился князь, сминая в кулаке кубок кованого серебра. – А только вскоре соблазнились горожане учением ихним. Ремесла бросают, из семьи уходят, все дела побоку! Знай, головы бреют да в барабаны стучат. Окромья Харя Кришна – ни хрена от них не добьешься!

– Значит, Бульдозер попал в лапы к кришнаитам?

– Не уберегли, – потупились все трое.

Какое-то время мы молчали. Каждый думал о своем. Я, например, о том, что ни один из моих знакомых не возвращался из цепких лап этой религиозной секты. Эх, Жан! Верный оруженосец! Как ты мог... Что ж ты не дождался возвращения своего господина? Ну, нет,

бритоголовые барабанщики! Я этого парня за так не отдам! Мы еще посмотрим, на какую сторону Меч Без Имени развернет харю Кришне!

– Где они? – тихо зарычал я, почувствовав прилив плохо управляемой ярости.

– Бродят по городу, – пояснила Лиона. – А отец Жана Буль де Зира пребывает в состоянии шокового паралича.

– Я займусь этим. Пошли дальше. Где Лия?

– Она еще месяца три назад ушла из Ристайла, – взял слово король. – Мы тут тебе памятник установили, бронзовую конную статую в полный рост. Так она все цветы туда таскала, а потом и вовсе поставила шалашик рядом. Слуги ей провизию носят. Молчит она. Может, заболела, может, еще что... Ты ведь пропал так неожиданно. Ну, никак не пойму – и за что тебя такого женщины любят?

– Где это? Мне нужен конь – я поеду за ней.

– Пойдем провожу. – Злобыня встал из-за стола, подхватил плащ и пояс с мечом. Оружие носилось всегда, даже в мирное время.

Итак, отложим празднества, пора ехать за Лией! По дороге вниз к конюшне мы пообнимались со старыми знакомыми. Русские ратники из дружины князя почти все были здесь, ну разве двое-трое остались в восстановленных городах. Как все-таки приятно возвратиться туда, где тебя любят и ждут. Я чувствовал внутреннее родство со всеми этими людьми и понимал, что этот мир теперь столь же мой, как и я его. Средневековый быт не воспринимался анахронизмом, пища не угнетала однообразием, а действительность прямо-таки восхищала обилием приключений. Для меня. Для всех остальных это была обычная жизнь, и ничего сверхвеселого они в ней не находили.

– Вот, забирай. Твой будет. – Князь сам подвел ко мне великолепного гнедого коня, крепконового, с крутой шеей, горящими глазами, взнузданного и оседланного.

Роскошный подарок! Мы сразу понравились друг другу. Махнув в седло, я тронул поводья. Гнедой слушался меня, как собственную маму. Через десять минут я был за крепостной стеной. Не очень далеко в чистом поле виднелась черная фигура на постаменте. При более близком знакомстве мне наконец удалось понять, почему меня не узнавали. Народ вложил в эту скульптуру все лучшее, что предполагал во мне, и щедро добавил от себя лично. На могучем бронзовом жеребце восседал плечистый бронзовый гигант! Объем мускулатуры читался даже под доспехами, лицо скрыто забралом, но знаменитая пряжка, схватывающая мой плащ, передана с редкой скрупулезностью. Собственно, все сходство на пряжке и заканчивалось... Идеальный образ спасителя и заступника населения восторгал даже меня, хотя внешне не имел к моей особе ни малейшего отношения. Вдоволь налюбовавшись на свой прототип, я узрел невдалеке маленький шалашик. Подъехал поближе, спрыгнул с коня, попытался заглянуть внутрь – ай! Из-за стенки высунулся наконечник короткого копья и заерзал в какой-нибудь ладони от моего лица.

– Лия! Ты что, вконец обалдела?! Это же я!

– Кто «я»? – мрачно поинтересовался знакомый голосок.

– Твой господин – лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени. Хватит ваньку валять, убери это дурацкое копье, еще нос мне поцарапаешь...

– Мой господин далеко, – дрогнул голос, – не травите мне душу воспоминаниями. Много тут шляется таких, кто изображает из себя ландграфа. А вот, назовите пароль!

– Екарный бабай! – вырвалось у меня.

Пароля-то я и не знал. Мы о нем вообще сроду не договаривались. Незадача...

– Милорд?! – Плетеная дверца распахнулась.

Из шалашика вынырнула Лия. Худая, загорелая, с нездоровым румянцем на щеках, в потрепанном костюмчике пажа – но такая родная! Я сгреб ее в объятия, крепко прижал к груди и погладил по голове. Бедная девчонка не могла произнести ни слова, она просто тихо плакала. Порой мне кажется, что в прошлый раз я оставил в этом мире гораздо больше, чем приобрел в своем. Такая верность, преданность и самопожертвование у нас уже не встречались. Даже у меня комок подкатил к горлу. Я посадил ее на коня позади себя и, как в старые, добрые времена, двинулся в путь. Помнится, где-то у меня была целая усадьба, а у нее отдельный особняк с харчевней в центре города. По дороге мы ни о чем не говорили. Золотоволосая недотрога просто вцепилась в меня как клещ, уткнувшись носом в фиолетовый плащ.

– Милорд, вы вернулись... милорд... – Больше от нее ничего нельзя было добиться.

Горожане на улицах встречали нас восторженными криками. Вскоре собралась целая толпа поклонников. Лия опомнилась, вытерла слезы и величаво кланялась на счастливые вопли народа, время от времени грозя кулачком неведомым врагам. До вечернего празднества у короля было еще часа четыре, поэтому мы разместились в доме моей спутницы. Я заставил ее принять ванну и поесть. Наконец-то, без шума и суеты, мы могли в досталь наговориться.

– Мы вам из Локхайма звонили.

– Я так и понял. Слава Богу, король Плимутрок не все там порушил.

– Это наша Вероника докопалась. Помните, она там такую штуку нашла, вы ее еще так мудро назвали... Компьютер! Так вот он страшно мощным оказался, но даже с ним мы ваш номер очень долго искали.

– Ты лучше расскажи, где Бульдозера потеряла?

– Бедный Жан... – Лия горестно обхватила плечи ладошками. – Пропал. Совсем пропал для мира. Если бы он ушел в монастырь – и то не так страшно. А у них он пропал. Знаете, когда они впервые начали его обрабатывать, он только смеялся. Приходил ко мне в гости и смеялся. Говорил, что у них нелепая музыка, глупая еда, нищенский вид. Потом вдруг перестал приходить. Я ждала. А когда увидела его на улице... Милорд, я чуть с ума не сошла! Наш Бульдозер в оранжевых тряпках, босой, с выбритой головой и хвостиком на затылке бьет в барабан, поддакивая всем: «Хари, хари!» Не знаю, что на меня нашло. По-моему, я пыталась его пристыдить, образумить, уговорить вернуться домой. Он смотрел на меня такими пустыми глазами! Он не узнал меня, милорд! Кто-то из них вежливо отодвигал меня в сторону, говоря о единстве и равноправии всех вер. Я одела этому типу его барабан на голову. Я была не права?

– Права, – поспешил успокоить я, мне не хотелось ее перебивать.

– У них сразу стали очень злые лица. Может быть... я не уверена, но по-моему, двое даже достали такие странные ножи. Короткое лезвие, по форме напоминающее человеческий клык.

– Что дальше? – Оставалось благодарить за то, что Лия столь же наблюдательна, сколь любопытна. Эта девчонка запоминает каждую мелочь, даже если видела лишь краем глаза. – Итак, нож напоминал зуб?

– Да, мой господин. Они замахнулись на меня. Я думала, Жан опомнится и заступится, а

он отвернулся... – Бедняжка глотнула подогретого вина, расстроенная тяжелыми воспоминаниями. – Мне пришлось убежать, но они ничего не забыли. На следующую ночь я нашла у себя на подушке задушенного котенка. Что было делать? Мне бы никто не поверил, что это предупреждение от добрых, безобидных кришнаитов, никому не желающих зла. Я уехала к памятнику, поставила шалашик и молилась о вашем возвращении. Они никогда не подходят к вашей скульптуре. Не знаю почему. Там мне было спокойно.

– Ну, все, все... Не горюй, я же приехал. Выпей еще, успокойся и ответь мне на один вопрос: когда вы с Жаном звонили мне по телефону, что собственно вы пытались мне сказать?

– Как что?! Да ведь Раюмсдаль ищет Зубы!

– Ему своих мало? – однообразно пошутил я. Лия в ответ так грохнула кубком о стол, что остатки вина залили скатерть. Любая другая хозяйка по меньшей мере ахнула бы, но наше хрупкое создание лишь грозно вперилось в меня уже нетрезвыми голубыми глазами.

– Не шутите с этим, милорд! Он ищет Зубы Ризенкампфа!

– Какую-нибудь семейную вставную челюсть, передаваемую, как реликвию, от отца к сыну, а? Имей в виду, мне это ровным счетом ничего не говорит. Я тут проездом... Обычаев не знаю, в традициях не силен, так что прояви сострадание...

– Уговорили, – серьезно кивнула она. Господи, всего с трех стаканов вина и до такой степени... хотя много ли девчужке надо? – Зубы – это... Лучше б он их и не это... Тут уж всем жарко будет! А мне и здесь не холодно... Уже приметы пошли! Стр-р-р-рашные... Он не один. За ним – сила! Сам-то Раюмсдаль что? Тьфу! Я ему сама плюнула... Было дело! Помните?

– Помню. Не отвлекайся от темы и больше не пей. Какие приметы, что они говорят?

– При-и-меты?! Какие еще при-ме-ты... Ну... это – о! О, это такие... умереть и не встать! А Бульдозер, Бульдозер – гад! Меня бьют, а он... – Лия неловко взмахнула рукой и свалила на себя тарелку с рыбой.

В общем, здесь требовался долгий перерыв. Я попросту взял ее на руки и отнес в постель. Она заснула уже по дороге, невнятно бормоча что-то очень знакомое, типа: «Вы им покажете, милорд...» Я укрыл ее одеялом и вернулся в гостиную. Потом подозвал служанку, строго наказав проследить за бедной девочкой, взял меч и отправился на званный ужин к Плимутроку. Но и туда добрался не скоро...

Чтобы попасть во дворец, мне нужно было объехать пару кварталов, пересечь рыночную площадь и широкой улицей двинуть прямо к парадному входу. Признаться, я задержался... Просто не мог отказать себе в удовольствии совершить конную прогулку по новому Ристайлу. После достопамятной Битвы Пятнадцати Королей наиболее пострадавшие здания снесли. На их месте красовались новые хоромы с классическим дизайном и великолепным качеством строения. Тогда с этим было строго. Рухни что-нибудь в сданном доме – враз всю бригаду каменщиков гуськом на виселицу. Говорят, что готический стиль – это замершая музыка органа... В самое яблочко! Я с беспечно-счастливым видом разъезжал по городу, отвечая улыбкой на приветствия горожан, пока у рыночной площади не столкнулся с бандой кришнаитов. Почему «бандой»? А как их иначе назовешь? Ладно, в общем, дело было так. Еду вперед, совершенно мирный и абсолютно безобидный, никого не трогаю, ни во что не вмешиваюсь, никуда не встречаю – милашка, одним словом. Прямо мне навстречу, лоб в лоб, чешет толпа кришнаитов, человек пятнадцать. Все в оранжевых тряпочках, с бритыми

головами, бьют в барабаны и, как водится, славят Кришну. Я бы проехал мимо, но в их нестройных рядах маячила фигура, которую просто невозможно было не заметить. Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир, трусливый рыцарь, потомок знаменитого рода, награжденный золотыми шпорами за Ристайльскую битву, а самое главное – мой бывший оруженосец. Его бритую голову украшал хвостик на затылке, и в барабан он бил с энергией, достойной лучшего применения. Я привстал на стременах:

– Подай мне мой меч, оруженосец!

Жан вздрогнул, его пудовая ладонь просто смяла барабан, как трубочку с кремом. Он уставился на меня недоверчивым взглядом. Постепенно его глаза круглели...

– Милорд?

– Да!

– Нет! – твердо решили остальные кришнаиты, бодро заплясав вокруг Бульдозера. – Этого не может быть. Хари Кришна!

– Почему? – обиделся я.

– Милорд... ландграф ушел от нас... хари, хари, – с трудом заговорил мой оруженосец. – Вы так похожи... но... Сходство, галлюцинации, фантомы...

– Как ты полагаешь, если галлюцинация, спрыгнув с седла, даст тебе ногой в ухо – будет больно?

– Нет...

– Ну, держись! – напрямик предупредил я, соскакивая на мостовую.

– Хари, хари! – протестуяще вмешались бритоголовые, вставая между мной и бедным Бульдозером.

– Пошли вы Кришне в... Не все сразу, но именно туда! Этот охмуренный парень бросался со мной в огонь и в воду.

– И набрался скверны.

– Он защищал мою спину в бою!

– И запачкал свою ауру кровью.

– Он бился с жуткими монстрами из самых глубин Ада!

– И до сих пор в его светлом Эго видны обгоревшие магические дыры.

– Он шел со мной нога в ногу, он ел со мной с одного ножа, он спал со мной, укрываясь одним плащом!

– А вот это вообще неприличный вид плохо скрываемого блуда.

– Чего?! – взорвался я.

Нет, ну всякому терпению приходит конец. Сколько можно надо мной издеваться? Жан переводил жалобный взгляд с Меча Без Имени на своих братьев по вере. Я медленно положил руку на эфес и, набрав полную грудь воздуха, вознамерился грозной тирадой обрушиться на своих оппонентов. В глубине души я надеялся, что человеческого языка они не понимают – рукоять меча жгла пальцы.

– Брат, поешь! – неожиданно высунулся пожилой тощий кришнаит, подсовывая мне тарелочку с каким-то странным печеньем.

– Спасибо, не хочу, – смутился я.

– Ты раздражен. В твоих глазах гнев. Поешь, брат!

– Ладно. Одну печеньку. Вот эту, маленькую.

– Хари Кришна! Он ест! Хари Кришна! – радостно загомонили все.

Оранжевые накидки со всех сторон окружили меня, окончательно оттеснив в сторону

Бульдозера. Улыбающиеся лица, счастливые глаза, бесконечные излияния по поводу моего аппетита, пользы ведической кулинарии, единства всех людей на земле. Я почувствовал, что теряю нить разговора.

– Мне нужен мой оруженосец.

– Поешь, брат!

– Спасибо, хватит. Я уже ел. Дайте мне поговорить с моим другом.

– Поешь, брат.

– Да наелся уже! – Я начинал беситься, но этот умник с хвостиком продолжал тыкать мне под нос свое дурацкое печенье. Нет, я тут точно кого-нибудь поубиваю. – Жан!

Его не было видно. Зря они так со мной...

– Поешь, брат! – Это просто счастливая оранжевая стена с умиленной улыбкой, по уши в нирване, с бешеной дружелюбностью убеждавшая меня отвалить! Ни малейшей грубости, никакой явной силы, просто мягкая ласковая тина, не дающая ступить ни шагу. В чувство меня привел Меч Без Имени – его рукоять буквально горела. Это стопроцентный признак тайной опасности, угрожающей моему здоровью. Огромным усилием воли я заставил себя сгрести в ладонь все печенье, что оставалось в подносе, и махом запихнуть в пасть хлебосольному типу. Он как раз открыл рот, чтоб еще раз вякнуть нечто гостеприимное.

– Где мой оруженосец?! – грозно спросил я.

Двое безмятежных кришнаитов с боевыми кличами «Хари! Хари!» вытащили ножи. Что за черт?! Форма лезвия действительно напоминала зуб.

– Это и есть ваше хваленое дружелюбие?! – Серебристое лезвие узкой молнией сверкнуло в напряженном воздухе.

– Хари! Хари! Хари! – угрожающе заворчали мои противники.

Хочу признать, что страха на их лицах не было. У окуренных наркоманов такие же безучастные рожи. Я взмахнул мечом, очертив вокруг себя сияющий круг.

– Не заставляйте меня делать вам больно. Как цивилизованный человек, я удивительно миролюбив, но как ландграф... Сегодня у меня повышенная свирепость.

– Он презрел наш хлеб! – завопил пожилой кришнаит, с трудом прожевав вбитое в него печенье. – Он весь живое порождение Тьмы! Пусть Зубы Кришны примут его!

Ну, наконец-то! Вот она опять – долгожданная средневековая жизнь. Снова начинаются золотые денечки, наполненные звоном оружия, боевыми кличами, ржанием коней, воплями врагов и упоением дерзкой светлой силой Меча Без Имени. Господи, как я по всему этому соскучился! Нож не лучшее оружие против более длинного обоюдоострого клинка. Убивать придурков мне не хотелось, а поскольку драка началась на рыночной площади, то я с удовольствием побегал от кришнаитов, петляя между лотками, навесами и прилавками. Меч веселился вовсю! Мы подрубили какой-то шест, и на преследователей рухнул навес с соломой. Потом удачным пинком ноги удалось спустить телегу, полную репы. Я уж думал, что оттуда они вовсе не выберутся. Имя Кришны всуе не употреблялось, а вот проклятия висели такие, что... Даже торговки уши закрывали! Потом кто-то особенно шустрый все ж таки умудрился полоснуть мой плащ ножом. Меч Без Имени от души врезал ему эфесом по зубам. Не думаю, что уцелело больше двух... Моя задача была прежней – выбирать дорогу и держаться за рукоять. Пока я с мечом, мне и десяток воинов нипочем. С таким оружием... вот тут моя нога застряла между двумя перевернутыми скамейками, и я растянулся на мостовой. Кришнаиты как волки бросились вперед, размахивая ножами. На этой печальной

ноте можно бы и закончить: лежа на пузе, носом в капусте, я не смог бы самостоятельно подняться. На это нужно время, а его никто не давал... Уже почти ощущая спиной неумолимую сталь Зубов Кришны, я краем уха уловил резкий свист. Кто-то спрыгнул с неба и встал надо мной.

– Ну, – грозно произнес тонкий голосок, звенящий медью, – вас превратить в бородавчатых жаб или облезлых крыс?!

– Он наш! Уйди, ведьма!

– Значит, в жаб... Не говорите потом, что я вас не предупреждала.

– Вероника! – обернулся я.

Юная ведьма-практикантка сложным образом щелкнула пальцами и крутанула перед собой помело. В воздухе запахло серой. Высвободив наконец левую ногу, я встал рядом, перехватив меч двумя руками. Кришнаиты не нападали. Впрочем, и в жаб они тоже не превращались. Просто к месту боя начал стекаться народ. Тот, что кормил меня печеньем, спрятал нож, сложил ручки и с молитвенным видом кивнул остальным:

– Ква!

– Чего? – вырвалось у меня.

– Ква? Ква? – переспросили пораженные бритоголовые.

По-моему, и до них, и до меня не сразу дошел смысл произошедшего. Злобно квакая друг на друга, они бросились наутек.

– Вероника! – построжел я. – Опять чего-нибудь напутала?

– Ничего не понимаю! С мышками у меня получалось без проблем. Может, с людьми надо увеличивать траекторию взмаха метлы?

– Ты меня об этом спрашиваешь? Лучше скажи мне: «Здравствуйте, милорд...» – и объясни свое неожиданное появление.

Вероника счастливо кивнула. Она чмокнула меня в щеку, повисла на шее, болтая ногами, и в голос заверещала:

– Вы вернулись, милорд! Как же я рада вас видеть!

– Ну вот, другое дело. Слушай, мне давно пора во дворец. Пойдем, проводишь.

Юная ведьма бодро вскочила на помело, а я влез в седло. Оглядев всю разруху, причиненную нашими резвостями рынку, мне стало стыдно.

– Слушай, крошка. А нельзя ли это как-то быстренько прибрать?

– Для вас – сию минуту! – небрежно фыркнула длинноносая девчонка.

Еще одно заклинание – и по площади словно прошелся смерч. Последствия... ну, скажем...

– Так, линияем отсюда! – приказал я.

Весь товар сегодняшнего дня, включая продукты, привезенных кур и овец, хозяйственные принадлежности, посуду и ткани, высился одним аккуратным небоскребом, высотой с колокольню. Все сооружение венчал чей-то перепуганный осел, верхом на повозке с тыквами. Вокруг чистота, ни пылинки. Но, судя по бледным лицам торговцев, нам вряд ли скажут спасибо. Я дал коню шпоры.

– Так ты не обратила внимания, куда делся Бульдозер?

Мы довольно долго болтали, остановившись в десяти шагах от дворцовых ворот. Вероника мало изменилась. Во-первых, ведьмы стареют медленнее, хотя взрослеют быстро. Во-вторых, за это время единственным заметным штрихом в ее костюме стал массивный

медальон на медной цепи. Он изображал шестиконечную звезду, так что я подумал грешным делом, не ударила ли она в масонство?

– Скажу честно, милорд, во всем этом деле слишком много туманного. Никто не понимает, с чего бы это вдруг миссионерам разных религий бросаться спасать Соединенное королевство? Еще год назад мы все прекрасно жили, веруя в единого Господа Иисуса Христа, принявшего смерть на кресте во имя искупления грехов наших...

Узнаю свою цитату! Где же это она ее подхватила? Неужели читала протоколы моего допроса в темницах Вошнахауза?! С нее станется. И надо ж было умудриться достать! Сколько помню – это более чем библиографическая редкость.

– Неожиданно на нас обрушились поклонники Судного дня, адепты Белых Одежд, сторонники Инь-Яня, последователи язычников и раскольников, Чистые души, Дети Бога и прочие Будетляне. Я и не предполагала такого количества религий в нашем мире. Даже сама Горгулия Таймс в тупике, она не уверена, какая секта все-таки наиболее близка к темным силам, чтобы всячески ее поддерживать. Но то, что ни одна из этих группировок не несет Света, – это уж точно!

– В моем мире та же беда. Хотя до драки дело доходит нечасто. Впрочем, у нас и больше опыта по компромиссам в этой части.

– Да? – Ведьма доверчиво шмыгнула носом. – А с кришнаитами я уже воевала. Они пытались отобрать у меня метлу, утверждая, что грех губить дерево для изготовления помела! Ну, я и... погорячилась. А помело мне все равно нужно было менять...

– Почему?

– Оно сломалось после первого же удара о бритую башку певца с барабаном.

– Так... мог бы и сам догадаться. Ладно, прения на потом, у меня сейчас встреча с Плимутроком I. Король ждет. Если есть время – дуй к Лие, бери командование на себя, проследи, чтобы она выпила что-нибудь для успокоения нервов, и дождись меня. Посоветуемся все трое. Мне слишком не нравится новое окружение Жана.

– Насколько мне известно, еще ни один новообращенный добровольно от них не возвращался, а это не меньше сотни здоровых неглупых мужчин.

– Тогда куда же они деваются? Так и бродят по городу с постными харями?

– Нет. – По-моему, Вероника впервые задумалась над этой проблемой. – Я все выясню, милорд, и подготовлю доклад к вашему возвращению. Мне кажется, что мы опять на военном положении...

– Может быть, но пока все страхи беспочвенны, все крутится на уровне слухов и сплетен. Я возьму это под свой контроль. Дуй к Лие и сделай все как надо. До вечера!

Юная ведьма поднесла два пальца к виску, шутливо отдавая честь и, гикнув, вскочила на метлу. Ну, за время моего отсутствия качество езды верхом у нее заметно улучшилось. Интересно, а как там тормозная система? Хотя лично я второй раз проверять не буду, лучше пристрелите сразу...

Королевские пиры отличаются завидным однообразием. Много гостей, много еды, очень много выпивки. По моим прошлым советам Плимутрок все же внес некоторые прогрессивные изменения. Например, в зале развесили разноцветные фонари, и специальные слуги зажигали их в определенном порядке, ориентируясь на данную мелодию. Создавался эффект цветомузыки. Затем – отдельное меню на каждый стол. Стало модным подсовывать его даме сердца и только потом, после ее выбора, валить все на одну тарелку. Идею кубка «Большого Орла» я украл у Петра Великого. Теперь, если кто-то из гостей

напивался сверх меры или начинал непотребное буйство, в него силой вливали полтора литра крепчайшего коньяка. Смутьян падал как подкошенный. На спор такую дозу мог выдержать только Матвейч, но его на пиру не было. Вообще-то не было ничего такого, о чем бы стоило упомянуть отдельно. Тосты, здравицы, поздравления с возвращением, клятвы в вечной дружбе, приглашения на травлю упырей или участие в осаде пещеры ближайшего людоеда, вплоть до бесплатного вступления в гильдию охотников на ведьм. Все как всегда. Это только на первое время экзотика, привыкаешь очень быстро. Я расслабился, поднялся, вздымая фужер с красным, и наступил на оброненный ломтик бекона... Маленькая неприятность спасла мою жизнь. Потому что я рухнул на пол, здорово хряснувшись копчиком и растянувшись не в самой благородной позе, а в спинку моего дубового кресла влетел тяжелый нож и задрожал, словно от обиды! Все замерли...

– Покушение на ландграфа! – капитанским голосом взревела принцесса Лиона.

Народ опомнился и засуетился. Меня мгновенно прикрыла стража, засверкали мечи, гости подозрительно оглядывали друг друга, а зря... Нож был брошен через большое окно на противоположной стороне зала. Это метров двадцать, чтобы попасть, нужно быть серьезным профессионалом. Интересно... Из размышлений меня вывел грозный глас Его Величества короля Плимутрока:

– Кто посмел покушаться на лорда Скиминока?

Я так неэстетично поскользнулся на проклятой свинине и так крепко приложился копчиком об мраморный пол, что первой мыслью было черное желание попросту убить того, кто это сделал! Однако нож над головой успокоил мои недобрые страсти. Если бы не бекон – мое бездыханное тело было бы пришпилено к креслу, как бабочка на булавке. Близидящие дворяне быстро подняли меня на ноги, стража организовала круговую оборону, а я с трудом вытащил из деревянной спинки длинный клинок. Своеобразное оружие... Великолепный баланс, как ни кинь – обязательно воткнется. Лезвие вытянутое, узкое, с тремя желобками посередине, сталь вороненая, зловещего черного цвета, режущая кромка подобна бритве. Рукоять простая, без украшений, но с одним маленьким фирменным знаком – тисненый рисунок одуванчика. Миленький такой, безобидный цветочек.

– Клеймо наемного убийцы! – напряженно констатировал король, когда мы с его дочерью и зятем заперлись в отдельной комнате. – Я сталкивался с такими. В свое время на их клан устраивали целые облавы и вроде бы всех перебили. Ну, или почти всех... Кто же мог предполагать, что за восемь часов твоего присутствия здесь разгорятся такие страсти?!

– Но мы знаем, что они знают, что он знает, что Раюмсдаль ищет Зубы Ризенкампа! – торопливо выдала Лиона, однако ее муж оказался более рассудительным человеком.

– Кто они? Этот принц малохольный еще и слыхом не слыхивал о том, какой гость к нам пожаловал. А других врагов у него нет. Вроде бы... Слушай, брат, скажи честно – ты тут уже много успел бед наворотить?

– Ну... как сказать... – замялся я. – Да так... ничего особенного. Подумаешь, подрался на базаре...

– С кем?!

– С кришнаитами...

– Хоть трупы убрали? – насупился Его Величество.

– Не было трупов. Я проявил неожиданное милосердие и отпустил всех к чертовой бабушке. Правда, у одного, наверное, зуб шатается...

– Последний? – поддела принцесса.

– Думаю, да... В пиковый момент прилетела Вероника и заколдовала их. То есть она хотела превратить их в жаб, но что-то там напутала. В общем, они так и остались людьми, только вместо человеческих слов у них выходит одно лягушачье кваканье.

– Ну, ландграф... – ошарашенно развел руками Плимутрок I. – Значит, теперь у меня по столице бегают квакающие кришнаиты?!

Мы все переглянулись и едва не повалились на пол от хохота! Это уже нервное... Короля пришлось отпаивать – смех неудержимо рвался из него наружу.

Назад к Лие меня все же сопровождал почетный эскорт из двадцати тяжелых всадников. Князь лично возглавил отряд и доставил ценный груз по месту назначения, сдав меня Веронике с рук на руки.

Не надо быть особо ясновидящим, чтобы понять по философскому лицу юной ведьмы – в доме трагедия. А зная ее деловой характер, смело можно утверждать – трагедия на грани комедии, щедро приправленная фарсом и различными шумовыми эффектами с привлечением всех действующих лиц, включая соседей. Я бросился наверх в гостиную, оттуда раздавались всхлипывания и невнятные бормотания. Вероника скакала через две ступеньки впереди:

– Там все в порядке, милорд! Неужели вы думаете, что я могла!.. Да ни в одном глазу! Стыдно, милорд!

Распахнув дверь, я ахнул... К деревянной кровати была намертво привязана Лия со вздувшимся животом. Выражение лица – самое блаженное. Рядом с тапочками на полу два пустых кувшина из-под валерьянки, запах ни с чем не спутаешь. Еще один, недопитый, стоял поодаль. Светловолосая мученица смотрела на меня по-прежнему мутными голубыми глазами...

– Лия! Девочка моя, что с тобой?!

– Мне-е-е хорошо-о-о, – медленно проблеяла она.

– Милорд! – возмущенно вмешалась длинноногая ведьмочка. – Что это за провокационные вопросы? Вы же сами дали мне четкие указания. Для успокоения нервов я задействовала валерьянку.

– В количестве трех литров?! Ты что, ее в ней утопить решила? – взвыл я, хватаясь за голову. Все! Нет, с этой минуты буду все расписывать до мелочей, иначе она от доброй души кого угодно ухайдакает.

– Лия так волновалась... Ну и... ведь чем больше, тем лучше.

– А к кровати зачем ее привязывать?

– Но, лорд Скиминок! Она выпила всего одну чашку и наотрез отказалась от другой! Мне пришлось ее связать и поить силой. Больные – такой капризный народ...

Я безвольно опустился на табурет. Никаких сил на споры и разборки уже не было. Лия едва подавала признаки жизни. Господи, неужели этот сумасшедший день когда-нибудь кончится? За одни неполные сутки – два сражения с превосходящим врагом, две пьянки, одно неудавшееся покушение!.. Согласитесь, это перебор! Я не затем сюда приехал, чтобы меня с первого взгляда убивали. К чему гнать волну? Я, конечно, все понимаю, у них такие традиции, средневековые страсти, свои привычки, отсутствие цивилизации... Ладно уж – убивайте! Но не по три же раза на день! В прошлые времена было попроще. Тогда мне сразу показали врага и объяснили задачу. А сейчас и знать-то не знаешь, в честь чего на меня так окрысились. И кто? Коли дело дошло до наемных убийц... Интересно, а сколько им платят?

Не думаю, что профессия киллера слишком прибыльна в мире, где каждый сам в состоянии отрубить башку своему недоброжелателю. Хотя как знать... С такими размышлениями я прилег на скамью в углу и мирненько уснул. Юная ведьма стояла на страже у окна, изображая бдительного часового. Ее глаза горели зеленоватым огнем. Нечисть она и есть нечисть! Спокойной ночи...

Кому как... Лично меня бесцеремонно растолкали уже через пару часов. Вероника трагическим шепотом поведала, что в доме подозрительный шум.

– Милорд, это явное покушение. Там внизу кто-то скребется в нашу дверь! Но не волнуйтесь, мы под защитой.

Сумрачный, спросонок, я все же встал, застегнул пояс с мечом и, приказав охранять Лию, спустился вниз в общую залу. Собственно, звуки теперь походили на робкие попытки попросту сломать засов. Странное дело – рукоять Меча Без Имени оставалась холодной. Нет опасности? В пустой зале у главного входа топтались два наших повара и беременная служанка из персонала харчевни. Все были явно перепуганы, мялись с ноги на ногу и, увидев меня, буквально рухнули на колени.

– Спасите нас, милорд!

– Вот сейчас все брошу и буду вас спасать, – кисло пошутил я, берясь за Меч. – Ладно, открывайте дверь – посмотрим, кого к нам занесло.

– Дверь?! – переглянулись они. – Так мы о том и просим, откройте дверь ради Христа!

– Ничего не понимаю...

– Да мы тут уж больше часа толчемся! Вы уж простите за дерзость, а уборная-то во дворе... Не хотели беспокоить вашу милость, но ведь до утра может случиться большая неприятность!

Я толкнул дверь. С равным успехом можно пинать метрополитен. Внутренние засовы отодвинуты; высунув голову в маленькое окошечко в стене, я выяснил, что и снаружи ничего не мешает. Тогда почему она не открывается?

– Здесь дело нечистое, милорд! Помяните мое слово – без колдовства не обошлось, – приплясывая, пояснил повар.

Так, кажется, до меня дошло... Что-то очень похожее на магический купол. К нам никто не войдет, но и от нас, даже по сугубо личному горю, никто не выйдет. Осталось угадать, кто это так позабавился? Таких наверняка не много. Под защитой, говоришь...

– Вероника-а-а!!!

Молчание. Робкие шаги. Неуверенный голос:

– Может быть, не надо, милорд? Ну ладно, я все поправлю...

Вы бы видели, с какой скоростью несчастные мученики ломанулись во двор. Насупившаяся ведьмочка ждала меня у открытого окна рядом с Лиинной кроватью. Она нервно покручивала в руках помело и нетерпеливо постукивала каблуками.

– Такие же проблемы? – ехидно любопытствовал я.

– Лорд Скиминок! Возможно, я в чем-то перебираю. Но моя единственная цель – ваша безопасность! Вы порой так беспечны...

– Крошка, я вроде бы не нанимал телохранителя.

– Все равно ощущение опасности буквально пронизывает воздух. Взгляните, даже луна отсвечивает красным.

– Не городи чепухи!

– Но, милорд! – чуть не плача завопила она. – Что же должно произойти, чтобы вы мне поверили?!

Я хотел было высказать ей все, что я думаю о ней, о ее магии, о ее предчувствиях и о неизбежно грядущих последствиях с моей стороны... но непонятное тепло коснулось моего бедра. Меч Без Имени! В комнате потемнело. Все-таки я здесь недавно... Вероника отреагировала гораздо быстрее. На какое-то мгновение лунный свет в окне перекрыла гибкая черная фигура. Юная ведьма с визгом взмахнула помелом – что-то гулко стукнуло в стену. Силуэт в окне исчез. Я запоздало выхватил меч. Вероника зажгла свечи и демонстративно указала пальцем за мою спину. Надо ли объяснять, что там торчало? Черный нож с клеймом одуванчика.

– Вам надо бежать! – твердо решили мои спутницы за утренним кофе.

Лия выглядела несколько заторможенной, что и неудивительно, если принять во внимание количество выпитой ею валерьянки. Вероника, напротив, была свежа как зорька и бодро разделывалась с завтраком. Лично я больше внимания уделял не мясу, а двум обоюдоострым сувенирам, красующимся на столе. Их идентичность не вызвала сомнений. Итак, в первый раз меня спасла свиная шкурка, во второй – боевое помело практикующей ведьмы-дебютантки. А что будет в третий?

– Вас просто убьют, лорд Скиминок, – философски пожала плечами Вероника. – Наемным убийцам, в отличие от Ризенкампа, не надо соблюдать традиции игры, законы движения, правила боя... Все сойдет на уровне банальной уголовщины. Вы нигде не сможете чувствовать себя в безопасности. Любую еду легко отравить, любой прохожий в рыночной толчее незаметно всадит вам стальную иглу в бок, с любой крыши может упасть кирпич, любой мост шутя обвалится под ногами, любая лошадь...

– Достаточно! – Я уже почти поверил, что все это действительно всерьез. – Чего ты, собственно, от меня хочешь?

– Да! – поддержала Лия. – Чего мы, собственно, хотим? Милорд не может добровольно спрятаться в самом глубоком подземелье у короля Плимутрока. Во-первых, это недостойно ландграфа, во-вторых, это его все равно не спасет. Да и что за жизнь с невозможностью высунуть нос наружу?!

– Ни за что! Я опять намерен всех спасти.

– Вас убьют, – обреченно заладила ведьмочка.

– А как поживает Горгулия Таймс? Давненько мы не встречались... – Я перевел разговор в другое русло и, убедившись, что рассказ о новом Тихом Пристанище может затянуться до обеда, твердо заявил: – Я поеду по гостям. Надо навестить Матвеича, заскочить к де Бразу, проведать Чарльза Ли с сыновьями. Потом еще засвидетельствовать почтение королеве Локхайма и полетать на Кролике. Попутно я займусь Раюмсдалем, выясню, что он там понапридумывал с зубами. Но сначала...

В дверь постучали. Вошедший рыцарь носил цвета и герб королевского дома.

– Покушение на Его Величество, доброго государя Плимутрока I.

– Кто?! – хором спросили мы.

– Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир!

Спустя час мы с Лией были во дворце. Веронику я отправил в Тихое Пристанище за Горгулией Таймс. Опытная ведьма была отличным лекарем и могла оказаться полезной. Народ на улицах волновался, все уважали короля. К тому же подлое убийство

представителями мирной секты вызывало большее негодование, чем смерть в честном бою или даже в результате дворцовых интриг. В самом дворце ощущалась подозрительная нервозность. Стража встретила меня напряженно, некоторые рыцари, мрачно поглядывая, вслух выражали недоумение поступком моего оруженосца. Им плевать, что мы с Жаном почти год не виделись. Раз он был моим оруженосцем и я не освободил его от прямых обязанностей, то мне и отвечать за все произошедшее. Не лишено логики... Хотя и не справедливо. А черт с ними со всеми – где король?

– Не ходи к нему, друже, – остановил меня князь. – Плох он. Вроде уснул, кровь знахарь остановил, но рана не закрывается.

– Злобыня, ты ведь понимаешь, что здесь не все так просто. Бульдозер не мог ни с того ни с сего напасть на своего государя.

– Не ведаю... Если бы сам того не видел, то и не поверил бы. Слышь-ко, мы тут все вознамерились к тебе заглянуть. Как устроился, то да се, мало ли? Лиону не взяли, чего ей с брюхом-то в седле трястись. А как через рынок ехали, глядь – кришнаиты из переулочка ползут. Все как всегда, в барабаны бьют, лопочут про Хари, Хари, ничего такого... Кто ж знал?!

– Ну, не тяни!

– Не нукай князю! – вспыхнул было Злобыня, но тут же взял себя в руки: – Прости, брат, совсем голову потерял, уж и на тебя голос зависил. Стукни разок, успокой душу, Христом Богом прошу!

Зная мнительный характер сурового воина, я от души шибанул его в грудь. Князь удержался на ногах. Судя по улыбке, ему полегчало.

– Благодарствую, руку ландграфа завсегда чувствую. Не каждому рыцарю чета!

– Хватит драться, рассказывайте дальше, – пискнула Лия.

– Что же дальше? Как поравнялись мы с ними, ваш парень-то и выпрыгни вперед. Двух стражей сбил да королю нож под ребро. Пока шум да дело – он и ушел. Так прочие с ним же. Тестя моего только кольчуга и спасла, удержала сталь. Однако ж силища у Жана твоего немереная – он нож вместе с кольчугой так в тело и вогнал!

– А черт! Лия, заткни уши – мне надо выругаться!

– Ищем мы их. Как сквозь землю провалились.

Паршивое происшествие... Я не мог поверить, что Бульдозер решился на такое. Однако, если его найдут прежде меня, то парня четвертуют за милую душу и кто-то крепко нагреет руки на этом деле. Эх, Жан, Жан! Как же я не вытащил тебя сразу! Волны тихой ярости начали захлестывать сознание. Сначала Лия, потом я, потом король, а под судом – Бульдозер, как все гладко. Не слишком ли, Хари Кришна?

– Я сам его найду. Я своими руками приведу его сюда и сдам под арест, а там пусть прокурор решает. Злобыня, будь другом, отдай приказ, чтобы его не трогали. Доверь это темное дело мне.

– И мне, и мне! – подпрыгивая, заверещала моя светлоголовая спутница. – Мы с милордом его быстро поймем и сразу разберемся, что к чему. Ну, пожалуйста!

– Будь по-твоему, ландграф! – Князь мягко хлопнул меня по плечу и, наклонившись к уху, добавил: – Ищи его за городом, внутри-то уж точно нет. Народ, поди, все закоулки обшарил. Я-то и сам не пойму, где здесь правда, а где кривда. Вот, глянь! – Он достал из-за пазухи тряпицу, развернул, на красной ткани тускло блестело треугольное лезвие ножа.

– Зуб! – опознали мы с Лией.

Похоже, хоть иногда я должен объяснять несведущим непонятные места. Ну, что сказать... А почему бы кому-то не объяснить эти непонятности мне?! Кришнаиты не убивают людей, но они уже не раз пытались это сделать. Жан не мог злоумышлять против Плимутрока, но именно он совершил это преступление. Я никому особо не напакостил, но два черных ножа с отметкой одуванчика уже побывали в деле. От «зубов» меня скоро тошнить начнет. Надо срочно отыскать Матвеича или Танитриэль, только они способны уточнить расстановку фишек. Без этого я играть не согласен.

В общем, нам быстро оседлали коней, и мы с Лией пустились в путь. Бульдозера следовало найти до вечера, так что в дальнюю дорогу мы не готовились. Когда-нибудь я стану опытным и прозорливым...

– Милорд! Как все же замечательно, что вы приехали! Вы скучали по мне?

– Угу, каждую свободную минуту.

– Я серьезно, – надулась она.

Мы неторопливо рысили по лесной дороге, моя спутница почему-то решила, что кришнаиты сбежали именно в этом направлении. Я не Бог весть какой следопыт, но почему бы и нет? Чем этот путь хуже любого другого? Вполне может оказаться, что они и вправду сюда свернули.

– Если серьезно, то, конечно, скучал. Мне вас очень не хватало, там, в моем мире.

– Так оставайтесь!

– Увы, подружка... Меня отпустили минут на десять до чая, а я и так здорово задерживаюсь. Вот найдем Жана – вернусь домой.

– А зубы?! А Раюмсдаль?

– Лия, не нервируй меня! Еще один вопрос о зубах – и я тебя укушу.

– Разбойники!

Могла бы и не орать. Что такого, собственно, произошло? Козе понятно, что разбойники. Это и невооруженным глазом видно. Странно разве что их присутствие здесь, в непосредственной близости от столицы. Куда милиция смотрит? Поперек дороги выстроились шестеро типов, судя по мордам – все из колонии строгого режима. В руках дубины, в глазах злобная радость, одеты во что попало, фигуры колоритные, особых примет – завались! Меч Без Имени тихо нагревался, значит, у меня есть около двух минут на переговоры. Поиграем в дипломатию...

– Всем привет! А что, ребята, погода сегодня высший класс! Вы тут случайно не встречали толпу кришнаитов с таким здоровым парнем посередине?

– Слезай с коня, рыцарь. Мы тебя грабить будем! – Из нападающих выдвинулся один, рыжий. Демонстративно помахав дубиной, он дружелюбно продолжил: – С полчаса назад за рошу ушли, так что там их и ищите.

– Спасибо, выручили. – Мы было тронули поводья, но разбойники не оценили нашей прыти.

Дубины взвились в воздух, и атмосфера заметно накалилась.

– Мужики, ну че вы в самом деле?! На опохмелку не хватает? Попросите по-людски, я вам добавлю. Лия, отсыпь им на поллитру.

– Глупые скоты! – Все, после этих слов любые шансы мирного урегулирования были сведены к нулю. – Мой господин – сам благородный лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени!

Криво улыбаясь, я приветственно помахал рукой. Оваций не последовало...

– Он страшен во гневе, и шесть вислоухих кретинов не помеха на его пути. Прочь с дороги! Иначе через минуту нам предстоит шесть раз замаливать нарушение заповеди «Не убий!».

Мужички просто осатанели к концу ее тирады. Меч Без Имени рвался в руки. Я спрыгнул с седла и, будучи сразу же атакован тремя дубинами, начал маневрировать. То есть попросту убегать и суетиться. Я не герой, не бешеный патриот Соединенного королевства, мне совсем не улыбается возрождаться в рыцарских балладах.

– Гаси его, парни! Видели мы таких липовых ландграфов! – Еще двое включились в догонялки.

– Милорд, я спасу вас! – грозно зарычала Лия, скатываясь с лошади в кусты.

Ее вытащил за шиворот горилообразный тип, но лучше бы он этого не делал. Моя спутница резко саданула его сапожком в колено, сунула кулачком по ребрам, закатала локотком в переносицу и довершила мордобой красивой подножкой, приложив нападающего затылком к дубу. Он нас больше не беспокоил. Да, девчонка все знания ловит на лету, а я-то полагал, что она и не обращала внимания на наши занятия с Жаном. Тут меня зацепил какой-то ретивый боевик! Здорово зацепил – прямо по боку. Лия так завизжала! Все на мгновение замерли, и у меня было время перевести дыхание.

– Не валяйте дурака, милорд! Они же вас изувечат!

Не лишено логики... Нельзя забывать о том, в каком времени находишься. Все, я обиделся! Казалось, боевая злость передалась и Мечу. Серебристое лезвие крошило дубины, как крабовые палочки. Вскоре ошарашенные разбойники отступили, держа в руках короткие обрезки не длиннее карандаша. Соотношение сил изменилось в нашу пользу, хотя Злобыня, например, этого бы не одобрил. Князь наверняка попросту поубивал бы всех, не тратя усилий на обезоруживание врага.

– Ну, что теперь?! Времени у меня в обрез, а то непременно сдал бы всю вашу гнусную шайку в руки городской стражи. Королевская тюрьма быстро наставляет на истинный путь.

– Слишком много чести! Лучше без суеты отрубите им головы, милорд.

Бандиты присели, а потом дружно бухнулись мне в ноги, вопя о пощаде.

– Лия, я на тебя сегодня намордник одену! Быстро веди лошадей, нам уже в погоню пора. Да, и пока не забыл, дай им монетку. Я славно поразмял кости. Дай, дай, не скупись! Они заслужили.

Господи, наставь меня на ум-разум! Ну, когда же я, недалекий, наконец пойму, что в этой стране, с этими людьми НЕЛЬЗЯ ПО-ХОРОШЕМУ!!! Сразу же после моей миротворческой тирады в ближайшее дерево за моей спиной вцепилась короткая арбалетная стрела. Их еще называют болтами и куют из хорошей стали, чтобы на расстоянии в сто шагов насквозь прошивать рыцарские доспехи. Клетчатая рубашка да фиолетовый плащ королевы Танитриэль – паршивая замена латам. Возможно, я побледнел.

– Это Кривой, – торопливо пояснил рыжий. – Он у нас малость того... туго соображает. Кривой! Бросай стрельбу, нас помиловали. Этот господин и вправду живой ландграф!

Из кустов высунулась не улыбающаяся физиономия. Новый арбалетный болт смотрел мне в грудь. Лия замерла в седле и лишь по шевелящимся губам я смог разобрать:

– Боже, Боже, Боже... Спаси милорда!

Меж тем кривой на один глаз бандит не собирался опускать оружие.

– Что развалились, лентяи?! Забирайте коней и девчонку. Если рыцарь пошевелится, я

влеплю стрелу в его благородную глотку.

– Слушай, Рембо! – У меня тоже что-то перемкнуло в голове. – Или ты быстро уберешься со своим дурацким минометом, или я действительно рассержусь!

– Видишь это?! – Он тихо рассмеялся и выудил из-за пазухи металлический предмет.

Что-то до боли знакомое... Где же я это видел?

– Волчий Коготь! – ахнула моя спутница.

Вот уж действительно на грани невозможного: железный протез в виде искусно выкованной звериной лапы! Кто бы мог подумать? Банды Волчьего Когтя давно нет и в помине, и если бы не я лично приложил к этому руку...

– В прежние времена этим владел один известный разбойник. Я убил его! В честном бою! Мы дрались с утра до вечера, все три дня. Вот когда наконец его сила выдохлась...

– Ну, ты и брехло! – праведно возопил я, подпрыгивая от возмущения. – Да, мы с Лией и Бульдозером громили его кодлу еще год назад!

– Это ложь!

– Это истинная правда!

– Мы же говорили, Кривой, – загомонили остальные разбойники, – Волчьего Когтя убил прошлый ландграф, а ты просто где-то откопал трофей!

– Ага! Труссы! Так вы все за него?! – совершенно сумасшедшим голосом взревел одноглазый лиходея. – Ну, так вот же вашему герою!..

Он вскинул арбалет к плечу и без звука рухнул навзничь. Все вздрогнули. Меж лопаток негодя торчал черный нож с клеймом одуванчика. Третий...

Мы уехали молча. Нам никто не препятствовал. Разбойнички при виде черного ножа наемного убийцы резко впали в апатию. В том смысле, что печально удалились не попрощавшись, мы их тоже не останавливали. Мысль о том, чтобы забрать с собой оружие убийства, никого не прельстила. Лично для меня в этом деле было много непонятного. Казалось, если только я найду время без суматохи подумать, то сразу же отыщется решение. Оно где-то рядом, на поверхности.

За рощей началось мелколесье, там и вправду мелькали знакомые оранжевые тоги. Рассуждения кончились. Наши кони несли нас вперед, Меч Без Имени предчувствовал новую схватку. Вот неумная железяка! Неужели непонятно, что как раз сегодня я не намерен никого убивать?! Нет, нет, все! Оставляю розовые облака, опускаюсь на грешную землю. Я же в средневековье. Тут все иначе. Или трус, или герой. Если трус, то тебя убьют. Если не хочешь, то будь героем и убивай сам. Чем больше укукошишь, тем выше твой социальный статус в глазах общественности. Таков мир – пацифистов здесь не жалуют.

– Милорд, мы будем их бить?

– Сложный вопрос...

– Так я и думала! Вы опять начнете с переговоров. – Моя спутница возмущенно зафыркала на скаку. – Такой день, такая погода, если я хоть кого-нибудь не убью, то просто сойду с ума от разочарования!

– Лия?! Ты ли это? Мы не виделись около года, а у тебя уже развились серьезные маниакальные наклонности. Какая муха тебя укусила?

– Я мирное и застенчивое существо. Но эти Хари Кришны меня, грубо говоря, достали!!!

– Ну, раз пошла такая пьянка... Гасим всех по лбу, Бульдозера в плен. Бросай его поперек седла и дуй в город. Я прикрою отход пулеметным огнем, брошу пару гранат и здорово

задержу погоню.

Как вы думаете, чья задача была сложнее? А вот и не угадали! Самая трудная задачка досталась кришнаитам – от нас же нет спасения!

Дело было так. Они нас, естественно, заметили. Попробуйте не заметить двух ретивых всадников, несущихся на вас во весь опор и вопящих, как оголтелые! К тому времени, когда наши кони врезались в их ряды, кришнаиты успели перегруппироваться и встретили нас самым организованным отпором. Палки, ножи, цепи и камни засвистели в воздухе, а ведь мои ребра еще не перестали ныть от разбойничьей дубины. Лию стащили с седла в первую же минуту. Меч Без Имени начал собирать свою кровавую жатву, и я ему не препятствовал. Помню, что несколько бритоголовых сгрудились вокруг Жана, не переставая усердно молиться, а прочие по технике ведения боевых действий больше походили на опытных солдат, чем на безобидных дятлов с желтыми барабанами. Схватка была не слишком долгой. Все-таки я не великий воин... Чья-то цепь захлестнула мне горло. Потом мой конь, хрипя, стал заваливаться на бок. Потом я с остервенением отмахивался мечом от нападающих врагов. Потом... все. Из меня выдавили воздух, и кто-то не шибко умный упорно ломал свой посох о голову бедного ландграфа.

Возвращение сознания оказалось процессом долгим и мучительным. Болело все. Я никогда не подозревал, что у человека столько болевых окончаний. Наверно, меня и вправду здорово побили. Они привязали нас к дереву, чтобы мы не упали. Не знаю, как там моя светловолосая спутница, мне не было ее видно. Во всех сказках героев обязательно ловят в плен. Иногда их сразу спасают добрые феи (ни одной такой, в розовом, с волшебной палочкой, здесь не видел). Иногда они сидят в сырой темнице по двадцать лет и их тайно кормят дальновидные принцессы (что ж, меня отвяжут по достижении пенсионного возраста?). Иногда... Господи, с чего это я так расфилософствовался?!

– Он что-нибудь знает?

– Ква!

– Я спрашиваю: он знает что-нибудь о нашей миссии?! – Какой противный голос у этого типа. Жаль, мне его не видно – кровь залила пол-лица, и трудно разлепить залитые глаза. Что он имел в виду под словом «миссия»?

– Человек, называющий себя ландграфом, действительно носит Меч Без Имени. Внешне он и вправду очень похож на лорда Скиминока. Скорее всего, он ничего не знает, но все равно уже дважды расстраивал наши планы. Кроме того, ему помогает юная ведьма и девочка-паж. Раньше их видели в услужении у тринадцатого ландграфа. Он пытался отбить нашего новообращенного брата, послужившего святым орудием возмездия.

– Ну и?... – раздраженно перебил первый голос.

– Кто бы он ни был, не стоит оставлять лишнего свидетеля. Слишком много совпадений. Мы не можем повторять ошибки прежнего властелина Локхайма. – Голос этого логика был чуть суше, но так же не ласкал ухо. – Вспомните, что говорил покойный: «Нельзя оставлять жизнь ландграфу Меча Без Имени!»

Паршивое дело... Между прочим, архивисты хреновы, это говорил не Ризенкампф, а его папа. Достойный сын просто стибрил отцовскую присказку.

– Приведите его в чувство! – приказал первый.

Мне плеснули в лицо водой, оранжевой тряпкой отерли кровь. Лию тоже умыли – я слышал тихие ругательства с противоположной стороны дерева. Итак, моему мутному взору открылась милая картинка. Вокруг стоят десять кришнаитов, поигрывая ножами. Рядом со

мной – еще двое с лицами, прикрытыми капюшонами, у одного на поясе уже висит мой меч. Неподалеку Бульдозер медитирует на ромашке, похоже, ему нет до нас ни малейшего дела. В небесах, сколько видно, никого. Значит, Вероника неоправданно задерживается. Если прилетит через часок, то как раз успеет на похороны. За кустиками рядом лежат пять убежденных трупов. Еще у троих с ножиками ранения разной степени тяжести. Для начала очень неплохо, я могу собой гордиться. Какое-то время. Очень недолгое.

– Убейте его.

– Убери железку, идиот! – возмутился я, как только ко мне рванулся ярый приверженец благословенного Кришны. – Вы что, с ума посходили?! Это, значит, самая миролюбивая религия?! Вас и так везде ищут. Не пройдет и часа, как ратники князя нападут на ваш след, а они редко церемонятся с террористами. Давайте придем к компромиссу. Верните нам Жана, и мы забудем, в какую сторону вы ушли.

– Все в руках Кришны, – равнодушно ответил первый. – Мы не дорожим земной брэнностью, но ты умрешь первым.

– Ладно. А как насчет последнего желания? – В свое время я лихо разыграл подобную партию с Волчьим Когтем. Почему-то здесь эта афера не сработала.

– Жизнь и смерть, земля и небо, дождь и зной – все от бога Кришны. Бессмысленно роптать на Вечность, глупо спорить с Бесконечностью, наивно желать или не желать того, что не в твоих силах.

– Но я еще не настолько проникся светлым духом вашей религии... – Энтузиаст с ножом вновь замахнулся, и мне пришлось уже просто вопить: – Хоть попрощаться дайте! Ни стыда у вас, ни совести!

– Хорошо, – хихикнули те двое, что в капюшонах. – Отвяжите девчонку и его тоже. Кришна велит принимать людей такими, какие они есть.

Нас отмотали от дерева, предусмотрительно связав руки за спиной. Ну, это скорее для приличия, в таком состоянии мне только драться... Они все понимали. Мы двинулись к Бульдозеру. Кришнаиты расселись вокруг, радуясь короткому представлению. Комедия началась.

– Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир! Я всегда знал тебя как труса и негодяя. Но я не думал, что ты настолько сдвинешься на вере, что окончательно забудешь о своих обязанностях. Где мой меч?!

– Странно вы прощаетесь, – подозрительно сощурились кришнаиты.

– А... ну... в смысле, Жан – я тебе все прощаю! Но как же твоя рыцарская честь, чувство долга, обязанности оруженосца?

– Все это тщета, – неуверенно ответил он, даже не отреагировав на пинок, который я таки умудрился ему отвесить.

Меня оттолкнули. Лия успела подставить плечо, и я не упал. Ничего не вышло, положение паршивей некуда.

– Девчонка, прощайся побыстрее. Ритм Вечности не изменить несколькими слезливыми словами, но мы торопимся.

– Я скажу... Я ему все скажу! – зарычала Лия.

Вот тут-то меня и осенило! Снизошло! Озарило, можно сказать! Это не гипноз и не охмурение, а вся банда не настоящие кришнаиты. Бандюги они – вот они кто! Гипноз, экстрасенсорное воздействие, соответствующая музыка, ароматические дымы и давление на карму – все эти штучки из моего мира. Не из ихнего! У них такого вообще нет, они и слов-то

таких не знают. Тут все гораздо проще! Магия! Жан всего лишь заколдован! И наверняка не слишком сложным заклинанием. Дай Бог памяти, как же в сказках расколдовывали зачарованных рыцарей? Должно же быть что-то предельно простое и функциональное! Мысли пронеслись с сумасшедшей скоростью...

– Лия! Поцелуй его.

– Чего?!

– Поцелуй его! – сквозь зубы приказал я – времени на объяснения и споры попросту не было.

Но какое все же выразительное у нее лицо... Если все прочтешь – сам застрелишься!

– Лия!

Моя спутница одарила меня взглядом Медузы Горгоны.

– Конечно. Вы мой господин, вам все можно, но толкать меня на такое...

Я тоже на нее посмотрел, как Ленин на буржуазию. Подействовало! Она решительно шагнула навстречу к безразличному Бульдозеру и, неожиданно подпрыгнув, чмокнула его в щеку. Мне показалось, что грянул гром, земля дрогнула, деревья покачнулись! В воздухе явственно запахло серой. Уже по испуганным мордам наших противников я понял, что произошло невероятное! В глазах трусливого рыцаря появился интерес к жизни. Передо мной снова стоял мой родной, верный Жан. Слава тебе на лысину!

– Лия?! Как давно я тебя не видел! Где ты пропадала? – сбивчиво забормотал он, а потом перевел взгляд на меня: – Милорд! Вы вернулись?!

– Не он это! Не он! Хари Кришна! – наперебой завопили кришнаиты. Почуяли паразиты смертный час, то-то...

– Лорд Скиминок, а почему вы связаны? – продолжал задавать идиотские вопросы мой оруженосец. Это от смущения, обычно он быстрее соображает.

– Подай мне мой меч! – грозно завопил, я не размениваясь на объяснения. Вдруг не успеет, вон тот паршивец с хвостиком опять хватается за ножик...

– Но он у них!

– Так пойд и отними, дубина!

Кришнаиты бросились ко мне, размахивая финками. Могучая спина Бульдозера закрыла панораму битвы, но я и не волновался. Он так испугался моего сурового гнева, что вмешиваться не стоило. Надо же дать парню возможность загладить проступок. Их было немногим больше десятка... Нет, братцы мои, нет! Не таким количеством врагов надо останавливать рыцаря, получившего золотые шпоры за Ристайльскую битву. Уже через пару минут он рвал на мне веревки. Кришнаиты валялись вокруг, как поломанные куклы. Мы наконец-то обнялись в честь встречи.

– Может быть, господа мужчины соблаговолят развязать одинокую, беззащитную и всеми забытую даму?

Мы опомнились. Нам стало стыдно.

– Лорд Скиминок, – осторожно прищурился мой вновь приобретенный оруженосец, – как вы думаете, если я ее развяжу, она станет драться?

– Запросто, – поразмыслив, решил я.

– Конечно, стану! Чтобы меня прилюдно заставить целовать этого лоботряса, а потом еще и не драться! Как же моя поруганная девичья честь?!

– А? – По-моему, мы с Бульдозером одновременно раскрыли рты.

Лия нахально присела на пенек, не сводя с нас строгого взгляда. Побитые кришнаиты

благоразумно не подавали признаков жизни.

– Это когда же он успел надругаться над твоей честью?! – первым опомнился я. Сознание заволоч туман, и в ту минуту жизнь трусливого рыцаря висела на волоске. Бедный Жан чуть не задохнулся. Прямо какой-то бритый кит, выброшенный на сушу...

– М-мило-рд... Это не я... Я не это! Лия, что ты несешь, побойся Бога!

– Ну, может, я слишком сильно выразилась, – пожалала плечами моя голубоглазая спутница. – Признаться откровенно, ничего такого он себе не позволял. Да только подумал бы... Но взгляните на проблему с другой стороны – вы публично заставляете меня целовать эту орясину. Пойдут слухи, сплетни, разговоры. Паж благородного ландграфа заигрывает с его же оруженосцем при полном одобрении своего господина!

– Ну и что?

– Это неприлично. Меня перестанут пускать в высокое общество.

– В какое высокое?

– К королю, например. Может, лично для вас он уже и не величина, но я более уважительно отношусь к монаршим особам.

– Хорошо. – Я на все махнул рукой. – Что ты предлагаешь?

– Пусть он поступит как честный человек!

Жан первым догадался, что это значит, и кротко упал в обморок...

Минут через двадцать нас нашел конный разъезд ратников Злобыни Никитича. Все вместе мы повязали сдавшихся кришнаитов, с особой тщательностью тех главенствующих типов в капюшонах. Потом погрузили на лошадей трупы и вернулись в город. Нас встречали шумом и аплодисментами. Я устал... Наскоро переговорил с князем, передал ему с рук на руки потерянного Бульдозера, предупредив, что прослежу за его судьбой. После чего мы с Лией вернулись в ее дом и просто рухнули спать. Я бессовестно дрых весь вечер, ночь, а когда встал, солнце уже катилось к зениту. Мы наскоро позавтракали.

Я было решил еще малость отдохнуть, но тут в комнату с вежливым стуком вошла печальная Вероника. Следом скользнула Лия в костюмчике пажа, с подстриженными волосами, держа в руках поднос с вином, вареньем и пышущими оладьями на десерт.

– Докладывай, – разрешил я, цапнув первую оладушку.

Юная ведьма кивнула и, отказавшись от сладкого, пунктуально обрисовала обстановку:

– Король при смерти. Мисс Горгулия не отходит от его постели, палкой разгоняя духовников и докторов, слетевшихся в ожидании похорон. Принцесса Лиона приказала упечь Бульдозера в тюрьму, по-видимому завтра его обезглавят. – Я едва не поперхнулся горячим тестом. – Князь в подземелье выбивает сведения из плененных кришнаитов. Пока безрезультатно, из них нельзя выдать ничего кроме «Хари Кришна». Горожане в опасном неведении. Городской совет не говорит ничего, они и сами мало что понимают. Трое баронов подняли мятежи на окраинах и заявили о своих древних правах на престол. Если король умрет, то до рождения его прямого внука вполне можно попытаться захватить трон. В народе ходят упорные слухи о возмездии за гибель Ризенкампа. Тающий Город еще не возвратился с севера, а известий от королевы Танитриэль подозрительно долго нет. Рыцарство на грани раскола. Ваш неожиданный поступок поставил под сомнение некоторые пункты их кодекса Благородства.

– Ну, это меня сейчас меньше всего волнует. Я поеду к Лионе и потребую освободить Жана.

– Его не отпускают.

– Но он должен жениться! – неловко пошутила Лия, после чего подавилась собственным же хихиканьем под нашими мрачными взглядами.

Некоторое время все молчали. Как же все плохо...

– Вероника, а чего я там особенно нарушил?

– Честно говоря, вопрос действительно скользкий. С одной стороны, вы, как верный вассал, выполнили свой долг, поймав преступника, покушавшегося на жизнь короля. И сделали это с полным самопожертвованием, не считаясь с личными симпатиями и антипатиями. Но с другой стороны... Он ведь ваш оруженосец, и вы бросили в лапы закона своего младшего друга, за которого несете особую ответственность. Теперь все спорят! Кто говорит, что вы поступили как честный рыцарь, поборник справедливости. Кто утверждает, что вы могли бы и сами разобраться со своим подчиненным, вместо того чтоб собственноручно отдавать его палачу. А иные твердят, что вам вообще требовалось проявить великодушие и отказаться от погони, как лицу заинтересованному. Мнений много...

Я отодвинул тарелку. Есть расхотелось. Ах, черт! До чего же все нескладно. Самое обидное, что девчонка во многом права, и те, кто меня осуждает, тоже. Я не имел права так поступать с бедным Бульдозером. Чего бы он ни натворил – он мой друг. Надо сейчас же сбегать во дворец и разобраться с этим делом. Законы законами, но не думаю, что князь мне откажет. Злобыня и обман – суть вещи несовместные. Вот с принцессой, возможно, придется потуже. Чего у нее сроду не было, так это хоть капли здравого рассудка. Зато прочих жидкостей в избытке, особенно слюны и желчи.

– Лия, Вероника – все за мной! У нас срочное дело к Ее Высочеству Лионе.

– Милорд! – решительно загородила дверь суровая практикантка. – На улицах беспокойно. Вас уже пытались убить. В такой толпе любой наемник запустит вам шило в бок.

– Бульдозер мне дороже! – Я подхватил Меч Без Имени, но внизу раздался голос служанки:

– Госпожа Лия! Тут нарочный от князя к господину ландграфу.

Мы спустились в гостиную. Там стоял запыхавшийся ратник из дружины Злобыни. Судя по его глазам, случилось непоправимое.

– Седлай коня, ландграф. Меня князь тайком послал. Парня твоего на казнь ведут!

– Что?! – заорали мы все хором.

– Дело-то, вишь какое, политическое! Народ требует казнить убийцу, а все видели, кто убил. Лиона говорит, дескать, надо бросить кость собакам. Князь и рад помочь, да нечем. Покушение на короля! Не хухры-мухры. Тут уж бедолаге башку с плеч и срубят!

– Это конец, милорд, – еле слышно прошептала Лия. – Его не спасет даже вмешательство церкви.

– Лорд Скиминок, не делайте такое страшное лицо! – взмолилась Вероника. – Вы ведь не можете отбить его при всех у стражи, войска, рыцарства, народа и праведного суда.

– И в голову не бери! – поддержал русич. – Но долг твой – проводить друга в путь последний.

– Я ландграф?! – Как от моего рева стекла не вылетели, ума не приложу.

В шумной зале повисла такая тишина... Все пригнулись.

– Ландграф, – пискнула Лия.

– Тогда – по коням!

Как мы скакали! Ветер резал легкие, кровь стучала в виски, а стук копыт торопил бешеный ритм сердца. Казалось, все мысли слились в одно короткое имя – Жан! Жан, Жан, Жан... Я не дам им его казнить. Мне плевать на их законы. Бульдозер был заколдован, он ни в чем не виноват. Я никому не позволю. За моей спиной сидела Лия, безостановочно повторяя:

– Ну, наконец-то. Вот оно и началось. Вы ведь им покажете? Покажете, да?!

Ратник держался слева на полкорпуса впереди, тоже ворча что-то вроде:

– Вот и ладушки! А то что ж... Так нельзя! Иначе что ж...

Юная ведьма неслась на помеле чуть позади, завывая не хуже чукотского шамана на генеральной репетиции. В комплексе все это создавало эффект решительной оперативной группы, летящей по вызову с включенной сиреной. Прохожие привычно уворачивались из-под копыт, но пробиться к дворцовой площади верхами не удалось – слишком много народу там набилось. Сейчас я вспоминаю свое поведение с чувством глубокого стыда. Обычно такое хамство мне не свойственно. Мы пробивались через ряды горожан, ни разу не унижившись до просьбы пропустить. Русич охотно раздавал оплеухи всем, кто лишь дерзал возмущаться, а от моего зверского лица народ просто шарахался. Когда мы прорвались к эшафоту, окруженному двойным кольцом бронированной гвардии, главный судья дочитывал приговор, широкоплечий палач поигрывал топором, а мой оруженосец уже стоял на коленях перед плахой.

– Кто выражает сомнения в вине этого преступника и справедливости нашего суда, тот...

– Я! Я требую свободы для моего друга!

Площадь замерла. Молчание было напряженным и взрывоопасным, я чувствовал, что меня никто не поддерживает. Чихать! Это их проблемы! Меч Без Имени влетел в мою ладонь крайне самостоятельно. Ближайший рыцарь медленно поднял двуручный меч и неуверенно рубанул сплеча. Встретившись с моим клинком, его кованая сталь разлетелась вдребезги. Хотите драться? Отлично! Будь по-вашему.

– Остановись, ландграф!

Воины короля, обнажив оружие, взяли нас в кольцо. Рыжебородый ратник князя завертел над головой боевым топором. Вероника выудила откуда-то из-за пазухи тройку небольших шаровых молний и с опасной небрежностью жонглировала ими в воздухе. Мы были готовы на все, только Лия куда-то исчезла.

– Остановись, ландграф! – еще раз прогремел знакомый голос.

Между нами и стражей встал Злобыня Никитич. Князь демонстративно скинул парчовый кафтан, показав тонкую шелковую рубашку и полное отсутствие доспехов. Оружия при нем не было. Ворот расстегнут, обнажая могучую шею и волосатую грудь. Глаза Злобыни были полны боли и сострадания.

– Что ж, брат, хочешь рубить? Секи меня.

– Злобыня, уйди! Вы его не тронете. Я все равно пройду, не стоит усложнять мне дорогу трупами.

– Тогда рази меня первым. Тебе его все одно не спасти. Только голову сложишь!

Все. Он прав. Я никогда не смогу поднять руку на своего друга. Но как тогда Жан...

– Эгей, Бульдозер!

– Да, милорд! – Он удивленно приподнял голову от плахи.

Похоже, парень уже почти перешел в иной мир, его лицо было таким же белым, как и

нижняя рубашка.

– Не волнуйся, я ведь здесь! Я обязательно тебя спасу!

– Как? – тронула меня за рукав Вероника.

– Что-нибудь придумаю...

Палач вновь положил тяжелую руку на плечо моего оруженосца, и я потерял голову. Меч Без Имени взлетел над князем...

– Не надо, милорд! Я согласна!!!

Лия! Девочка моя, что ты делаешь? Это же опасно! Я не хочу терять двоих друзей сразу. Почему все поступают как им заблагорассудится и никто не подумает обо мне? Эгоисты! Меч Без Имени ткнулся клинком в мостовую. Злобыня обнял меня за плечи, успокаивающе встряхнул и повел к эшафоту. Казнь затягивалась, моя соратница что-то яростно втолковывала судье. Тот какое-то время брыкался, потом прекратил бессмысленный спор, швырнул свою шапочку наземь и, базарно ругаясь, ушел с помоста. Лия вскочила на плаху и тоненьким, срывающимся голосом завопила на всю площадь:

– Я беру его в мужья!

Площадь недоуменно смолкла. Толпа не любит, когда у нее отнимают игрушку. Тогда князь, как представитель власти, первым поднялся на эшафот и переговорил с народом:

– Права девчушка! Есть такой древний обычай – если какая невинная девица пожелает взять в мужья преступника, то препятствий ей не чинить! Пусть она добровольным замужеством со злодеем и его, и свою душу спасет. Это уж как будто сама Богородица их пресвятым покровом накрыла. Венчать обоих сей же час, да не вредить ни словом, ни делом!

В толпе недовольно заворчали, но мы с Вероникой уже развязывали Бульдозера. Палач что-то забормотал о своей неоплаченной работе, дескать, не дело отбивать у него хлеб. Юная ведьма быстро и доходчиво объяснила ему, что при повторной претензии он будет превращен в жабу и сможет счастливо доживать свой век в болоте, питаясь комарами, а их ему по гроб жизни хватит! Палач подумал и умолк. Меж тем Злобыня Никитич поднял руку, обращаясь лично ко мне:

– Тяжела твоя вина, ландграф! Не след такому герою против воли народной идти. Не для того тебе Меч Без Имени даден, чтоб им злодеев от кары справедливой спасать. Ну, да все в руках Божьих... Забирай своего парня. Жени его. А в наказание велю – завтра на утренней заре покинуть город и доколе государь наш Плимутрок не простит тебя, не возвращаться!

Кое-кто даже заплодировал. Князь тихо улыбнулся в усы и подмигнул. Что ж, спасибо, друже. Мы и вправду чертовски легко отделались. Начнись драка – толпа просто затоптала бы меня, невзирая на былые заслуги. Вот и совершай им подвиги после этого. Нас окружила конная стража и с почетом отконвоировала в ближайшую церковь. Все понимали, что при малейшем намеке на неискренность и Лию, и Жана, и меня с Вероникой попросту разорвут. Вот партизанка. Вспомнила же какой-то обычай, им уж поди лет сто никто не пользуется. Наверное, в книжках вычитала. Ну, крошка, теперь выходи замуж, иначе парня казнят. Моя спутница, похоже, надеялась как-то улизнуть. Дудки!

– Милорд, я передумала, – драматическим шепотом просигналила она.

– Поздно. Делай счастливое лицо и улыбайся. Ты невеста, у тебя такой праздник...

– Милорд, – не менее испуганно загудел Жан, – я не хочу на ней жениться. Я еще так молод...

– Раньше думать надо было. Да улыбайтесь же вы оба, идиоты! На вас все смотрят.

- Я только хотела его спасти!
- Мы с ней разного сословия!
- Он же ничего не смыслит в хозяйстве!
- Я с ней один на ночь не останусь!
- У меня и без его белья хлопот хватает!
- Папа этого не переживет!
- А стирка опять на мне?!
- Милорд, вам что, нас совсем не жалко! – тихо заскулили оба, видя, что я не обращаю

на их стенания никакого внимания.

Я был занят. Широко улыбался страже, приветственно помахивал ручкой народу, неприлично подмигивал священнику и крепко держал за шиворот Веронику, еще устроит праздничный фейерверк прямо в храме. Не помню, как называлась церковь... То ли «Откровения святой Капитолины», то ли «Видения пречистого Фомы». Наверное, все же Капитолины, там все внутри было исписано фресками с этакой могучей розовощекой бабой. Меня еще поразило несоответствие ее достаточно свободных поз с невинным выражением круглых глаз. Думаю, до святых откровений она вела более чем вольную жизнь...

– Опуститесь на колени, дети мои, – мягко начал пожилой священник. – Кто свидетельствует со стороны жениха?

– Я! Благородный лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, тринадцатый ландграф Меча Без Имени.

– Кто свидетельствует со стороны невесты?

– Вероника Таймс из Тихого Пристанища, в настоящее время практикантка, но в недалеком будущем профессиональная ведь...

Дальше я попросту прикрыл ей рот. Если церковник что и понял, то сделал вид, что не расслышал. Мудрый старик. Он заставил молодоженов взяться за руки и довольно быстро произвел всю церемонию, сократив ее до предела. Жан молчал, хватая ртом воздух, а Лия сопровождала все слова священнослужителя хлесткими комментариями сквозь зубы:

- Да убоится жена мужа своего...
- Мы еще посмотрим, кто кого убоится!
- Ибо как муж глава жены, так и...
- Ну да, если эту тыкву с опилками называть головой!
- В горе и радости до самой смерти...
- Я подозреваю, что похороны будут уже на днях!

Пришлось отвесить ей легкий шлепок по заднице, только тогда моя сподвижница обиженно заткнулась.

– Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир, готов ли ты взять в жены названную Лириану из Брокса близ Ристайла?

Бульдозер молчал. Когда он наконец набрался храбрости и распахнул пасть, я засунул туда носовой платок, взяв бразды в свои руки:

– Он просто ошалел от счастья, ваше святейшество. Парня чуть не обезглавили, он весь переполнен благодарностью Святой Деве Марии и ее милой подвижнице. Вы же видите, он хочет сказать – да!

– А ты, Лирианна из Брокса близ Ристайла, готова ли взять в мужа названного Жана-Батиста-Клода-Шардена ле Буль де Зира? – подумав, согласился священник.

Лия уже точно намеревалась выпалить все, что накипело. Стоящие вокруг стражи и

представители реакционной части уличного сброда с надеждой растопырили уши. Юная ведьма быстро наклонилась и что-то шепнула своей подружке.

– Да! – в голос заорала Лия.

Все разочарованно выдохнули.

– Объявляю вас мужем и женой! – радостно заключил пожилой священник, захлопывая книгу.

Я поманил пальцем Веронику.

– Лорд Скиминок, я всего лишь спросила у нее, не дать ли ей капли для увеличения размера носа у мужчин в четыре раза против настоящего?

Все ясно. Бедный Жан... Хотя какая теперь разница, дело сделано. Единственный червячок, точивший меня изнутри: а на собственном ли муже моя спутница собиралась опробовать подарок ведьмы? Уж слишком многообещающе Лия глядела в мою сторону...

Вечером нас навестил князь и верховная ведьма Тихого Пристанища Горгулия Таймс. Как в старые добрые времена, мы сидели в гостинной комнате за одним столом. В камине трещали поленья, ужин был сытным и обильным, вино густым, а свечи создавали удивительно лирическую атмосферу... Я наслаждался отдыхом. Все эти рыцарские приключения, спектакли классического средневековья, романтические шоу на фоне эшафотов и крепостных башен... Это греет. Вроде как бы получил отпуск и вместо рыбалки, охоты или санатория отправился сюда. Здесь все свежей, все интересней, даже тоска по дому не ощущается. Помнится, в прошлый раз я больше волновался. Ну, теперь-то известно, что где-то в переходах Локхайма есть дверь, напрямую ведущая в наш мир. В Прибалтику! Мама дорогая!!! Они же отделились. У них суверенное государство! А тут я ни с того ни с сего, без документов, без визы. О нет!

– Здоровье короля не вызывает у меня особой тревоги, – заметила верховная ведьма, переключившись исключительно на вино. – Ему нужно несколько дней спокойного сна, правильное питание и полное отсутствие врачей.

– Тесть рвется к делам, – сурово кивнул князь. – Не след ему волноваться. Может, повязать государя, для его же пользы?

– Я помогу, у меня есть опыт, – дружелюбно предложила Вероника. – Может быть, стоит его угостить тазиком валерьянки? У нас еще осталось литра два.

Лия и Бульдозер молчали. Они сидели рука об руку с надутыми мордами и не прикасались ни к чему на столе. Мы все понимали их состояние, потому и не лезли с утешительными поздравлениями. Жан еще не пришел в себя от столь быстрой перемены событий. Представьте себе – быть блестящим рыцарем, почти героем, потом бесповоротно уйти в чуждую религию, добровольно стать бессловесным, заколдованным оружием, совершить преступление века, бежать, получить неожиданное прозрение от чар, встретить друзей, попасть на эшафот и спасти собственную жизнь навязанной женитьбой. Причем на таком «милом» создании, что плаха могла бы показаться желаннее брачного ложа. Это ж какие нервы должны быть?! А, ладно, натура у парня истерическая, но с другой стороны, наши прошлые приключения все же закалили его душу.

Лия... Бедная моя девочка, золотоволосая подружка, первый друг и помощник везде и во всем – что же ты наделала? Теперь ты замужняя дама. Но что сулит судьба? Изгнание! Заварили вы кашку, а расхлебывать мне. Господи, и за что я вас так люблю.

– Жан, не сиди как на похоронах. Раз уж все так произошло, давай займемся прямым

рыцарским делом – поедем совершать наши безумные подвиги! Ты еще не надумал уйти из оруженосцев?

– Н... е... нет! Нет, милорд! – проснулся он. – Я готов пойти за вами куда угодно и искупить свой страшный грех. Моя жизнь по-прежнему принадлежит вам без остатка.

– Ну вот, здрасте! А я? Я что, опять на бобах? – привычно заворчала новобрачная. – Лорд Скиминок, у меня такое ощущение, будто вы намерены разбираться с Раюмсдалем. Веселенькое свадебное путешествие! Да я стану вдовой еще до начала медового месяца.

– Можете пожить в Тихом Пристанище. Вам будут рады, – примиряюще предложила Горгулия Таймс.

– Нет! – дружно подпрыгнули Лия с Бульдозером.

У них были не лучшие воспоминания об этом заповеднике ведьм. Когда-то, давно, их там чуть не съели.

– Брат, ты там смотри, не лезь к черту на рога. Надо бы тебе дружину дать, да вишь, мятежи у нас по окраинам. Ратников мало. Много народу в Ристайльской сече положили. Но уж ежели прижмет – шли гонца! Брошу все и сам приеду.

– Все нормально будет, не переживайте, – бодренько начал я.

– Ну, да... Его объявили вне закона, лишили всех поместий, изгнали из королевства, а ему все нипочем! Настоящий ландграф! – завистливо закончила верховная ведьма. – Ты ведь теперь за Зубами пойдешь, а это дело гиблое. Завещать-то есть что? Лучше сразу скажи. Потом твои вещи пойдут нарасхват, как мощи святых. Я побуду твоим душеприказчиком, прослежу кому чего...

– Кроссовки – Злобыне, у нас один размер. Тельняшку – кардиналу, он так похож на отставного адмирала флота. Джинсы – Веронике, пусть ушьет, она давно на них облизывается. Рубашку на общее обозрение в Национальный музей. Всем прочим по пуговице. Меч засунуть в камень до следующего героя. Кто сумеет выгащить – тот и Скиминок! – По-моему, она восприняла мою ахинею вполне серьезно. – Вы бы лучше объяснили мне: в чем же опасность этих Зубов? Почему о них боятся говорить? Чем они хуже того, что мы уже видели?

– Тем, что мы о них ничего не знаем! – подумав, решили все.

– Угу. Значит, пойдти туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что. Если невкусно – выплюнь, если непрочно – сломай, если грязно – отмой, если так уж плохо – вообще выброси! Главное, что в результате человечество было спасено. Угадал?

– Да не сердись ты! – Горгулия Таймс усадила меня буйного в кресло и подлила вина. – Зубы – это тайна за семью печатями. Тот, кто лишь прикоснется к ней, познает смысл пребывания Ризенкампа в нашем мире. Посоветовать тебе нечего, даже в какую сторону направиться. Одно могу сказать точно – Веронику я с тобой не отпущу!

– Да я сама пойду! – взвилась длинноногая практикантка.

– Спасение человечества – хорошее дело! По закону, ведьмы в нем участвовать не могут. Наша прямая задача – творить пакости!

Вероника поникла, едва не плача: крыть было нечем.

– Когда отправляешься, друже? – посуровел князь.

– Да буквально сейчас... Лия – собирай вещи, Жан – седлай лошадей!

Мы посидели еще какое-то время. Больше молчали, перед расставанием все равно не наговоришься. Злобыня обещал присмотреть за всем. Юная ведьма поклялась, что выберется к нам при первой возможности сотворить что-нибудь неприличное. Потом мы все

спустились вниз, пышной кавалькадой выехали со двора, друзья проводили нас за крепостную стену и пожелали всех благ. Стражники махали вслед. Чья-то маленькая девочка долго кричала: «Возвращайся, пожалуйста, добрый рыцарь Скиминок!»

Утро настраивало на приключения. Мы втроем, прежней боевой командой, навстречу неизвестности... Мечта! Настроение испортила Лия.

– Милорд, я не хотела говорить при всех, но... Вот это я нашла прибитым к входной двери. Она протянула мне черный нож с клеймом одуванчика и клочок бумаги с одной короткой фразой: «Мне очень жаль...»

Давненько я не навещал Матвеича, мага-ветеринара, волей судьбы застрявшего в портовом городке Вошнахауз. Надо признать, он там неплохо устроился. У него свой дом, престижная профессия, люди уважают, в высший свет вхож левой ногой – как видите, жизнь не пыльная. В моем мире Виктор Михайлович был обычным врачом-ветеринаром, лечил зверушек, читал газеты и слыхом не слыхивал ни о каких параллельных мирах. А ведь поди ж ты, попал... В лицо называл Ризенкампа сволочью, участвовал в последнем штурме Локхайма – в общем, мужик отчаянный. Мы направили коней к нему. Слишком много непонятного, знаете ли.

Основной вопрос – это Зубы. Сколько мне о них ни талдычили, ни черта я не понял! Тут и с поллитрой, поди, не разберешься. Ясно одно – надо найти Раюмсаля, взять его за ухо, да задать пару простеньких вопросов в стиле НКВД и Святой инквизиции. Уж он-то не будет строить из себя героя-молодогвардейца – мигом всех продаст! Вот только где его искать?

Вторая проблема – черные ножи наемного убийцы. Хотел бы я знать имя того гада, что так трогательно обо мне заботится. Два покушения подряд. Тут все ясно, но почему убийца порешил Кривого? Ведь мог бы прекрасно уложить меня или просто дать возможность одноглазому психопату спустить тетиву. Загвоздочка... Может быть, здесь задеты принципиальные законы профессиональной чести? Может, таинственный наемник подрядился убить меня собственноручно и не позволит сделать это никому другому? Такой вариант выглядит вполне логично. Вот только мне кажется, что почерк на записке похож на женский... Бывают женщины-убийцы?

– Пруд пруди! – уверенно подтвердила Лия, оказывается, какое-то время я уже рассуждал вслух.

Наши кони шли неспешной рысцей. Бульдозер в полном облачении рыцаря с откинутым забралом и копьём наперевес, его супруга в дорожном костюмчике пажа, с кинжалом у пояса и объемными седельными сумками с провизией.

– Слушай, Жан. Ну-ка, проясни мне с десятков вопросиков по поводу твоего кришнаитства.

– Мне стыдно, милорд. Я был околдован.

– Дело прошлое. Ты проник в их структуру?

– Чего, чего? – не понял мой оруженосец. – Как вы могли подумать?! Конечно, я виноват. Но даже под властью чар у меня остались честь и совесть, а уж дойти до того, чтобы лично участвовать в таком...

– Что ты имеешь в виду? – Теперь уже я не уловил, о чем это он. Хотя обычно соображалка у меня более ретивая.

– Ну, вы ведь спрашивали насчет церемоний посвящения?

– Говори милорду правду, несчастный! – прикрикнула Лия, отвечивая Жану

подзатыльник. – Здесь мы задаем вопросы!

– Я не участвовал! – твердо заявил Бульдозер. – Но... ну... вообще-то мне не очень предлагали. Я еще не проникся учением Кришны до того, чтобы полностью раствориться в его Свете.

– А те, что растворились?

– О, они удостоятся чести войти в Новый мир и стать столпами нового порядка!

– Что еще за новый порядок?

– Это когда всем миром будет управлять возрожденный Кришна. Не станет королей, церкви, власти, дворянства, сословий. Все начнут любить друг друга и ощущать себя едиными частичками Вселенной. Надо лишь молиться, бить в барабаны, забыть все слова, кроме «Хари Кришна!», и трудиться не покладая рук, чтобы у высших посвященных не отнимать силы, необходимые для своевременного обращения заблудших.

– Жан, милый, и ты в это веришь? – жалостливо всплеснула руками Лия.

– Теперь нет, – подумав, ответил Бульдозер. – По здравом размышлении все это такая ересь! Но, лорд Скиминок, ведь меня почти убедили. Я верил! Прочие братья просто живут этим, они не мыслят себе иного существования. Из наших рядов четверо ушли в почетные ряды Зубоносцев.

– Видел, встречались.

– Нет, нет. Не те, с кем вы сражались. Им ведь сначала нужно пройти соответствующее обучение. Столпов Кришны вы видели лишь троих. Один квакал, а двое были в капюшонах.

– Значит, их называют столпами? То-то они показались мне такими дубовыми. Так получается, что и они где-то обучаются диверсионной деятельности. После успешной сдачи экзаменов их торжественно называют столпами, столбами, бревнами или чурками. Тогда они от души бьют лбом всех, кто не с ними. Выходит, что твое покушение на короля было чем-то вроде испытания?

– Да, пожалуй... Но сама церемония посвящения гораздо страшнее. Новоизбранный должен отречься от пошлого быта и в качестве искупительной жертвы положить к ногам Кришны теплое сердце самого близкого человека.

– Что за чушь?! Это же не имеет ничего общего с кришнаитской религией! По крайней мере, в моем мире.

– Лорд Скиминок, может, все-таки прервемся на обед? – взмолилась Лия.

Мы объявили привал. Но прежде, чем незаменимая наша начала резать хлеб, прямо из воздуха сформировалось одутловатое старушечье лицо метра полтора в длину. Все обалдели... Бесцветные глазки несколько секунд изучали меня, потом тонкие губы раскрылись, и свистящий шепот удивленно прошелестел над дорогой:

– Еще живой? Ничего не понимаю...

Видение исчезло. Мы сидели как мышки, с распахнутыми ртами, не произнося ни слова. Не знаю насчет других, а в лично моей пустой голове пульсировала лишь одна мысль – кого же просто заклинивало на этой фразе?! Если бы я своими глазами не видел, как его увела Смерть, можно было бы подумать...

– Я боюсь!

– Не бойся!

– А я боюсь!

– Жан, успокой свою истеричную супругу!

– Лиечка...

– Цыц! О боги, дайте мне терпение не убить кое-кого до обеда.

– Но я только хотел сказать...

– Не будем спорить. В конце концов, кто здесь главный? Вот именно! Да и что невероятного, собственно, произошло? Ну, трансформировалась из разреженной воздушной массы диковатая субстанция пенсионного возраста с замашками старорежимной содержательницы борделей. Это же не причина для паники!

– Так я и не паникую, я боюсь! – уперлась Лия. – Может быть, в вашем мире, лорд Скиминок, такие видения и не в диковинку, но в нашей некультурной стране это редкость.

– Милорд за нас заступится! – убежденно махнул кулаком Бульдозер, свалив в траву головку сыра.

Суровое возмездие в виде звонкого подзатыльника не заставило себя ждать. Бедный парень. Может, все же лучше было один раз лечь на плаху, чем вот так всю жизнь мучиться? Пришлось напомнить эмоциональной девочке, что в моем присутствии Жан больше оруженосец, нежели муж. Соответственно калечить его нельзя, он мне на службе еще пригодится. Вот уж когда меня нет – тут вам и карты в руки! Наслаждайтесь прелестями семейной жизни. Но при мне – ни-ни! Подумав, согласились оба. Лия бочком подкатилась поближе ко мне, демонстрируя полное презрение к супругу, а он был так счастлив...

– Теперь поговорим спокойно. Эта бабулька никогда раньше не появлялась в вашем мире?

– Нет. Мы такую не видели, но...

– Говорите мне суровую правду! Судя по вашим кислым ромам, подобные видения посещают всех доблестных рыцарей за час до мученической кончины?

– Вы шутите, милорд, – натянуто хихикнула Лия. – Просто... лично мне оно напомнило одно лицо.

– И мне! – поддакнул Жан. – Очень похоже на Ризенкампфа, вы не находите?

– Что-то есть... Но это не он. Там явно было лицо какой-то старухи. А бывший тиран Локхайма не мог волшебным образом перевоплотиться?

– Вряд ли. От Смерти еще никто не уходил. Ну, разве что, исключая... – Бульдозер опасно покосился на собственную жену. Тоже верно. Смерть не отдает своего. Хотя от такой скотины, как покойный муж королевы Танитриэль, всего можно ожидать.

– Милорд, как вы полагаете, уже прошел час с момента появления видения? – несколько напряженным голосом выдала Лия, вперясь взглядом за мою спину. – Я насчет мученической смерти. К нам, кажется, гости, и боюсь, не особенно приятные.

Мы с Жаном вскочили на ноги. Прямо к нашему костерку ретивой рысью неслись семеро кришнаитов. Оранжевые лохмотья развевались по ветру, движения напоминали механических кукол. У всех виднелись ужасные раны, а один бежал, держа под мышкой собственную голову. Златовласая наша испустила визг и повисла на шее моего оруженосца, так что в обморок они рухнули оба. Меня удерживал от падения только меч. Батюшки-светы, мертвецы! По ним уже мухи ползают, а они пришли за нами. По запаху нашли или подсказал кто? Ладно, потом выясним. Паршиво одно, если они и так мертвые, то как их убить снова? Я уж не спрашиваю, какими чарами их вообще подняли и пустили по следу! Это ж такая мощная магия нужна! Все, прибежали. Больше нет времени на глупые вопросы. Хотя на один нашлось...

– Эй, парни! Чего вам от нас надо?

Они остановились, размышляя. Пользуясь заминкой, я взял котелок с еще не закипевшей

водой и выплеснул его на моих припадочных. Говорят, что в чувства приводят холодным душем. Чепуха! Эти двое и от горячей ванны вмиг подпрыгнули на месте. Минутой позже мы держали круговую оборону. Я с Мечом Без Имени, Лия с ножом в одной руке и домашней тапочкой в другой (откуда она вообще успела ее выудить?), Бульдозер с отцепленной от пояса «утренней звездой» (стальной прут с цепью на конце, а на цепи шипастый шар – раз звезданет, мало не покажется!).

– Это кандидаты в посвященные. Их души уже в Свете, а телами управляет великий Кришна. Они и после смерти принадлежат ему.

– Милорд, вон тот с хвостиком хочет меня укусить. Можно я его тапочкой, без предупреждения. Получи, дохляк!

Кришнаиты бросились вперед. Мы, вопя от страха, встретили их с возможным почетом. Меч Без Имени исправно крушил врага, но что толку отрубить трупяку руку, если он вновь тянется к вашему горлу, а отсеченная конечность, перебирая пальцами, норовит схватить вас за джинсы. Лие достался один противник, нам с Жаном по трое. Бульдозер вообще трудился продуктивнее всех. От его ударов жмурики отлетали шагов на пять. Правда, бодренько встав на ноги, сизнова шли на штурм.

– Откуда они повылезали? Ведь стража увезла тела на опознание в Ристайл.

– Их наверняка не позволили похоронить на кладбище. Скорее всего просто свалили в ров для отбросов.

– Ты прав. Судя по запаху – это не парфюм от Нины Риччи...

Меч удачно срубил голову одному из нападающих, и он убежал за укатившимся ценным предметом. Мне такая шутка понравилась. Я снес башку второму и наподдал ногой, чтоб дальше катилась. Не слишком эстетично, но ей-богу, гуманистам в этом веке делать нечего – сжуют! Мой оруженосец смял кому-то макушку, но пока бессмысленные глаза могли нас видеть, враг не отступал. Лия с энтузиазмом всадила нож в грудь своего противника, а потом с неменьшим рвением от него удирала, с визгом путаясь у всех под ногами.

– Жан, прикрой мне спину! Я буду срубать им тыквы, а ты запузыривай куда подальше.

– Как скажете, милорд. Может, их крестить перед броском? Все-таки раньше они были христианами.

– А они от этого дальше летят?

– Н-н-ет... не уверен. Хотя если прочесть «Отче Наш»...

– Да хоть целую заупокойную мессу, ради Бога! Только делай это побыстрее и уйми наконец свою душераздирающую супругу – визжит, как пилорама!

Мы не успели осуществить свой план в полной мере. Поле боя накрыла огромная тень. Потом молча ударила молния. В смысле, грома не последовало, но от ближнего кришнаита не осталось даже горсточки пепла. Потом еще и еще. Голубые клинки электрических разрядов наводили свой порядок. Через пару минут о яростном сражении напоминала лишь выжженная трава, да кое-какие обрубки нападающих резво отгребавшие в стороны.

– Локхайм – Тающий Город! – благоговейно протянул трусливый рыцарь.

О, Локхайм – это сказка! Танитриэль за год превратила его в игрушку. Все вылизано, начищено, отдраено – стерильность умопомрачающая! От мрачных времен Ризенкампа не осталось и воспоминаний. Я был здесь неоднократно, но чувство светлого восхищения Тающим Городом усиливалось раз за разом. Легкая, невероятно воздушная архитектура, отделка мостовой причудливыми плитами мрамора, гранита, яшмы. Изящные решетки, узорчатые перила, хрустальные фонтаны с золотыми рыбками – резиденция королевы

ошеломляла средневековое сознание. Плимутрок был искренне уверен, что население Локхайма делится на богов и слуг небожителей. Они идеальны и прекрасны, к ним не прилипает быт и даже время не имеет над ними власти. Это своего рода символ, легенда, миф, мечта грубого рыцарского мира. Идеализированный город, витающий в облаках, помогающий в бедах, советуемый в смутах, спасающий во время стихийных бедствий. Друг и заступник. Нетрудно понять, почему Ризенкампф так стремился к захвату Локхайма именно законным, «брачным» путем. Разрушение иллюзий могло бы катастрофически сказаться и на самом тиране.

Теперь Танитриэль вдова, но очень мне за это благодарна. Мы сидели с ней наедине в уютном кабинете с догорающим камином, свечами, легким ужином и соответствующей романтической обстановкой. Лию и Жана, несмотря на обоюдные протесты, поселили в одной комнате. Пусть привыкают. На королеве было фиолетовое бархатное платье с открытыми руками и глубоким декольте, пальцы в перстнях, волосы уложены в сложную прическу, а глаза мечтательно-туманны. Она хороша собой, с этим глупо спорить...

– Когда мне сообщили, что вы вернулись, я не очень поверила. За год было пять или шесть самозванцев, утверждавших, что именно они и есть геройские ландграфы. Вы бы видели эти наглые рожи...

– В какой-то мере мне это даже льстит.

Я задумчиво развалился в широком кресле. У нас было шампанское, искристое вино шутя отдавало в голову, привычный костюм ландграфа сменился на серую тройку из гардероба Ризенкампфа. Пока мои вещи в стирке, почему бы и не попользоваться? Когда еще удастся пощеголять в вечернем смокинге от Кардена.

– Меня привез сюда белый конь. Меч Без Имени висел на луке седла. Признайтесь, это ваши колдовские штучки?

– Я не умею колдовать. Королевское воспитание включает лишь те разделы белой магии, которые помогают определять наличие яда в пище, влияние темных сил и прогноз погоды. Ваша знакомая Вероника даже сейчас умеет куда больше. Ну, а насчет белого коня... Это знают все. Он фантом и подчиняется более высоким сферам. Скорее всего, кто-то из богинь, пленившись песенками о тринадцатом ландграфе, отправил его за вами.

– Богини? Что же такое творится? Я-то скромно предполагал, что у вас тут единая вера в Господа нашего Иисуса Христа. А оно вон как... Кришнаиты, боги с богинями, еще кто?

– Не иронизируйте. Почему должна исключаться сама возможность существования иных, эфирных форм жизни? – мягко пожала плечами мурлыкающая Танитриэль. – Вы всегда говорите с дамами о постороннем? Я же надеялась, что теперь, когда нам никто не мешает...

Бац! Столик покачнулся, фрукты покатались по полу, а упавший фужер залил шампанским роскошное платье владычицы Локхайма. Это было эффектно! Королева только страдальчески пискнула что-то невразумительное и резво вскочила на ноги.

– Ах, ваше величество, какая досада! – Повезло! Сейчас она уйдет переодеваться, а я успею тихо слинять. – Простите великодушно, сегодня я так неуклюж! – Нет, ну до чего ловко я пихнул коленом этот столик. – Надеюсь, ничего серьезного? – Как же – сладкое вино прямо на бархат, липнуть будет. – Может, присыпать солью?

– Присыпьте ей свою... – едва не выругалась прекрасная Танитриэль, но тут же взяла себя в руки.

Я продолжал рассыпаться в извинениях. Держу пари, что большей степени утраты и раскаяния она не видела ни на одной роже. Когда хочу – могу быть таким искренним... С

венценосными особами иначе нельзя, они не привыкли к отказам. Пока королева удалилась переодеваться, я осторожно двинулся к выходу. За дверями стоял швейцар, парадная ливрея едва не лопалась от распирающей его мускулатуры. Ясненько. Сбежать весьма проблематично. Попробуем узнать, где, собственно, шляются мои спутники, пока я тут рискую семейным положением уже больше трех часов. Поймите меня правильно – Танитриэль замечательная женщина, она сделает все, чтобы превратить мою жизнь в рай, но... На ней непременно нужно жениться! И только так, а не иначе. Все прелести сразу же за маршем Мендельсона и штампом в паспорте. У меня уже один есть, достаточно.

Швейцар подумал и сообщил, что госпожа Лия изволит гулять по сказочным улицам Локхайма, а господин Жан предпочитает сидеть взаперти, по-видимому наказан. Тут-то я нахмурил брови, поправил галстук, наполнился решимости пристыдить обоих, но удрать не успел. Из дверей смежной комнаты появилась моя хозяйка, сногшибательно сексуальная в коротком шелковом халате, в туфельках на высоком каблуке, с новой бутылкой шампанского в полных ручках.

– Вы не заскучали без меня?

– Не-е-т... В смысле, да! То есть я хотел сказать... Вам это так идет!

– Неужели? – Она довольно крутнулась на носках.

Ууу... С такой длиной подола еще и кружиться! Кажется, я очень близок к капитуляции. Ее Величество изящно плюхнулась в кресло и вновь стрельнула в меня глазками. Какого черта?! Это уже не стрельба, а шквальный огонь! Головы не поднять.

– Так на чем мы остановились? Вас привез белый конь... Да, богини наверняка замешаны в этом деле. Они часто подшучивают над смертными, соблазняя неземной красотой, но увы... Совершенно бесплотны! Какой удар для такого темпераментного мужчины, как вы! Пожалуйста, ландграф, подайте мне банан.

– Для вас – любой каприз! – зря я так сказал.

И сделал зря. Вы бы видели, как она его ела. Куда там Эммануэль с бледной попкой и фигурой, напоминающей стиральную доску. Неторопливо, плавно, со значением и вкусом... Это было такое зрелище, такое шоу, такая демонстрация способностей и возможностей, что я вспотел. Взмок! Попытался ослабить галстук. Вдохнул... С выдохом гораздо хуже, пришлось выдыхать поэтапно. Наверно, так глупо я еще никогда не выглядел. Ка-ка-я жен-щи-на! Держу пари, ее обучение магии включало в себя не только определение погоды. Королева встала, вытерла пальчики и уверенным шагом победительницы направилась ко мне. Я встал, ноги не слушались... Упал обратно, опять встал. Глаза Танитриэль были глубокими, как котлован под храм Христа Спасителя. Дом, жена, война, любовь... Ничего не помню! Видимо, я и вправду легкая добыча. Да и кто бы устоял перед такой сладкой охотницей?

– Вы о чем-то хотите спросить? – Мягкие губы королевы едва не коснулись моего уха.

– Да... Нет... Разве что... о...

– О чем? – Ее ручки ласковыми крыльями легли мне на плечи.

– О Зубах Ризенкампа...

В первый раз на моей памяти Танитриэль показала себя истинной дочерью Соединенного королевства – она рухнула в обморок!

Глава 2

Похититель принцесс

Словно черная саранча расплодись по земле разные секты. Подобно гнили, их вера растлевала людские души. И полыхали города в междоусобных войнах, и в пепельном небе появилось лицо, вещавшее: «Месть!» И горящие глаза искали по разбитым дорогам всадника в фиолетовом плаще с Мечом Без Имени...

Хроники Локхайма

– Не хочу... не хочу... не хочу...

– Все будет хорошо. Не надо так волноваться. Выпейте вина и успокойтесь!

Черта с два! Зубы Танитриэль едва не откусили край хрустального фужера. Бедную женщину било в припадке. Господи, ну зачем я про это сказал?! Ну кто тянул меня за язык? Могла быть такая ночь... Я тайком пару раз чмокнул королеву в ушко, но она одарила меня чересчур многозначительным взглядом и заревела еще пуще. В прибежавших слуг Ее Величество воодушевленно запустила недопитой бутылкой. Лакеи удалились с редким пониманием. Как трудно привести в чувство прекрасную женщину, если она этого не хочет! Слезы лились Ниагарским водопадом. Я гладил ее по голове, утешал, успокаивал, говорил ласковые слова, шутил, щекотал, жалел, орал на нее, шлепал по щекам, плескал в лицо вином, клялся по гроб жизни сражаться за ее благополучие, даже чуть было не пообещал сегодня же жениться! Вовремя зажал рот ладонями. Ничего не помогало! Еще минут пять неумолкаемого слезоразлива – и в бессильной истерике забьется сам лорд Скиминок. Бросив королеву, я рванул на себя ту дверь, из которой она появилась. Так и есть! Там оказалась маленькая ванная комната, выложенная черным кафелем и блистающая шведской сантехникой. Вернувшись назад, я взял Танитриэль в охапку, поставил в ванную и пустил холодный душ!

Я думал, от ее визга уши лопнут, стены треснут и мрамор под ногами развалится. Многие при мне визжали, но чтобы так старательно и вдохновенно... Потом вода попала ей в ротик. Ее Величество закашлялась и заткнулась, глядя на меня совершенно протрезвевшими глазами насквозь промокшей кошки.

– Вот и ладушки, я подожду вас у камина. Пожалуйста полотенце, халат на стене. – По правде говоря, там их висело штук пять разного цвета. – Все будет хорошо, я же с вами.

Уф! Ну дела, дела, дела – кошка мышку родила. Что же такое творится на белом свете? Один вопрос, а сколько шуму! Нет, то, что Зубы – это тема очень серьезная, я уже понял, но не до такой же степени... И главное – ведь я ей уже практически отдался! Пока королева приводила себя в порядок, у меня выдалось несколько минут на размышление. Итак, сколько помнится, Танитриэль далеко не трусиха. Вопрос: что же такого ужасного таят в себе Зубы Ризенкампа, отчего она столь резко впала в дикую панику? Ответ: нечто более страшное, чем кажется Плимутроку, Злобыне и Лие. Дальше вопросы сыпятся, как перхоть. Кто это придумал? И зачем? Кто за всем этим стоит? Что с нами всеми будет? Кого укусят, съедят, заклюют, растворят в химикатах, закопают живьем, короче – ухайдакают первым? При чем здесь кришнаиты? Откуда взялся наемный убийца? Чье лицо мы видели? Если драться, то с

кем? Убегать – от кого? Прятаться – куда? И самый животрепещущий вопрос: если иногородним не предоставляется ни льгот, ни скидок, то нельзя ли вообще обойтись как-нибудь без меня?

Спустя час мы все сидели в бывшем рабочем кабинете Ризенкампа и слушали лекцию королевы на тему: «Что такое фенита?»

– В старых книгах моего мужа есть упоминания о Зубах. Боюсь, что знания эти зашифрованы и передавались строго по наследству. При мне он ни разу не обмолвился о Зубах. В каких-то случаях их называют Клыками, Зубцами или Зубьями, иногда Пастью, иногда хребтом Зубовного Скрежета. Все записи туманны и неопределенны, они ничего не говорят о том, где находится это место. Оно может оказаться названием магического предмета, замка или крепости, горным пиком, пропастью, видом чародейства, наименованием заклинания, да чем угодно! Повторяю, Ризенкампф никогда не касался этой темы. Но выдержки из некоторых манускриптов я вам зачту, хотя у меня холодеет сердце:

...смыкаются с лязгом Зубы,
И крошится ночь без стога,
И новый порядок всходит
Над залитым кровью миром...

– Мрачновато, – заметил я.

Мои спутники согласно закивали. Жан состриг кришнаитский хвостик и теперь сиял бритой головой. Ничего, обрастет быстро.

– Что там дальше?

С юга – порча!
С запада – мор!
Север бросает тень,
Пляшет чумной восток!
Зуб разрывает плоть
Сытой, слепой земли...
Пусть разродится Мрак!
Грянет эпоха Бурь!
Теплится пыль столиц
Под каблуком...

– Есть и другие пророчества, но текст, несмотря на значительные изменения, все равно предупреждает о катастрофических последствиях. Мой отец никогда не говорил со мной об этом, но я знала. И знала, что он боится. Зубы – это рок, проклятие и черный крест нашего мира. Если Раюмсдаль их найдет, то уничтожит все! Он обретет мощь, равную силе Ризенкампа.

Власть, имя ей – Зубы!
Выше – только владыка Ада!
Сильнее – только Смерть!

– Но никакой конкретики. Именно это и угнетает меня при толковании старинных рукописей. Что же, Раюмсдаль решил разбудить какую-нибудь древнюю силу своего рода? Забытые алтари, воскресшие боги, блуждающие мумии, ходячие анахронизмы... Не верю я в эту чепуху!

– Не шутите так, лорд Скиминок, – печально улыбнулась Танитриэль. – Из всех обрывочных сведений можно понять, что если принц найдет Зубы Ризенкампа, то...

– Избави Боже! – подала голос Лия. – Тиран Локхайма, несмотря на то что связался с моим господином, в целом был очень неглупым типом. Но его сын... Нельзя давать силу в руки законченного идиота! Еще сломает чего-нибудь.

– А помните, как он подорвал свой собственный замок? – радостно поддержал Бульдозер.

Ненадолго мы нырнули в сладостные воспоминания. Башня Трупов – гордая и неприступная, обложенная по периметру двойным кольцом мешков с порохом... Принц Раюмсдаль – с ругательствами угрожающий нам из окошечка... Развороченные, дымящиеся развалины, режущий запах гари... Ризенкампф – безрезультатно требующий отдать ему Меч Без Имени...

– Да, было времечко... Повеселились от души! Что ж, довольно воспоминаний, вернемся к нашим баранам. Итак, что бы там ни называлось Зубами, я хочу знать – где мне их искать? Экспромт... Ваше Величество, в какую сторону вы посоветуете нам направиться?

– В любую. Локхайм доставит вас куда угодно, кроме... Замок сэра Чарльза Ли стоит на северной границе. Дальше него я лететь не могу. В горах драконы и великаны, для них Тающий Город – просто съедобная игрушка. Я не имею права так рисковать.

– А что там, за горами? – вытянула шею моя спутница. Сегодня она вела себя на редкость вежливо. Всего два вопроса, обычно ее и пробкой не заткнешь.

– Темная Сторона. Насколько я знаю, – пожала плечами королева. – За горным хребтом раскинуты бесплодные степи, выжженные пустыни, непроходимые болота и прочие малоприятные места. Помните Ристайльскую битву? Мой бывший муж вербовал свою армию именно там. Во всем Соединенном королевстве не набралось бы и десятой доли той нечисти.

– Слишком страшно, – посоветовавшись, сообщили Лия с Жаном. – Так куда же мы идем, милорд?

Я погладил рукоять Меча Без Имени. Задумался. Ненадолго...

Просто удивительно, какую скорость может развивать Тающий Город. Пока мы летели на север, королева с тихим ужасом слушала рассказ о кришнаитах и покушении на Плимутрока I. У меня такое впечатление, что до Локхайма все новости доходят, как до жирафа. Зря они треплются о столь высокой собственной значимости. Система оповещения самая наипаршивейшая, все на уровне слухов. Подумать только – ландграф вернулся! Воюет уже целую неделю! Раюмсдаль ищет Зубы! Столько событий, а они ни сном ни духом.

– Вы что же, не при ней мне названивали?

– Не, – вяло откликнулась Лия. – Это Вероника стащила какую-то штуковину с серебряной палочкой, назвала ее «Билайн», долго уговаривала разных духов соединить с вами и уломала-таки! Но ненадолго. Там что-то хрюкнуло, потом пискнуло, потом

захрипело. Мы хотели починить, Жан даже сбегал за молотком, но увы... Штуковина умерла!

– Понятненько. Вы бы еще кузнеца на помощь позвали. Здешних молотобойцев хлебом не корми – дай покопаться в системе сотовой связи.

Дуболомы средневековые! Учишь их, учишь... Да с них взятки гладки. Хорошо, если хотя бы читать умеют. Уже подвиг! Бульдозер на общем фоне – страшно образованный, ну и девчонки понахватались там-сям. С другой стороны – знаменитый Повар, сэр Чарльз Ли, абсолютно неграмотный, и ничего. Писем он не получает, газет не выписывает, в книгах смотрит лишь картинки, а если надо где-то расписаться, то просто окунает кулак в железной рукавице в чернила и припечатывает любой документ. Сколько мне известно, пока никто не дерзнул признать его «подпись» недействительной.

– Лорд Скиминок, у нас проблемы! – доложил подбежавший оруженосец.

– Ну и что? Вон, аж запыхался весь. А когда у нас их не было?

– Похоже, замок сэра Чарльза осажден!

– Да ну? Это уже повторение. Им что, очень нравится сидеть в осаде? Ладно, кто там на этот раз? Если опять Голубые Гиены...

– Нет, нет. Скорее кто-нибудь из мятежных баронов. Помните, князь предупреждал вас, что на окраинах неспокойно.

– Я могу сбросить с десятков молний, – задумчиво предложила королева. – Локхайм вообще-то не предназначен для ведения боевых действий. Но возможно, мне стоит их примирить?

– Ой, ну не будьте такой наивной! Станут они вас слушать, – поморщилась Лия. – Эти дуболомы уважают только твердую мужскую руку. Милорд, если мы нападём на них врасплох, то они наверняка побегут.

– Не знаю... В любом случае, сидя здесь, мы ничего не добьемся. Разберемся на месте. Ваше Величество, опустите нас на землю.

Танитриэль не пришлось долго уговаривать. Через полчаса мы втроем уже сидели в седлах не более чем в паре миль от замка Повара. В Локхайме хорошие конюшни и лошади не ощущают высоты, там вообще все продумано. Жан наклонил копье и с лязгом опустил забрало. Если не знать, что там внутри трус несусветный, то гора железа выглядела очень впечатляюще. Лия монотонно хрустела яблоком, свысока поглядывая на королеву. Весь ее вид говорил о том, что уж она-то знает, чем все это кончится. Я невзначай потрогал рукоять меча – холодная, странно. Мы ведь вроде едем воевать?

– Лорд Скиминок, вы надеетесь разогнать врагов одним звуком вашего грозного имени? – напряженно сжала мою руку Танитриэль. Она старалась смотреть в сторону, потому что глаза уже подергивались прозрачной пеленой слез. – Берегите себя! Я не могу, но... Я буду следить за вами сверху!

– Не надо за мной следить!

– Вы не поняли, я имела в виду...

– Мадам, не надо так за меня волноваться, я этого не...

– Он этого не стоит! – в два голоса язвительно довершили молодожены.

Я показал им кулак. Ее Величество вновь взошла на платформу Тающего Города и послала мне воздушный поцелуй:

– Ах, вы, мужчины, такие... неосторожные! – Локхайм плавно взмыл вверх. Может быть, я успею передумать и вернуться?

– Милорд! Еще немного, и она заставит вас надевать передничек перед едой,

выращивать цитрусовые на балконе, а вместо подвигов писать нудно читаемые мемуары!

– Ни за что! Ты совершенно права, девочка моя. Боюсь, что летающий микрорайон еще долго останется без короля. Давайте-ка навестим Повара. Интересно, что у него сегодня на ужин?

– Наверняка что-то свежего забоя, приготовленное на природе, наштигованное стрелами, политое смолой и маслом, да плюс еще и в скорлупе! – подмигнула Лия.

– Это... рыцарь! – угадал Жан.

– Bravo, Бульдозер. Так что пришпорьте лошадей – я не хочу пропустить матча.

Мы взяли в карьер. Мягкая пыль летела из-под копыт. Вот оно! В смысле – вот она! Жизнь! Полнокровная и кипучая! В прошлый раз я скулил, прося каждого встречного-поперечного отпустить меня домой. Как это недостойно великого героя, благородного ландграфа Меча Без Имени! Зато теперь я рвался в бой. Мое сердце жаждало звона стали, криков врагов, запаха крови, буйства пожаров и сладостного вкуса победы. Кто утверждал, что в современном человеке цивилизация вытеснила все гены полководца и паладина?! Ложь! Ложь грязная и бесстыжая. Вот он я – живой пример. Скачу на лошади с мечом у бедра, с оруженосцем слева и пажем справа сражаться с войском, осадившим замок моего старого друга. И все нипочем! Скачу, может быть, прямо в объятия смерти. Идиот!

Не останавливаясь, я несколько раз ощутило хлестнул себя по щекам. Что со мной? Какая героика? Какая патетика? Чего я здесь вообще наглотался?! Все эти вопросы грозно встали передо мной, когда мы на рысях вылетели к воротам замка. Сколько же здесь было народу! Никак не менее шести конных рыцарей с пажами и оруженосцами, больше двух сотен пехоты, три тарана, одна камнеметательная машина, да на подхвате носилось с полсотни тяжелых всадников. Нас, естественно, заметили... Четверо конников вышли нам наперерез, но прежде, чем они наклонили копья, велеречивая наша спокойно и без обвиняков заявила на весь полигон:

– Куда прете, шуты гороховые? Не видите, кто перед вами? Это же сам лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени! Целуйте землю за десять шагов от копыт его коня, и, может быть, хотя и маловероятно, милорд одарит вас легкой смертью, ибо сегодня он в страшном гневе и миловать никого не намерен!

– Свирепый ландграф! Свирепый ландграф! – прошелестело по рядам мятежников. Я с кривой улыбкой приветственно помахал ладошкой. Мы бы не успели даже развернуться в боевой порядок – несносная девчонка сразу обрубилась все пути к народной дипломатии. Всадники противника недоуменно остановились. К нам подъехал один из рыцарей, судя по богатству доспехов, самый главный. Затрубили трубы, и в считанные минуты все войско развернулось к нам лицом. Душераздирающее зрелище! Трое против армии. Вот в эту минуту мне всерьез захотелось надеть на Лию намордник. С кляпом! Вся армада, склонив копья, двинулась на нас. Рыцарь в богатых доспехах осадил жеребца нос к носу с моим, после чего, приподняв забрало, осторожно поинтересовался:

– Вы действительно лорд Скиминок? – И на всякий случай представился: – Я барон Хрум Хром де Хорст!

– Я... д-действительно... – тонким голосом проблеял самый бесстрашный я.

– Тогда скажите, что-нибудь такое, ландграфовское.

– Офигеть, екарный бабай, мать твою за ногу! – откашлявшись, я постарался вложить в свой голос как можно больше металла.

– Скиминок!!! – неожиданно завопил барон, резко поворачивая коня.

Словно по команде его войско развернулось к нам спиной и дало стрелача. Это было отработано и красиво, без суеты и паники, в полном боевом порядке с развернутыми знаменами и ревом боевых труб. Приятно иметь дело с опытным врагом.

– Это нечестно! – обиженно вопила им вдогонку моя спутница. – Пусть хоть кто-нибудь подерется с моим господином! Вы не имеете права лишать нас заслуженного подвига! Ну, пожалуйста!!!

– Одним именем! Нет, вы представляете – одним именем! – горячился хозяин замка сэра Чарльз Ли.

Старый рыцарь поднимал в нашу честь уже шестую пол-литровую чашу.

– Он сказал: «Я – лорд Скиминок!» И они побежали! Они сняли осаду, они неслись по домам, как перепуганные зайцы. Полдня простояли у наших стен, грозя стереть замок до основания, если мы не признаем их самозванного короля. Они хотели, чтоб я, я – Чарльз Ли, ветеран старой гвардии, нарушил вассальную клятву. Мой юный друг, выпьем же за крепость мужской дружбы и счастливое провидение, второй раз посылающие вас на спасение замка Ли!

Еще бы. О первом «спасении» стыдливый Повар предпочитает не рассказывать никому. Тогда его осадили Голубые Гиены – страшные нецивилизованные племена, проповедовавшие крутые извращения и вырезавшие всех женщин подчистую. Что ж, мы, надо признать, лихо поразвлеклись в те достопамятные времена. Просто победа досталась, ну... как бы не совсем рыцарской ценой.

Пока прочие счастливо «гудели», насыщаясь вином и натуральными продуктами, мы с добрым рыцарем отодвинулись в уголок. Сэр Чарльз рассказал мне о мятежах на севере и внимательно выслушал мою повесть о трагедии в столице.

– Восстало три баронства. Хорст был наиболее близок к нам. В свое время его дом пострадал от Черных Звезд Ризенкампа, и он затаил обиду на то, что король, по его мнению, не обеспечил должной защиты своим подданным. Как будто кто-то мог сладить с тогдашним властителем Локхайма! Мы бы держали их у стен хоть год, хоть два – замок почти неприступен. Но мне докладывали, что среди нападавших странные фигуры в оранжевых туниках с бритыми затылками. Неужели покушение на Плимутрока напрямую связано с волнениями в приграничье?

– Думаю, да. Здесь чувствуется одна рука. Тем более что мой оруженосец утверждал, будто бы самые фанатичные кришнаиты проходят боевую подготовку в каком-то центре.

– Ну, там, за кордоном, можно снарядить в поход целую армию, провести ее в обход гор и ударить с северо-запада. Помнится, Ризенкамп так и поступил. А что, его сын действительно ищет Зубы?

– Угу.

– Печально... Мы ведь вполне могли поймать его в прошлый раз в Вошнахаузе или в Башне Трупов.

– Судя по всему, Раюмсдалю помогает кто-то очень сильный и умный. Мы с ребятами решили перевалить через горы. Попробуем поискать там. Не знаю, какой из Жана альпинист, но двух лошадей для поклажи он заменить сможет.

– Глупо, – поморщился старый рыцарь. – Можно подумать, вам здесь предоставляется мало возможностей сложить голову. С чего вы вечно лезете в самое пекло? Неужели из-за

Танитриэль?

– Ага. Еще с пеленок мечтал стать королем Локхайма. Благо, что трон в данный момент вакантен, – плоско пошутил я.

– О, тогда все понятно! Это похвальное желание и достойно всяческого уважения. Честолюбивые замыслы выдают благородную и упорную натуру. Однако на нас могут обидеться, вернемся к гостям.

Нужны мы им были... Там уже больше половины лыка не вязали. Я взял свой кубок, темно-красное вино свежо отдавало монастырской прохладой. Какой-то вельможа полез целоваться, и мне пришлось мягко оттолкнуть его в сторону. Абсолютно не обидевшись, он засеменил спиной вперед, наступив на хвост дремлющему пепельному догу. Благородное животное взвыло и тяпнуло невежу за ногу. Потом почему-то повернулось и с оскаленной пастью бросилось на меня. Даже не подумав о мече, я попросту выплеснул вино в морду пса. Тот недоуменно остановился. Красный язык торопливо облизал капли на носу...

– О Господи! – побелела Лия, вцепившись пальцами в рукав Бульдозера.

Мне тоже стало не по себе. Серый дог повалился на пол, засучил ногами и с пеной у рта благополучно сдох.

Вот что значит напрочь забыть о наемном убийце. В родовом замке моего друга мне стало трудно дышать...

Через полчаса наши кони были оседланы, подсумки набиты припасами (каждый продукт Повар понадкусывал лично!), а его сыновья со слезами на глазах умоляли меня взять их в новое приключение. Мало они тогда пострадали. На этот раз я проявил непростительную твердость и категорически отказал, позволив в качестве компенсации проводить себя до перевала. В Вошнахауз мы не пошли, в замке сказали, что Матвеич в отъезде. Работает по деревням – там появилась какая-то странная болезнь у овец. У них резко выростали передние резцы, и безобидные блялки начинали кусаться не хуже волков. Крестьяне справедливо видели в этом дурной знак с намеком на Зубы. Глава городской администрации маркиз де Браз возился с ополчением – и навязываться к нему в гости в столь тревожное время казалось не совсем удобным. Нет, он примет меня, как сына, но... у него старорежимные понятия о рыцарской чести. Запросто припряжет к руководству каким-нибудь отрядом и, облобызав, отправит на войну. Не хочу! Я еще не нагулялся.

Сэр Чарльз убедил нас, что вполне справится с охраной границы своими силами, в конце концов просто посидит с годик в осаде. У него не заржавеет...

Таким образом, ничто не мешало мне перевалить через горы и поискать склочного Раюмсдаля. При хорошей погоде дорога должна была занять дня два, не более. Я надеялся найти белого дракона по имени Кролик, но и тут не повезло. Старый знакомец шлялся неизвестно где. Пейзаж... Красиво, свежо, экологически чисто. Если вы были в Закавказье, то внешне вот это оно и есть. Деревья, трава по пояс, цветы по колено, небо синее, птицы надрываются от восторженного пения, все как в санатории...

В целом прогулка шла вполне безоблачно. По крайней мере, до вечера нас никто не беспокоил. Ночь в горах, трещащий костер, разогретый на углях окорок, свежий воздух и теплое вино – что может быть романтичнее? Я добрал на глазах. Лия с Жаном сидели по разные стороны, но все равно такие родные, свои, домашние. Общее состояние самое умиротворенное, общее настроение совершенно благодушное, в небе разливалась нирвана. Мы почти были готовы возлюбить своих поганых врагов, накормить голодных, согреть замерзших, спасти несчастных и раздать милостыню всем страждущим. Если бы в то время

рядом крутился хоть один нищий, он бы здорово погрел на нас руки. Рядом шумела неширокая горная речушка, призывно светили звезды, и Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир мягким, приятным баритоном выводил строки знаменитой баллады о лорде Скиминоке. Я буквально таял...

И рыцари прятались под подол,
А голос ландграфа креп:
Хана вам, урки! Банзай пришел!
Сегодня я так свиреп...

Меня отвлекали лишь неуверенные покальвания в спину. Все чаще и чаще... Ой! Больно же!

Обернувшись назад, я обомлел. В нашем тылу копошилась чертова уйма маленьких человечков с растрепанными волосами, нечесаными бороденками, одетых в драные крысиные шкурки, но вооруженных настоящими копьями и рогатинами. Они явно готовились к атаке.

– Лия! Жан! Что это за мелкие пакостники? Почему меня не предупредили, что у вас тут заповедник для карликовых негодяев?

– Это? Ай, да это же дикие гномы! – подпрыгнул сидящий Бульдозер, похоже, копья добрались и до него. – Дело плохо, милорд! Они такие злые и упрямые. Ночью с ними не очень-то повоюешь, а две-три сотни запросто замучают любого рыцаря.

– Гномы? Больше похожи на австралийских пигмеев. Гномы – это... Ой! Да что же они кидаются?! Гномы – это маленькие, добрые дедушки с умелыми ручками, в хорошей одежде и колпачках с кисточками. А такие гаврики в приличных сказках даже не упоминаются.

Меж тем нас взяли в кольцо. Везде, куда ложился свет костра, виднелись комичные ряды полуметровых воинов с явно выраженными преступными наклонностями на лицах. Ни малейшего проблеска интеллекта, полное отсутствие ума, врожденная агрессия и плохо скрываемый дибелизм.

– Будут бить! – уверенно заявил мой оруженосец, лихорадочно застегивая шлем.

– Да-а-а, ему что? Он весь в железе, – заскулила его златовласка. – Лорд Скиминок, предупреждаю сразу, если меня хоть один укусит – я за себя не ручаюсь, у меня в подсумках сковородка есть. Как дам по башке!

– Может, с ними мирно договориться? – Идея сражаться ночью с забавными, злобными крохотульками меня не прельщала. Тем более что я отлично помню, чем закончилась такая же битва для незабвенного Гулливера. – Эй, ребяташки, винца не хотите?

Ответом послужил возмущенный писк общества и град летящих копий. Лицо я успел прикрыть, остальное... Это уже больно!

– Не пьют. Алкоголь вредит растущему организму, – наставительно констатировала Лия. – А вот кому ломтик хорошего сыра? Есть свиной окорок, правда, остатки... Мамочки!

Точно брошенный дротик расцарапал ей ухо. Наша подруга зарычала и мстительно полезла за сковородой. Дикие гномы заверещали и лавиной бросились вперед. Нам ничего не оставалось, как принять неравный бой. Боюсь сказать, в чью пользу он был неравный? Лия без устали опускала медную сковородку на лохматые головенки, но уже через пару минут ее

ноги были в кровь исколоты маленькими камикадзе. Бульдозер топал железными башмаками и лупил врага булавой, но мелкие так ловко увертывались от тяжелого рыцаря, что пока его сила не причиняла им ни малейшего урона. Меч Без Имени замечательное оружие, но и он не мог защитить меня от летящих со всех сторон копий. Рубить спиногрызов, опустившись на колени, тоже было трудновато. Здесь более подошла бы надежная крестьянская коса, чем добрый рыцарский меч. Я попробовал гонять их горячей веткой, но успех все равно относительный. Огня они боялись не больше стали. Пока самым действенным оружием оказалась Лиина сковорода. Нет, конечно, и мы давались недешево, но ряды врагов не убывали.

– Милорд, я сейчас прыгну вперед и задавлю их пузом! – предложил Жан и рухнул в темноту.

Звук был такой, словно с крыши паровоз сбросили. Кого уж там припечтало, не знаю, но после третьего падения сам он так хряснулся головой о камень, что на шлеме появилась вмятина, и Лия обмахивала его тряпчочкой через щели забрала. Мы были злы, обижены, исколоты, исцарапаны, а настроение так просто хуже некуда! Дикае гномы успешно давили на непобедимого лорда Скиминока, и исход борьбы был предрешен.

– Милорд, – взывала хвастливая наша, – лошади оседланы, давайте сбежим! Умоляю вас – поступите не по-рыцарски.

– Разумное отступление – не есть бегство! – поддержал мой оруженосец заплетающимся языком. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

– По коням! – взревел я.

Можно подумать, меня уговаривать надо. Хотя на моей памяти это первая битва, которую мы проиграли...

– Радуйтесь, мелочь пузатая! – вопила Лия, уже сидя в седле. – Милорд очень торопится и слишком мягкосердечен по природе. Он жалеет вас! Придурки.

– Линяем! – Мы пришпорили лошадей, радуясь, что так легко отделались.

Луна освещала дорогу, и уже через час мы поняли, что можем не опасаться погони. К утру, мрачные и невыспавшиеся, мы занялись техосмотром. Результаты самые хреновые! Простите за грубость – нервы... На мне насчитали восемнадцать колотых ран, которые, впрочем, быстро подсохли, но бешено чесались. На Лие десять – и две загноились. У Жана огромная шишка на лбу плюс сильная головная боль. Не исключено сотрясение мозга. Хоть его там и немного... В придачу – нас ограбили! Днища у всех сумок оказались испорчены. Ни денег, ни продуктов, ни смены одежды – ничего! Только мы, то, что на нас, да наши кони. Я сгоряча приказал поворачивать назад и отнять у негодеев нашу колбасу! Меня отговорили. Правильно, за такое время эти шпингалеты могли десять раз спрятаться где угодно. Оставалось шумно ругать несовершенство мира, слабо надеясь на светлое будущее. Мы, сумрачно хмурясь, неспешно трусили по ущелью, когда сверху под копыта коней упал первый камушек. Засада! Вот так всегда. Едешь, едешь, никого не трогаешь – и нате вам! Вы не поверите – мы не испугались. Никто! Со всех сторон на нас смотрели вооруженные люди, сотни стрел и тяжелых копий выбирали у нас самые приятные для проникновения места, жизнь висела на волоске, а мы? Мы трое против всех, с десятифунтовым презрением глядя на неизбежную смерть, ворча, приготовились к последнему бою. Бульдозер наклонил полосатое копьё, Лия поудобнее перехватила сковородку, я взялся за Меч Без Имени. Мы просто жаждали драки! Вот в таком критическом расположении духа не стоило нас трогать...

Из-за скалы выехал знакомый рыцарь.

– Лорд Скиминок, вы узнаете меня?

– Барон, вы дурак и пьяница! С чего вы взяли, что я буду вам помогать?

– Но, лорд Скиминок, я... Я надеялся, – жалостливо продолжил бесконечные уговоры Хрум Хром де Хорст. – Вас ведь называют Ревнителем Благородства и Чести и Хранителем Обиженных Безвинно!

– А если завтра какому-нибудь недалекому идиоту взбредет в голову назвать моего господина Одиноким Победителем Великанов? Он что, обязан бросить все и гвоздить по голове каждого, кто выше его ростом? Нипочем не соглашайтесь, милорд! Спасение принцесс всегда было самым неблагоприятным делом. Вам это надо? Не-е-е, без должной компенсации...

– Чего, чего? – Мы все трое устали на Лию.

– Готов взять на себя все расходы! – мгновенно сообразив, ухватился за единственную ниточку барон. – Пятьдесят процентов авансом, остальное по получении товара.

– Плюс накладные расходы, питание, проживание, транспорт, комиссионные за потерянное время и организация достойных похорон за счет компании в случае летального исхода, – безжалостно добила деловая наша.

Признаться, я надеялся, что после такой наглости барон окосеет и откажется от своих бредовых планов. Мы находились в его походном шатре, сытые, вымытые, принятые с всевозможным почетом и помпой. Своеобразие средневековых традиций заключалось в совершенно необъяснимых для меня перевоплощениях врагов в друзей, и наоборот. Причем для всех остальных это было абсолютно нормально. Главное, чтобы присутствовал элемент взаимного уважения. Остальное не важно. Ну и что с того, что эти же войска только вчера осаждали замок сэра Чарльза Ли? Временное помутнение мозгов, погорячились, плюнули и забыли! Что с того, что они удирали от нас как от чумы двадцатого века, справедливо полагая, что связываться с тремя столь могущественными воинами просто неразумно? Сегодня мы пируем за одним столом, а их предводитель, поскуливая, уговаривает нас добровольно отдать свои жизни за его прекрасную даму. Все кругом довольны, обоюдно вежливы, взаимопонимание наиполнейшее. Но ведь при случае продадут с потрохами так же легко, как недавно клялись в вечной дружбе. Ну, не милашки ли?

– Довольно слез и меркантильных споров. Конкретно, чего вы хотите?

– Спасите мою невесту, заточенную злым колдуном в заколдованном замке. Я за все заплачу!

– А сам-то вы почему ее не спасете? Экономия финансов плюс весомый шанс понравиться даме. С такой армией можно любой замок по кирпичику разнести.

– Он заколдован, – поморщился Хром де Хорст, сразу видно – ему неприятно говорить нам горькую правду. – Мы потеряли у его стен больше полусотни воинов. Кроме великого лорда Скиминока уже никто...

– Сколько? – напрямую обрубил Лия.

– Сто монет, – предложил барон.

– Вы издеваетесь! Этого даже мне не хватит на приличное погребение. А вы представляете, сколько сдерут за рытье могилы для такого вот Бульдозера?

Жан глотнул воздух, хватаясь за сердце.

– Триста.

– Только как аванс. Все прочее оплачивается отдельными счетами. В пределах разумного, естественно. Думаю, общая сумма вряд ли намного превысит нашу честно заработанную тысячу...

– Что?! Тысячу монет?! – жалобно возопил наниматель, трагически заламывая руки. – Да я на всем ее приданом не заработаю и половины!

– Ни фига себе! – возмущился трусливый рыцарь. – А мы-то думали, у вас любовь...

– Любовь – субстанция нежная, возвышенная, за нее надо платить стихами и серенадами. Не следует путать священные чувства с банальной прозой бытия, – наставительно отметил де Хорст. Мужик соображал, что почему в этой жизни, что и говорить. – Между прочим, она крупная женщина и много ест!

– Значит, не договорились, – с неискренней печалью заключила Лия.

Барон поерзал, почесал лысину, что-то промямлил и наконец решился:

– По рукам! Признаться, я и не ждал, что услуги знаменитого героя стоят дешевле отряда наемников. Вот ваш задаток.

– Ландграфы всегда в цене, – кивнула моя пробивная спутница, сгребая со стола новенькие золотые монеты. – Милорд очень занят, он не может работать за пирожки.

Если вы обратили внимание, то во время всех спекулятивных торгов я молчал, как мышка. Они там спорили, рассуждали, подсчитывали, будто бы лично меня это и не касается. Шустрые-е. Пришлось проявить власть.

– Всем – цыц! Лия, ты свое дело сделала, закрой клювик и приготовь мне еще один большой бутерброд. Жан, двигайся поближе, будешь меня поправлять, если я в чем-то ошибусь. Итак, мы трое подрядились за означенную сумму извлечь из заколдованного замка крупную женщину – невесту барона. Кстати, как ее зовут?

– Бумбрумгильда. Ростом невысока, кожей бела, грудью обильна, прочим телом тоже, волосы светлые, характер мягкий, возраст между двадцатью и тридцатью, точнее она не говорила. Ее отец, славный король Долболоб по прозвищу Дуб Мореный, намерен заявить о своих древних правах на трон Срединного королевства. Его шансы очень велики, что пропорционально увеличивает мою страсть к похищенной невесте! – исчерпывающе доложил практичный жених.

– Ясно. Где расположен замок?

– Милях в двадцати к северу. Собственно, я на сэра Чарльза напал единственно потому, что хотел привлечь внимание общественности к своим проблемам...

Ничего не скажешь, барон был человеком образованным.

Я не собирался отступать. В конце концов, мы действительно без гроша, а деньги нужны везде, тут Лия права. Потом я еще ни разу не видел заколдованных замков и не спасал томящихся в плену принцесс. К тому же грех не помочь влюбленным. Интересно, а с чего это я себя так уговариваю? Ведь все хорошо. Хорошо?..

Наутро, выспавшиеся и сытые, мы направились к заколдованному замку. Тропа вела через горы, барон и шестеро тяжелых всадников нас сопровождали, подробно инструктируя бесполезными советами. Например, как положено разговаривать с благородной дамой Бумбрумгильдой. Или как долго будут петь менестрели о нашем СОВМЕСТНОМ подвиге. Или куда я потрачу заработанные деньги, в том смысле, что не захочу ли вдруг подарить всю сумму молодоженам, а они назовут сына моим именем? Определенные люди свято убеждены в моем полном идиотизме. Неужели у меня действительно такое доверчивое лицо?

– Вот он, – доложил героический женишок, тыча пальцем вперед.

На вершине горы стоял классический замок злого колдуна. Хоть срисовывай с натуры и вставляй в сказку. Стены высокие, башни стройные, без бойниц, ворота нараспашку (такая хитрая уловка), все, естественно, черное, флаги траурные, кругом гробовая тишина, нарушаемая лишь зловещим карканьем воронов, не хватает только мертвых с косами. Рядышком ни деревца, ни цветочка, ни мотылька.

– Считаю своим долгом предупредить, что мои воины, войдя в ворота, назад не вернулись. Мы ждали весь день, а к вечеру ветер выкатил их пустые черепа. Представляете – они буквально насквозь проржавели!

– Какой кошмар, – участливо поддержала Лия.

Мы втроем были надлежащим образом экипированы для диверсионной работы. В те благословенные времена войска ходили в поход с полным самообеспечением, и штатный портной трудился всю ночь, зато к утру четыре черных костюма сидели на нас как влитые. Мы выглядели настоящими ниндзями. Я таких в кино видел. Соответственным образом было подогнано и оружие. Жан взял с собой короткий меч и тяжелую, длинную цепь с «кошкой» на конце. Его молодая жена набрала свинцовых шариков и спрятала тонкий нож в сапожок. Я, разумеется, оставил себе Меч Без Имени, слегка закоптив на огне серебристое лезвие. Никакая сила никогда не заставила бы меня добровольно расстаться с этим дивным оружием.

– Пойдем сейчас или дождемся ночи, так страшнее, – поинтересовалась мужняя жена. – Хотя вообще-то я предложила бы проявить благоразумие и тихонечко смыться с деньгами.

– Но это подмочит репутацию милорда. К тому же у них останется основная часть нашего заработка, – деловито заметил Жан.

Господи, как быстро они становятся похожими друг на друга. Муж и жена – одна сатана! Кажется, судьба сделает из них идеальную пару.

– Ша! Довольно базару, уркаганы! Гасим чинарики и шелестим на дело. Кто первый сделает нехороший шухер, получит от меня неотвратимый втык!

Мои напарники так серьезно кивнули, словно хоть что-то поняли. Барон и его люди честно разинули рты, предполагая, что я пользуюсь специальным колдовским языком опытных похитителей принцесс. Но к нашему мероприятию иной жаргон и не шел. Вот так, небрежно насвистывая «Мурку», мы двинулись вперед. К воротам вышли как квалифицированные наемники – короткими перебежками, прикрывая друг друга и дрожа, как кролики. Никакого намека на стражу! Осторожно войдя внутрь, мы бегло оглядели небольшой двор, посыпанный песком, – никого. Ворота за нашими спинами беззвучно закрылись.

– Ситуевинка? – мило полюбопытствовала Лия.

Господи, как быстро они все перенимают.

– Эй там, на барже! Мы сюда не шутки шутить заявились. Кончай дурью маяться, а не то всех сарынь на кичку и отплясала наша Маня свой последний краковяк! – храбро заявил я, стараясь держаться за спиной Бульдозера.

В ответ раздался такой демонический хохот! Мы все слегка присели.

– Давайте сдадимся, милорд! – быстро зашептал Жан. – Посидим недельку на хлебе и воде, а потом мой папа нас выкупит.

– Чувак по уму меркает, дело молотит! – хрипло поддержала Лия.

Нет, я начну строго следить за своей речью! А пока, попытавшись принять самую

благородную позу на полуприсяде, мне пришлось возвысить дрожащий голос:

– Это кто же там хихикает? Обычно все трамвайные хамы, потешавшиеся над нами, сейчас вспоминают об этом на небесах! Выходи и посмеемся вместе!

Хохот стал еще громче, а из входной арки появилось милое обезьяноподобное чудовище с потрясающей мускулатурой. Оно ревело, скалило зубы и помахивало здоровенным топором. Только-то?! Ну, тут уж мы все вздохнули поспокойнее. На Ристайльской битве и не таких видали. Мои ребяташки ухайдакали мартышку в полминуты. Лия ловко швырнула ей под ноги горсть свинцовых шариков, а когда зверюга, потеряв равновесие, хряснулась на песок, трусливый рыцарь мощным броском вогнал ей в горло короткий меч.

– Следующий! – бодро пригласил я.

Хохот загрохотал снова, хотя и не такой уверенный. Из дверей выскочили две тощие фигуры в черных балахонах, с закрытыми капюшонами лицами и длинными трехпальными руками. Оружия у них не было на первый взгляд. Наши новые противники, не говоря дурного слова, бессовестно начали швыряться компактными шаровыми молниями. Откуда они их брали? Наверно, сами трансформировали.

Мы рассредоточились, теперь битва напоминала одностороннюю игру в снежки. Хорошо, что балахонистые двигались медленнее, и пока что молнии успешно разносили двор. Потом меня осенило.

– Жан, ты что-нибудь смыслишь в электромагнитной индукции?

– Смыслю, – почему-то соврал он.

– Тогда постарайся захлестнуть цепью обоих негодяев.

– Как прикажете, милорд.

Мой оруженосец с упора лежа подцепил одного громовержца «кошкой», а другим концом цепи красивым жестом обмотал плечи второму. Он вообще очень хороший вояка, все умеет, его только подбадривать надо. Электричество сработало! Такой треск поднялся, сноп искр, дым вонючий, у супостатов аж капюшончики вверх воспарили – ага, не нравится! Несчастных растрясло, как на электрическом стуле, и вскоре от них остались лишь кучки пепла.

– Будем продолжать навязчивую демонстрацию силовых структур или перейдем к поискам дипломатического компромисса на основе демократического плюрализма?

Хохот раздался снова, теперь уже крайне смущенный. Ну и фразочку я им закрутил, долго будут гадать, что это значило. Новое заклинание, завуалированное предложение о перемирии или попросту грязная площадная ругань? Прямо перед нами из ничего материализовались три каменных истукана с кувалдами в руках. Лия шарахнула в одного шариком – свинец, сплюснвшись, отскочил ей в лоб! Она подумала и прилегла, притворившись тяжело раненной. Бульдозер увернулся от одного ходячего монумента и что есть силы вlepил мечом в ребра другому. Кованая сталь разлетелась на куски, а мой оруженосец повалился на землю, воя от боли – он здорово вывернул себе запястье.

– Ну все! Хватит! Я рассердился! Баста, карапузики, кончились танцы! Вас еще не предупреждали о том, как я страшен в гневе?! О, да я так свиреп, что сам себя боюсь! Молились ли вы на ночь, Дездемоны?

Трое каменных дураков пошли на меня. Меч Без Имени взлетел вверх серебряной молнией, снеся первому то, что он именовал башкой. Легкость поразительная – нечто вроде отрезания кусочка сыра. Мой меч сек камень, как тесто, и вторую авангардную статую с острова Пасхи я расплосовал от плеча до пояса. Третьего вообще изрубил в щебенку и долго

озирался в поисках еще кого-нибудь подходящего. Да, Меч Без Имени – это вам не морковка!

– Наконец-то! Избавитель! – Из дверей выбежал крохотный мужичонка и, хлопая в ладоши, рванул ко мне.

Но Лия, полулежа, ловко цапнула его за ногу:

– Стоять! Милорд, неужели мы еще будем слушать этого пингвина?! Время – деньги...

– Что значит: он тут хозяин?! Милорд, я искренне недоумеваю, чего мы с ним рассусоливаем? Нам же заплатили. Нет, если он хорошо знает Лабиринт, я же не спорю. Ради Бога! Давайте наденем на него строгий ошейник с длинным поводком, чтоб не сбежал, и уже тогда...

– Лия! Я на тебя саму ошейник надену!

– Но, милорд...

– И намордник!

– Но, лорд Скиминок...

– И прививку от бешенства! Не заводи меня, и так настроение препоганейшее. Какого черта мы тут воевали?! Ради чьего счастливого детства кровь проливали? Но пупсика не трожь, он и сам здесь в пострадавших...

Мы вчетвером сидели на ступеньках замка, не слишком злобно переругиваясь по поводу происходящих событий. Моя спутница упрямо держала за расшитый воротник плаща нашего низкорослого пленника. Невысокий такой, пухленький бородач, чем-то похожий на гнома. По одежке, разноцветным глазам и противной улыбке – явно волшебник. Он представился как граф Ляпс де Арт. Не знаю, как там насчет авангардного искусства, но костюмчик он расцветил таким количеством магических символов, что хоть сейчас на выставку. Да и амулетов на нем висело, как на ходячем вернисаже. Ну и хрен бы с ним – его дело, просто мы опять влипли в нехорошую историю.

– Мне не хватает подробностей. Давайте еще раз по порядку. Вы можете членораздельно объяснить – какого рожна похитили эту Бумбрумгильду?

– Так ведь как же можно иначе? Традиция такая, господин ландграф, – вновь залопотал наш несуразный хозяин. – Замок этот мой, от отца и деда, от деда и прадеда, так что сами видите...

– Ничего не вижу, – честно признал я.

– Ну как же можно не украсть?! Традиции семейные, обычаи, устои, преемственность поколений – если есть девица, то как же не похитить?.. Еще предки мои, пусть им в Аду не кашляется, когда замок строили, то так и планировали! Девиц благородных красть, в Лабиринте содержать, рыцарей отгонять, как мух поганых, а выкуп брать. На том и жили, должен признать, не одно столетие...

– Ближе к делу.

– И хорошо жили. Я всегда имел свой кусок хлеба с двойным маслом. Конечно, были неувязочки. Но какие?! То влюбленный рыцарь оказывался слишком ретив и таки находил свою голубку в Лабиринте. То девушка попадалась слишком впечатлительная и постоянно впадала в истерику, а у меня давление. Но чтобы такое... Не-е-т, увольте! Добровольно я к ней не пойду.

– Не пойдешь – побежишь, суслик-переросток! – с опасной нежностью в голосе протянула Лия. – Будешь разнюхивать след и быстренько найдешь нам невесту барона. А не то...

– Мы никогда долго не разговариваем с грязными похитителями маленьких девочек, – весело подтвердил Бульдозер.

– Это она-то маленькая девочка?! – аж подпрыгнул бородатый граф. – А вы ее видели? Да она меня может посадить на ладонь и кормить сахаром, как ученого попугая! Она же мне половину мебели переломала – просто садясь!!! И ржет все время, как ненормальная...

– Косею от этого мелкого террориста, – задумчиво признал я.

Исходя из традиций глухой семейственности и порочных генов, он без зазрения совести, тащит под шумок невинную девицу. Прелестная нимфетка с кустодиевскими формами и счастливым, искристым смехом куда-то загуляла в собственном замке недалекого похитителя. Для ее развлечений в незапамятные времена был построен Лабиринт, населенный минотаврами и прочими не менее приятными зверюшками. Улыбчивая девочка исхитрилась перед прогулкой спереть у владельца замка перстень с магическим кристаллом, что, естественно, позволило ей шляться в самых криминогенных зонах без малейшего вреда для прически. С другой стороны, этот прыщ бородатый теперь не смеет сунуть нос в свой же Лабиринт и прячется ото всех в робкой надежде встретить безнадежно тупого рыцаря, желающего избавить его от необузданных колдовских тварей. За стопроцентный риск предполагается в награду пятикилограммовое сердце и ковшеобразная ручка смешливой милашки. Дураков по сей день нет! Судя по рассказам очевидцев, красотка запросто могла бы выступать на соревнованиях борцов сумо. Ей-богу, это не страна, а заповедник для кретинствующих оригиналов!

– Милорд! – в один голос заворчали Лия с Бульдозером. – Есть такое понятие – Родина...

– Цыц! Прений мне еще не хватало. – Похоже, я рвал удила, но раздражение било через край. – Как она могла свистнуть у вас кольцо? Почему сидит в Лабиринте, а не отправится домой? Какого черта ворота не открываются изнутри? Сколько еще ужасиков готовы перегрызть нам горло, пока мы доберемся до принцессы? И откуда, леший вас раздери, раздастся этот дебильный хохот? Отвечайте коротко, по существу, ибо я в страшном гневе! У меня других дел выше крыши. Например, Раюмсдаль с зубками папочки.

– Она его взяла, когда я упал, запнувшись о ковер в спальне, – покраснел Ляпс де Арт.

– А что ты искал у нее в спальне, противный шалун? – ехидно сощурилась Лия.

– Ну... я... это не совсем то, что вы подумали. Мне же надо было удостовериться, что она девица! В дни моей молодости незамужние девушки были воспитаны в более строгих традициях. Сейчас уже не те времена, нравственность резко падает... Так вот, когда я свалился, она проснулась, заорала, бросила в меня подушкой, а пока я вылезал, надела мой перстень с кристаллом черного оникса. Она напрочь лишила меня всего моего могущества!

– Нельзя держать все яйца в одной корзине. Законспектируйте. Дальше и короче.

– Из лабиринта она сама не выйдет, будет ждать, когда ее выведет доблестный рыцарь. Ворота заколдованы и откроются лишь в двух случаях: если к замку приедет герой-спаситель или невинная девица коснется рукой внутреннего засова. Чудовищ много, все разные, но они тоже блуждают в перепутанных коридорах, так что есть шанс с ними не столкнуться. А смеется принцесса. Она всегда смеется, здесь эхо хорошее – усиливает и тянет. Все!

– Ясно. Привал, отдыхаем. Мне нужно подумать.

В размышлениях прошел час. Маленький похититель крупных девственниц жалко слонялся по двору, тыча палочкой в останки поверженных монстров. Белобрысая наша тишком сгрызла яблоко и сейчас демонстративно чистила ногти небольшим кинжальчиком. Жан истово молился, уговаривая Господа простить ему грех нападения на государя, спасти

его немощное тело в Лабиринте, убедить лорда Скиминока вообще туда не ходить и каким-нибудь великим чудом вернуть принцессу жениху без надлежащих жертв с нашей стороны. Я – мыслил! Сначала логически, апеллируя фактами. Потом абстрактно, раскладывая ситуацию на составные при независимом взгляде со стороны. Да ну! Что так, что эдак – все равно помирать! Лабиринт большой, искать в нем принцессу можно хоть целый год. Хозяин уверял, что в центре есть базовая комната для пленниц с большим запасом еды и всеми удобствами. Туда он нас отведет, так что не пропадем. Сложность в том, что эта дура шляется где попало и, благодаря магическому перстню, ей и стол, и кровать – там, где взбредет. Вероятность прямого столкновения... Ну, эдак процентов двенадцать. Если учитывать одиноко бродящих чудищ, а также заблудившихся рыцарей, принцев и королевичей всяких... Оказывается, кое-кто по сию пору ищет свою пассию в перекрестках Лабиринта, а за нее давно выкуп уплачен. Лия права, мы мало запросили за эту работу. Интересно, а сама принцесса согласится отдать кольцо владельцу? Женщины, они такие непредсказуемые...

– Да не убегу я! Не убегу, – навязчиво поскуливал маленький граф, грозно вздергивая бороденкой.

Наша неумолимая спутница надежно держала его за воротник. Мы с Бульдозером осуществляли общую охрану экспедиции. Лабиринт был красивым. Потолок высокий, коридоры широкие, стены из разноцветного туфа, нигде ни пылинки, факелы светят без чада – одним словом, магия! Впечатление портили разве что человеческие кости, временами встречающиеся по пути. Ну, дело привычное! В такой обстановке нервы быстро грубеют. Пару раз мы слышали чей-то голодный рев, осторожные шаги крадущихся лап, неприятное царапанье когтями стен, но пока все проходило мирно. Правда, как-то из-за поворота на Жана бросился худой рыцарь в ржавых доспехах. Бедняга окончательно сбрендил от голода, скитаний и неудовлетворенной любви. По-человечески его можно было только пожалеть. Но этот псих вцепился зубами в голень моего оруженосца и начал ее жевать. Молодожен завопил благим матом, из ноги хлынула кровь, а мне пришлось взяться за меч. Что поделаться, излечить мы его не могли... Жан перевязал рану тряпочкой и похромал вслед за всеми.

– Ах, ты, проводник паршивый! – зашипела агрессивная супруга, встряхивая Ляпса за шиворот. – Бульдозера я тебе еще прощу, он и так слишком крупный, но если кто-нибудь тяпнет милорда...

– Стараюсь, как могу!

– Я тебе поогрызаюсь!

– Лия, прекрати терроризировать человека!

Я едва успел повернуть меч в сторону левого прохода. Выскочившее чудовище в виде традиционного минотавра буквально нанизалось на серебристое лезвие, клинок ушел в грудь по самую рукоять. Налитые кровью глаза остекленели, ужастик рухнул на пол, воздев к потолку раздвоенные копыта.

– Ах, ты, Сусанин липовый! – Теперь уже я едва удерживался от более крепких выражений. – Ты куда нас завел?! Бродим, бродим, а просвета никакого. Где наконец твоя комната отдыха? Где?!

– Лорд Скиминок, – вклинился трусливый рыцарь, – там большая змея!

– Дай ей по тыкке и не отвлекай меня от праведного гнева! Так я спрашиваю, где... Мама дорогая!!! Жан, какого черта ты так разозлил эту громадину?!

Из правого коридора высунулась свистящая голова гигантского удава, способного легко заглотить лошадь. В сравнении с рептилией амазонская анаконда показалась бы скромным

червячком.

– Но я... Вы же сами приказали... Я и дал ей по носу.

– Бежим! – завопил маленький граф, и мы дали деру.

Без умения вовремя делать ноги в этом мире не выживешь. Спасало то, что пресмыкающееся было слишком длинным и из-за толщины плохо маневрировало на поворотах. Потом Лия с разбегу влетела в объятия красноносого дебила с двуручной пилой и разнокалиберными ногами. Она не испугалась, ловко плюнула ему в ухо, а тут подоспели и мы с ревом и блеском стали. Мужик бросил все, убегая с завидной скоростью. Больше нам никто не встретился, а через четыре поворота мы вошли в огромную залу.

– Привал! Всем отдыхать. Разрешаю предаться неге и излишествам, – снизошел я, глядя на роскошную пятиспальную кровать, богато уставленные столы, мраморную ванную за целомудренной ширмой и инкрустированное сортирное ведро в углу.

– Сюда не может войти ни одна нечисть, – отдышавшись, пояснил хозяин замка. – Вот здесь со всевозможной роскошью, полным пансионом и всеми удобствами мои предки содержали плененных принцесс. Ну, скажите на милость, чего ей здесь не хватало? Зачем надо было куда-то убегать, красть мой перстень...

– Не смей милорда! – хмыкнула Лия. – Любая нормальная женщина взбунтуется, если посреди ночи к ней под одеяло ползет бородатый недомерок, страстно озабоченный сохранением ее девственности. Хотя лично меня сначала бы стошнило.

– Дрянная девчонка! – вспыхнул граф Ляпс, подпрыгивая, как петушок. – Да я с тобой...

Дальнейшие слова перешли в невразумительное бульканье. Могучая рука Бульдозера сгребла карлика за шиворот и некоторое время старательно взбалтывала.

– Она. Моя. Жена, – четко выговаривая каждое слово, доложил мой оруженосец, строго уставясь в ословелые от страха глазки своей жертвы.

– Макни его в ванну, Жан, – устало попросил я, растягиваясь на кровати.

Маленький волшебник нравился мне все меньше и меньше.

– Лучше в помойное ведро! – вякнула недотрога, но ее муж уже сделал свое дело.

Незадачливый бородач пролетел через всю комнату и вместе с ширмой рухнул в воду, подняв тучу брызг.

– Девочка моя, разберись насчет обеда. Жан, разбуди меня через полчаса.

Мой сон был короток, но приятен. Снилось, будто бы я в Астрахани, сижу в доме-музее Хлебникова, за столом с зеленой скатертью, а в стакане остывает крепкий чай и ароматом поэзии благоухает каждый предмет. Мне некуда спешить, есть время полистать старые книги, посмотреть картины, насладиться тишиной... Благословенное место, очищающее от быта, суеты, скверны и возвышающее душу завораживающим звучанием знакомых стихов...

– Положи на место, скотина ненасытная!

М-да... это не Хлебников. Меня разбудили. Так и есть, милые бранятся – только тешатся. Бульдозер петляет между столов с сосиской в зубах, следом вдохновенно скачет Лия, размахивая половником, а мокрый граф робко сидит в уголке, ожидая сухарика.

– Эй, там, на барже! Прекратить бег с препятствиями – всем обедать. Что у нас в меню?

Сытые, вымытые, выспавшиеся, мы развалились на кровати, держа военный совет. То, что Ляпс де Арт выведет нас из Лабиринта, не вызывало сомнений, дорогу он найдет. Вот как найти славную принцессу, по возможности не нарываясь на яркие произведения больной, колдовской фантазии, – это вопросик посерьезнее... Просто хотелось побыстрее

закончить с такой паршивой работенкой, получить свои кровные и отвалить. Зубы Ризенкампа не шли у меня из головы. А ведь и кроме них существовали весомые проблемы с кришнаитами, которые, видите ли, бегают даже после смерти. Или со старушечьим лицом, висящим в воздухе. О, забыл о самом главном – какая скотина объявила на меня охоту, наняв профессионального убийцу?

– Эй, граф! Пока мы не пустились в дальнейшие безумства, не проясните ли мне как опытный волшебник пару небольших непонятностей?

– Спрашивайте, лорд Скиминок, – несколько раздраженно буркнул бородач.

Похоже, он на нас еще дулся. Что ж, у него были на то причины. При плохом настроении у нас троих отнюдь не ангельский характер.

– Что вы знаете о Зубах Ризенкампа?

Наш хозяин закашлялся, наверно, рассчитывал на вопросы попроще. Поняв, что я имею в виду именно то, что сказал, он долго прочищал горло, высмаркивался, постукивал себя кулачком в грудь, пока наконец не начал говорить:

– О Зубах не так много известно. Вы читали старинные предания?

– Кое-что, но они такие туманные.

– Это дань традиции. Обычно предсказания получают из весьма мутного источника. Разные вызывания духов, беседы с мертвыми, жертвенные гадания на крови... Ничего удивительного в том, что детали не ясны до самого конца. В смысле, до полного исполнения пророчества. К тому же многие передают их в запутанных стихах, философских цитатах, математических формулах. Это своеобразный язык символов и образов, абсолютно недоступный пониманию непосвященных. А ведь даже профессионалы дают порой совершенно противоположные толкования одного и того же текста.

– Так что там конкретно о Зубах? – вежливо напомнил я, граф явно хитрил, бродя вокруг да около.

– М-м... Даже не знаю, с чего начать... Ну, в первую очередь это связано с природными катаклизмами. Зубы, когда и где бы ни проходил о них слух, всегда являлись предвестниками моров, землетрясений, потопов, снежных заносов или песчаных бурь. Во-вторых, все это приводило к политическим изменениям. Завязывались войны, дробились королевства, нарождались новые государства, забывались старые, и так до тех пор, пока кровь Ризенкампа не брала верх. В мире устанавливался определенный порядок. Шаткий, валкий, но все же... Последний властелин Локхайма, уничтоженный, как я понимаю, лично вами, за время своего царствования натворил много дел. Следовательно, его достойный сын, Раюмсдаль, добравшись до Зубов, должен обрести могущество Ризенкампа и построить новый мир по собственному усмотрению.

– Нечто подобное мне уже объясняли, хотя, может, и не столь научно. Но растолкуйте, что же все-таки на самом деле представляют собой Зубы?

– Э-э... это чисто философский вопрос. Боюсь, точного ответа вам не даст никто. Лично я склоняюсь к мнению тех, кто утверждает, что это замок.

– Ладно, благодарю за информацию. А теперь скажите-ка...

– Милорд! Кто это?! – в полный голос завопила Лия, прерывая серьезный разговор.

Мы аж подпрыгнули на кровати. Кто это? Можно подумать, я знаю... За линией входа в комнату стояло незнакомое чудище с туловищем медведя и головой рогатого осла.

– Не волнуйтесь, оно не может пересечь магические границы, – успокоил бородач. – Здесь мы в полной безопасности.

Ему ответил счастливый женский хохот. Тот самый, что развлекал нас у ворот. Надо же, какое эхо... Комната для плененных принцесс находилась на перекрестке коридоров, то есть теоретически имела четыре входа. Так вот все они быстро заполнялись разнокалиберными монстрами, которые хотя и не могли к нам войти, но тем не менее закупоривали для нас все четыре выхода.

– Ну и что? Долго они будут на нас пялиться? Лорд Скиминок, вон тот зубастый так подозрительно сладко уставился на ножки Бульдозера... Облизывается! Да не красней ты – любая девушка гордилась бы такой формой. Вот, ей-богу, эти черные лосины превосходно подчеркивают красоту ног нашего...

– Надо признать, Жан, кое в чем она права, – вслух подумал я, невольно рассматривая нижнюю половину моего смущенного оруженосца. – Дорогуша, тут каждый на нас облизывается. Мы для них вроде ходячих гамбургеров.

– Все?

– Все.

– Даже этот небритый фурункул?

– Вон, вон она! – неожиданно завизжал Ляпс де Арт, подпрыгивая на месте. Довольно высоко, надо сказать. Приглядевшись, я и вправду усек у левого входа искомую принцессу. О-ля-ля... Сказать, что она была большая, значит не сказать ничего. Ростом поменьше Жана, но повыше меня. Щеки, как у бульдога, подбородков три, глаз сразу не видно (жиром заплыли?), грудь словно два лиманских арбуза, зад скорее напоминает корму небольшого баркаса. Платье на ней едва не трескалось по швам. Интересно, занимается ли она хоть какой-то общественно полезной деятельностью, кроме еды и сна? Вряд ли. При такой фигуре слова «диета», «шейпинг», «аэробика» и «гербалайф» должны считаться трехэтажным матом. Господи Боже, сколько ж приданого надо было пообещать, чтобы Хрум Хром де Хорст клюнул на такую знойную красотку?!

Первой сориентировалась наша златовласка. Она цапнула со стола длинный хлебец, мгновенно располосовала его пополам, швырнула туда смачный шмат ветчины, добавила зелени, сыра, помидоров и, щедро обмакнув в грибной соус, замахала этим сооружением в сторону похищенной:

– Куть, куть, куть...

– Лия! – не сразу сообразил я. – Ты чего?! Она же не собачонка какая-нибудь.

– А как ее приманить?

– Ну, не знаю...

– Вот и не мешайте мне! Я лучше разбираюсь в психологии крупных женщин. Если она на что и клюнет, так только на большой бутерброд. Эгей, принцесса! А что у меня е-е-есть... Такой вкусный, такой аппетитный, такой калорийный, а запах... Хочешь укусить? Ну-ка, иди сюда! Цыпа, цыпа, цыпа...

Вот хоть сквозь землю провались со стыда с этой девчонкой! Положеньице у нас и впрямь идиотское. Сидим тут, как в фешенебельном отеле на Таити, носу высунуть не можем по причине обилия скалозубых аборигенов, а та милашка из-за которой вообще весь сыр-бор разгорелся, гуляет среди них, небрежно поплеывая в нашу сторону. Впрочем, временами она хохотала. Гомерически, без повода, в полный голос.

– У нее кольцо на руке! – восторженно засипел хозяин Лабиринта. – Видите, вон то, большое, с черным ониксом!

– Однако, – пожал плечами Бульдозер, – у нее на каждом пальце по два-три таких же.

– Это она нарочно! Чтобы я не догадался, какое из них магическое! С помощью перстня даже неискушенная в колдовстве принцесса может позволить себе очень многое.

– Высокородная девица Бумбрумгильда! Славная дочь доброго короля Долболоба по прозвищу Дуб Мореный, не соблаговолишь ли ты войти к нам и усладить наши души светской беседой под хорошее вино и достойное угощение? – К концу тирады я почти выдохся. Все эти велеречивые средневековые пышнословия меня порядком утомляют. Но уж если надо, я так настропалился чесать в дворцовом стиле, что мог бы и дипломатическим советником у Плимутрока подрабатывать.

– Ха-ха-ха! – соизволил обратить на меня внимание этот жиртрест женского рода. – Странные слова говоришь ты, незнакомец в черном. Лицо твое приятно, усы густы, манеры обходительны, но кто знает, какими интимными предложениями ты станешь искушать невинную деву? Хи-хи-хи...

– Она почти клюнула, милорд, – сквозь зубы процедила Лия. – Не дайте ей оборвать леску и уйти!

– О, премудрая и осмотрительная принцесса. Видимо, на пути твоём попадались не только достойные люди, – притворно посокрушался я. – Верь мне! Единственное мое желание – лицезреть столь обширное великолепие неземной красоты и вслушиваться в твой ангельский смех, подобный журчанию весеннего ручейка в тенистой долине.

– Не переборщите, лорд Скиминок, – осторожно буркнул Жан. – Если она хоть раз смотрелась в зеркало, то она вам не поверит.

– Молчал бы лучше! Поучись у милорда обращению с дамами. Мне, законной супруге, сроду таких слов не говорил, а еще пытаешься давать советы нашему господину, как охмурять женщину!

– Да тише вы, оба!

Бумбрумгильда задумалась. Судя по всему, это был процесс достаточно непривычный. Диковинное зверье шарахалось от нее столь стремительно, что казалось, у животных тоже есть вкус к красоте. Хотя на самом деле вся загвоздка была, конечно, в перстне.

– Ха-ха-ха! По сердцу мне твои учтивые беседы, и готова я слегка распустить путы осторожности, сев с тобой, незнакомец, за один стол. Но скажи, прежде чем я войду в эту комнату, а не хочешь ли ты попросту спойть меня вином, уложить на меха и, воспользовавшись...

– Не-е-е-т!!! – в голос заорал я, представив себе роскошную перспективу.

Мои ребята зажали уши.

– И незачем так орать, – наставительно отметил маленький граф, поднимаясь с пола. – Можно подумать, у кого-то возникли сомнения в вашей порядочности?

– Ха-ха-ха! Скромный рыцарь – выдумка менестрелей. Но что-то есть в твоих глазах, внушающее доверие... Пожалуй, я и решусь войти, но что среди вас делает этот злобный колдун, похитивший меня из родительского дома?!

– Этот? – Для наглядности я приподнял Ляпса за шиворот. – Какой же он злобный колдун? Он безобидный сексуальный маньяк с фрейдистскими комплексами и плохой наследственностью. Уверяю вас, что с нами вы в полной безопасности. Ну, заходите же, Лия уже разливает вино.

Бумбрумгильда хихикнула, помялась для приличия и вошла. Уф! Легко со средневековыми женщинами: предложи ей вина, скажи пару ласковых – и дело в шляпе!

Говорят, и в моем мире такие еще встречаются. Только не мне. Те, что попадали в мое поле зрения, обычно требовали коньяков, квартир, машин и прочих материальных благ. А эта, пожалуйста... Хотя, с другой стороны, на кисель, компот, чай со сливками уже не купилась бы.

– Милорд, – тихо подкатился Жан, – если мы бросимся скопом, то наверняка успеем повязать ее прежде, чем она догадается о...

– Стыдись, Бульдозер! В каком монастыре тебя учили так обращаться с дамами? Я-то надеялся, что женитьба сделает из тебя более интеллигентного человека.

– Тут многое зависит от жены, – попытался выкрутиться мой оруженосец, но его супруга ловко отвесила ему дежурный подзатыльник.

– Только попробуй вякнуть, что тебе в этом смысле не повезло.

– Молодожены? – игриво подмигнула им подоспевшая принцесса.

– Угу, – скорбно потупились оба.

– Хорошенькая девочка. Прямо кукла! Гы-гы-гы! – Бумбрумгильда заговорщицки пнула Жана в бок. – Небось любишь безумно?

– Ага! – подтвердила Лия. – Совсем мозги потерял...

– Хрум Хром де Хорст? Никогда не слышала этого имени.

– Вот те раз! А он уверял, что является вашим женихом.

– Жених?! Ну, тогда другое дело! В наше время приличной девице трудно подобрать себе достойную пару.

– Девушке из высшего общества трудно избежать одиночества, – кстати ввернул я.

– И не говорите... Мужики мельчают. Лия, девочка моя, а он симпатичный?

– Он настоящий сердцеед! – упоенно затараторила коварная наша. – Высокий, стройный, жгучий брюнет с ловеласовскими усиками, тонок в обращении с дамами, образован, богат, храбр в бою и просто необузданный демон в постели!

Глаза Бульдозера налились кровью, он уже открыл было пасть, как я ловко заткнул ее лимоном:

– Молчи, несчастный! Лия все делает правильно.

– Но милорд... я... она... – Жан героически прожевал весь фрукт вместе с кожурой. – Я всего лишь хотел уточнить, откуда она знает, каков этот хлыщ в постели?

– О Боже! Нашел время изображать ревнивого испанского быка. Не будь идиотом, мы же все время были вместе!

– Ничего не знаю! Как законный супруг я имею право...

– А кольцо? Мое кольцо! Пусть отдаст! – уже в шестой раз со слезами теребил мой рукав бородатый похититель.

– Кстати, достопочтенная принцесса не хочет ли взглянуть на благородного барона поближе? Вряд ли стоит здесь надолго задерживаться. Быть может, ваше счастье уже истомилось, ожидая за воротами?

– Вы искуситель, ландграф! – громко расхохоталась Бумбрумгильда. – Конечно, мне жуть как интересно поглядеть на того, кто так рьяно добивается моей руки. Вот только с чего этот плюгавый жулик ко мне пристает?

– Он убежден, что вы по досадной случайности и печальному недоразумению надели вместе со своей бижутерией и его перстень.

– Что?! – взвился граф. – Да она его внаглую сперла! Сняла с моего пальца! Ограбила,

украла, стащила, как последняя воровка!..

– Бух! – Лия ловко накрыла брызжущего слюной хозяина пуховой подушкой, а Бульдозер, пятясь задом, унес его в угол комнаты.

– Мне послышалось, – милостиво решила принцесса.

– Я бы тоже не унижался до переговоров с мерзким похитителем, но именно он довел нас до этого оазиса. – Я подлил ей вина, продолжая хитрую светскую беседу. – А что, это кольцо действительно что-то может?

– Чудовища от меня шарахаются. Постель и еда появляются там, где хочу, стоит только подумать. Может, есть и другие свойства, но я их не знаю.

– Вы позволите взглянуть на перстенок поближе?

– Для вас, лорд Скиминок, все, что угодно. Но, честно говоря, я не знаю, какое именно кольцо все вытворяет.

– Как?

– Ну, когда он упал... Я его не грабила!

– Верим! – дружно кивнули мы.

– Так вот, какое-то кольцо и вправду откатилось к моим ногам. Я опустила его в кармашек, фыркнула и пошла гулять. Это было в первую же ночь моего пленения, я и не ведала, что Лабиринт кишит всякой нечистью. Потом случайно сунула руку в карман и вытащила целую горсть одинаковых перстеньков! Красивые. Я ношу все семь, а уж какой из них магический... Вы ведь не намерены их у меня отнимать?

– Нет, – подумав, сообщил я.

Вот когда граф Ляпс де Арт выведет нас наружу, тогда пусть и разбирается с похитительницей полюбовно. В конце концов, оба хороши. И тот и другая явно врут каждый в свою пользу. Ну их. У меня своих хлопот выше крыши. Надо выйти к воротам, слупить деньги с барона, решить, куда мы двинемся, и искать Раюмсдаля. Но не забыть бы про кришнаитов, Зубы Ризенкампа, наемного убийцу, ножи с клеймом одуванчика. Да мало ли... Чтобы хоть что-то сделать, нельзя просиживать штаны в комнате со всеми удобствами! Здесь, конечно, попримачнее, чем на вокзале, абсолютно никакой клаустрофобии, жить можно, и даже ужастики не особенно нервируют, но... Мне это наскучило. Не затем я возвращался в эту полную приключений эпоху, чтобы торчать за праздничным столом, уламывая глупую, толстую бабу, склоняя ее к замужеству с хитрым поклонником приданого. Мне гораздо интереснее скакать верхом по зеленым равнинам, совершать подвиги, защищать замки, брать крепости, спасать друзей, одним словом...

– Ах ты, крыса подзаборная!

– Милорд, милорд, милорд!

– Пусти, дубина стоеросовая, я в него апельсином запущу!

Вот так грубо и бесцеремонно все вламываются в мой внутренний мир. Топчут лучшие, светлые мысли. Мешают глубине чистых устремлений. Попросту выводят из меня себя!

– Прекратить орать!!! Что у вас, в конце концов, стряслось?

Все разом примолкли, переглядываясь и переминаясь с ноги на ногу. Начала осторожная Лия:

– Лорд Скиминок, вы не поверите... Вот я сижу себе, как паинька, зашиваю дырку на рукаве.левой рукой! Вы понимаете, как мне неудобно... А ведь рубашку не снимешь – этот двухметровый баран уставился на меня, словно на кулебяку, и облизывается. Он мне, конечно, муж. Но я настоятельно прошу вас призвать его к порядку или в противном случае

вся тяжесть возможного превышения необходимой самообороны с моей стороны ляжет на ваши...

– Бульдозер?

– Милорд. Я вообще смотрел в другую сторону! У меня и в мыслях не было, что кто-то может счесть мое недокормленное состояние близким к нескромному разглядыванию дамы. Знаете, в последнее время мы едим так нерегулярно! Никакого режима. Это вредит организму. Я буквально приблизился к голодному обмороку. Для оруженосца такого знаменитого рыцаря, как вы, это было бы...

– Бумбрумгильда?

– А что я? Все помыслы невинной девицы моих лет заняты будущим супружеством. Мой отец, великий и храбрый король Долболоб Мореный Дуб, воспитывал меня в строгих правилах. Я и предположить не могла, что какой-то бородатый недомерок воспользуется моим лирическим раздумием для того, чтобы подло и низко...

– О боги! Хоть кто-то объяснит мне, что здесь произошло? Эй, Ляпс де Арт, может быть, вы?.. Где граф?! – осенило меня.

– Сбежал, – понурились все трое.

– Как это – сбежал?

– Цапнул у меня с пальца кольцо и рванул в левый проход между ног минотавра.

– Вот гад! Получил свое и бросил нас на произвол судьбы!

Не стоило мне это говорить. Всем и так было плохо. Самим нам из Лабиринта не выбраться. На сей раз мы капитально влипли...

– Так, значит, взвод, – слушай мою команду! Лия, распусти на нитки вон то покрывало с кровати. Бульдозер, заверни в простыни побольше провизии, свяжи все в один узел, будешь грузовым осликом. Принцесса, сожалею, но без магического кольца эти твари охотно закусят такой аппетитной особой, как вы. У нас нет лишнего оружия. Вот это вам не подойдет?

Бумбрумгильда кивнула и отработанным солдатским движением взяла на плечо высокий трехрожковый подсвечник. Новобрачная лихорадочно наматывала клубки. Жан любовно складывал в белоснежную скатерть жирное жаркое. Мы торопились. Дело в том, что с левого коридора, по которому удрал коварный граф, почему-то ушли и чудовища. Следовало бросить все и рискнуть. В последний раз окинув грустным взглядом комнату отдыха, я дал приказ двигаться вперед. Лия привязала конец нити к ближайшему стулу и, держа в руке моток, первой шагнула в неизвестность. Ничего сверхособенного о брожении по Лабиринту рассказать вам не смогу. Все одно и то же. Бесконечные коридоры, неожиданные повороты, широкие перекрестки... Где-то я читал о том, что, чтобы выбраться из лабиринтов, вроде надо все время сворачивать влево. Из духа противоречия мы с завидным постоянством сворачивали вправо. За два часа похода нам встретилось всего одно чудовище – здоровенный волосатый мужик с собачьей головой. Мы с Жаном обнажили мечи, но зверь, по-видимому сообразив что к чему, тихо поскуливая, ушел без боя. Почему?

– У нас такие страшные глаза! – тонко польстила Лия.

Хоть стой, хоть падай. Ей-богу, ее комплименты запивать надо. И очень крепкими напитками, иначе не обидеться невозможно! Больше никого не встречали. Еще через пару часов кончился клубок, а он был не маленький. Как всякий разумный полководец для пресечения панических настроений я объявил привал и приказал выдать отряду двойную порцию вина. От усталости и спиртного принцесса повалилась спать. Мы милостиво решили

не будить, конечно, ей такие походы в диковинку, а новобранцев жалеют.

– Милорд, я не пьяная, я все понимаю. Нитки кончились... все... нам всем... А как хочется жить и жить!

– Бульдозер, не наливай ей больше. Так она и меня в тоску вгонит.

– Но, лорд Скиминок, она права, клубка больше нет, Лабиринт может тянуться на тысячи миль – он магический. Мы рискуем блуждать здесь вечно...

– Ик! Нет! Мы перемрем с голоду! Сейчас разревусь... Не утешайте м-меня... Я так хотела... Я так надеялась... ой, мама...

– Жан, давай апельсин, она хоть какое-то время помолчит.

Лия действительно отвлеклась, сосредоточенно, как мартышка, отколупывая оранжевую кожуру маленькими кусочками.

– У нас есть нить, – продолжал я, – мы просто вернемся в ту маленькую комнатку и, запасшись клубками, пойдем по новой. Какой бы ни был этот Лабиринт, через год или два мы отсюда выйдем.

– Через сколько?!

– А как хотелось люб-б-ви! Ласки! Пон-нимания! Дом свой... Дети! Где тут мой законный суп... руг?

– Жан, дай ей еще апельсин и налей рюмку, может, тоже уснет...

Наша боевая подруга только нюхнула вино и сразу же мирно захрапела. Мы с оруженосцем сидели молча, размышляя каждый о своем. Надо подождать, пока дамы выспятся, и уж тогда возвращаться обратно. Я неожиданно поймал себя на мысли о том, что совершенно не вспоминаю о своем времени. Возможно, у меня слишком деятельный характер, возможно, детская любовь к сказкам переросла в нечто большее... Здесь мои друзья доказывают свою преданность мечом и кровью, а не ссужением полсотни до зарплаты. Здесь враги горят желанием насадить мою голову на кол, а не подвести меня под штраф. Здесь нет границ, которые бы не открыла закаленная сталь, нет таможни, документов, бланков, языковых барьеров. Понятие «честь» – это не только воинская или девичья. Понятие «долг» – не обязательно финансовое. Понятие «благородство» существует только здесь, в моем мире вообще не знают, что называть этим словом. Я не хочу отсюда уходить. Мне здесь нравится. Да, меня многое держит в моей стране, и я хотел бы быть там полезен, но... Не знаю! Если буду и дальше так рассуждать, то запутаюсь окончательно.

– О... а... лорд Скиминок... – Принцесса блаженно потянулась до хруста в суставах. – Уже пора в дальний путь?

– Как вам сказать... Торопиться в общем-то некуда. Дело в том, что клубок размотан до конца и... мамочки мои!

Нитка уходила за поворот коридора. Именно уходила, точнее, медленно, с чавканьем уползала. Жан хлопнулся на пол, ухватил ее за кончик и вытянул из-за угла крокодилоподобное существо на паучьих ножках. Пришлось взяться за меч, но смысл... Из пасти зарубленного чудовища торчали жалкие остатки Лииногo клубка.

– Не понимаю причины твоей глубокой грусти, геройский ландграф? – искренне удивилась Бумбрумгильда, когда мы, растолкав Лию, дружно ударились в тихую панику. Что можно было объяснить этой дуре?!

– Мы... как бы помягче сказать, находимся в некотором размышлении, – едва сдерживая ругательства, процедил я. – Как вы видели, нехорошее порождение графского дебилизма

только что съело нашу путеводную нить.

– Ну и что?

– Да ничего такого! – почти радостно заорал Бульдозер. – Просто мы не можем вернуться назад.

– А зачем?

– К вечеру я могу захотеть кушать! – в полный голос взвыла Лия, трагически выкручивая себе руки.

До принцессы что-то дошло. Теперь я хорошо понимаю, почему у ее отца такое оригинальное прозвище – Дуб Мореный. По-видимому, умственные способности они передают по наследству точно в той же пропорции, что и получают. В таком случае им можно только посочувствовать...

– Вы хотите сказать, до вечера я не увижу своего возлюбленного?! Ну уж нет, господа! У меня свадьба! Женихами в наше время не разбрасываются. Вы, конечно, как хотите, а я пошла!

– Куда? – тихо и почти ласково полюбопытствовали мы.

– Вон туда. Потом направо до перекрестка, а там по прямой к выходу! – убежденно встала принцесса.

Одним взглядом заткнув рты Лие и Бульдозеру, я жестом пропустил ее вперед. Интуиция, озарение, предвидение, шестое чувство – называйте это как угодно, – я нутром чувствовал, что она знает, куда идти. В гвардейском ритме мы едва поспевали за решительно-размашистым шагом Бумбрумгильды. Лишь раз нам попался какой-то щуплый мертвец с зубастым кинжалом. От столкновения с мощной грудью крупной женщины его припечатало к стене, и он сполз на пол без всякой помощи с нашей стороны. Я на всякий случай оглядел несчастного, добивать было уже нечего – ни одной целой косточки, включая плюсны и предплюсны. Так, сплошная щебенка.

– Ваш выход, милорд!

Наш выход? Невероятно! Вот он! Сияющий солнечным светом прямоугольник двери. Господи, я был готов ее расцеловать! В смысле, принцессу. Наверняка и моих ребят обуревали похожие чувства. Да, граждане! Нельзя недооценивать таинственную силу женской души, способной ради замужества преодолеть все преграды и выйти навстречу любящему сердцу.

– Ваше Высочество, я ваш должник! Слово ландграфа, приложу все усилия для вашего счастливого брака. – Я изобразил самый учтивый поклон.

Следом за мной склонил голову верный Бульдозер, и даже Лия благодарно присела наподобие реверанса. Принцесса поочередно обняла нас троих. Может, она и толстая, но у нее добрая душа...

Мы вышли к воротам. Нас никто не задерживал, не провожал, следов сбежавшего графа вообще не было видно. Хотя зачем мы ему? Он свое кольцо получил, пленниц наворует новых, а затевать лишние потасовки не в его интересах. Бумбрумгильда дотронулась до массивных засовов, и они бесшумно отошли в стороны. Тяжелые ворота заколдованного замка распахнулись. Ну вот. Можно вздохнуть посвободнее. Еще одно опасное приключение мы успешно свалили с наших натруженных плеч.

– Вас ждут, – тронул мой рукав заботливый оруженосец.

За воротами, оцетинившись железом, стояли грозные ряды армии нашего работодателя барона Хрум Хром де Хорста. Что-то уж очень мрачными были их лица. Меня вновь

охватили нехорошие предчувствия...

– Это он? – Проницательная принцесса указала на худого рыцаря в черных доспехах с перьями страуса на шлеме. На всякий пожарный, барон укрылся за двойным рядом копьеносцев. Вот что мне очень не понравилось, так это двое бритоголовых в оранжевых накидках, скромненько бьющие в барабаны. Они стояли рядом с нашим нанимателем и делали вид, будто их ничего не интересует.

– Вот ваша невеста, барон! – громко объявил я. – Достопочтенная леди Бумбрумгильда, дочь и наследница храброго короля Долболоба Мореного Дуба, вырванная мной из коварных лап злого волшебника Ляпс де Арта. Будете брать или как?

– Что значит – или как? Конечно, буду! – засуетился жених, приподняв забрало. – Приди же в мои объятия, славная принцесса. Дай мне руку, и я учтиво отвезу тебя к твоему отцу, с робкой надеждой на одну улыбку взамен долгих лет моих мучительных страданий.

– Очень воспитанный, – кивнула Лия, подталкивая Бумбрумгильду вперед.

Принцесса смущенно гоготнула и, расталкивая локтями воинов, быстро добралась до барона. Взгромоздившись на подведенную крепкую белую лошадку, она левой рукой сгребла за шиворот будущего супруга и смачно чмокнула его в редкие усы.

– Прощай, лорд Скиминок! Спасибо тебе за все. Будешь в наших краях – заезжай! Мы всегда рады ландграфам.

– Эй, эй, эй! – возмущенно зашумела наша правдолюбивая. – А где наш законный гонорар?!

Суровый рыцарь, друг барона, молча швырнул к нашим ногам кошель с золотом. Меня передернуло. Какого черта?! Кто им позволил так с нами обращаться?! Рукоять Меча Без Имени медленно нагревалась...

– Мы вряд ли увидимся, ландграф. – Напоследок Хром де Хорст помахал мне рукой. – Мир меняется. Говорят, что скоро придет новый король. Люди не знают, чему верить, но эти добрые кришнаиты достигли всех глубин истины и учат нас. Мне очень жаль... Вы меня понимаете? Тяжелые времена, дикие нравы, полное падение устоев... Мы спешим к венцу, пожелайте нам счастья.

Барон и принцесса тронули лошадей. Они уже скрылись за поворотом, но войско не собиралось уходить. Склонив копья, они молча двинулись на нас...

Бежать было некуда, да и не успели бы. Конечно, сзади раскрытые ворота, замок и вход в Лабиринт, но для этого придется повернуться спиной, и я прекрасно понимал, сколько стрел в меня всадят, прежде чем я сделаю хоть пару шагов. Мысли проносились в голове с феерической скоростью. Меч Без Имени грозно сверкнул у меня в руке. Жан начал раскручивать цепь над головой с приглушенным рычанием. Как видите, на разумные действия мы были уже не способны. Положение усугубила Лия. Присев на камушек, она стала чистить ногти маленьким кинжальчиком, небрежно бросив в мою сторону:

– Лорд Скиминок, не убивайте всех, оставьте, пожалуйста, хоть одного, а то некому будет рассказывать о вашем новом подвиге.

Железная стена ступевалась и сбивала шаг... До сих пор не понимаю, эта девчонка издевается надо мной или так искренне верит в мою непобедимость?

– Спа-а-си-и-те-е!

От такого визга войско барона подняло копья на плечо и организованно отступило на шаг назад. Из заколдованного замка пулей вылетел борогатый граф Ляпс де Арт. Не вдаваясь

в объяснения, он коlobком подскочил к ошарашенным воинам, пытаясь протолкаться между колен поглубже в середину.

– Случилось что? – невольно любопытствовал я.

– Это... это... не кольцо! Не то кольцо!!! – выкрикнул злосчастный похититель, скрываясь-таки в рядах кованых латников.

– Ничего не понимаю... – Мы с Бульдозером пожали плечами.

Люди барона глядели на нас с равноценным недоумением. Мгновение спустя на их лицах отразился ужас. Я обернулся и тоже на какое-то время окаменел. Из дверей заколдованного замка с ревом и рычанием выпрыгивали все монстры, созданные дикой фантазией хозяев Лабиринта. По-видимому, убегая, граф невольно показал им выход, чем и воспользовались голодающие чудища. Теперь между ними и перепуганным войском стояли только мы...

– Ложись! – Я изо всех сил толкнул Жана в грудь.

Он подхватил застывшую с раскрытым ртом Лию и распластался у левой створки ворот. Я, прижав к себе меч, клубком отлетел к правой. Две армии столкнулись! Не стоило смотреть на то, что произошло потом. Звери не ели много дней, и опыт борьбы с рыцарями у них был. Средневековые меченосцы, выросшие в мире, где летают драконы, шастают упыри и гуляют гоблины, тоже по привычке и не дрогнув взялись за оружие. Особенного страха не было, люди знали, что делали. Железо и боль – обычная профессия солдата. Мы не вмешивались. Не менее сорока озверевших от недоедания, свежего воздуха и солнечного света монстров бросилось на острый, железный круг обороняющихся людей. Их с почетом приняли на мечи и копья. Рев и стоны разрывали воздух. Буквально через десять – пятнадцать минут все стихло. Чудовищ перебили. Из почти трехсотенного войска уцелело человек пять. Они стояли в крови, в помятых доспехах, едва держась на ногах от усталости. Куда делись кришнаиты, признаться, не уточнил, на это страшное месиво и глядеть-то не хотелось. Из-под кучи тел выкарабкался бледный Ляпс. Полбороды у него явно не хватало, одежка была изорвана, физиономия перемазана грязью. Мы неторопливо отряхнулись...

– Можете идти домой, ребята, я вас не задерживаю.

Воины барона подумали, сравнили соотношение сил, кивнули и, поймав себе лошадей, отправились восвояси. Хм, обрадуется ли Хром де Хорст их рассказу?..

– Валите и вы, граф. Я не сержусь. С одной стороны, вы, конечно, порядочная скотина – бросили нас на произвол судьбы и, сперев перстень, коварно смылись. А я-то рассчитывал вернуть его вам мирным путем. С другой стороны, мы все-таки выбрались и, благодаря вашей подлости, даже спаслись от вооруженных работничков сволочного женишка. Хотя не уверен, что вы это сделали от доброй души, страстно желая нам помочь. Так что шли бы вы... Мы с Бульдозером не станем пачкаться, но Лие лучше не попадаться под горячую руку. У нее такая тяжелая сковородка...

Понуриив голову, злобно зыркая по сторонам, наследственный похититель принцесс побрел в свой замок.

– Милорд, – нахмурил брови Жан, – здесь нет наших лошадей, я уже посмотрел. Наша одежда и доспехи бесповоротно пропали. В таких костюмах, может, и удобно ходить в разведку, но на дороге мы будем слишком выделяться. У меня нет даже кольчуги...

– Ну и что? По-моему, не страшно. Мне очень нравится гулять именно так. Мужчины, как вы находите мой облегающий стиль? – элегантно выгнулась сладострастная недотрога. Черная ткань обтягивала стройную фигурку, как перчатка.

– Бульдозер прав. Где-нибудь в гавайском экзотическом варьете ты бы имела шумный успех. Но в вашем средневековом варварстве это выглядит чересчур эротично. Вся в черном... Так возбуждает! Тьфу, о чем это я?! В общем, при подобном искусстве нам от тебя толпу всяких желающих придется метлой отгонять. Не пойдет! У нас и других дел полно. Нам всем нужно переодеться.

– Какие вы скучные! Переодеться... Во что? Тут, конечно, полно всякого ломаного доспеха, рваных кольчуг и прочих дырявых костюмчиков, но лично я не намерена снимать уцелевшие штаны с трупа.

– Лия! Будешь меня изводить, я возьму хороший ремень и сам сниму с тебя...

– Конечно! – игриво перебила златовласка. – Я вам давно предлагала. Вы ведь мой господин, и вам все можно. И потом, право первой ночи... А, милорд?

– Бульдозер, – устало выдохнул я, – пойдем в замок, возможно, хоть что-то подберем.

Мы вернулись, обшарили все комнаты, хозяин как сквозь землю провалился. Личный гардероб графа оказался мал даже Лие, о нас с Жаном и речи не было. Что еще? В отдельном шкафу обнаружилась уйма женских платьев самых разных размеров и фасонов. Интересно, как у них тут обходятся с одинокими дамами? Может, все-таки по-рыцарски? Рискнем! Раз уж мы выбрались из пределов Срединного королевства в Окраинные княжества – давайте жить по вашим законам. По отношению к невесте Хрум Хром де Хорст слишком большой скотиной не выглядел. Гад, конечно, но мы встречали и похуже. Опять же, если здесь есть короли Долболобы с толстыми дочерьми, то хоть какое-то благородство в плане женщин у них культивируется. Хотя... по-моему, тут каждый третий бурый феодал объявлял себя королем и остальные на это дружно чихали. Не знаю... Но пышная, яркая юбка – все же такое удобное прикрытие для меча. После долгих размышлений и горячих споров мы приняли неадекватное решение. Да, черт возьми! Можно подумать, у нас был выбор...

Глава 3

Темная сторона

Затаив дыхание люди и нелюди следили за тем, кто Мечом Без Имени раздвигал полог ночи. В те дни Смерть собирала обильную жатву, но тринадцатый ландграф всегда находил щель, ускользая от клыков, окрашенных кровью. Если же щели не было – он просто выбивал Зуб!

Хроники Локхайма

– Милорд, я все-таки рыцарь, – неустанно скулил Бульдозер. – Меня наградили золотыми шпорами за Ристайльскую битву. Без доспехов, щита и копья мне попросту неудобно. Я не могу ходить в юбке! Я падаю!

– Не отвлекай господина предрассудками! Нужно двигаться мягче и грациознее. Во-первых, забудь о строевом шаге, при такой длине подола даже я скопытилась бы! Во-вторых, приличная девушка не размахивает руками, как ветряная мельница. В-третьих, судя по твоему выражению лица, у тебя дико болят зубы. Расслабься и улыбнись.

– Мне жмет корсет!

– Боже, да у тебя талия и так в четыре моих обхвата! – возмутилась Лия, она не менее часа упаковывала супруга в длинное свадебное платье с пышной фатой и своеобразным рогатым сооружением на макушке.

Интересно, это у них такой местный взгляд на модельные шляпки или явный намек на ветреного жениха? Я, в свою очередь, был одет в некое подобие азиатского костюма, что, естественно, гораздо удобнее. Получилась неплохая восточная гурия в цветастых шароварах, многочисленных легких накидках и жилетах, шелковом тюрбане на голове, с лицом, закрытым вуалью. Почему? Ну, не сбривать же усы из-за такой мелочи! Меч Без Имени я пристроил за плечами, обильно замаскировав блестящими газовыми тканями с люрексом. В общем, ничего так персияночка... Несколько плечистая, слишком узка в бедрах и руки крупноваты, но это уж для особо привередливых. Лично я находил себя очень симпатичной милашкой. Лия оделась в красное платье деревенской девочки, убрала под ремешок волосы и повесила небольшой кинжальчик на пояс. Скромненько, но со вкусом. У нее-то совсем никаких проблем. Проблемы у одного Жана. Лошадей мы поймали быстро, после побоища их тут носилось штук двадцать. Вы уже догадались, в чем горе? Наша геройская спутница держалась в седле, как заправская старушка в кресле-качалке. Я, благодаря шароварам, мог ездить как обычно. А вот мой оруженосец вынужден был сидеть по-дамски, боком! Заставьте кадрового рыцаря в женском платье сесть верхом на горячего скакуна боком – Жан сверзился в первую же минуту! Мы с трудом его подняли, отряхнули, поправили и вновь водрузили на лошадь.

– Лорд Скиминок! А почему они сидят именно так? Какой дуре первой взбрело в голову...

Ба-бах!

– Потому, что подол длинный, а эротические разрезы в вашем времени не практикуются.

– Но это же неудобно! Я не могу даже...

Бах-тарарах!

Мы его снова подняли, успокоили, но Бульдозер встал на дыбы. Его тоже можно понять... В результате через горы двигалась странная дамская компания. Светловолосая девочка из зажиточной крестьянской семьи на белой кобылке. Восточная красотка с таинственно завуалированным лицом, верхом на вороном рысаке. Здоровенная девица с мрачной физиономией, высоко подоткнувшая подол и ведущая своего могучего коня в поводу. До вечера мы не встретили никаких особенных приключений. Жан умотался настолько, что буквально рухнул в кустах, наплевав на ужин, и спал без задних ног, забывая даже храпеть. Еще бы! Весь день пешком, на каблуках, догоняя наших резвых лошадей. Мы с Лией коротали ночь в приятной беседе, добывая последние припасы из комнаты пленниц заколдованного замка.

– Милорд, может, я чего и недопонимаю, но вот как этот бородатый злодей мог спутать свое волшебное кольцо?

– Ничего удивительного, ты же видела, сколько золота было на пальчиках застенчивой девицы. На каждом не менее двух! Немудрено и обознаться. Просто он так уверенно шмыганул между ног нечисти, что те обалдели от его наглости. У него была фора, прежде чем они бросились в погоню и освободили нам коридор.

– Значит, ужасики гнали графа по всему Лабиринту, пока он, обезумев, не рванул к выходу.

– Именно так. Представляю себе, что чувствовал Ляпс де Арт, когда понял, что перстень его не защищает.

– Так ему и надо! У, волк позорный! Такой шухер на дело навел, чуть всю малину не замели.

– Лия! – Я едва не задохнулся от скорости перенимания ею всего, чего не надо. – Тебе вот только наколки на спину не хватает. Завязывай с этой феней!

– А что? Даже очень свежо и оригинально. У нас так никто не разговаривает, и потом, ведь именно так все и произошло. Стукач свое оттарабанил, менты лукнулись, но мимо.

– Прекрати, тебе говорят!

Ну почему я не могу привнести в это время что-нибудь действительно дельное, полезное, прогрессивное, научно-революционное? Это же надо! Показал дураку, как изготавливать порох. Ведьмочку надоумил кидаться тарелками в бабушек. Чертей заставил вылизывать пыльную, каменистую территорию. Рыцарям продемонстрировал элитное искусство сражения врага в честном бою нижним бельем с бантиками. Монахов искусил рисованием голых женщин на дверях. Гоблинов толкнул на исполнение пируэтов фигурного катания на промасленных полах. Кардинала Калла научил говорить «офигеть!». Мирных кришнаитов обязал бегать за мной на средние дистанции даже в мертвом виде. Лия, Бульдозер и Вероника настропалились выражаться так, что в моем времени приличное общество давно бы валялось в негодующем обмороке ногами кверху. Как видите, в целом их мир поимел от меня массу добрых советов. Наверное, именно поэтому мне уже и не хочется отсюда уезжать – я здесь и так как дома.

– Милорд, а что мы сделаем с Раюмсдалем, когда поймаем?

– Я тебе его подарю. Посадишь в будку, дашь миску с мозговой косточкой, а лаяться он умеет, как пять собак сразу.

– Издеваетесь?

– Шучу. Ладно, не ворчи. Скажи лучше, почему за Окраинными княжествами (кажется, тут мы сейчас находимся) все еще есть неисследованные земли.

– Танитриэль ведь говорила, что это в основном бесплодная пустыня. Туда многие рыцари ездят. Кто за подвигами, кто за головой дракона, кто просто хочет отвоевать себе королевство. Там много разных нелюдей живет, даже и люди есть, но такие злые! Да иначе как выживешь? Короля у них нет, каждый сам за себя. Если на кого нападет стая вампиров, соседи даже не почешутся. Но уж если Зубы где и спрячутся – так только там.

– Знаешь, крошка, мне наши походы напоминают детскую игру. Ставишь фишки, бросаешь кубик, пока дойдешь до финиша, тебя могут сто раз съесть. Ну а когда дойдешь, тут вот и понимаешь, что твоя победа никому особенно не нужна.

– Это как так?! – подпрыгнула блондинка. – Вы же знаете, что Зубы – огромная беда! Что ж мы, задаром кровь проливаем, ночей не спим, голодаем и холодаем? А светлое будущее всего прогрессивного человечества?! Ну нет, милорд! Теперь вы послушайте меня...

Господи, и этому тоже я научил? Мама дорогая...

Я не слышал шагов сзади. Не почувствовал предупреждающего тепла Меча Без Имени. В этом мире нет места беспечности и легкомыслию. Тебя тут же пленяют, вяжут, надевают мешок на голову, бьют по ней же, а потом волокут неизвестно куда. Ничего более обстоятельного рассказать не могу. Помню только, что жутко болел затылок, куда меня приложили чем-то мягким, но тяжелым. Ни малейшего повода с нашей стороны, ни малейшего предупреждения с их. Способность соображать вернулась ко мне лишь спустя не менее часов пяти. Я пришел в себя на охапке сена, надышавшись сквозь разреженную мешковину разных травяных ароматов. Руки связаны, ноги тоже, на голове мешок, хорошо хоть кляп не засунули. Рядом кто-то ворочался и ругался до боли знакомым голоском. Не-е-ет... я предпочитаю попадать в плен вместе с Жаном. Он хоть просто поскуливает, никого не обижая, а эта крохотулька своими эпитетами кого угодно доведет до той степени каления, после которой похитители с превеликим удовольствием утопят нас прямо в мешках. Даже если до этого у них были другие планы. Интересно, куда ж это нас занесло на этот раз?

– Лия! Это я, твой храбрый господин.

Ругательства хлынули с новой силой! Теперь к ним присоединились страшные угрозы от моего имени. Я даже вздрогнул: никогда не предполагал, что она считает меня способным на такие изощренные зверства.

– Солнышко мое, может, ты хоть на секунду заткнешься? Спасибо. Попытайся говорить спокойно. Где мы?

– В плену.

– Умничка! Я тоже так подумывал, но хотелось посоветоваться – вдруг я не прав? А кто нас захватил? Ты их случайно не видела?

– Видела. Я даже успела сказать: «Ой!» Потом меня повязали, стукнули по лбу и понесли. Я брыкалась, орала и, по-моему, все-таки укусила одного за палец через мешок.

– Через мешок не больно.

– Как сказать... С чего бы ему тогда так вопить?

Послышались шаги. Чьи-то бесцеремонные пальцы осторожно ощупали мою фальшивую «женскую» грудь, потом мою настоящую задницу и, удовлетворенно хрюкнув, перешли к другому объекту.

– Убери свои руки, похотливая свинья! Не видишь – я замужем!

Очень интересно... Если Лия так же лежит связанная, с мешком на голове, без обручального кольца на пальце и штампа в паспорте, то как же можно понять, что она замужем? А, какая разница... Наши похитители разрезали веревки у меня на руках и быстренько смылись. Я стащил с взмокшей башки мешок, потом размотал вуаль, отшвырнул в сторону надоевший тюрбан. Уф! Взопрел окончательно. Первым делом надо осмотреться. Мы находились в небольшой, уютной пещерке, на покрытом соломой полу. Выход был прикрыт надежной бревенчатой дверью. Впрочем, сбитой очень грубо, и сквозь щели проникало достаточно света. В углу стоял деревянный поднос с кусками вареного мяса и миска с водой. Ну, это уже что-то! От голода не умрем. Подумав, я развязал себе ноги, после чего занялся распутыванием моей ворчливой спутницы.

– Цела?

– Угу. Милорд, вы ведь им покажете? Покажете, да?

– Какие проблемы! Сейчас отдохнем немного, перекусим, а потом как начнем мордовать всех подряд. Полетят клочки по закоулочкам!

– Это будет только справедливо, – серьезно кивнула Лия, подтягивая к нам еду. Какое-то время мы были очень заняты.

– Слушай, а где Бульдозер? Что они с ним сделали?

– Орки? Да наверняка они его и не заметили. Он же спал в кустиках, как мышка, шагов за десять от костра.

– Возможно... А кто такие орки?

– Я их видела в магической книге у Веронички. Невысокие, похожи на смешных обезьянок, одежды не носят, разговаривать не умеют. Дикари...

– А мы им зачем? Хотя, помнится, многие варварские племена живут каннибализмом.

– Чем, чем?

– Ну, людей едят.

– Упаси Господи, страсти какие... Нет. Орки не едят людей. Они ловят женщин.

– Зачем? – задал я самый идиотский вопрос в своей жизни.

– Как зачем? – даже не покраснела Лия. – Для себя. У них женских особей мало и страшные все, как ночные кошмары. Вот орки и ловят. Их в книге так и называют – Озабоченные Орки.

У меня пропал аппетит. Мрачные картинки из стонущих порнографических фильмов запестрели перед глазами. Нет! Это должно быть, еще противнее. Какие-то полуобезьяны... Тьфу! Не хочу быть в роли похищенной принцессы. И вообще, я – мужчина! Может быть они мужчин отпускают? Все ж таки Озабоченные Орки, а не Голубые Гиены... Ой, маманя! Кто их, зверюшек, разберет, вдруг они, несмотря ни на что, озаботятся не в нужную сторону?! Хватит меня пугать! Я лорд Скиминок! Ревнитель и Хранитель!! Шагающий во Тьму!!! Тринадцатый ландграф Меча Без Имени! Угу. Вот так и буду орать во время всего процесса. Я вспомнил пальцы, щупающие мой зад. Да... Если титулы для них хоть что-нибудь значат, то за право обладания такой знаменитой персоной, как я, устроят турнир! Это должно льстить... А вот ни хрена не льстит! Я буду защищаться! Где мой меч? Нет меча. Или у них, или бросили там у костра. Раз они не пользуются оружием, Меч Без Имени им ни к чему. Я начал лихорадочно шарить по углам в поисках чего-нибудь подходящего для раскалывания голов и нанесения предельно тяжелых увечий. Лия наблюдала за мной с выражением легкого недоумения.

– Что-то случилось, милорд?

– Еще нет, но вот-вот случится! – истерически завизжал я. – Сидит тут спокойная, как танк. Ты хоть понимаешь своими куриными мозгами, что нам угрожает?

– Ничего особенного.

– Ничего особенного?! Ничего, ничего, ничего...

– Лорд Скиминок, они же имели глупость развязать вам руки, – доверчиво вскинула брови моя трогательная подружка. – Моей жизни и чести ничего не угрожает. Вы мой господин, и вы заступитесь за меня, милорд. Вы ведь им покажете? Покажете, да?

С тихим, нездоровым хихиканьем я повалил Лию на спину и начал душить. Когда круглые голубые глаза стали подергиваться туманной пеленой, за дверью послышались шаги. Это привело меня в чувство. Прислонив к стене зеленеющую девчонку, я быстро нахлобучил тюрбан и едва успел намотать на подбородок вуаль. В пещеру, улыбаясь, вошли восемь орков. Ну, насчет обезьян не знаю... Больше похожи на лиц кавказской национальности. Одежды никакой – степень возбуждения налицо. Я изящно поклонился, поднял Лию, поставил ее рядом с собой, похлопал по щекам...

– Милорд, вы чуть не...

– Это был стратегический план. Ситуация под контролем. Нам надо выйти на свет Божий, а уж там прорвемся с боем.

– Урк! Урк! Урк! – призывно загомонили орки, указывая на выход. Мы двинулись навстречу судьбе...

Правильней всего было бы назвать это место стойбищем. Приличная площадка меж гор, заросшая зеленой травкой. Повсюду небольшие шалашики, у каждого свой костерчик, домашних животных не видно. Посередине четыре врытых в землю бревна, двое орков укладывали туда свежесорванные цветы. Что это такое, я сообразил позднее... Народу было навалом! Беглым взглядом – душ сто, не меньше. Все волосатые, шумные и очень озабоченные. Нас встретили восторженным сладострастным ревом. Ага! Дошло наконец.

– Лорд Скиминок, вам не кажется, что их слишком много?

– Нет, не кажется! Я в этом уверен!

– Мы пропали?

– Пока нет. Погляди на эти счастливые рожи. Может быть, ты даже станешь для них секс-символом! Дня на два...

Нас торжественно вывели к столбам, и я увидел на них ременные петли для удерживания рук и ног несчастной жертвы грязных домогательств в горизонтальном положении.

– Урк! Урк! – восторженно вопили все. В толпе мелькали особи женского пола с огромными животами, явно беременные. Впрочем, детишек заметно не было. Какой-то гад больно ущипнул меня за бок. Не будите во мне зверя! Особенно зайца. Разве это орки? Это урки! Настоящая уголовщина! В этой стране все признают два национальных развлечения – войну и сексуальные извращения. Кто-то ткнул меня пальцем в грудь. Ну, все. Лично я предпочитаю войну!

– Эй, вы! Если сейчас же нам не покажут дорогу назад, то...

– Урк? – удивились все.

По-видимому, разговорчивые женщины для них в диковинку. Меня стали подталкивать к столбу.

– Предупреждаю в последний раз...

– Урк! – Ближайший маньяк, не в силах совладать с буйством желаний, страстно обнял мои бедра. Остальные восприняли это как сигнал к групповухе. Лия испуганной кошкой взлетела на верхушку столба, а я взорвался праведным гневом. Орки валились под моими кулаками, как манекены. Народец они крепкий и не трусливый, но низкорослый и понятия не имеют о контактном каратэ. К тому же вряд ли привыкли к дерущимся персиянкам. Они с урчанием лезли вперед, а я бился как бешеный. Черт! Любой мужчина, загнанный в такую ситуацию, будет биться как бешеный. Если, конечно, не решит резко сменить ориентацию... Я лупил их в хвост и в гриву, от души, старательно и со вкусом. Лия, сидя на столбе, гордилась мной. Она грозно верещала и подбадривала меня демоническим хохотом. Через полчаса я стал уставать. Орков было много. Слишком много. Еще какое-то время – и ноги перестанут меня держать. В отчаянии я сорвал с головы тюрбан, вбив его в пасть подскочившего слюнтявого красавчика. Следом полетела вуаль...

– Урк! – пораженно замерли ряды мартовских котов.

Я, тяжело дыша, стащил с мокрых плеч кисею и шелк. Удивленным взглядом Озабоченных Орков предстало невероятное превращение женщины в мужчину. Они так и замерли с распахнутыми ртами, даже возбуждение несколько спало. Вместо загадочно-драчливой, завуалированной персиянки появился свирепый я с закрученными усами, волосистой грудью и не улыбочивым взглядом. Подумав, толпа подняла глаза на мою спутницу, явно ожидая, что она тоже перевоплотится в бравого лейб-гусара.

– Сдавайтесь, бабайки! – тонким писклявым голоском потребовала моя спутница, задыхаясь от отчаянной храбрости. – Перед вами сам лорд Скиминонок, тринадцатый ландграф Меча Без Имени!

Тишина. Никакого впечатления. Да, а вот войска некоего Хрум Хром де Хорста, услышав мой титул, бежали как угорелые. Обидно. Угораздило же. Попасть в плен к таким необразованным варварам! Имя лорда Скиминока для них – пустой звук. Невероятно. Нет, какая наглость! Какое свинство! Какое вопиющее невежество!

– Урк! – угрюмо выдохнула толпа.

Судя по насупленным физиономиям, они решили поколотить меня за жестокий обман. Ну а Лию, следовательно, употребить по прямому назначению. Помрачневшие дебилы вновь настроились на решительные действия. Я тоже передохнул, так что не стал дожидаться гонга и начал второй раунд самостоятельно. На этот раз пришлось отбросить в сторону все сомнения, вспомнить предков, ведя мордобой по казацким правилам. Это значило бить врага один раз, но так, чтоб он, подлец, больше не поднялся. Жестоко, а куда денешься? Сзади истошно завопила Лия. Ее стянули со столба. Ой, как я рассердился! По-моему, мне даже удалось отбить ее у первых сластолюбцев. Потом меня облепили так, что я потерял ее из виду. Я был готов разреветься от бессилия. И тут грянул гром! Не небесный, но все отвлеклись... По каменистой дороге прямо на толпу Озабоченных Орков несся огромный всадник на могучем коне. Это была здоровенная женщина с трехметровым колом под мышкой, задраным подолом, крепко сидящая в седле. Я не сразу признал рыцарскую посадку родного Бульдозера. Он не стал сдерживать ретивый бег коня и врезался в маньяков, как английский ракетный крейсер в ряды китайских джонок. Он проложил себе дорогу на манер асфальтового катка, сделал разворот, сметая импровизированным копьём остатки уцелевших и, обернувшись ко мне, осторожно поинтересовался:

– Милорд, вы не будете меня ругать за задержку?

Я едва удержался от желания расцеловать этого дубового оруженосца. Ладно,

благодарности потом. Он понял мой взгляд.

– Вот ваш меч, лорд Скиминок.

О, какое блаженство, какое наслаждение, какой кайф – вновь взять в руки Меч Без Имени! Я очертил серебряный круг у себя над головой. Орки недовольно попятнулись...

– А ну их к лешему! Лия, прыгай на коня. Ты – впереди Жана, я – сзади. Поехали...

Нас не преследовали. Бульдозер направил жеребца вниз по склону, каменистая тропа затрудняла спуск. В любом случае мы еще легко отделались. Относительно. Наша умничка сидела на холке гнедого, сжавшись в комочек. Ее гибкую фигурку украшали некрупные лохмотья исподней рубашки. Судя по сопению, взорваться может в любую минуту. Не хватает только отработанного тиканья часового механизма. Знать бы, насколько ее завели, чтобы успеть ничком упасть в сторону и прикрыть ладонями уши.

– Убери свои лапы, мерзавец!

Началось... Что ж, минут десять она честно молчала. Лимит исчерпан.

– Милорд, ну чего она? Я ведь ни сном ни духом.

Бесполезно, парень. Ты же видишь – девчонка на грани истерики. Ей надо выговориться. Я лично не вмешивался. Жизнь и так коротка.

– Как ты мог? Как ты мог?! – Лия прыгнула на камушек и, размахивая перед Жаном какой-то белой ниточкой, ударила в сбивчивую, несправедливую, обвинительную речь: – На нас напали, а ты спал! Дрых самым свинским образом! У, бугай со шпорами! Ты знаешь, что с нами хотели сделать? А?!

– Вот, я... это... спешил.

– Он спешил! Он спотыкался! Он падал на поворотах! Каким божественным чудом ты вообще на нас натолкнулся? Хвала Деве Марии! Наш господин дрался как лев, защищая мою девичью честь!

Ну, не знаю... В то время я больше думал о спасении собственной задницы. Хотя, конечно, если девочке приятнее считать иначе – ради Бога! Это даже очень по-рыцарски. Еще один подвиг для храброго лорда Скиминока. Ой! Мамочка, как же все болит! Повернуться невозможно. Как они меня поколотили!

– Жалкий трус! Где тебя черти носили, пока над моим невинным телом хотели потешиться дикие толпы Озабоченных Орков? Не приближайся ко мне, у тебя тоже волосатые руки! Может, и ты орк? Или ты с ними заодно?! Признавайся!

– Милорд, успокойте ее...

– Не смей произносить всуе светлого имени моего господина!

О, это уже не грань, это сама истерика. Надеюсь, она его не убьет. Я тихо сполз с крупа коня, заткнул уши и растянулся на солнышке. Нагретый мшистый валун успокаивал усталые кости. Лиин голос начинал казаться таким далеким...

– Мы сражались, как мощные Самсоны против оборзевших филистимлян! Спина к спине, без оружия, без надежды на помощь, сочувствие, участие! Лорд Скиминок крушил их сотнями, он бился по колено в крови и громко пел балладу о черном вороне, который все равно не дождетса добычи, потому что он – не его! Я едва успевала вытирать милорду пот! А где был ты?! Где в это грозное время был ты, а? Набежал на готовенькое...

Вот ведь врет напрапалую. Почему же у меня нет ни малейшего желания вмешаться и восстановить истину? Ничего уже не хочу. Я не заметил, как просто уснул... Сон был короткий и дурацкий. Вроде бы иду я по Астрахани летом, вокруг зелень, девушки загорелые вздыхают, теплынь... И вижу – впереди по улице плывет такая красотка! Ножки точеные,

спинка прямая, талия – рюмочкой, зад – арбузиком. Надо бы спереди глянуть, убедиться, что и грудь – яндыкскими яблоками! Спешу, спешу, спешу... В природе все прямо-таки дышит. Хочу ее обогнать, убедиться, что и в профиль, и в фас тоже есть, на что полюбоваться. А не могу! Я быстрее – она шаг ускоряет. Я бегом – она за угол. Ищу ее по закоулкам – нет нигде. Потом снова мелькнула, поманила открытыми плечиками... Рванулся, а меня словно держит кто. И голос прямо в ухо: «Ты что ж, дурья башка, смерти ищешь?» Как вспышкой все озарилось! А девушка та идет себе впереди, покачивая бедрами...

Сбивчиво все. Под рукой ни сонника, ни живого толкователя снов. Ребятишки мои подозрительно притихли. Может, она его уже пристукнула? Или он ее, за разговорчики в строю? Я приподнялся на локте... Голубки сидели в обнимку, как пайньки. Лия, похоже, отревелась, и Бульдозер, прижав ее к груди, осторожно гладил по голове. Голубоглазая наша только вдохновенно всхлипывала, стараясь свернуться в наиболее компактный комочек. Ах ты, Господи! У меня аж сердце защемило, глядя на эту пасторальную сценку. Прямо-таки пастушка и пастушок из мейсенского фарфора. Я тут маюсь на жестком булыжнике, весь такой небритый, дел выше крыши, а они тут нюни разводят! Завидно, да? Конечно, завидно, ребята...

– Ну, юные авантюристы, отдых окончен, какие будут предложения?

– У нас определенные сложности, милорд. Когда я проснулся, ни вас, ни ваших лошадей уже не было. Мой конь скоро нашелся, орки его почему-то не тронули. Следов они не заметили, шли большой толпой, так что я срубил себе копые, сел верхом, задрал юбку, и к вам. Конечно, традиции рыцарства не позволяют ландграфу ходить в столь непристойном...

– Он хотел сказать, – Лия привычно прикрыла ладошкой рот разболтавшегося мужа, – что деньги в подсумке его гнедого. Но у нас нет еды, и мы с вами фактически голые.

Минуточку. Давайте приглядимся. Значит, на мне роскошные шелковые шаровары с цветным парчовым шарфом вместо пояса. Пыльные, грязные, кое-где прокусанные, но все равно совсем новые. Туфельки потерял в процессе кроворазлития. На волосатой груди православный крест на гайтане. Сам весь в синяках, царапинах, багровых кровоподтеках – как-то в горячке драки этого не замечаешь. Собственно, все. Усы деталью одежды не считаются. На моей спутнице – авангардное подобие кружевного белья от Юдашкина. Сроду не предполагал, что длинную нижнюю сорочку можно так интересно разорвать, где надо и насколько надо. Это тоже искусство! Однако... За время моего годовалого отсутствия у Лии пропала подростковая угловатость, сгладились линии, округлились формы, девочка выглядела как куколка. Под моим восхищенным взглядом кокетка томно потянулась и чуть подмигнула. Сгинь, зараза! Итак, полностью одет и экипирован лишь Бульдозер. Он вроде и по привычке к своему платью, вот если бы еще не шагал по-солдатски и не засучивал рукава... Ничего, нормальная крупная женщина, слегка небритая, а так – сойдет.

– Видуха у нас, как у последних оборванцев. Прямо какие-то курдские беженцы, ей-богу! В приличное общество точно не пустят. Надо добраться до людей и купить сносную одежду. Здесь нам ловить нечего. Жан, сажай жену на коня, мы с тобой пойдем пешком.

– Дамы его положения не ходят пешими, – наставительно поправила Лия. – Пусть уж он пока покатается, а я пойду рядом на веревочке, как рабыня или пленница. Тогда вы, милорд, сможете изображать восточного телохранителя.

Мы с Бульдозером подумали и признали ее правоту. Жаль, нам не удалось реализовать этот несложный план. С гор покатались камушки... Земля чувствительно задрожала. Вокруг, постепенно густея, начинало рокотать до физической боли знакомое: «Урк!» Нет, нет, нет!!!

Не хочу. Я устал, я голоден, меня все время обижают, ко мне все пристают с гнусными предложениями...

– Лорд Скиминок, это опять оно!

Прямо перед нами зависло бледное старушечье лицо полутораметровых размеров...

Здрате! Вас, бабуленька, нам только и не хватало. Да, где ж вы столько пропадали, болезная? Что давно не заходили, мы тут грешным делом и соскучиться успели...

Со всех сторон на нас высыпала целая армада Озабоченных Орков. Раз в десять больше, чем было. Наверняка они созвали на развлекалку все соседние племена. Вопят, как психопаты на проверке кала. Рожи злые, в руках камни, степень возбужденности градусов сорок пять. Ну что тут скажешь? Пока у меня есть Меч Без Имени и Бульдозер, у Бульдозера его оглобля и Лия, у Лии пара монологов обо мне и все, что она думает об орках... живыми нас не возьмут. Мы трое устало переглянулись.

– Будем их бить?

– А что нам остается, Жан? Конечно, будем. Их всего-то сотен семь-восемь. У каждого по кирпичу. Значит, в лучшем случае не более трех сотен с четвертью бульжников каждому из нас по голове. Ты, я думаю, выдержишь... Из оставшегося стройматериала соорудишь роскошный склеп наших пришибленных тел.

– Не смейтесь над ним, милорд! Он еще решит, что вы это всерьез. Да втроем мы им быстро напинаем! – бодренько включилась Лия. – У меня даже есть маленькое предложение. Вы двое наперегонки стучите им по сопаткам, а я подсчитываю, кто больше навалает. Победитель получает поцелуй.

– Хитра мартышка! – присвистнул я. – Нам опять щелчки да зуботычины, а тебе раздача призовых и утешительных поцелуев. Может, хоть для вида прогонишь кого-нибудь прутиком?

Лицо фантома взирало на наши перебранки со здоровым недоумением. Как я ее понимаю... Старушечьи глазки бегали туда-сюда с целью разглядеть у нас что-то такое, чего у других нет. Например, дырку в спине, где поворачивают заводной ключик... Бесцветные губы напряженно прошелестели:

– Живой? Опять живой...

– Да! – грозно рявкнула наша ревнивица. – Милорд и теперь живей всех живых – наша сила, знание и оружие!

– Ничего не понимаю.

– А тут и понимать нечего! – в том же тоне поддержал жену Бульдозер. – Вы кто? Привидение! Ну так сидите в своем замке и не лезьте в мужские дела. Фикция!

– Живой... Все живые, – монотонно пробубнило лицо. – Пусть умрут здесь. Сейчас.

– Ой, мамочки, как страшно! Не останавливайте меня, милорд, я ей наконец все скажу. В первый раз, когда это коровье вымя пенсионного возраста сунулось к нам, что было? На нас напали мертвые кришнаиты. Мало ей, карге беззубой! Опять приперлась! Не держите меня, я сама знаю, что надо быть вежливой с пожилыми людьми. Зачем она науськала на нас орков? Мне ведь их уже по-человечески жалко – они же об лорда Скиминка себе все зубы (или что там еще) обломают!

Лицо побелело, покраснело, потом пошло пятнами зеленовато-плесневелого вида, безуспешно пытаясь как-то вклиниться в бурную тираду нашей улыбчивой правдолюбки. Я махнул рукой и только едва сдерживался, чтобы не захохотать. Ей-богу, это было трогательно. Девочка-паж и трусливый оруженосец бросались на мою защиту, как храбрые щенки на

грузовой самосвал. Оба измотанные, голодные, нервные, стресс за стрессом, а туда же... Против нас уйма Озабоченных Орков, страшный фантом с фамильными чертами Ризенкампа – так нет! Мои нахалы им же еще и угрожают! Мы черт-те где, на враждебной территории, одни, без друзей брошенные и преданные – плевать! Триста граммов наглости, килограмм презрения, тонна откровенного хамства. Они думают, что мы повержены, прижаты к стене, растоптаны и раздавлены. Этого добра мне с лихвой отмерено и в моем мире... А здесь у меня есть друзья, которые не отмалчиваются за спиной, не утешают после драки, не ждут предсмертного хрипа или просьбы о помощи – они устроены иначе. Мои ребята сжимают кулаки, стискивают зубы, сдвигают брови и, не задумываясь о роковых последствиях, рискуют из-за меня своей карьерой, общественным положением, кошельком и головой. Если кто-нибудь скажет, что это подвиг, они удивятся или обидятся. Что сделаешь – средневековье, дикие нравы, свои понятия о чести...

– Убейте всех, – приказало лицо.

Меч Без Имени сверкнул серебряной радугой, и фантом рассекло пополам. Действует! Старушечья физиономия исказилась болью, нижняя часть медленно сползала вниз, а блеклые глазки приняли гневно-недоуменное выражение.

– Урк, урк, урк! – Озабоченные толпы бодро ринулись в атаку.

По идее это сражение могло быть достойным финалом моего повествования. Выстоять втроем против такого количества дубовой первобытной силы практически невозможно. Мы это понимали. Нас это не волновало. Но до первого крика ярости или боли с неба спустилась женщина...

Поверьте, я видел женщин в своей жизни. Всяких. Пусть не всех живую, пусть в кино, на картинках, пусть. Такой – не было! Лия симпатичная девушка, но Вероника более эффектна, хотя Танитриэль заткнет за пояс обеих. Так вот, этой женщине даже королева Локхайма могла бы служить последней судомойкой. Это было само очарование. Она с восхитительной легкостью спускалась к нам по невидимым ступеням. Великолепная фигура, затянутая даже не в платье, нет, скорее ощущение платья, волшебный вздох полупрозрачной переливающейся ткани обалденного фасона. Волна золотых волос поднималась пышной естественной короной. Лицо было столь прекрасно, что любая попытка описать его казалась святотатством! А грудь... Там была такая грудь! Увидеть и умереть... Потому, что жить после того, как твоим глазам открылась вершина красоты в сверхчеловеческом совершенстве – бессмысленно! Озабоченные Орки замерли с открытыми ртами. Женщина излучала всепоглощающую волну вожделения. Цунами! Это стихийное бедствие накрывало все, сдавливая дыхание, замораживая взгляд, замедляя бодрый ритм сердечной мышцы. Господи, что это было?!

– Обыкновенная богиня, – небрежно хмыкнула Лия, по-видимому, последнюю мысль я высказал вслух.

Богиня! Так вот что это такое! Женщина спустилась на землю и оглядела ряды орков слегка осуждающим взглядом, и случилось невероятное! Озабоченные ступшевались, стыдливо прикрылись ладошками и безропотно удалились. Они уходили не оборачиваясь, без единого признака гнева или возмущения, обиды или неудовлетворенности. Не убежден, что они раскаялись и решили стать примерными семьянинами, просто эта женщина была столь прекрасна, что ни одна мысль ниже седьмого неба не могла ее коснуться. Она возвышалась! Она... Нет, я не могу говорить. На глаза навертываются слезы умиления, в горле ком, по

спине холодный пот струйками, а в голове благовещенский перезвон колоколов.

– Милорд, они все ушли.

– А?

– Орки все ушли.

– Ну и что? Лия! Не отвлекай меня от возвышенного...

– Милорд, это всего лишь богиня. Она бесплотна.

– Я... – Обрушиться с гневной проповедью на несносную девчонку не удалось.

Восхитительная женщина улыбнулась и шагнула ко мне. Если мне удастся пережить это потрясение, то станет ясно, что у героев железное сердце. Бульдозер, например, застыл истуканом, не сводя с нее округлевших глаз.

– Здравствуйте, ландграф! – Ее голос был смесью звуков гварнериевской скрипки с журчанием ночного ручья и искрами кружащегося снега.

Я впадаю в поэзию...

– Здр... м-м... Рад! Так сказать... пол... польщен! Несомненно, польщен.

– Лорд Скиминок, вы что, никогда богинь не видели? – мило удивилась она.

– Отродясь! – сумел выговорить я. – Искренне предполагал, что все Артемиды и Афродиты, включая Гер, Афин Паллад, разную мелочь типа Клио, Мельпомен, Калипсо, Кор, ну и прочих, просто вымерли... А?

– Я давно наблюдаю за вами. – Одной-единственной фразой она перекрыла весь поток обрывчатых знаний о древнегреческой цивилизации, которым мне удалось так эффектно блеснуть. По общепризнанным меркам – достаточно скромным, но для моих ребят они казались, как минимум, профессорскими! – Вы совершенно невероятный человек. Ваши поступки не обоснованы ни каплей логики. Ваши подвиги не поддаются никакому разумному анализу. Их невозможно скопировать, повторить, применить на практике. Круг ваших друзей широк до противоречия. Черти и священники, ведьмы и рыцари, драконы и короли...

– Наш милорд вообще большой оригинал, – мрачно затесалась ворчливая наша. – А вам-то что от него нужно?

– Милая девочка, твой господин самим фактом своего существования привлекает пристальное внимание всех сил Добра и Зла. Я не могла удержаться. Даже боги порой испытывают любопытство. Мне бы хотелось поговорить...

– Силь ву пле, мадемуазель! – Я лихим движением шаровар смахнул пыль с ближайшего валуна. – Присаживайтесь, побеседуем о бытии. Возможно, вы, как представитель более высшей формы развития, откроете мне глаза на некоторые непонятности. Своим скудным умом нам не дотумкаться...

Она искренне рассмеялась, села рядом, почти касаясь меня ошеломляющим плечиком. Наверное, я покраснел... Не знаю. Лия смотрела на меня с той же степенью суровости, с какой Жан влюбленно пялился на нашу гостью. Когда первая волна жара схлынула, богиня с тончайшим тактом предоставила себе слово:

– Я хочу понять, почему у вас это получается. Вы не могли бы вкратце рассказать мне все?

– Все?! Да еще вкратце? Ну, на это уйдет не меньше трех часов.

– У бессмертных всегда есть время.

– А у нас нет. Мы торопимся!

– Завянь! – щелкнул я Лию по носу. – Начнем сначала. Итак, мы с женой поехали на

фестиваль народного творчества в один маленький прибалтийский городок...

Дальше пошла феерия. Мои спутники включились в повесть о героической эпопее тринадцатого ландграфа. Мы размахивали руками, орали, перебивая друг друга, спорили до хрипоты над уточнением деталей, показывали все в лицах, выстраивали целые спектакли, расчерчивая на неровной земле планы крепостей, линии обороны, передвижения противника и прочие маневры. Как она сумела без особенных просьб и усилий заставить нас выложить всю подноготную? Не знаю. Может, просто умеет слушать. С другой стороны... в смысле, когда она наклонялась над нашими планами... разрез ее декольте... Господи! Ну, вы меня понимаете! У нее такая грудь!!!

К вечеру мы с Кэт были уже на ты. Ее полное имя достаточно длинное, что-то вроде Катариада Базаливмейская с прибавкой непонятных мне титулов и эпитетов. В этом мире она отвечала за Красоту. По специализации похоже на штатную должность в управлении культурой. В ее сферу деятельности входило обеспечение местного населения нужной долей эстетических знаний. Работенка не пыльная. Знай себе летай под солнышком, нежься на облаках, а время от времени являй красоту, то бишь себя, народу. Чтобы он, народ, не забыл, что она, красота, есть! Вообще у небожителей своеобразные взгляды на земную бытовуху. Обычно они ни во что не вмешиваются, им на нас почти чихать. Они за свою бессмертную жизнь столько понаучаствовались, такого понасмотрелись – кому угодно осточертеет. Если уж даже мне тутошние феодальные нравы представлялись диковатыми, то что говорить о мнении более возвышенных личностей? В самых критических ситуациях, когда смертные окончательно перестают слушаться, боги развлекаются всякими потопами, землетрясениями, метеоритными дождями и прочими карательными акциями. Или ударяются в земные загулы с кучей внебрачных детей в результате, но это редко. По-моему, так они там, наверху, вообще обленились. Жизнь текла, словно нефть в Европу – планоно, размеренно и с почасовой оплатой. На Ризенкампа смотрели, как на вошь паршивую. Обо мне узнали только тогда, когда «вошь» ударила в суперактивные действия. К середине наших приключений боги уже установили тотализатор. Ризенкампф был синей фишкой, я – красной. Ставки делались ежедневно. Кто-то из Высших крупно подзалетел на этом деле. До полного разорения не дошло, им терять-то материально нечего, не на деньги играют. Играли на влияние. Я смутно понимаю, что там к чему, но результат налицо – Катариада решила с нами встретиться. Очень уж мы ей интересны. Особенно я! Приятно-о-о...

– Насчет Зубов – мне пока неизвестно. Просто как-то не было случая уточнить. Но если вы хотите, то я непременно поспрашиваю наверху. Там наверняка знают.

– И на том спасибо. А что, Кэт, вот такие фантомы в виде слащавых старушечьих мордашек у вас часто встречаются?

– Обычное колдовство, – слегка пожало плечами небесное совершенство. – Не слишком сильное. Концентрация зла ослаблена расстоянием. Структура эфирная. Физических возможностей едва хватает на произношение приказов. И то, косноязычие должно бросаться в глаза.

– Точно! – загорелась Лия. – Все так и было. Шипит сквозь оставшиеся три зуба, зараза старая, а кусить не может.

– Дело не в укусе. Я хочу знать – кто это? Почему именно старуха, а не какой-нибудь зверский мужик или красотка с улыбкой Медузы Горгоны?

– А еще она очень похожа на Ризенкампа! – вставил Бульдозер.

Я, признаться, об этом уже подзабыл. Спасибо верному оруженосцу.

– Ну, что же. Попытаюсь выяснить для вас всю цепочку. Но обещайте, что не отступитесь и доведете вашу эпопею до победного конца.

– О, это сколько угодно! Милорд готов совершать подвиги по сто раз на дню, два раза в неделю брать по неприступному замку, три раза в ту же неделю спасти плененных принцесс, а оставшиеся дни использовать для более крупномасштабных действий. Разгона вражеских армий, например.

– Лия! – с трудом зарычал я, давясь улыбкой.

– Что-нибудь не так, лорд Скиминок? – с искренним удивлением округлила глаза эта скоморошина.

Богиня легко соскочила с валуна, потянулась... Какая грация, какая пластика, какая патетика! Мы с Бульдозером невольно покраснели. Как же она это делает?

– До встречи, лорд Скиминок! – Ее ласковые пальцы чуть коснулись моей щеки. Она вздохнула. Великолепная грудь сладко колыхнулась. Божественная женщина плавно взлетела к небесам, оставив нас в неземном озарении счастья.

Мы с Жаном, понимая друг друга с полуслова, просто пялились в облака, и восхищение истинной красотой переполняло наши загрубевшие души. Мир уже не казался таким суровым, горы неприступными, а враги непобедимыми. Наоборот! Трава стала еще зеленее, солнце теплее, птичье пение звонче, а наша эйфория упоенности жизнью грозила сделать из нас рьяных проповедников разумного, доброго, вечного. Мы даже были уверены в том, что знаем формулу счастья. Счастье – это когда...

– Нет, вы посмотрите на них! Все мужчины одинаковы. Я же сто раз повторяла вам, милорд, что она бесплотна.

Так. Все. Спокойствие, только спокойствие. Формулу несчастья мы тоже хорошо знаем. Она у нас ходячая, имя произносить не надо...

– Пойдем куда-нибудь или останемся здесь?

– Куда мы пойдем в таком виде? Хорошо еще, что сейчас лето, тепло. Зимой в неглиже давно бы в бобиков мороженных превратились. Жан, какие перспективы ждут нас за перевалом?

– Не знаю! – честно доложил трусливый рыцарь.

– В любом случае – там ли, тут ли, – а нам стоило бы приодеться.

– Тогда вы рано отпустили вашу блондинку! – ехидно заметила Лия.

– Почему?

– Бабушка говорила, что тот, кого коснется рука богини, может загадать желание.

– Это примерно с той же степенью гарантии, как на падающую звезду или ночь перед Рождеством? – уточнил недоверчивый я. В этой веселой стране меня обычно охватывает просто нездоровый скептицизм.

– Неизвестно, – развели руками супруги.

– Тогда нечего и губки раскатывать. Хотя... почему бы и не потешить почтеннейшую публику? В порядке научного эксперимента в борьбе с суеверием и мракобесием хочу одежду для меня и вот для этой белобрысой! Не очень сложно для небесной силы, а?

Через мгновение из-за поворота вышла высокая навьюченная кобыла. Неторопливой рысью она направилась прямо к нам и ткнулась плюшевым храпом мне в плечо.

– Лошадь, – неуверенно высказалась Лия.

– Ясно, что не бегемот! – бодро парировал я, стараясь слегка заглушить в себе

проявление страха Божьего. – Глянь-ка в мешки, чего там понапихано?

– Наша одежда, милорд! – Лия бухнулась на колени, держа в левой руке мою клетчатую рубаху, а в правой – пажеские штаны в обтяжку. Срывающимся голосом, с глазами, полными слез раскаяния, она обратилась к смеющимся небесам: – О, великая богиня красоты, прекрасная Кэт... Кат... Катариада Базаливмейская! Прости меня – дуру грешную, неразумную! Как можно было хоть на секунду усомниться в твоей власти и силе? Это я из-за лорда Скиминока так раздухарилась. Обычно я мирная, хорошая и по хозяйству могу, и стирка-глажка всякая, даже варенье сварю. Прости меня, пожалуйста! Виновата, виновата, каюсь. А в мешке, я надеюсь, тот самый синий камзолчик с серебряной вышивкой? А пару сменного белья положить не догадались? Ой! О чем это я?! Уж ты прости меня заблудшую, необразованную! Весь день на ногах, сплошные нервы, пристают все подряд... Муж шляется черт-те где, приходит поздно в женском платье... Да если бы не милорд... Прости, прости, прости! Не буду спорить насчет закаляющих испытаний – вам, богам, виднее. Хотя, знаешь ли...

– Стоп! – Я вовремя прикрыл ее ротик фиолетовым плащом.

Сколько знаю Лию, дай ей волю – так она такого наговорит, ангельского терпения не хватит! Очень мне надо, чтоб Кэт наверху весь этот бред услышала. На что способны разгневанные боги, я помню из художественной литературы – мифы Древней Греции, пятый класс.

– Все, голубка, достаточно на сегодня.

– Вы не хотите помолиться вместе со мной? – ошарашенно выдала она, когда я убрал руку.

– Хотим, – перемигнулись мы с Бульдозером. – Но попозже. В другой раз и не в этом месте. Сегодня уж наверняка, благодаря твоей страстности, там, на небесах, все отметили хороший поступок гражданки Базаливмейской. Ей уже аплодируют. Но если помнишь, то мы обещались довести до конца наши приключения. Значит, следует собраться, перевалить через гору, найти Раюмсдаля, откопать Зубы и всех победить. Слово надо держать!

– Это факт, – подумав, признала наша подружка.

Пока она одевалась, мы отвернулись. Когда я и Лия были полностью одеты к новому походу, Жан почувствовал себя неуютно. Признаться, с первого раза никто и не понял, чего он там мнется.

– Бульдозер, если тебе так приспичило, сходи в кусты. Но имей в виду, все торопятся.

– Ты что, не слышал приказа милорда? Давай бегом, потом садись на своего гнедого и дуй за нами. Я поеду с ландграфом, нас ждут великие дела!

Бедный потомок благородного рода Буль де Зиров беспомощно переводил умоляющий взгляд с меня на собственную супругу, невразумительно пытаюсь хоть что-нибудь выдать.

– Ой, ну не тяни.

Он всплеснул руками, сел на камушек и... разревелся! Боже мой! В последний раз в таком состоянии я видел его перед боем с бандой Волчьего Когтя. Слезы тоже лились ручьем, правда, потом он им устроил! Но сейчас-то с чего? Даже на казнь он шел гораздо спокойнее. Мы переглянулись и наперебой бросились утешать несчастного парня. Однако горе было столь велико, что лишь добрых полчаса спустя мы наконец поняли, в чем дело...

Виноват, конечно, я. Попросив у богини одежду для себя и Лии, я напрочь забыл о том, в каком виде находится мой верный оруженосец. Вроде бы одет, и ладно. Но ведь на нем женское платье! Какой рыцарь сможет пережить такой позор?! Когда мы все трое были на

равных, еще куда ни шло. Жан спорил, но смирялся. Когда от наших одежд оставались одни тряпочки, а он был полностью экипирован, то особых причин для обид тоже вроде не было. Не до жиру, как говорится. А что теперь? Теперь я красуюсь в клетчатой теплой рубаше, черных джинсах, мягких кроссовках и фиолетовом плаще с серебряной пряжкой. Его супруга, а мой паж – в синем камзоле с серебряным шитьем, узких штанишках со шнуровкой по бокам и новеньких сапожках. Мы снова одеты как всегда. Естественно, Бульдозер впал в ничтожество. Вынь да положь ему новые латы, полный доспех, плюс еще щит с гербом! Ну я же не склад и не музей! Кто мог всерьез предполагать, что мое желание действительно сработает? Я бы тогда такого понапросил – весь небесный отдел сбыта с ног бы сбился, исполняя мои сиюминутные причуды.

– Жан, я клянусь всеми святыми угодниками вашего мира, что при первом же удобном случае одену тебя подобающе рыцарю, получившему золотые шпоры за Ристайльскую битву! Поверь мне, пожалуйста.

– Я верю вам, лорд Скиминок, – глухо ответил мой зареванный друг. – Ради Бога, сделайте это побыстрее.

– Хоть сию минуту! – бодро поддержала повеселевшая Лия, кивком головы указывая за мою спину.

Не хочу оборачиваться. И так ясно по ее сияющей физиономии, что ничего хорошего меня там не ждет. Рукоять Меча Без Имени стала теплеть. Опять... Ну, ни минуты покоя! Боже, Боже, Боже... Почему эти проклятые доспехи нельзя просто пойти и купить?

Двое рыцарей. Доспехи черные и матовые, не блестят. Ни гербов, ни флажков, ни вымпелов. Лошади тоже черные, с неестественно синими глазами. Лица всадников скрыты забралами. Они выехали из-за поворота скалы, застыв на мгновение. От обоих веет такой волной агрессии, что отказаться от драки попросту невозможно. Догонят и убьют. Все в порядке вещей, ни у кого не вызывает удивления, вроде бы так и надо. В этом мире быть трусом просто не выгодно. Во всех отношениях. До зрелых лет даже не доживешь – затопчут еще в младенчестве. В монастыре не скроешься – монахи порой воюют не хуже наемного гарнизона. Вшивую интеллигенцию, типа врачей, библиотекарей, алхимиков, художников и прочего безоружного народца, вообще за людей не считают. Два рыцаря были идеальным воплощением ночного кошмара средневекового жителя. О таких всадниках с уважением и страхом рассказывали деревенские брехуны в местных забегаловках за кружкой дешевого пива. О чем это я?

– Милорд, они направляются к нам!

– Сам вижу. Ты-то чего расшумелась? Вот подъедут – и поговорим.

– О чем? – всплеснула руками ярая командирша. – Вы только взгляните, они – живое порождение Ада! Их надо бить. К тому же вы обещали Жану новые доспехи...

– Вот об этом и поговорим. Может быть, они с нами поделятся? – Лия с Бульдозером глянули на меня с нездоровым подозрением. Ну, сам бы я тоже в такую чушь не поверил.

Рыцари медленно подъехали к нам и, склонив черные копыта, глухо приказали:

– Следуйте за нами или умрете!

Говорили они оба в такт, как две заведенные игрушки. Меж прорезей забрал сквозил синеватый отсвет, но нас подобные спецэффекты давно уже не впечатляли.

– Я – лорд Скиминок! Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени! Друг короля Плимутрока, крестный брат его зятя – князя Злобыни Никитича, гость самой Танитриэль, лицо, отмеченное благосклонностью богини Катариады!

А вы, собственно, кто после этого?

– Стражи.

– Чего охраняете – базу, склад, коровник?

– Следуйте за нами или умрете.

Наверное, у них ограничен словарный запас или умственный потенциал преступно низок. Гадать в этих случаях сложно, да и небезопасно. Мои ребята деликатно откашлялись, вежливо откатились за камушек, предоставляя мне побольше места для маневра, и уселись там, как в амфитеатре.

– Куда ж вы поведете нас, незлобивых?

– В плен.

– Козе понятно! Я имею в виду, куда именно? Что у вас там за поворотом – город, деревня, замок, землянка, конура?

Все! Обиделись. Чувство юмора у них явно под запретом. Видимо, такой орден – Очень Неудобчивых Рыцарей. Вероятно, и вправду не стоит тратить на них красноречия. Поубивать всех к чертовой бабушке! Опыт сражения с двумя конными противниками у меня уже есть. Да и ребята мои извертелись в ожидании...

– Защищайтесь.

Вот тут они захохотали! Чего безмерно смешного я сказал? Хрипловатый смех, механический, неприятный... Черные рыцари тронули вороных одновременно. Внешне я не двухметровый герой с квадратными плечами. Заколдованных доспехов не ношу, вооружен лишь мечом. Но зато каким! Они этого, к счастью, не знали. Я прыгнул влево, ушел под свищущий удар секиры и по ниспосланному, божественному наитию полоснул кончиком клинка не по всаднику, а по его коню. Бабахнул взрыв! Что-то часто тут все взрывается. Вокруг дым, пепел, сажа и режущий запах серы. У, нечисть... Нюхай их сероводород! Коня разнесло в лохмотья, а смешливого рыцаря взрывной волной припечатало к скале прямо над нами. Доспехи, естественно, пропали. Мужика так расплющило, словно по нему пару дней разъезжала бой-баба в оранжевой робе на асфальтоукладчике. Второй кандидат на тот свет едва успел повернуть шлем, выглядывая меня в дыму. Я просто швырнул в его синеглазого скакуна Меч Без Имени. Еще один взрыв! Хорошо, хоть осколки над головой не свистят... Но этому рыцарю повезло больше – ему всего лишь оторвало башку. Надо же было додуматься ездить на пороховых бочках! Психи ненормальные... Интересно, а где-нибудь есть нормальные психи?

– Милорд, взгляните-ка сюда.

Моя команда успешно распаковывала труп второго стража. Внутри лат – тощенький хрупкий скелет. Кости, выбеленные временем, плоти и одежды никакой. Ничего удивительного, обычное колдовство.

– Я в эти доспехи не влезу. Слишком худые рыцари попались. Может, еще поищем?

– Конечно, пошли! – бодро взялась за повод кобылы наша спутница. – Лорд Скиминонок будет сражать по пути каждого встречного-поперечного, и в конце концов мы набредем на твой размерчик.

Столь веселенькая перспектива меня не особенно прельщала. Делать больше нечего! Всю жизнь мечтал о подобной радости! Я уже было открыл рот для поучительной речи, как вдруг Бульдозер, глянув вправо, бросился на меня с истошным воплем:

– Не-е-ет!

Мы рухнули наземь. Меня так приложило затылком о случайный булыжник, что пошла

кровь. Лия орала в голос. Жан лежал поперек меня как мертвый, и сдвинуть его тушу в сторону стоило больших трудов. Кое-как мне это удалось, но, увидев в чем дело, я сам взвыл не хуже его супруги. Под лопаткой моего оруженосца торчала рукоять черного ножа. Клеймо одуванчика...

– Дышит...

– Вдвоем нам его не унести. Нужна телега или карета, просто на лошади парня растрясет.

– Он будет жить? – Бедная Лия смотрела на меня полными слез глазами.

Что ей сказать? Я не врач, не знахарь, не волшебник. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: положение у Жана паршивейшее! Любой другой умер бы сразу, но могучий организм трусливого рыцаря еще боролся со смертью. Ну, почему?! Почему так?! Почему именно он?! Это нечестно! Если кто-то покушается на меня – я переживу, но не надо убивать моих друзей! Не доводите меня до крайностей...

– Милорд, опять они.

– Кто? – зарычал я.

Из-за поворота выехали двое всадников на вороных конях. Их доспехи отсвечивали свежим мазутом, на шлемах полоскались пепельно-серые султаны, черные копыя направлены в нашу сторону. На этот раз я никого ни о чем не спрашивал. Розовый туман заволок сознание. Не стоило меня так злить! Лия опять склонилась над распростертым супругом, а я поднял над головой Меч Без Имени. Первый рыцарь вылетел из седла, не успев протестующе чирикнуть. Серебристый клинок махом рассек ему щит, кирасу и кольчугу. По-моему, он не был убит, а упал больше от испуга. Чтобы достать второго, пришлось увернуться от его копыя, влезть на камушек и оттуда в длинном прыжке ударить его двумя ногами в голову. Как я сам себе шею не свернул?! Встав на ноги, пошатываясь, я бешено замахал мечом и заорал, хрипя от ярости:

– Выходи, наемная тварь!

– Не надо, лорд Скиминок...

– Выходи, киллер поганый! Я все равно тебя на краю света достану. Если только мой оруженосец... если Жан не поднимется. Выходи, сволочь, и дерись со мной, как мужчина с женщиной!

– Ми-ло-орд!!!

Лиин визг заставил меня вовремя обернуться – с ближайшего склона на мою бедную спину летел огромный обломок скалы. Каким-то чудом он взрыл землю в нескольких сантиметрах от меня. Готов поклясться, что я видел гибкую женскую фигуру, скользнувшую меж камней к вершине горы. Погоня была бы сущим безумием, а просвистевшая мимо смерть вернула моему рассудку трезвый взгляд на вещи. Я прижался лбом к рукояти Меча Без Имени, чувствуя, как лечебное тепло успокаивает нервы, гасит злость и обволакивает умиротворением. Но окончательно привел меня в чувство тихий стон второго рыцаря. Он приподнялся на локте, с огромным трудом стащил с головы шлем и укоризненно поинтересовался:

– Вы всегда нападаете без предупреждения?

– Нет. Иногда я долго уговариваю противника осознать реальное положение вещей, взвесить обстановку, а подумав, вообще разойтись по домам. Почему-то пока никто не горел желанием воспользоваться моим миролюбием.

– Значит, для нас с кузеном вы сделали исключение? – продолжал жаловаться

поверженный.

У него было приятное узкое лицо без усов и бороды, почти малахитовые глаза с вертикальными зрачками, белые волосы до плеч и маленькие рожки на лбу. Довольно симпатичный малый, вынужден признать. Я подал ему руку, помогая подняться:

– Приношу свои извинения. На нас напали, мой оруженосец тяжело ранен. Сами понимаете, какое настроение. Поневоле на ком-нибудь сорвешься.

– Эта могучая дама – ваш оруженосец?!

– Маскировка, – пояснил я.

Мой собеседник понимающе закивал и, подняв с моей помощью своего родственника, трижды протрубил в черный рог. Если бы из-за поворота показались враги, я бы ничуть не удивился. Просто первым делом снес бы башку этому альбиносу.

– Мои люди с телегой будут здесь буквально через десять минут. Вы сразили нас в честном бою, но сохранили нам жизнь. Мы оба ваши должники. Располагайте нами, лорд Скиминок.

Мы ночевали в древнем родовом замке барона Бесса. Тот рогатый блондин оказался законным наследником и единственным продолжателем фамилии. Но сначала о главном – Бульдозер не умер! И, судя по уходу, обеспеченному заботливыми хозяевами, так-таки не умрет. Лия не отходит от него ни на минуту, мне едва удалось уговорить ее поехать (кстати, тоже без отрыва от больного).

За поворотом горы кончились так неожиданно, что показались театральной декорацией. Не более чем в миле, посреди цветущей долины, утопало в садах поместье барона. Судя по отсутствию насыпи, крепостного рва и весьма безобидным стенам, замок отродясь не подвергался осаде. Все обитатели оказались приличными людьми. Правда, у них были отдельные недостатки в виде рогов, вертикальных зрачков и белых волос, но ведь это, по сути, такие мелочи... Они, конечно, нечисть и не скрывают этого. Но нечисть нечисти рознь. Есть законченные негодяи, есть порядочные люди. Не такие, как мы?.. Пусть. Я родился и вырос в Астрахани – городе смешанной крови. В плане единства людей всех вероисповеданий и наций у меня нет комплексов. Так что мы прекрасно поладили с молодым Бессом.

– Кто же не знает тринадцатого ландграфа? Имя человека, сразившего самого Ризенкампа, прогремело до самых отдаленных уголков нашего заброшенного мира. Всем известна ваша внешность, эта знаменитая рубаха и необычные штаны. А Меч Без Имени?! Он один, такое оружие ни с чем не спутаешь. Мой отец участвовал в Ристайльской битве, хотя и не на вашей стороне. Он был одним из немногих, кому удалось спастись. Так что о вас и о ваших друзьях мы наслышаны из первых уст.

– Да, было дело... Такая битва запоминается на века. Эпохальное событие, так сказать. Хотя, знаете ли, барды и менестрели здорово ее приукрасили. Все было гораздо проще, жестче и грубее, но таковы законы романтической поэзии. А кстати, где сражался ваш батюшка? Мы с ним случайно не встречались?

– К счастью, нет! Подобная встреча в данных условиях могла бы оказаться для него роковой. Он видел вас лишь издалека. Когда вы с оруженосцем вдвоем на одном коне, спиной к спине, рубились с троллями, мой отец бился на левом фланге во главе отряда Черных Стражей.

– Здорово. Вот говорю с вами, а перед глазами эта битва. Кажется даже, что я тоже мог

видеть вашего папу. Начинаешь о чем-то вспоминать, сразу находятся очевидцы, друзья, родственники, знакомые, как в Астрахани... Все всех немного знают.

– Вы правы. Впрочем, родитель всегда отличался редкой проницательностью, мудро решив не вставать поперек дороги свирепому ландграфу. Поэтому и уцелел. «Предательство – в меру, в потребное время, во благо всем!» – вот древний девиз нашего рода.

– Не совсем уловил... Вы гордитесь, что ваш папа кого-то там предал?!

– Это вопрос этики, лорд Скиминок. – Молодой хозяин долил мне розового вина и вновь развалился в кресле. – Когда в небе показался первый дракон, мой отец благополучно послал Ризенкампа подальше, развернул коня и в сопровождении четырех Стражей покинул поле боя до того, как на армию тирана Локхайма обрушилась огневая мощь боевых драконов. Возможно, это покажется вам не лучшим проявлением вассальской верности, но ведь как взглянуть. Я же не строю из себя праведника, у меня дурные гены и порочная наследственность – будьте уверены, я предаю вас при первой возможности.

– Как интеллигентный человек, я, пожалуй, вас дослушаю, прежде чем взяться за Меч Без Имени.

– Слухи о широте ваших взглядов достигли и наших мест. С другим ландграфом я бы не рискнул бравировать такой откровенностью.

– Знаю, все пользуются моей добротой, – задумчиво отметил я, прихлебывая из кубка.

– Поверьте, вы в полной безопасности. До определенного срока... Но ведь я вас честно предупредил. Не каждый негодяй на это способен, – поклонился барон Бесс.

Он мне нравился. В иное время, конечно, убил бы на месте. Но сегодня моя врожденная демократичность и миролюбие перехлестнули наносные кровавые инстинкты. В конце концов, долго здесь торчать мы не собираемся. Хотя нет... Жан еще не транспортабелен. И вроде бы повода у хозяина пока нет. Предать нас некому, не за что и незачем. Но повод-то появится. Вот тогда и поглядим, какой кильдим. Вошедший слуга что-то быстро доложил на ухо барону. Молодой Бесс побледнел, покраснел, засмутился и кивнул:

– У меня к вам предложение, лорд Скиминок. Только что поступили новые указания относительно вашей особы. Не будете ли вы столь любезны добровольно отдать мне Меч Без Имени?

Я тихо выругался сквозь зубы. Ладно, он же меня честно предупреждал...

В двери молча вошли двое стражников. Барон почесал рожки, жалобно глядя на меня:

– Пожалуйста, не хватайтесь за меч! Я прекрасно понимаю, что вы успеете разрубить меня пополам, прежде чем эти вояки возьмутся за алебарды. Но вы ведь этого не сделаете? Едва моя голова слетит с плеч – предупрежденные слуги убьют ваших друзей. Рыцарь совершенно беспомощен, а девчонка вообще не воин.

– Вы скотина! – искренне признал я.

– Да ладно вам! – обиделся он. – Вас ведь честно предупреждали. Тоже мне, великий герой! Ему прямо говорят, что скоро предадут, а он вино распивает... Ну, так вы сдадитесь или предпочтете убить меня, погубить своих товарищей, а потом храбро погибнуть в неравной схватке?

– Сдамся. – Не хочу я его рубить, да и Меч Без Имени не сигналит об опасности. Попробуем не торопясь выяснить, в чем тут дело... – Я готов стать вашим пленником, но при двух условиях.

– Сколько угодно! – просиял зеленоглазый хозяин.

Наверняка никто никогда не облегчал ему задачу пленения до такой степени.

– Во-первых, меч я вам не отдам, и не просите! Дело в том, что нас связывает определенная клятва – мы никогда не бросаем друг друга. Меч Без Имени можно украсть, отнять, взять у трупа, но добровольно я с ним не расстанусь.

– Не спорю. Пройдемте в темницу, посидите в подземелье, не расставаясь с оружием. По правде говоря, мне и самому представлялось довольно диким – какой же вы ландграф без меча?!

– Вот именно. Теперь второе: расскажите мне все о тех таинственных указаниях, из-за которых вы решились меня предать.

– Охотно. Может быть, поговорим по дороге вниз?

Мы неторопливо встали и без суеты отправились в тюрьму. Я точно знал, что в мое отсутствие Бесс не причинит вреда ни Лие, ни Бульдозеру. В подземельях ихних мне сидеть не в новинку, так что выберусь быстро. А пока беловолосый дворянин с порочными наклонностями охотно выбалтывал все, что могло представлять для меня хоть малейший интерес. Я его не перебивал.

– Здесь за горами находится Темная Сторона. Все жители – сплошная нечисть. Вас знают, уважают и ненавидят. Такой враг – это большая честь! Всем было сообщено, что в наши края едет лорд Скиминонок, и объявлено о цене за вашу голову. Причем за мертвого предлагают в два раза больше, чем за живого.

– Кто ж это так невзлюбил меня безобидного?

– Ну... как бы... не всякое имя рекомендуется произносить вслух. – Впервые на его холеном лице появились признаки страха.

Этого таинственного заказчика явно боятся больше. Хотя мой меч ближе и угроза смерти очень уж реальна.

– Ладно, можете не говорить, я сам угадаю. У вас появилось полутораметровое лицо милой, улыбчивой старушки, которое и предложило вам правила новой охоты за ландграфом. Указанная сумма всех заинтересовала. Тем более что предполагаемый маршрут нашего путешествия известен. Ваш замок ближе других к границе. Вы послали вперед двух стражей, надеясь заполучить меня первым. После неудачных попыток захватить нас силой в ход пошла хитрость. Я ничего не упустил?

– Вы точно по книге читаете, лорд Скиминонок.

– Однако, – продолжил я, приняв полный почтения тон барона за комплимент, – когда вы сообщили заказчику о том, что требуемый товар гостит у вас в замке, оказалось, что возможность сорвать хороший куш весьма проблематична. Держу пари – вам попросту приказали тотчас же меня выдать. Об оплате – ни слова!

– Тяжелые времена... все ударились в коммерцию. Никому нельзя верить! Совершенно никому! – запричитал Бесс, смущенно тыкаясь ключом в замочную скважину. – Не сомневайтесь, лорд Скиминонок, в этой камере все обставлено в соответствии с самыми изысканными требованиями. Отдохните здесь. Выспитесь, примите ванну, я заказал для вас лучшие вина. Никто не узнает, где вы заперлись. Возможно, когда гроза пройдет, мне и не придется вас предавать! Хочется иногда, для разнообразия, побыть честным человеком...

Помещение здорово напоминало комнату отдыха для содержания похищенных принцесс. Я сразу же полез в большую дубовую бадью, пока вода не остыла. Мыло и мочалка лежали на скамеечке, рядом со сменой чистого белья. Что сказать? Конечно, он сволочь, негодяй, предатель... Но, с другой стороны, я ничего не мог поделать с чувством невольной

симпатии к этому обаятельному типу. Господи, какое все-таки наслаждение после всего пережитого медленно опуститься в горячую воду! Вдыхать обжигающий пар, размять усталые мышцы, прогреть бедные кости и наконец вымыть голову. Вдосталь наплававшись, я завернулся в полотенце и обнаружил на маленьком подносике душистую мазь, бинты, подобие йода и еще что-то медицинское. Заботливость моего хозяина просто обвораживала. Какое-то внутреннее чутье подсказывало, что за Лию с Жаном тоже не стоило беспокоиться. Смазав все царапины, ссадины и синяки, я сел за стол и воздал должное ужину. Потом блаженно растянулся на кровати, надеясь бессовестно предаться сладкому сну, но... выспаться не удалось, в дверь постучали.

– Войдите!

В замочной скважине щелкнул ключ. На пороге стоял белокурый рогоносец, улыбаясь самой смущенной улыбкой. Мне было лень вставать, и я приветствовал его лежа.

– Что-нибудь случилось?

– М-да... похоже. – Он старательно прятал взгляд, не зная, куда приткнуться.

– Присаживайтесь, почувствуйте себя как дома. Если хотите вина, то налейте себе сами. В конце концов, вы здесь хозяин!

– У вас изощренное чувство юмора, ландграф.

– Спасибо. Так что нового? За мной пришли?

– Да... пожалуй... скорее всего, именно так.

– Вы сошлись в цене?

– О да! Поверьте, мой замок – достаточная цена за вашу голову. – Молодой Бесс явно занервничал и начал возбужденно бегать по камере, яростно почесывая рожки. – Я не могу находиться между двух огней! Если завтра я не выдам вас одному заинтересованному лицу, то при новом порядке рискую поплатиться жизнью. А если я сейчас же не вручу вас другому лицу, то спустя пару минут от моего замка не останется даже кирпичика!

– Вы меня заинтриговали. – Мне удалось изобразить равнодушную зевоту. – Но, с вашего разрешения, пока решается моя судьба, хотелось бы вздремнуть...

– Пожар, пожар! – донеслось из коридора.

Бесс бросился ко мне и, упав на колени, умоляюще завопил:

– Он уже начал! Лорд Скиминок, пощадите! Выйдите к нему! Он же все спалит к чертям, не деля на правых и виноватых. Вы ведь ландграф, сделайте что-нибудь!

Пришлось одеться, запах гари действительно чувствовался. По моим подсчетам, в родовом замке Бессов, кроме барона и немногочисленных родственников, в основном двоюродных и троюродных братьев, было еще с десятка два душ. Разная челядь, охрана, повара, служанки – все они с истошными воплями носились взад-вперед, создавая суматоху и неразбериху. В целом абсолютно обычные люди, только с рожками. Наверное, порода хозяев везде брала верх. Барон вывел меня к воротам, не переставая клясться в вечной благодарности, дружбе до могилы и сохранении моих друзей, как собственных детей. Врет, конечно... Ладно, вернусь, разберусь до конца. Страх не было. Но когда я вышел за ворота... Ей-богу, мне захотелось вопить, орать, плясать и ходить на голове одновременно. На пригорке, небрежно поплеывая огненными струйками, сидел мой старый друг – белый дракон Кролик. Услышать его дефективный бас оказалось таким счастьем!

– Фы фейнулись! Фейнулись! Та стлафстфует мой любимый лолт Скиминок!

Взаимной радости не было предела. Драконы вообще очень дружелюбны по натуре, и

уж если привязываются к человеку, то это навсегда. Мой мир многое потерял, когда они вымерли. Крылатый звероящер засыпал меня вопросами. Пришлось вкратце рассказать о том, как я провел год, как вернулся в Соединенное королевство, как с ногами влез в свежезаваренную кашу, и теперь исследую Темную Сторону. Кролик, оказывается, попал сюда тоже почти случайно, в полете столкнулся с юной ведьмой Вероникой, и та попросила его пригласить меня на свадьбу.

– Что? Вероника выходит замуж?!

– Иссе как! Фетьмы тосе не пнотифники любовных утех.

– Это болезнь! Поветрие какое-то, вроде собачьей чумки. Все женятся, выходят замуж, делают предложения, соблазняют короткими халатиками... Нет, дружище, с этим надо кончать. Тут вся страна в трауре, король при смерти, на окраинах полыхает гражданская война – от темна до темна! А некоторые антипатриотически настроенные личности заняты мещанским устройством сугубо личной жизни!

– Песоптасие! – неуверенно поддакнул дракон, кося на меня фиолетовым глазом. – Оопсе-то, челоэчиские плоплемы нас не слишком фолнуют – дтаконы фне поитики! Но фсе се...

– Ну, сейчас времена изменились. Политика входит в каждый дом. Тут такие дела творятся! Раюмсдаль ищет Зубы Ризенкампа!

– Сасем? – не понял Кролик. – Ему сто, сфоих мало?

– Боже! – взвыл я. – Угораздило же встретить единомышленника! Наконец-то и я нашел хоть одно живое существо, которое тоже ничего не знает о Зубах. Кролик, пожалуйста, скажи, что ты и о кришнаитах ничего не слышал?

– Ф олансефых тьяпочках? Пьйитоколофые, с хфостиками и палапанами? Фидел, фидел, а как се.

– Уф! В мире нет совершенства! Ладно. Если еще где встретишь – ешь их без промедления! Они полезные. В них ни жира, ни холестерина, кислотность пониженная и питаются исключительно ведической кулинарией, так что для твоего слабого желудка – это просто лекарство.

– Сдодово! – обрадовался мой огромный друг и засучил когтистыми лапами. – Я тут их селую кусю нашел. Пойшой колоток или фоенный лакель. Савгла се фсех съем!

– Не переувлекайся! Растолстеешь – потеряешь успех у дам. Всех сразу есть не надо. – Что я говорю?! О чем я рассуждаю? Чему я вообще его учу? Людей есть! Откуда во мне эта кровожадность? Нет, последнее время я точно неоправданно свиреп! Сам себя не узнаю. В оправдание могу сказать лишь одно – меня здесь столько обижали... – Ты лучше свози меня туда. Надеюсь, их туристическая база не в двухдневных перелетах?

– Не-а. Ф тлех.

– В трех днях пути?! Делать мне больше нечего. Да ну их к лешему, не полечу.

– Ф тлех сясах на севел, – терпеливо пояснил белый дракон. – Там такие маенькие томики и бойсая скуйптула.

– Статуя Кришны?! Мне кажется, что через их лагерь мы выйдем и к Зубам. Значит, так. Жди меня здесь, я дам кое-какие указания насчет Лии и Бульдозера, возьму бутерброды в дорогу!

– Слушаюсь, лолд Скиминок! А эти клупые, логатые людишки кофолили, сто фы у них ф плену. Смесно, плафта? Фы и ф плену?!

– У них черный юмор, друг мой. Как ты сам правильно понимаешь, никто не в

состоянии держать взаперти ландграфа Меча Без Имени. Они просто пошутили. Скажу тебе по секрету... – звероящер вытянул шею и прищурил глаза от любопытства, – местные жители много слышали о твоих подвигах в Ристайльской битве. А так как никогда не видели боевой мощи настоящего дракона, то попытались шутливо спровоцировать тебя на одну-другую огненную струйку.

– И фсе?

– Все!

– А я-то потумал... – просиял Кролик, страшно довольный тем, что может продемонстрировать необразованным провинциалам свои недюжинные способности. – Фы не беспокойтесь, итите. Я им помоку. Я их иссе поласфлекаю. – И счастливое белокожее чудовище фугануло такую струю пламени в сторону замка, что, по-моему, медный флюгер на башне слегка оплавился...

– Лия, я прошу тебя, успокойся.

– Нет! Вот убью его и сразу успокоюсь! Я буду такая спо-кой-на-я, что даже вы попросите меня поволноваться. Но сначала я его убью!

– В мое отсутствие он вам ничего не сделает. Просто помни – перед тобой тип, готовый к предательству! У них в роду такие традиции.

– Ну, пожалуйста, лорд Скиминок, убьем его – и вся недолга! И мне никакой нервотрепки, и вам за нас не переживать. Я даже лично займусь похоронами. Гроб, урна с пеплом, могилка в престижном месте, прощальные речи, торжественные слезы, поминки всякие... Не сомневайтесь, все будет на высшем уровне!

Бледный барон Бесс менял общий нездоровый цвет лица на различные оттенки голубого и зеленого. Бульдозер, выпив лекарство, спал, и его наши разборки не волновали. Зато уж мы с его супругой орали друг на друга не хуже мартовских котов. Мне пришлось рассказать ей все. А что, были случаи, когда мне удавалось от нее что-нибудь утаить?! Она же клещами вытянет. Вот уж у кого природная кровожадность, так это у нашей белобрысой крошки с наивными голубыми глазами. Я только заикнулся о том, что барон нас предал, как она уже висела у него на шее, завывая, как пылесос «Прогресс», и размахивая кинжальчиком. Нос бедняге могла отхватить запросто! Я понимаю, ей за державу обидно, но скажем честно: Лия и компромисс – понятия несовместимые. Впрочем... С чувством глубокого удовлетворения я наблюдал на лице барона нормальный животный страх. Приятно...

– Что нам толку от него мертвого? Сейчас же родственнички набегут на дележ наследства. Тут же яблоку упасть негде будет, а Жану нужен покой. Нет. Если убивать, то и его, и всю его родню, и друзей до пятого колена.хлопотное дело.

– Зато богоугодное!

– Ну еще бы! Ты, значит, в рай! А кто будет конкретно вырезать всю эту рогатую кодлу? Я?!

– Все ландграфы – герои! – выпалила она, пойдя с тяжелой артиллерии.

– Но не все идиоты! – ловко увернулся я.

– Они не шли на переговоры с врагом!

– Вот и сложили головы.

– Зато возродились в песнях и балладах!

– Потому что возродиться в детях им уже не удастся никогда!

– Подумаешь – дети! Велика важность...

– Хорошо, – неожиданно согласился я. – Будем убивать всех. Мужчин я беру на себя. Тебе

останется перерезать лишь женщин и ребяташек.

– Почему мне? – отступила она.

– А кому? Не Бульдозеру же.

Девчонка угасла. Барон, убежденный, что все это всерьез, батистовым платочком вытирал пот на высоком лбу. Он-то наивно полагал, будто я здесь главный. Не, братишка! Не так все просто. За окном промелькнула оранжевая струя пламени.

– Лия, поторопись! Кролик здесь, ей-богу, что-нибудь подпалит.

– Уговорили. На время вашего отсутствия я согласна взять в плен этот замок со всей челядью и держать их в страхе и покорности до вашего возвращения.

– Благодетельница! Спасибо вам!!! – Бедный Бесс рухнул в ноги моей спутнице, отвешивая страстные поклоны. – Я все сделаю, я на все готов, только уберите вашего дракона! Очень прошу!

Пока Лия организовывала торжественную передачу ключей и короткий митинг для прислуги, я затарился продуктами на кухне. Потом раздобыл две подушки и хорошую веревку. Ну, раздобыл, это, пожалуй, слишком громко сказано. Я их взял. Внаглую. По закону диктатуры пролетариата. Мы – победители! Имею я право кататься на драконе с некоторыми удобствами?

Мы вылетели в ночь. По моим представлениям военный лагерь и в темноте разглядеть можно. Думаю, белый дракон в фиолетово-муаровой ночи может шутя сойти за привидение. Призраков здесь уважают, а значит, стрелять из луков не будут. Меня, поди, и вовсе не заметят. Прогулка теплым, темным вечером с бодрящим ветерком, паром от прогретой земли, волшебными ароматами незагазованного воздуха – что может быть лучше? Никуда отсюда не хочу уезжать, мне здесь нравится...

Вскорости внизу замелькали огни. Пылающие факелы ограды складывались в знакомый рисунок. Пятиугольная звезда пентаграмма... Пентагон?! Веселенькое местечко. Это что ж, НАТО и сюда запустило свои загребущие ладошки? Вряд ли... Совсем у меня ум за разум едет. Ладно, рассмотрим данный объект поближе. Кролик сузил круги, бесшумно паря над верхушками деревьев. Высокие, метра в два, факелы давали достаточно света. Я оглядел низкие казармы, земляные склады, хороший тренировочный комплекс, полосу препятствий, площадку для медитаций, строевой плац и здоровенную, пяти-шестиметровую, статую сидящего Кришны. Правда, скульптурная трактовка образа, мягко говоря, нетрадиционная. Вся фигура отлита в черной бронзе и больше напоминает эффектный сплав Кошца Бессмертного, богини смерти Кали и красавцев с острова Пасхи. Глаза бога зажмурены, уши заткнуты пробками, а рот ощерился ужасными стальными зубами. Их было невозможно не узнать... Именно таким зубом угрожали Лие, с таким клинком бросались на меня, такое оружие вбило кольчугу в бок несчастного короля Плимутрока. Зубы Кришны! Как это связано с Зубами Ризенкампа? Почему я вообще так уверен, что между ними существует взаимосвязь? Поразмыслию на досуге...

– Кролик, поворачивай обратно!

– А как се мой усин, милолт?

– Ужин отдай врагу.

– Я сам хосю!

– Не стоит наедаться на ночь. Хотя... лагерь явно военный. Отвези меня к Бессам, а потом...

– Потом можно я фейнусь?

– Ненадолго. Много не ешь и, если не затруднит, подпали ради меня пару казарм.

– Тля фас – любой каплис! – Счастливый дракон сделал «мертвую» петлю.

Достаточно! Я хочу назад.

Всю обратную дорогу наш чешуйчатокрылый развлекал меня зверскими рассказами о том, что он сделает с кришнаитами, когда вернется обратно. Не подумайте плохого, Кролик вовсе не злобная тварь. По природе даже чрезмерно интеллигентен и миролюбив. С ним всегда можно договориться, а уж за своих друзей он голову положит. Когда началась Ристайльская битва, наш белокожий знакомец не пожадничал и пригласил к себе «на ужин» еще шестерых драконов. Когда мы приземлялись на холмик перед замком, я понял, что спокойно выспаться мне вряд ли удастся. Времени – часа три ночи, несмотря на это, все окна горят, везде шум, свет, крики – судя по всему, Лия производит если не генеральную уборку, то реконструкцию. Меня встречал почетный караул в парадной одежде. Через весь внутренний двор тянулась красная ковровая дорожка. Слуги носятся по диагонали, как зайчики, едва успевая отвешивать почтительные поклоны. В главной зале накрыт торжественный ужин персон эдак на пятьдесят. Кругом свечи, гирлянды, букеты, все вычищено, ни пылинки, ни соринки. Оркестр из семи свежесбранных старичков гундосит какой-то героический эпос. В центре восседает Лия с тяжелой связкой ключей на поясе, командным голосом отдавая последние приказания:

– Ванну для милорда! Еще цветов на подоконники! И уберите наконец эту идиотскую картину! Что значит портрет основателя рода?! Здесь будет висеть другой портрет! Я – в полный рост на белом коне, в бархатном вечернем платье с открытой спиной и венце из листьев бука. В одной руке любимая сковородка, в другой королевская корона. Надо мной кружатся ангелы, святые радуются на небесах, а под копытами коня корчатся противные кришнаиты...

Бульдозер еще не мог сидеть, но уже, опираясь на локоть и подложенные подушечки, имел возможность принять участие в военном совете. Молодой Бесс был приглашен как свидетель, для дачи показаний. Я позволил себе выспаться, плотно позавтракать, а потому общий сбор производился поближе к обеду.

– Итак, теперь мы знаем, что кришнаиты вербуют в городах боееспособную молодежь, пудрят людям мозги, готовят профессиональных убийц-сектантов, бегающих даже после смерти, и собирают армию. Зачем?

– Хотят распространить миролюбивое учение Кришны по всему миру, – слабо предположил Жан.

– Ага, посредством кованого Зуба в бок! – фыркнула его сиделка. – Ты хоть сам веришь в то, что говоришь?

– Не верю...

– Но ведь все идет к установлению Нового порядка, – несколько нервничая, включился белокурый рогоносец. – Потребуется новая стража, новые блюстители законности, новые службы контроля и карающие органы. Нужно просто выждать и приспособиться. Религия Кришны ничем не хуже любой другой. Почему бы не принять ее в качестве единственно государственной? Раз уж подул ветер перемен...

– Отставим цитирование Газманова! Ветер перемен уже давно сменил направление и принес с собой меня. А меня, как назло, абсолютно устраивает король Плимутрок,

Танитриэль и весь прежний порядок. Что делать? Может быть, путем разумных реформ и обоюдных компромиссов мы с Раюмсдалем даже улучшим экономический и культурный уровень жизни Темной Стороны и Соединенного королевства. Но передать всю полноту власти в руки этому придурку... Увольте! Лично я – против!

– И мы! – кивнули супруги.

– Лорд Скиминок, вы, конечно, геройский ландграф... Не мне вам советовать, но... Поверьте, слуги Тьмы воспрянули. Пока вы охотитесь за Зубами, различные секты подрывают духовные основы вашего королевства. Войска Плимутрока не рискнут ступить на Темную Сторону, а едва принц объявит о рождении сына, как все силы Зла соберут войска для помощи внуку Ризенкампа. Вас всего трое! Трое бросающих вызов безысходности! Вам не остановить раскрученную машину неизбежности. Остается только искренне удивляться, что вы еще живы...

– Госпожа Лия ле Буль де Зир! – прервал нас бледный лакей, обращаясь напрямую к грозной командирше, а не к хозяину замка. – Там у ворот стоят два кришнаита. Они требуют выдачи лорда Скиминка.

– Вконец оборзели! – рыкнула Лия и пошла на дело.

Оставив Жана, мы с Бессом тоже спустились вниз, чтобы полюбоваться на это зрелище со стороны. В том, что будет, мягко говоря, нескучно, мы не сомневались. У ворот действительно стояли два улыбающихся типа в оранжевых кофточках, с хвостиками на бритых затылках. Один монотонно лупил в барабан, другой притоптывал: «Хари Кришна». Они были еще счастливы в тот момент, когда на крепостную стену взойшла неумолимая Лия.

– Екарный бабай!

– Хари Кришна!

Так... Обмен приветствиями состоялся. Бритоголовые смотрели на мою спутницу снизу вверх, что укрепляло ее позиции.

– Чего надо, убогие?

– Сестра, в твой дом вошло Зло. Отдай нам того, кто называет себя тринадцатым ландграфом.

– Зачем он вам?

– Он внес смуту в мир. До его прихода Свет и Тень уравнивали друг друга. Меч Без Имени должен быть уничтожен. Грядет Новый порядок, и страшного грешника ждут Зубы Кришны.

– Подите прочь, вы мне противны!

О, чего бы не отдала великая Ермолова за такой пафос и такую позу! Даже у Бесса навернулись слезы на глаза от умиления. Лия – непревзойденная актриса!

– Никто не сравнится с лордом Скиминком ни в славе, ни в доблести, ни в чести. Он лев в бою, ягненок с друзьями, сорвиголова за хмельным пиром, гений в изобретательном искусстве и просто титан в постели!

Барон слишком пристально на меня уставился. Глупая девчонка! Я почувствовал, что краснею...

– Если вы не отдадите его, мы разрушим замок, – буднично сообщили кришнаиты.

– Вы?! Да я одна вам обоим уши оборву!

– Ну... не мы лично, но наш бог! Он могуч и неуязвим, подумайте о последствиях.

– Лорд Скиминок обещал собственноручно начистить харю вашему Кришне! Никакой демократии, никакой демагогии и ни одного, самого малюсенького, компромисса с

международными террористами. Фигу вам, а не плюрализм!

Нет! Господи, прости меня грешного! Это, наверное, я ее научил. Дура! Сама хоть одно слово понимала бы! Село неасфальтированное!

Кришнаиты тоже ничего не поняли, но уловили суть:

– Прощай, сестра. Мы скорбим о твоей заблудшей душе. Возможно, в ином воплощении она достигнет нирваны. Шаги бога уже слышны. Дрожь земли приветствует его. Помни! Мы просили...

Мужичонки отошли в сторону и сели в тени кустика. Мы с бароном пожали плечами. Уж слишком уверенными в себе были эти пародии на женщин в оранжевых робах дорогоукладчиков. Это не радовало...

– Как я им отвечала, милорд?

– Сногсшибательно! – Я приобнял Лию за плечи.

Бесс тревожно вглядывался в зеленую полосу леса. Пока все тихо.

– Ждете нападения?

– Да. Лорд Скиминок, в случае осады замок не выдержит. Он не предназначался для ведения боевых действий, это не наш принцип. Я не могу обещать, что в случае атаки мои люди будут драться за вас до последней капли крови. Скорее наоборот. Они предадут при первой же возможности.

– А вы?

– А я еще быстрее. На правах господина, так сказать.

– Милорд! Ну хоть сейчас можно мне его убить? – взмолилась Лия.

Я успокаивающе чмокнул ее в лоб.

– Не надо. Уж таким создала его природа. Барон! Пока реальная опасность не угрожает вам лично, вы ведь не будете против, если мы применим кое-какие меры против врага?

– Конечно нет! Делайте все, что сочтете нужным. Но... если не затруднит... пожалуйста, сохраните замок...

– По рукам!

На самом деле я весьма смутно себе представлял, что и как буду делать. Помнится, упоминалось и раньше, – родовое гнездо Бессов никак нельзя было назвать неприступным. Стены низкие и ветхие, сторожевые башни скорее декоративные, воротам даже таран не нужен – достаточно пинка ноги. Храбрый гарнизон из двух десятков обленившихся стражников даст деру еще до начала войны. Вид свирепого противника ни за что не возбудит в них приступа яростной отваги. Никаких оборонительных орудий, типа котлов с кипящим маслом, настенных катапульта, тяжелых, дальнобойных арбалетов, нет и в помине. Если военный лагерь кришнаитов решит нагрянуть сюда всей компанией, то захватить замок будет ненамного сложнее, чем взять в заложники детский сад. Может, даже проще...

Моя подружка ушла проведать Жана и ввести его в курс дела. Ну, в смысле того, что нас опять идут убивать, а отчаянный ландграф при ее посильной помощи опять грозитя всем напирать куда следует. Бульдозер обрадуется, он любит сказки со счастливым концом. Белокурый хозяин смотался в погреба и притащил кувшинчик с вином. Мы еще раз взгляделись в голубую даль.

– Все-таки хорошая штука жизнь, а? – Я задумчиво наполнил кубок, но выпить не успел, барон с тихим стоном вышиб его из моих рук. Я медленно вытер капли с рубашки. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Потом он ткнул лбом мне в плечо и заплакал:

– Не могу... Хочу, но не могу... Я должен! Обязательно должен! Это было лучшее отравленное вино! Еще мой дедушка умертвил с его помощью мою бабушку... Она так страдала! Такая прекрасная и мучительная смерть... Но почему?! Почему я не могу вас отравить? Ведь сейчас самое время!

– Потом может быть поздно, – подтвердил я, успокаивающе похлопывая его по спине.

Положение совершенно идиотское. Стою, как дурак, утешаю мерзавца, пытавшегося только что отправить меня на тот свет. Хорошо еще, мои ребята не видят... Тоже мне – свирепый ландграф!

– Убейте меня, лорд Скиминок! Я не хочу больше жить. Меня будут презирать соседи, перестанут уважать друзья, и даже собственные слуги отвернутся от Бесса, не сумевшего предать! Я не переживу такого позора...

– Ну, ну. Не надо. Не стоит так драматизировать. Не все потеряно, мужайтесь! Мы еще увидим небо в алмазах. Я дам вам шанс...

– Что?! – не поверил он. – Вы дадите мне возможность еще раз предать вас?

– Да! – решил я. – Обещаю. Слово ландграфа!

– Лорд Скиминок. – Мой потрясенный хозяин в изумлении сел на пол.

По-видимому, в его рогатой голове не совсем укладывались мои весьма своеобразные понятия о благородстве. Когда к нему наконец вернулся дар речи, он вытер слезы, шмыгнув носом и опустившись на одно колено, проникновенно произнес:

– Примите мою вассальную клятву верности! С этого дня я ваш неоплатный должник. Если в результате моего предательства вы погибнете, то я отомщу вашим врагам. А потом приду на вашу могилу и умру рядом, как верный пес!

– Идут!!!

Мы были во всеоружии. Из-за леса показалась колонна бодрых кришнаитов, на первый взгляд не более двух сотен душ. Треть с барабанами, треть пляшущих с воплями: «Хари, хари», треть с необычными ножами, по форме напоминающими человеческий клык. А позади... Матерь Божья! Позади шествовал сам Кришна! Ну, в смысле – та статуя из черной бронзы, что я видел в лагере. Пятиметровый металлический монстр двигался легко и свободно. Ни скрипа, ни лязга, ни антенн, ни шестеренок – сплошная магия! Вот он-то мне и не понравился... С кришнаитами я бы и сам разобрался. Надеюсь... Меч Без Имени не даст пропасть в трудную минуту, но это извращенное порождение каслинского литья может в полчаса разнести замок на кирпичики. И почему я отпустил Кролика отоспаться денька на два?!

– Всего-то? Милорд, они вас явно не уважают. Против тринадцатого ландграфа могли бы прислать и целую армию! – неслышно подкатилась незабвенная наша. – Я хотела попросить... Жан недавно уснул, так что побейте их, пожалуйста, без лишнего шума. Больного нельзя беспокоить.

Я кротко кивнул. А что прикажете делать? Рядом стоял бледный Бесс; его слуги, стражники и вся прочая челядь слушали Лию, как мать родную. Любое ее слово было непререкаемой истиной. Заяви я сейчас, что не могу один победить столько врагов с бронзовым чудовищем в придачу, они же расхохочутся! Решат, что я удачно пошутил. А как же иначе? Ведь госпожа Лия сказала... Интересно, как все-таки устроен этот исполин? На вид все тот же металл. Как он двигается? Как управляется? Или вообще имеет собственную волю и сознание? Ученых бы сюда... Такой предмет для исследований. Если не съест, конечно. Кришнаиты беспорядочной толпой смешались у наших ворот, в религиозном экстазе

приплясывая вокруг своего бога. Бронзовый дуболом сел, скрестив ноги, и гулким голосом потребовал:

– Я пришел за ландграфом!

Все в благоговейном ужасе уставились на меня. Что-нибудь не так, ребята? Вы уже решили, что сейчас меня живого вознесут на небеса? Сожалею. Вряд ли у меня была столь праведная жизнь. Хотя и для жертвоприношения я недостаточно хорош. По-моему...

– Ну вот он я!

– Ты?!

– И встать, когда с тобой, медный лоб, говорит сам лорд Скиминонок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени!

Это Лия... Почему я никогда не успеваю вовремя всунуть ей кляп?

– Ты оскорбил меня! – Чудовище решило возвысить голос.

– Ни в одном глазу! И не думал даже...

– Ты утверждал, что начистишь мне морду!

– Ах, это... ну, было дело, – замялся я. – Так что, собственно, в этом такого? Ты бы лучше взглянул на себя в зеркало. Когда твои фанатики вытирали у тебя пыль с ушных раковин? Там же буквально бес ногу сломит. В шею надо гнать таких лентяев!

Кришна задумчиво повернул ужасную голову к окосевшим от страха кришнаитам. Наверное, всем богам всегда кажется, будто их недостаточно почитают. Под неподвижным взглядом бритоголовые распластались в песке.

– Слышали, что он сказал?! И это мнение постороннего лица! Если впредь меня не будут чистить дважды в день с молитвами и плясками... Ух я вас! Но и ты, ландграф...

– Да ладно! Плюнь и забудь, я же извинился. Полагаю, других причин докапываться до меня у тебя нет?

– Есть, – подумав, решил бог. – Я должен убить тебя и разрушить замок.

– Почему?

– Потому, что твой дурацкий дракон сжег все казармы. Съел четверых барабанщиков.

– Подумаешь. Мелочи!

– Да?! Но после этого он навалил мне кучу на голову! – зарычал бронзовый титан, и я понял, что мирного урегулирования не получится.

Спорить с ним глупо. Оправдываться опасно. Валить все на Кролика бессмысленно. Здесь кто сильнее – тот и прав! Обращаться за правосудием не к кому, адвокатов да прокуроров тут не слишком жалуют. Выйти, что ли, подраться по-честному? Думаю, Меч Без Имени сумеет его урезонить...

– Послушай, парень. Убить меня за грехи моего дракона ты всегда успеешь. А вот не хочешь ли пока выпить?

– Хочу, – подумав, сообщила ходячая скульптура.

– Вот и ладушки! – Я радостно потер руки. – У нашего хозяина, барона Бесса, есть отличное вино. – При моих словах бедняга вжался в стену, бледный как потолок. – Обалденный букет, запоминающийся вкус, столетняя выдержка. Представляешь, еще его дедушка угощал им его бабушку. Старушка была в полном отпаде! Хряпнешь кувшинчик на помин моей души?

– Вино? Нет. Но мне нравится твоя готовность услужить тому, кто пришел тебя убить. Я подарю тебе легкую смерть. Дай мне молока!

Вот черт! Надо же было так лопухнуться?! Ведь сразу ясно, что если он воспитан на ведической кухне, то о каком алкоголе может идти речь! Жаль... Хороший был план. Отравили бы его, и дело с концом. А теперь что делать?

– Лия, у тебя случайно не найдется стакана молока для этого Кинг-Конга?

– В подвале целая бочка, но оно прокисло. Кролик устроил слишком большую жару, там многие продукты испортились.

– Есть кислое молоко! Почти йогурт. Пальчики оближешь!

– Давай, – кивнул Кришна. – Ты странный. Я ведь все равно тебя убью. Зачем меня угощать?

Действительно, зачем? Еще неизвестно, действует ли на него яд. О, только бы протянуть время до возвращения нашего дракона, вдвоем мы бы этого типа в лужу расплавили!

– Эй, барон! У вас приличный яд остался?

– Увы, милорд. В чистом виде не держу, но отравленное вино я бы дал вам безоговорочно. Хотя... думаю, что для такой махины концентрация окажется слабовата.

– Паршиво...

Трое рослых слуг понесли к воротам огромную бадью с кислым молоком. Лично я такую бяку нипочем бы пить не согласился. Еще, чего доброго, живот вспучит...

– Лия-я-я-я!!!

– Ты чего орешь? – Все и даже бронзовый бог слегка подпрыгнули.

– А... о... у... э... Ну, я хотел... попрощаться с моей пажом... в смысле, моим любовницей!

– У вас что-то с произношением? – подозрительно сощурилась голубоглазая критиканка.

– Прощайся! – дозволил бог.

– Лия, бегом на кухню... – я переключился на драматический полусшепот, – хватай полное ведро подсолнечного масла и тащи сюда. Рысью!

– Барон! – Девчонку снесло ветром, а я поклонился хозяину: – Помнится, за мной было обещание дать вам возможность предать меня. Вот ваш шанс восстановить свое черное имя!

– Где? – не понял он.

– Сейчас сюда принесут целое ведро подсолнечного масла. Собственноручно влейте его в молоко. Получится такая гадость! Напиток будет безнадежно испорчен, и разгневанный монумент в слепой ярости уничтожит только меня, забыв про ваш замок. Выгодное предательство?

– О лучшем невозможно и мечтать! – восторженно вытаращился зеленоглазый альбинос. – Вы делаете настоящее чудо! Вы спасаете мой дом, моих людей, мою честь! Как это благородно...

– Вперед, вперед! – Я прервал его трогательные попытки поцеловать мою руку. Если что-нибудь сорвется, то последствия для замка и его обитателей лучше не представлять. – Нехорошо заставлять клиента ждать. Вон и масло идет...

Если вы думали, что полное ведро тащила сама Лия, то вы ее плохо знаете. Там обливался потом какой-то мажордом, а белобрысая егоза лишь подгоняла его прутиком. Барон подхватил масло и махом булькнул в чан с кислым молоком. Слуги восхищенно следили за изощренным предательством своего господина. Ворота распахнулись. Шестерки в оранжевых плащах сгрудились вокруг и персонально поднесли божественную жидкость жаждущему Кришне. Он принял бадью одной рукой, демонстрируя недюжинную силу, и повел носом:

– Яда нет. Чистый природный продукт. Буду долго жить. Я тебя понял – ты тянешь время. Зря... Меня не перехитришь. Твое здоровье, ландграф!

Я улыбнулся и сделал ручкой...

Если он не изувечит меня в ближайшие десять минут, то последующую часть суток ему будет уже не до того. Хотя, конечно, как знать... Может, на железобетонных парней, укрепленных магией, с отменным здоровьем и неизвестно какими внутренностями, этот коктейль и не подействует. Тогда нам всем хана...

– Лорд Скиминок, я знаю, кто затеял всю эту грязную интригу с кришнаитами. Ее имя не стоит произносить вслух, но после ваших похорон... Клянусь! Я отомщу ей! Я предам ее самым подлым, самым низким образом. Я ей такое устрою!

– Не нервничайте, мой друг. Вы же видели, он все выпил.

– Да, но ведь там не было яда! – в отчаянии всплеснул руками барон.

– Я и не собирался гневить бога дешевым порошком от тараканов. В плане слабительного воздействия на кишечник...

– Ландграф! Пора. Выходи принять свою смерть! – икнув, потребовал металлический монстр.

Мне нужно было протянуть еще какое-то время. Рукоять Меча Без Имени оставалась холодной, следовательно, есть надежда на то, что обойдемся без хирургического вмешательства.

– Слушай, а как насчет последнего желания?

– Пустая суета.

– Хорошо, отставим формализм. Действительно, стоит ли отвлекаться... Может, анекдоты потравим?

– А чем травят такого чудного зверя с необычным именем «анекдот»? – влезла в разговор Лия.

Похоже, все заинтересовались... Так, надо выбрать что-нибудь в меру сальное и соответствующее эпохе.

– Ну-у... В общем, идет по лесу кришнаит: «Хари, хари!» – а из кустов выходит старая бабушка с арбалетом наперевес и говорит: «Что, кришнаит, надругаться небось хочешь?» – «Кришна с тобой! Что ты, что ты, бабуленька». – «А ведь придется...»

Короткое мгновение все молчали. Потом грянул такой хохот!!! Я думал, замок рухнет от дикого резонанса. Бронзовый исполин повалился на спину, болтая ногами, схватившись за живот и буквально задыхаясь от нечеловеческого смеха. То, что при этом он задавил с десяток хвостатых барабанщиков, лишь усилило его веселье. Молодой барон Бесс сполз по стене и, уткнувшись носом в уголок, хохотал, размазывая по щекам счастливые слезы. Лия хихикала в обнимку с пустым ведром из-под подсолнечного масла. Слуги и стражники ржали самым неприличным образом, повторяя историю в супервыразительных жестах. Я был спокоен и хладнокровен. По идее, более надежного слабительного, чем кефир с подсолнечным маслом в народной медицине не найдешь. Ну, разве что чисто астраханский метод: жареная красная рыба, сырое молоко и свежие огурцы на закуску. Пронесет так, что подслеповатые соседи могут запросто принять за неопознанный летающий объект, перемещающийся по весьма необычной траектории. Добивать врага лучше всего в расслабленном состоянии.

– Или вот еще: идет кришнаит по Ристайлу. А на углу стоит ведьма Горгулия Таймс и зевает. Он подходит и спрашивает: «Девушка, чего вы зевааете?» А она отвечает: «Я – спать»

хочу! Это вы зеваете...»

Снова двухсекундное молчание. Первым дошло до бога. Кришна фыркнул и в громоподобных судорогах смеха засучил ногами. Следом укатились и остальные. Веселье царило такое, что Петросян сдох бы от зависти. Никогда нигде ни один эстрадный юморист не пользовался и сотой долей моего успеха! Грустно пришлось лишь кришнаитам. Во-первых, про них все анекдоты. Во-вторых, бронзовый бог умудрился покалечить еще с полдюжины последователей. Может, вообще развлекать его байками, а он, хихикая, сам всех передавит?

– Тр-р-р-а-а-а-х-х-х!

Все замерли. Гоголь. Последний акт. Немая сцена. Зубастый Кришна в позе городничего, полуприсев, с разведенными в стороны руками, раскрытым ртом и выражением удивленной Медузы Горгоны на лице. Лия, хитровато сощурившаяся, с довольной улыбкой, с показным смущением отвернувшаяся в сторону. Барон Бесс с вытянутым лицом, вздернутыми бровями, словно говорящий: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» Слуги и стража, замершие в недоумении, не в силах сообразить: смеяться им или же плакать. Бедные кришнаиты застыли в самых разнообразных позах, успев выдохнуть, но боясь вдохнуть. Некоторые рухнули в полный рост. Признаться, в воздухе разлился такой «аромат»... Куда там дышать – глаза резало! Итак, крестьянское средство действует по-прежнему безотказно. Бронзовое лицо сменило выражение на жалостливо-плачущее.

– Что это?

– Где? – искренне удивился я.

– Что со мной?

– Сказать правду, какой бы горькой она ни была?

– Да... – полупшепотом попросил он, боясь пошевелиться.

– Судя по внешним симптомам, понос! Может быть, кислое молоко все-таки не столь уж и полезно для слабого желудка?

– Что мне делать?

– Право, не знаю... Ты ведь вроде собрался меня убивать? Я бы не настаивал... Но раз уж ты твердо решил, то давай драться!

– Я... не... не могу... – стыдливо проблеял грозный Кришна, пытаясь осторожно пятиться назад. – Не сейчас... Я... и не... не так уж... Не в обиде... Ты погорячился... с кем не бывает?! Я, ой! Я милосерден... я все прошу!

– Сочувствую, братан. Ты двигай без суеты за лесок, а то, не ровен час здесь прихватит. Какими глазами на тебя будут глядеть верные поклонники? Срамота! Беги, спасай положение. Если что – я тебя подожду.

– Спаси-бо! Ой, мамочки! Я...

В общем, до леса-то он добежал. Уж как дальше, не знаю. Кришнаиты, прихватив раздавленных, раненых и отравленных газом, печально поредевшей колонной бросились за опозоренной святыней. Я погладил рукоять Меча Без Имени.

– Извини, дружище... Был хороший шанс порубить кого-нибудь в винегрет. Я прекрасно понимаю, что ты мог бы выстругать второго Буратино из этого металлического чурбана. Давай потом. Отложим профессию токаря на послезавтра. Мы еще успеем снять с него стружку...

Лия сладко потянулась и неожиданно громко попросила:

– Милорд, ради всех нас, заправите еще одного анекдота!

– Пожалуйста! – хором поддержали все.

Звездное небо... Созвездия здесь почти такие же, как и в моем мире. Хотя я из всех только Большую Медведицу и знаю. Воздух чист, в голову лезет всякая лирика. Я сижу у распахнутого окна, развалившись в кресле, в комнате Жана. Бульдозер здоровеет на глазах. Организм у него молодой, излишествами не испорчен, местный коновал заштопал ему рану, сбил температуру, и парень уверенно идет на поправку. Да... уж если здесь говорят, что готовы отдать за тебя жизнь, то делают это при первой же возможности. Но если Бог даст мне случай встретиться с той сволочью, которая швырнула нож в моего друга... Я даже думать об этом не хочу! Сразу так свирепею – самому страшно.

– Девочка моя, плесни еще вина и дай, пожалуйста, вон то блюдо с печеньем. Изюмное... Сама делала?

– Ага. – Лия протянула мне хрустящее печенье и уселась рядом на табуретке. – Лорд Скиминок, а я красивая?

– О, если бы все фотомодели Европы были хотя бы вполовину так же красивы, как ты...

– Я люблю вас, милорд! – Она счастливо прислонилась к моему плечу.

– Я тебя тоже люблю.

– И Жана я люблю.

– Понятное дело. Он и мне дорог. Эй, Бульдозер, кончай симулировать! Ты слышишь – мы тебя любим.

– И я вас, милорд. И тебя, Лия. Я ведь очень вас люблю. У меня, кроме вас и отца, никого нет. Иногда мне даже хочется умереть за вас...

– Это ты уже продемонстрировал. Довольно! Зубы Ризенкампафа сделали из меня другого человека. Я свиреп, как никогда! С этого дня ни один подонок не протянет свои грязные лапки к моему пажу и оруженосцу. Завтра же, если Кролик прилетит за мной, а он прилетит, как отоспится после обеда, мы обогнем все окрестности, и я найду Зубы!

– Я с вами, милорд.

– Молчал бы лучше. – Лия властно уложила приподнявшегося мужа обратно в подушки. – Никуда я его не отпущу. Успеет подвиги насосвершать. Но и вам одному в пасть к дьяволу лезть опасно. Лорд Скиминок, я тут посажу сиделок и полечу с вами.

– Нет. Во-первых, тебя мне там еще не хватало! Во-вторых, не забывай, где ты хочешь оставить Бульдозера. В родовом замке предателей. Ему насуют чего-нибудь в кашу, а мы расхлебывай.

– Милорд! Дайте мне ваше дубовое кресло, и я смогу за себя постоять. Пока вы бьете Раюмсдаля, я не буду висеть жерновами на ваших ногах. Отправляйтесь вдвоем и не беспокойтесь обо мне.

– Так, все! – Я хлопнул ладонью по подоконнику. – Быстро же вы забыли, кто здесь главный. Я ландграф или не ландграф?!

– Ландграф, – печально выдохнули оба.

Их, видите ли, огорчает невозможность свернуть себе шею в компании со мной. Нормальные люди радуются, когда их не призывают на войну. Ладно были бы новобранцы, а то ведь прекрасно знают, почем фунт лиха, и все равно лезут. Да еще вон обижаются, ежели не берут.

В дверь постучали. Я положил руку на Меч Без Имени и... едва не вскрикнул – рукоять

горела! Там за дверями был враг. Волшебное оружие не ошибается.

– Войдите.

Я – с мечом наперевес в боевой стойке. Лия – со сдвинутыми бровями и двумя руками вздымающая любимую сковородку над головой. Жан – севший в кровати, держащий в могучих руках по подушке и тоже готовый к обороне. В дверном проеме показалась девушка. На вид лет двадцать с небольшим, волосы темные, короткие, глаза карие, симпатичная. Одета в черную рубашку и обтягивающие штаны. За голенищами высоких сапог угадываются длинные ножи, из-за плеча торчит рукоять короткого меча. На отвороте воротника вышит серебром знак – головка одуванчика.

– Здравствуйте. Меня зовут Луна. Я наемный убийца.

Лия и Бульдозер отреагировали первыми. Жан вскочил с кровати, как есть в ночной сорочке, пошатываясь, закрыл меня собой и вмял меня спиной в стену. Белобрысая воительница с реактивным воем бросилась на вошедшую, целясь в ее кудрявую голову сковородой. Девушка чуть отклонилась в сторону, Лия вылетела в дверной проем и с грохотом пересчитала ступеньки вниз. Помнится, лестница была длинная...

– Жан! Пусти меня, идиот несчастный!

– Она – убийца!

– Я никому не причиню вреда. Мне очень жаль, что все так получилось.

– Ты слышал, дубина?! Сейчас же выпусти благородного меня! – С большим трудом я выбрался из медвежьих объятий верного оруженосца.

Темноволосая девушка в крайнем смущении отошла в угол. Она нервно сняла пояс с мечом, выложила на табурет ножи, а снизу уже неслось грозное:

– Милорд! Я иду вам на помощь! Я почти... пришла, ой! Не бойтесь! Я спасу вас!

Судя по грохоту, она шла на четвереньках и навернулась еще раз. Когда наконец в дверях показалась Лия, ее вид был страшен – на виске ссадина, из носа кровь, камзолчик без единой пуговицы, волосы растрепаны, а руки так сжимают сковородку, что пальцы побелели.

– Смерть тебе, несчастная!

– Нет! – Я великодушно закрыл грудью наемницу и... принял тяжелый удар в лоб!

Медная сковорода загудела... Лиины черты стали медленно расплываться перед моим мутнеющим взором. Сильные женские руки подхватили меня под мышки и не дали упасть. Лия испуганно всплеснула руками, с размаху уронив свое оружие прямо мне на ногу.

– О-о-о-у-у-у!

– Милорд, что с вами? Господи, его надо уложить в постель. Жан, да помоги же мне наконец!

Втроем они быстро унесли меня на кровать Бульдозера. Темноволосая девушка молча стояла рядом, глядя полными сострадания глазами, и гладила меня по плечу. Наверное, она думала о том, как тяжело иметь в друзьях чету преданных, буйно помешанных психов. Моя команда в это время дежурно переругивалась:

– Это ты во всем виноват! Если бы ты крепче держал нашего господина...

– Но, дорогая! Разве возможно удержать милорда, когда он рвется в бой?

– Если в бой, то нельзя. Но он встал на защиту собственного наемного убийцы! Кто как не ты должен был удержать его от такого опрометчивого шага?

– Я? А я... Я еще очень слаб! Лорд Скиминок одним движением мизинца отшвырнул меня в сторону, как пушинку.

– Не лги! Почему ты вообще не защитил милорда?! Почему я, слабое беззащитное существо, безоружной кинулась на вооруженную до зубов опасную рецидивистку?! Я рискую головой, дерусь до последней капли крови, падаю, встаю и вновь бросаюсь на...

– Не стоит так драматизировать, дорогая...

– Да замолчите же! Он открыл глаза, – прервала их милую воркотню наемница.

Так... меня раскрыли. Притворяться дальше не имело смысла.

– Ну что, братва? Поговорим, как цивилизованные люди...

– Нас осталось очень мало. После той бойни, что учинил король, уцелели немногие. Несколько женщин, старики, малолетние дети... взрослых мужчин-профессионалов меньше, чем пальцев на одной руке. У нас были свои обычаи, традиции, законы чести и долга. Наемный убийца – это не мясник! Да, он убивает за деньги, но быстро, легко, не мучая жертву и не калеча неповинных людей.

– Ага, тогда кто попал ножом в Жана? – не преминула влезть правдолюбца с распухшим носом.

– Это чудовищная случайность! Роковое стечение обстоятельств. Простите меня. Я никогда бы не позволила, чтобы из-за моей оплошности погиб совсем другой человек. Я хотела убить только лорда Скиминока.

– Понимаю, – кивнул я. – В свое время меня предупреждали, что ландграф – это название мишени. Наверное, кому-то очень лестно прищандорить мою голову над камином среди прочих охотничьих трофеев. Вам заплатили, и вы пошли чинить крутые разборки.

– Не совсем так. Я вас отлично знаю. В Ристайльской битве Пятнадцати Королей я сражалась среди добровольцев ткацкого квартала. Я запомнила вас сразу же. Вы были такой отважный и красивый!

– Стоп, милочка! Эта тема закрыта, – снова влезла Лия. – Достоинства милорда несомненны и ясны каждому, а если он захочет услышать комплимент – я и сама ему скажу! Нечего тут разным посторонним...

– Да ладно тебе, – вступился Бульдозер. – Пусть уж похвалит. Милорду в данный момент просто необходимы положительные эмоции.

– Точно. Так кто вас нанял?

– Я не видела его в лицо. Он оставил деньги и заказ у главы клана. Наверное, наш старик совсем выжил из ума, если взялся за это дело. Убить вас – значило убить национального героя. Золото и пергамент лежали в установленном месте, спустя две недели после битвы за город. Вас все знали. Никто не брался за эту работу...

– И тогда ты, поддерживая честь клана, вызвалась убить нашего дорогого лорда Скиминока?! Не выйдет, дорогуша! Пока я жива...

– Я не вызвалась! – с заблестевшими от обиды глазами завопила Луна. – Все тянули жребий! Я не виновата, что короткая палочка выпала мне. Я совсем не хотела его убивать!

– Лия! Не начинай снова-здорово. Налей всем вина. Да, кстати, время уже позднее, сон мы перебили, так, может, поужинаем все вместе?

– Кухарка спит.

– Не вредничай, подружка. Ключи от кладовой у тебя. Дуй вниз и быстренько приготовь горячие бутерброды с сыром, омлет, ну и какой-нибудь салат. Дополнения есть?

– Мне пару яблок, – попросил Жан.

– Слышала? Не тьяни время, выполняй!

– Но, милорд! Как я могу оставить вас наедине с беспощадным убийцей?!

– Я не один, я с Бульдозером.

– Он не вояка. Послушайте моего доброго совета, лорд Скиминок, свяжите ей руки, засуньте кляп в...

– Брысь отсюда! – Лию как ветром сдуло. Вот несносная девчонка – вечно настроение испортит. Со временем она обязательно вгонит меня в гроб своей заботой. Наверняка только Жан и способен с ней ужиться, он терпеливый, никогда не спорит, уступает во всем... Тьфу! Аж противно! О чем это я?

– Так вы, стало быть, не знаете имени нанимателя?

– Знаю. – Наемница слегка пожала плечами. Мне почему-то захотелось, чтобы мой верный оруженосец тоже ушел куда-нибудь по делу. – Его зовут барон де Стэт. Он приводил гоблинов на службу к Ризенкампфу.

– Он жив?! – заорали мы с Бульдозером в два голоса.

Бог и пресвятые архангелы! Кто же из моих врагов мертв на самом деле? Только сейчас я понял мудрость Соколиного Глаза, после каждого боя пронзающего длинным ножом грудь убитых ирокезов. На всякий случай. Просто чтобы удостовериться. Ведь и вправду, никто не видел трупа Раюмсдаля, де Стэта, кого там еще... Не помню, но вдруг и он жив?

– Так, значит, барон! Тонко чувствующая интеллигентная скотина, любящая музыку! Мало мы ему напинали. Жан, впредь, когда я буду неоправданно милосерден, обязательно напоминай мне об этом случае. Мне станет стыдно, и я убью мерзавца наверняка!

– Слушаюсь, милорд.

– Луна, пока нам готовят ужин, скажите на милость, что заставило вас прийти к нам?

– Я... я честно пыталась вас убить...

– Но один раз, в лесу, вы спасли мне жизнь. Тот придурок с арбалетом всадил бы в меня стрелу за милую душу. Вы не пожалели для него ножа.

– Ну... Я ведь должна была сделать это лично. Иначе работа считается не выполненной. Я покушалась на вас четыре раза...

– И что теперь?

– Лорд Скиминок... Я не знаю, как сказать... Вы сильный, вы благородный, вы меня поймете... Дайте себя убить!

Вошла напряженная Лия с тяжело нагруженным подносом в руках. Луна что-то горячо обсуждала с Бульдозером, а я отошел к распахнутому окну. Уселся на подоконник. Они уже втроем принялись за бутерброды, не прерывая веселой болтовни. Мне дали кусок поджаренной ветчины на ломте хлеба и большую кружку с легким вином. Я даже не слушал. Я смотрел на нее. Просто не мог отвести глаз. Улыбался, как тихий идиот, не лез в беседу, смотрел... Нельзя сказать, что она меня интересовала только как женщина. Я вообще об этом подзабыл. По опыту тяжелой службы на границе знаю – порой бывает абсолютно не до них. А мне уже месяц, как отдышаться не дают. Чуть только расслабишься – бац! Облом! Важные дела, неразрешимые проблемы, вечные нервы... Надо прыгать в седло, вздымать меч и нестись сломя голову за кем-то или от кого-то. Какие женщины, когда? Могла быть жаркая ночь с королевой Локхайма, да сорвалась из-за моего языка. Дивная грудь богини Катариады до сих пор будоражит воображение, но все говорят, будто богини бесплотны. Это все равно, что любоваться на конфеток из «Пентхауза» по телевизору. Дело не в этом...

Она была красивая. Я про наемную убийцу. Пластика и желанность ее фигурки только

подчеркивались нарочитой грубостью простой одежды. Она ничего не делала специально, но каждая поза, движение, жест были полны такой грацией и таким соблазном... Она хочет меня убить? Да сколько угодно! Только, пожалуйста, собственной рукой, грудь в грудь, глаза в глаза, так чтобы моя кровь стекала на ее ладони, и я видел дрожь ее ресниц...

– Лорд Скиминок, идите сюда, мы все уже решили!

– Иду. Что скажете, соучастники?

– Вы отправляетесь с Кроликом по своим делам, а мы хитростью задерживаем убийцу здесь, – заговорщицким шепотом начала Лия, – валяем дурака, делаем вид, будто вы всего пару минут назад пошли на конюшню лично проверить здоровье лошадей, да мало ли еще зачем...

– А я им будто бы верю, – подхватила Луна, с чувством юмора у нее явно все в полном порядке. – И как последняя дура, ношусь взад-вперед, с кинжалом в зубах, в поисках свирепого ландграфа.

– А мы с Лией готовим ей западню в подвале, заманиваем ложным ауканьем и запираем в каморке с копченостями! – вставил свое предложение Бульдозер.

– Угу... Понял. Она обедает колбасой и не хочет уходить. Вы в ожидании меня совершаете ряд набегов на кришнаитов. Ну, чтобы кровь не застоялась. Так, утречком – пробежка, шесть неопознанных трупов, два пожара. Вечерком, перед сном... нет, на ночь можно не убивать, набейте морды, и ладно, а то еще привидения приснятся. Я лечу к Раюмсдалю, говорю ему в лицо, что он дегенерат! Принц кусает локти со стыда и удаляется отшельником в пустыню. Кролик «чистит» Зубы, стоматолог хренов! Бабушкино лицо умиляется моей красе и молодости, кается в проступках и идет на кухню печь оладушки. Кришна решает покончить с идолопоклонством и навсегда уходит в женский монастырь, чтобы написать серьезную книгу о уринотерапии. Кришнаиты расползаются по свету, организуясь в маленькие ансамбли индийских танцев или вступая в действующую армию барабанщиками. Барон Бесс навсегда порывает с темным прошлым, открывает в замке воскресную школу для недоносков и лично бегает с колокольчиком, отзванивая перемены. Король Плимутрок, выздоровев, наконец женится на вдове соседнего короля, бескровно оттяпав себе изрядный кус заповедной территории. Супругу он впоследствии удачно травит засахарившимся вареньем.

– Вы издеваетесь, – надулись все трое.

– А вы нет?! – вспыхнул я. – Любому терпению есть предел. Несете чушь несусветную! Кого конкретно вы пытаетесь обмануть? Я так понял, что нашей гостье непременно нужно меня убить. Это закон клана, долг чести, основа устоев и традиций. Сейчас или после, я ее или она меня, но один из нас обязан умереть! Делать вид, что ничего такого не случилось бессмысленно. Приказываю всем разуть глаза, посмотреть на вещи серьезно и заняться делом!

Мы молчали. У меня пропал гневный пафос, причем так же неожиданно, как и появился. Лия ковыряла пальцем морковный салат и качала ножкой в красном сапожке. Жан вспомнил, что он больной, улегся тишком и мгновенно уснул, скотина... Убийца уставилась в окно, обхватив руками колени. В эти минуты ее милое лицо дышало такой лирикой и доверчивостью, какая не снилась ни одной Дюймовочке. В светлеющем небе промелькнула белая полоса.

– Кролик вернулся. Я приготовлю ваш плащ, милорд, на дворе еще очень свежо...

Мы договорились, что мои ребята ждут меня в замке Бесса. Луна имеет возможность бродить там, где ей хочется, с правом убить меня там, где ей вздумается. Условия игры остаются прежними, с той лишь разницей, что теперь я точно знаю, кто и по чьей просьбе за мной охотится. Основная проблема, как мне ее случайно не убить? Меч Без Имени – грозное оружие, и я не всегда с ним справляюсь. По большей части он рубит уже тогда, когда я еще только задумываюсь, а стоит ли вообще драться по пустякам? Впрочем, почти во всех случаях его поведение оправданно. Если бы не меч, то половина королевства давно безутешно рыдала бы на моей могиле, в то время как вторая половина радостно отплясывала на ней же. Так что пока полная гармония...

– Кута летим? – доверчиво поинтересовался Кролик.

С помощью слуг барона на его могучую спину, между острых надхребетных зубцов, укрепили подпругами глубокое седло. Меня надежно привязали и, с плохо скрываемым облегчением, отправили в путь. Вся троица махала из окошка в спальне Жана. Полет проходил на средней высоте в теплой, дружественной обстановке:

– Чеес пять, сесть часоф мы путем на месте. Фелоника так оплатуется, так оплатуется!

– Слушай, динозавр известкового периода, а ты не консультировался у Матвеича насчет своего дефекта речи?

– Не... а сто, осень саметно, та?

– Иссе как! – передразнил я.

Никому другому ни за что не посоветую язвить перелетному зверьку, но с этим мы друзья. Мне он позволяет многое, однако прочим экспериментировать с его чувством юмора не рекомендуется... Дракон все-таки!

– А фы нашли Супы?

– Пока нет. Полюбопытствую у Вероники, потом еще Кэт обещала разузнать. Если уж совсем никто не подскажет, тогда нам придется совершать многодневные перелеты до тех пор, пока не найдем что-либо похожее.

– Снасит, снофа – фойна!

– Да, мой фронтовой друг... Враг не дремлет. Он вообще сон потерял. Мучается бедняга – нервы, бессонница, простатит... Все из-за нас!

Так, в милой приватной беседе мы проплыли над лагерем кришнаитов. Мелкие фигурки в оранжевых тряпках отстраивали сгоревшие казармы. Бронзовый Кришна по-прежнему сидел на своем месте, но уже по-другому. Раньше он величаво располагался в позе лотоса, а сейчас по-простому, присев на корточки. А уж запах от лагеря шел... Даже Кролик поморщился. Интересно, однако, металлического бога оживляют какими-то молитвами? Или он сам встает поразмяться время от времени? Или же все дело в сильной магии и мощных заклинаниях Четырех Стихий? Вот почему кришнаиты боялись подходить к моему памятнику – они думали, что и эту статую можно оживлять! Обязательно спрошу у Горгулии Таймс, как только встречу. Она же должна быть на свадьбе у Вероники. Боже мой, а с чего вообще юную ведьму понесло замуж? В ее-то годы могла бы еще и погулять. Любопытно будет взглянуть на того счастливчика, что попадет в ее шаловливые ручки. Даже при редких встречах, наездами, она своей милой безалаберностью и легкомыслием вечно ввергает меня в идиотские положения, а уж при ежедневной семейной жизни... Да, хотите пожить без скуки – заведите себе Веронику! Дня на два вас хватит. Потом вас хватит кондрашка.

Ладно, что еще меня тревожит? Вспомнил, Танитриэль обещала выяснять насчет продолжения рода Ризенкампа. Какое-то время она была в супружестве с этим мерзавцем,

хотя, по ее словам, как женщина она его не интересовала. Лишь как политическая ширма. Не знаю. Есть ли где нормальный мужчина, которого бы не заинтересовала королева Локхайма именно как женщина?! Конечно, она ближе к рубенсовским дамам, чем к селедкам от кутюрье, но так гармонично сложена! К тому же всерьез хочет замуж... О чем это я? Тьфу! Мне же совсем не это от нее нужно. Дурею! Мысли пошли не в ту сторону. Надо переключиться на что-то более возвышенное, неземное, чистое... Ага, например на дивную грудь богини Катариады! О, какая это грудь!.. Отродясь не встречал подобной белизны и формы. А кожа, а объем, а упругость!.. Соски только чуть-чуть вздрагивают при ходьбе, как розовые жемчужины! Богини бесплотны?! Как же! Кой черт, бесплотны! С такой-то грудью?!

Нет, нет, нет... Стоп! Охладись, ландграф. Летим на серьезное дело, а ты отвлекаешься на баб. Ну, пусть на женщин! Но на каких!!! Ах, Луна, Луна... Мой прекрасный наемный убийца. Если бы я не был женат... Если бы у тебя была другая, более гражданская профессия... Если бы я остался здесь жить... Если бы не idiotские Зубы с дурацкими проблемами всего Соединенного королевства... Если бы...

На обед мы приземлились на лысом песчаном холмике. Я развязал узелок с бутербродами и откупорил флягу легкого вина. Сопьюсь, вот, ей-богу, сопьюсь! Надо срочно научить Лию варить компоты. Дело нехитрое, она справится. Рукоять Меча Без Имени сохраняла ровное тепло. Так, небольшая повседневная опасность. В трех-четыре местах от меня зашевелился песок, и на свет Божий повылезало с полдесятка упырей. Желтые, как монголы, с таким же разрезом глаз, брюшки отвисшие, зубы, как из голливудского фарфора, зато руки мускулистые, усиленные серьезными когтями. Видал я их уже... Ризенкампф пригнал на Битву Пятнадцати Королей целое стадо этой сухопутной нечисти. По-моему, черти Брумеля с ними возились. Долго, около часа, но покололи всех. Обнажив кипенно белые клыки, упыри неблагоразумно пошли на меня в атаку. Дурачье! Я даже за меч не хватался. Надо мне пальцы мозолить, когда дракон под боком?! Кролик раз ливанул направленной струей пламени – куда там штатовскому огнемету! Один вроде успел закопаться, но прочие мгновенно превратились в полыхающие факелы, с воем разбегающиеся в разные стороны. Что делаем, что делаем... Реликтовых существ уничтожаем! Потомки меня за это не похвалят. Весь аппетит отбило запахом горелого мяса. Нет, надо все же поговорить с Плимутроком насчет создания заповедника для таких тварей. Большого, культурно оборудованного и, главное, надежно укрытого за колючей проволокой.

– Не оплащайте фнимания, милолт! Кусайте на столфье.

– Спасибо, друг, я не особенно голоден. Так ты говоришь, что мы не опоздаем на обряд бракосочетания?

– Ни са сто! Фетьмы и плочая несисть женятся только. Отни смотлины не меньше мяса, успеем...

– Все равно, не стоит задерживаться, – решил я. – Не будем тратить время, в путь!

Под нами плавно проплывали озера и реки, рощи и леса, горы и холмы, временами попадались замки и деревеньки – не знаю, с чего это жители Соединенного королевства считают Темную Сторону малообитаемой и непригодной для жизни? Наверно, никто всерьез не занимался ее исследованием. Верят в бабушкины сказки о том, как хорошо дома на печи, а за горами страшно, холодно и волки кусаются. На самом деле здесь совсем не пыльно, всего всем хватает. Возможно, основная часть населения впрямь представляет собой банальную нечистую силу, но ведь и вокруг Ристайла ее тоже хватает. Все мое прошлое

путешествие прошло в «христианском» государстве, а сколько ужасиков я насмотрелся?

– Лолт Скиминок, фскляните – фон она!

– Где?

Впереди нас на новенькой метле, завывая, неслась Вероника. Волна черных волос развевалась на ветру, живописные лохмотья полоскались, как флаги, а упоенный визг был слышен еще издалека. Но что-то меня напрягало... А, вот! Обходя юную практикантку с флангов, на пестрых коврах-самолетах бесшумно скользили неизвестные преследователи в черных масках.

– Мне это не нравится. Сейчас вокруг столько всякого хамья, бедной девочке на улице ясным днем не выйти! Дружище, мы успеем остановить их прежде, чем они выдернут из-под нее веник?

– Поплопуюем, милолт!

О, папаня... Я же зарекался лететь на драконах во время воздушного боя! После второго такого пике меня точно стошнит. Кролик позаимствовал боевой клич у ратников Злобыни Никитича и теперь оглашал окрестности грозным ревом двухмесячного младенца:

– Уа-а! Уа-а-а! Уа-а-а-а!

Нас соизволили заметить. Признаться, любой дурак поневоле обратит внимание на боевого дракона, с воплем идущего в атаку. Первого летуна в маске мой крылатый друг просто съел. Мерзавец запустил в нашу сторону хорошенькую шаровую молнию, но я легко отбил ее мечом. Преследователь пытался что-то проорать, наверное, хотел огласить завещание, но Кролик на лету обычно глотает, не прожевывая. Если бы всех маньяков, гонящихся за девушками, наказывали подобным образом, в моем мире здорово бы упал уровень преступлений на сексуальной почве. Да, ладно – съели его – и дело с концом! Двое других мгновенно бросили погоню, переключившись исключительно на наши скромные персоны. Бежать они не собирались.

– Попались, прохиндеи! Страшитесь праведного гнева свирепого лорда Скиминока!.. Ой, маманя! – Маневренный дракон ушел в штопор. Я едва не выпустил меч из рук. Молнии замелькали как праздничный фейерверк. Кролик умудрялся уворачиваться, выделявая в воздухе умопомрачительные вензеля, в то время как меня выворачивало наизнанку. Говорят, самые храбрые люди бледнеют от ярости. Я был такой бледный, такой зеленый, что эти типы в масках не решались заглянуть в мое «яростное» лицо. Фуганула струя пламени, и свежезажаренный террорист вместе с ковриком рухнул в пасть счастливого победителя. Третий негодяй таки успел вцепиться молнией в бок Кролику. Бедное птеродактелеобразное ископаемое взревело от боли – на чешуйчатой белой коже проявился огромный синяк. Ну, тут уж мы оба рассердились!

– Лорд Скиминок! Не надо! Пожалуйста-а-а!

Поздно. В тот миг, когда голос Вероники пробился к моему затуманенному сознанию, я успешно рубанул мечом из неудобной позиции по пролетающему коврику. Третий ковра словно корова языком слизнула. Мой дракон добавил огоньку, и последний преследователь полетел вниз, дымя, как подбитый «мессершмит». Не удивлюсь, если он врезался в ближайший холм с характерным взрывом бензобака. Юная ведьма лихо затормозила перед моим носом и, едва не плача, вцепилась в мой рукав:

– Что вы наделали, милорд?!

– Для начала скажи мне, кто он?

– Якобс Зингельгофер.

– Хорошее имя. С морозу не выговоришь, но и с Мопесом Ципельманом тоже не спутаешь. Где ты его выкопала?

– Он меня сам нашел. Я полетела на Темную Сторону выяснять, куда деваются кришнаиты. Милорд, здесь их целый военный лагерь! Вы не представляете...

– Вероника! Не отвлекайся, с этим базовым санаторием имени Кришны Меднолобого я уже разобрался.

– Как вы лихо, лорд Скиминок! Там теперь большая братская могила? Где не ставят крестов и вдовы не рыдают?

– Нет. Скорее общественный туалет закрыто-кланового типа. Только для узкорелигиозных деятелей.

– Они могут два раза в год, сроком на полдня, оживлять своего бога!

– Плавали – знаем. Мы с ним быстро нашли общий язык. Компанейский мужик, между прочим, любит анекдоты. Я даже угостил его бадьей своеобразного йогурта. Он на меня больше не сердится, ему не до того. Чихнуть боится...

– О-о-о! Последнее время вы свирепы до чрезвычайности. Всю Темную Сторону лихорадит от того, что на их территории разгуливает тринадцатый ландграф. Вас ведь многие помнят лично, по Ристайльской битве. Ну, в смысле те, кто уцелел... Вы так популярны! Знаете, сколько родов поклялись всеми силами Ада сжечь вас живьем, разрезать на кусочки, сварить в тюленьем жире, закопать в черноземе на милю в глубину, прокатить по всей стране в ржавой бочке с битым стеклом, приготовить из вас гуляш с картофелем под сметаной в горшочках...

– Не надо продолжать! Я тебе верю. Просто не ожидал, что у вас так распространена вендетта. Прямо-таки Корсика какая-то. Насчет того, что положено прощать врагов и возлюбить ближних, вам в детстве не говорили?

– Не-а. Ой, я отвлеклась! Так вот, он встретил меня на пути в столицу. Рассказал, как много обо мне слышал, давно мечтал познакомиться, сроду не видел никого красивее, а еще именно я снилась ему последние десять лет.

– Девочка моя, прими холодный душ и поговори со мной менее восторженным тоном. Я все понимаю, у меня тоже была первая любовь.

– Моя первая любовь – это вы!

– Вероника! – Я даже покраснел.

Мы болтали уже около часа, коротая время перелета. Юная ведьма удобно уселась позади меня, а для дракона увеличение веса на еще одну хрупкую особу сложностей не представляло. Сейчас мы направлялись в гости к счастливому избраннику. Молодой колдун, из хорошей семьи, брюнет, красавчик, музыкант. Ну а на кого, собственно, она могла бы еще клюнуть? Девчонки все такие легкомысленные...

– Слушай, ну если здесь все так агрессивно ко мне настроены, то может быть, и твой Зингельшухер имеет на меня зуб?

– Во-первых, его зовут Зингельгофер! А во-вторых, конечно, нет! Как вы могли подумать? Он же такой хорошенький... просто не создан для коварства. Правда, курносый его не назовешь, скорее наоборот. Но зато как он горделив в профиль – настоящий орел!

– А кто эти типы в масках, что висели у тебя на хвосте?

– Это моя охрана. Мой возлюбленный считает, что теперь мне не стоит летать по Темной Стороне без телохранителей. Говорит, что лично он украл бы меня прямо из-под

венца!

– Да ну? И насколько успешно эти секьюрити хранят твоё тело?

– Ох, милорд, успешно до неприличия! Они следуют за мной буквально везде. Мне порой так неудобно...

Форменные соглядатаи. Ну, ладно. Пока это не моё дело. Долго нам ещё лететь?

– Нет. Вот, на склоне той лысой горы нас должны встречать цветами и музыкой.

– Тебя! Уж меня-то будут встречать воплями и дрекольем.

– Смотрите, смотрите – вот он! В красном плаще и черном костюме. Ну, правда же, он чудо как хорош?!

Кролик пошел на посадку. Что я мог ей сказать? Из молчаливо-насупленной толпы человекообразной нечисти осторожно высунулся один. Высок, слегка лысоват, волосы на затылке кудрявятся, как у барана, рогов нет. (Пока! Шучу, шучу. Вероника – хорошая девочка.) Глаза черные, косоватые, уши острые и оттопыренные, нос крючком, лоб узкий, ни усов, ни бороды, губы тонкие, из-под верхней выползают два аккуратненьких клыка.

– Кто это, любовь моя? Держу пари, ты привезла нам свежее мясо. Угадал? Угадал! Ах, ты моя умничка! Всем назад, я как жених имею право укунить его первым. Все повеселели, забыли про дракона и двинулись на меня. Вероника ехидно молчала, представляя себе финал трагедии. Кролик тоже пока не вмешивался. Я неторопливо вынул из поясного кольца Меч Без Имени. Серебристая сталь бесшумной молнией скользнула в воздухе. Нападающие на секунду замерли. Возможно, в их мозгах что-то сработало, они соединили детали в целое, и молодой человек неуверенно спросил:

– Как твоё имя, жертва?

– Скиминонок!

Минута скорбного молчания. Затем, как строевые сосны, в полный рост, присутствующие стали падать в обморок. Кто обладал более крепкой психикой, с воем удирал по их телам, надеясь скрыться от свирепого меня. Двое однорогих с более слабой психикой попросту сошли с ума от страха. Они начали жевать скудную траву, громогласно объявляя, что являются лишь очень одинокими овечками. В рекордно короткое время мы остались одни. Вероника хохотала до упаду, размазывая по щекам счастливые слезы. Мой дракон презрительно фыркнул, не унижаясь до смеха над низшими созданиями. Мне, признаться, тоже было не слишком весело. Что я, Гитлер какой?! Чего они так перепугались? Ну, подумаешь, герой Битвы Пятнадцати Королей, подумаешь, Ризенкампа победил, подумаешь, прилетел на ручном драконе и порубал чьих-то там телохранителей... Именно здесь сейчас, сию минуту, я ведь никого не тронул! Несправедливо.

– Ой, не могу! Вы меня уморите, милорд! Как он вам... жертва! А сам... а сам... Я сейчас помру!

– Успокойся, хохотушка. Почему ты никого не предупредила? Получается, что моё имя для них страшнее глотка святой воды. Может быть, зря мы сюда прилетели?

– Как зря?! – подскочила мгновенно посерьезневшая Вероника. – Я надеялась, что вы будете моим посаженным отцом. И мисс Горгулия настаивала...

– Она спокойно отнеслась к идее твоего раннего замужества?

– Она просто в восторге! – с чрезмерным для правды пылом выдала юная ведьма. Угу... По-видимому, за время моего отсутствия Горгулия Таймс здорово изменилась. Впрочем, гадать не пришлось. Откуда-то из-за поворота высыпало с десятков вооруженных монстров,

отважно выставивших в мою сторону дрожащие копыта.

– Вероника! Приведи в чувство своего зубастого избранника, а я пойду поздороваюсь с ребятами.

– Только не убивайте всех, милорд!

– И в мыслях не было...

Сквозь лязгающую доспехами рать активно проталкивалась красивая полная женщина лет сорока пяти. Каштаново-рыжие волосы, эффектно украшенные сединой, развевались по ветру. Не узнать верховную ведьму Тихого Пристанища было невозможно.

– Ну, здравствуй, свирепый ландграф!

– Здравствуйте, мисс Горгулия!

Мы обнялись, и я получил два материнских поцелуя в обе щеки. Общее напряжение спало. Стражники и воины начали приводить в чувство слабонервную нечисть. Ко мне вновь подошел черноглазый жених и, вытирая нос полой плаща, сдавленно извинился:

– Прошу прощения. Никак не ожидал... Вероника много о вас рассказывала. Виноват, что не узнал сразу. Готов искупить.

– Пройдемте в дом, – предложила верховная ведьма.

С Кролика сняли седло, размотали веревки, и мой чешуйчатый друг сполз по холму вниз, где уютно устроился у небольшой речушки, наслаждаясь полным желудком, тенью и прохладой.

– Не пелешифайте са меня, лантглаф. Я тут поспью немноко, если сто – сфистите! У меня такой сюткий сон...

Ага, знаю я его чуткий сон... Как нажрется – два дня его не беспокоит, дрыхнет без задних ног. На нем гвозди можно выпрямлять, ничего не почувствует. А с чего это я, собственно, разволновался? Ведь здесь Вероника – она не даст меня в обиду. Здесь Горгулия Таймс – мы с ней старые друзья. Причин для волнения нет. И вообще я храбрый! И меня здесь все боятся, как тещу... И ненавидят... И их так много... А я один. У ведьм свои заботы, свадьба – дело хлопотное. Я вдруг почувствовал себя очень забытым, одиноким, брошенным лордом Скиминоком. Мне не хватает Лии и Бульдозера – моих правой и левой рук. Без них плохо...

Меня с почетом сопроводили внутрь холма. За поворотом оказалась арка, в ней кованые воротца с изображением разных магических символов, а там ступеньки вниз. Освещение факельное, пламя зеленое и сильно чадит. До электричества здесь не скоро додумаются, а я не слишком утруждал себя изучением физики в школе, чтобы здесь смастерить свой собственный генератор. Вот показать, как к медной палочке бумажки липнут, – это пожалуйста! Только кому это нужно? Меч Без Имени сохранял легкое, приятное тепло, холодным он был только будучи убежденным в полной безопасности моей личности. Естественно, глупо ощущать себя в безопасности, прогуливаясь в подземелье у ведьм в окружении колдунов, находясь вообще у черта на рогах, по ту линию фронта. Мы прошли несколько помещений. Вероника что-то щебетала со своим возлюбленным. Горгулия Таймс давала мне очень сжатые пояснения:

– Кухня. Тюрьма. Склад. Подземелье. Комната пыток. Чулан. Камера смертников. Спальня. Часовня Сатаны. Трапезная. Холодный погреб для мертвецов. Винный подвал. Детская. Комната для черных заклинаний. Оружейная.

– А отдельного зала для медитаций у вас нет? – вклинился я, чтобы хоть как-то

поддержать беседу.

– Нет, – подумав, решила верховная ведьма. – Но расскажи мне, что за новомодное волшебство этот «медитаций»?

– Медитация?! Такое состояние души, когда вас ничто не отвлекает от непосредственного общения с Дьяволом на уровне подсознания. Нужно отвести скромную комнатку, обить стены черным бархатом, понабросать черепушек, зажечь вонючие индийские палочки, понабрать побольше оккультных картинок и сесть посередине, отрешившись от земных забот.

– Угу... это уже кем-то проверено?

– Еще бы! Уйма сект только этим и занимаются. Освободив свой мозг от мыслей, душу от чувств и эмоций, они сидят пустым сосудом, а, как известно, пусто место – свято не бывает.

– Интересная теория. Мы, несомненно, возьмем на заметку вашу медитацию. Похоже, она действительно полезная штука. Но давайте немного о другом... Я слышала, вы опять влезли в крупную передрягу?

– Ничего подобного. Просто узнал, что Раюмсдаль жив, и хочу найти Зубы раньше него.

– Ох, ландграф... не надоело? Решил снова подписать себе смертный приговор?

– Здравствуйте! А кто как не вы сами уговаривали меня заняться этим делом?

– На то я и ведьма! Мне по штатной должности положено толкать людей на верную гибель. Вспомни, ведь и Ризенкампа ты победил просто чудом. Второй раз так не повезет. Это Зубы! Они кусаются! Не одного злодея уничтожить, а вырвать весь род... Послушайся моего редкого, доброго совета – не плюй против ветра!

– Теперь уже не получится. Пока вся суета касалась лишь Соединенного королевства – нет проблем, могу и отвалить! Им все равно надо с кем-нибудь воевать... Но эти придурки достали меня лично! Вы слышали, что они сделали с Бульдозером?

– Ничего особенного. Подумаешь, заколдовали! Плимутрок выздоравливает, князь с отрядом рыцарей успокаивает окраины, в городе кришнаитов уже потихонечку бьют. Все наладится само собой, без твоей помощи. Ну, скажи на милость, зачем тебе понадобилось баламутить Темную Сторону?

– Я первый никого не трогаю!

– Угу. Это все вокруг злые да глупые, так и лезут без очереди обидеть невинного мальчика с игрушечным мечом!

– Черт возьми! Да почему вы вообще на меня набросились?! – праведно возопил я.

Ведьма насупилась, поджала губы, и какое-то время мы шли молча. Наконец она решилась:

– Боюсь я. Все понимаю, но боюсь.

– Чего?

– Вдруг ты окажешься прав...

Меня поселили в одной из гостевых комнат. Обстановка привычная: большая кровать, бочка с горячей водой, камин, достаточный для жарки быка целиком, полное отсутствие окон, по углам паутина, пол из грубого гранита. Все выдержано в мрачной гамме, да еще по моим подозрениям наверняка имеются два-три потайных входа для ночного умерщвления заснувшего бедолаги. Вероника сказала, что оставляет меня часа на два, у нее дела, дела, дела... Чувствуйте себя как дома, и все такое.

– Постой, а как там насчет обеда?

– Честно говоря, милорд... никак! Вы ведь не будете есть то, что они себе наготовили.

Сколько помню, плесень в салате раньше вас не прельщала, да и забродившую кровь вы пить не станете. Мисс Горгулия сама что-нибудь сварит или займется знаменитыми пирожками с грибами.

– Хм... это надолго. А перекусить по-быстрому, бутербродами с сыром или яичницей, здесь нельзя?

– Я попробую. – Юная ведьмочка умчалась. Незадача! Из-за тех горелых упырей я так и не успел толком пообедать, а еда на ходу не насыщает организм. Вероника скоро вернулась с корзинкой яиц, сковородой, салом и караваем хлеба.

– Умница! Можешь быть свободна.

– Но я должна вам все приготовить, лорд Скиминок.

– Беги, беги. По лицу вижу, как ты торопишься к своему ненаглядному. Вперед, малышка! Счастливая семейная жизнь уже помахивает платочком вольному, холостяцкому быту. Не сомневайся, с яичницей я отлично справлюсь и без тебя.

– Правда?

– Истинная!

Она чмокнула меня в щеку и сорвалась с места так, как это показывают в мультиках Диснея. Два года службы на турецкой границе многому меня выучили. Застава – хорошая школа. До сих пор я, например, люблю мыть посуду и гладить. Никаких проблем со стиркой, уборкой и оторвавшимися пуговицами. Готовлю все, кроме тортов. Да и то подозреваю, что надо просто попробовать. А уж такая пустяковина, как яичница, любому мужчине по плечу. Через десять минут она уже аппетитно шипела на сковороде, и я, достав из сумки флягу с остатками вина, предался тихому обжорству. В дверь постучали...

– Войдите! – прочавкал я.

Молодой колдун Якобс Зингельгофер повел острым носом и осторожно скользнул в комнату.

– А, новобрачный... Заходи, садись.

– Не помешаю, милорд?

– Нет, нет, очень кстати. – Сытый я очень добр, да и вино Лия налила хорошее. Желая показать свой миролюбивый нрав, я широким жестом взялся за сковороду и великодушно предложил: – Тебе яйца поджарить?

– Пощадите!!! – завопил недоумок, рухнув мне в ноги.

– Ты чего? – Он опасливо косился на сковородку. – А!.. Ну, я не это имел в виду. Нельзя же все понимать так прямолинейно! Стану я калечить будущего мужа моей Вероники. Сядь, извини, что напугал.

Он поднялся и присел на уголок кровати, не сводя с меня настороженного взгляда. Станный кадр... Ничего плохого он мне пока вроде бы не сделал, но эта свадьба почему-то совершенно не греет душу. Есть в нем что-то размытое, заgrimированное, настораживающее, но... не могу объяснить!

– Лорд Скиминок, мы все очень рады вашему визиту. Смее уверить, что никто из нашего клана не остался равнодушным к обещанию Вероники пригласить вас посаженным отцом. Вся Темная Сторона в невероятном воодушевлении.

– Неужели?

– Да! Вы ведь величайший герой современности. Никто из бывших ландграфов не

годится вам и в подметки! Победить самого Ризенкампа! Спуститься во Тьму! Взять Башню Трупов! Повернуть вспять армии Голубых Гиен! Как, должно быть, прекрасен ваш мир, если вы осчастливили его своим рождением!.. Ваше величие неоспоримо! Ваш ум глубок и аналитичен! Образование претендует на профессорскую степень! Храбрость не имеет границ! Щедрость не знает пределов! А мужественная красота заставляет вздыхать о вас всех женщин Соединенного королевства!

Подобным водопадом лести меня не обливали ни разу. Вот сидит, гад, напротив меня, врет в лицо, но не краснеет, а лишь воодушевляется с каждой фразой. Впечатление такое, словно он сам искренне верит в то, что говорит. Ну и язык... Кажется, теперь я понимаю, почему Вероника согласилась выйти за него замуж. Сладкий голос обволакивал. Я понял, что засыпаю...

Бурные славословия моего гостя оборвала вошедшая в комнату Горгулия Таймс. Она так строго глянула на зубастого Якобса, что тот поспешил исчезнуть.

– Успел поесть?

– Да, ваша воспитанница позаботилась.

– Тогда собирай манатки. Тебе нельзя здесь оставаться.

– Почему?

– Не задавай дурацких вопросов! Ты на Темной Стороне – тебя убьют, ландграф!

– Может, я чего и не понимаю, но ведь меня сюда вроде бы пригласили на свадьбу? При такой защите, как вы, Вероника и Кролик, бояться нечего!

– Слушай... – Верховная ведьма нервно прошлась по комнате, отхлебнула из моей фляги и неожиданно устала в камин.

Какое-то время она просто прислушивалась, потом бросилась вперед, не обращая внимания на пламя, сунула руку в дымоход и выволокла оттуда страшное упирающееся существо. Оно было ростом с мартышку, но лысое, с кожей, как у негра, морда скорее кошачья, а уж зубы... Любой тигр обзавидует! Прежде чем я открыл рот от удивления, Горгулия быстрым жестом свернула шипящему зверьку шею.

– Мерзкий ублюдок!

– Да... вполне с вами согласен. В каком районе этой милой страны выращивают таких ласковых домашних животных?

– Не остри, ландграф! Стоило тебе заснуть, как эта тварь порвала бы тебе плотку.

– Мерзкий ублюдок! – представив жуткую картинку, бурно вознегодовал я.

– Мерзкий ублюдок! – еще раз подтвердила Горгулия Таймс. – Ну ничего... Ждать уже недолго, он за все получит сполна.

– Он еще что-то недополучил? – несколько удивленно брякнул я, поглядывая на дохлого зверька.

– Конечно! Ты еще спрашиваешь? А что он сделал с Вероникой?

– С Вероникой?! – уже в голос взвыл я, представив юную ведьму с распоротым горлом. – Нет!!! Как вы могли допустить?! Куда вы смотрели?

– Не... тряси... меня! – Мисс Горгулия с трудом оторвала мои руки от своих плеч. Я никогда не был так свиреп! – Ты же знаешь характер несносной девчонки. Разве теперешняя молодежь хоть чуть-чуть слушает старших?

– Вы должны были ее уберечь! Спрятать! Запереть в конце концов!

– Удержишь ее, как же! Он своими сладкими речами совсем вскружил дурочке голову.

– Вот дьявол! – поразился я. – Так эта тварь еще и разговаривать умеет?

– Ты это о ком? – неожиданно запнулась верховная ведьма, глядя на меня с нездоровым подозрением. Так смотрят на тихих, безобидных кретинов.

– О нем. – Я толкнул ногой трупик маленького чудища. – Об этом мерзком ублюдке, как вы выразились.

– У-у-у... Дубина! – в тихом бешенстве закричала зубами Горгулия.

В мою затуманенную болью потери голову осторожно забрела мысль о том, что мы говорим на разные темы. Вернее, тема одна, просто применяем мы ее к разным объектам.

– Так. Не перебивайте меня, я сам собьюсь. Вероника жива?

– Десять минут назад была здоровехонька и целовалась с этим негодяем на кухне.

Я сел на кровать. Верховная ведьма тоже. Она подала мне флягу. Я отхлебнул и передал ей, она отхлебнула. Мы помолчали. Вздохнули...

– Вы думаете, Зингельгофер подсунул мне в камин этого голого саблезубого кота?

– Он. Больше некому. Свадьба не должна состояться! Он погубит мою маленькую девочку! Ландграф, что мне делать?

– Ну, знаете... я тоже не семейный психолог. Надо во всем разобраться, а на это нужно время.

– Тебя убьют.

– А, плевать... Меня каждодневно убивают, привык. Какие у нас планы на ближайшее время?

– Сейчас придут звать на обед. Ха! Представляю их кислые рожи, когда они найдут лорда Скиминока живым!

– Они выдадут себя, – кивнул я. – В любом случае нас здесь хотя бы трое.

– Двое. Дракон заснул – и добудиться его сложно. Веронику в расчет не бери. Магическую поддержку я тебе обеспечу, но от ножа в спину, увы, могу и не уберечь.

– Длинноносый жених в курсе того, что вы неадекватно относитесь к их скоропалительному браку?

– Еще бы! При первой же встрече я почти превратила его в жабу, но там было столько колдунов среди его поганой родни... Никакой возможности довести до ума начатое заклинание. Он меня боится!

– Значит, уважает. Итак, идем на обед и действуем по обстановке. Надеюсь, нас не отравят. Я хочу спровоцировать мерзавца на какой-нибудь агрессивный шаг, и тогда, возможно, у Вероники откроются глаза.

– Сомневаюсь... – Верховная ведьма протянула мне костяное кольцо, изображающее рыбу, держащую во рту розу: – Надень на мизинец левой руки. Так, теперь никто не сможет тебя заколдовать. Или принести вред с помощью предметного колдовства. А насчет нашей влюбленной крошки... Боюсь, что, даже увидев тебя на полу, в луже крови, а рядом Зингельгофера, вбивающего в твою спину зазубренный меч, она сама придумает ему оправдание!

За нами пришли. Шестеро стражников в шипастых шлемах топтались у входа. Горгулия Таймс взяла меня под локоток:

– Идем, ландграф. Бежать ты уже не успеешь. Я постараюсь помочь сделать твою кончину пышной и запоминающейся.

Нас проводили в мрачный, праздничный зал. Там уже сидела толпа народу. Внешнее убранство было не в пример богаче, чем в моей комнате. Полно гобеленов, изображающих

сцены расправы гоблинов над рыцарями, ведьм над юными девами, упырей над невинными младенцами. В центре на стене – большой барельеф из черного мрамора: рогатое, козлоподобное существо, восседающее на троне из человеческих костей. Роба настолько мерзкая, что поневоле жалеешь об отсутствии стакана святой воды – выплеснуть в морду гаду! Огромные люстры по сто свечей. На полу ковры, мебель из червленого дуба, ручная работа очень высокого качества. Столы стоят в два ряда, а за ними уже всюю обжираются гости. Я почувствовал приступ душной тошноты – здесь явно было в ходу человеческое мясо. Верховная ведьма поддерживала меня, шепотом советуя смотреть в потолок. Нет, господа-товарищи! Свадьбы не будет. Я сейчас еще немного полюбуюсь, и будут похороны. Одна большая братская могила. Пусть мне будет хуже, пусть я замучаюсь рыть такую глубокую яму, но ради святого дела можно и могильщиком потрудиться. Типажи для фильмов ужасов придется вербовать в другом месте. Наш приход ознаменовался ревом радости и недовольства.

– Да это же не настоящий ландграф! – пьяно рыгнул один разжиревший боров с кольцом в ноздре и ветвистыми рогами.

Я не отказал себе в удовольствии цапнуть его за чуб и дважды припечатать пяточком в салат. Присутствующие загоготали, им моя остроумная шутка понравилась. Нас усадили на почетное место – прямо напротив стола невесты и жениха. Под похоронную музыку в зал вошли новобрачные. На Зингельгофере был традиционный черный костюм, увешанный магическими камнями, волосы смазаны жиром, а роскошный плащ поддерживали сзади двое уродливых карликов. Длинноногая практикантка из Тихого Пристанища красовалась в ошеломляющем шелковом платье зеленого цвета с глубоким декольте, разрезом до бедра и волочащимся шлейфом. Голову невесты вместо традиционной фаты украшал веночек из чертополоха с черной кружевной вуалью. По-моему, она даже разорилась на некоторую косметику – одна бровь была намазана гораздо гуще другой. Все загомонили и встали, подняв кубки за здоровье молодых. Горгулия Таймс принялась к содержимому моего бокала и тихо приказала:

– Не пей. Сделай вид и выплесни через левое плечо.

Нет проблем! На старом коврикe позади меня образовалось обгорелое дымное пятно. Что же за кислоту они туда подлили? Милый бес вновь наполнил мой кубок. Меж тем молодые сели в центре. Гости, несколько недоуменно поглядывая в мою сторону, вновь занялись привычным чавканьем. Мне тоже поставили блюдо с тушеным мясом, но никакая сила не заставила бы меня его попробовать... Верховная ведьма нервно грызла орехи, доставая их из мешочка на поясе. Может, тоже из боязни яда в вине?

– А что это наш геройский ландграф ничего не ест? – язвительно поинтересовалась некая жирная дура напротив.

«Так ведь пост, матушка! До первой звезды нельзя-с...» – едва не брякнул я, но вовремя прикусил язык. Так мог ответить Александр Васильевич, но здесь предполагались иные манеры. Если, конечно, хочешь, чтобы тебя уважали.

– В приличном обществе не подают на стол непрожаренную мертвечину! Э-э-эх! – Блюдо по диагонали полетело через весь зал. – Интеллигентные люди не пьют на свадьбах перекисшую бурду! – Содержимое моего кубка с шипением выплеснулось в наглую физиономию заботливой дамы.

Виз-гу-у-у-у... Ну, судя по тому, как с ее носа лохмотьями сползла свиная кожа, кислота была соляной! Ненавижу себя, когда вынужден изображать подобное хамло за праздничным

столом... Вы думаете, хоть кто-нибудь возмутился? Черта с два! Все подумали и залились счастливым хохотом. Вероника кланялась присутствующим и с улыбкой поддакивала:

– Да, да. Тот самый ландграф! Лорд Скиминок всегда такой остроумный.

– Не горячись. Пока все нормально, – похлопала меня по руке Горгулия Таймс. – Действуй по настроению. Но если ты хоть на миг обнаружишь страх, – они разорвут тебя на кусочки!

– Атмосфера явственно накаляется. Мне тоже кажется, что без традиционной драки не обойтись! У нас такие свадебные обычаи... Так вы говорите, магией меня не тронут?

– Нет. Хочешь проверить? Вон в углу коричневый колдун шестой степени готовит на тебя покушение. Только не дергайся...

Оба-на! Точно! Козлобородый недомерок, слюняво шевеля губами, взглядом двигал под потолком залы чугунную бадью с кипящим супом. Ведер пять, не меньше. Посудина замерла над моей головой. Поганый колдунишко гадко улыбнулся и опустил глаза... О, каких волевых усилий мне стоило не спрятаться под стол! Бадья рухнула вниз, мягко упала на невидимую преграду – магия! – и, не пролив ни капли, мигом отфутболилась через весь зал, где опрокинулась прямо на лысину озадаченного злопыхателя. Я читал, что несработавшее заклинание, возвращаясь, бьет по своему же хозяину... Дикий вопль потонул в дружном гоготе присутствующих! Коричневый колдун шестой степени изображал жалкое подобие ошпаренного куренка. Господи, что за дикое веселье?! Шутов у них нет, что ли? Хотя... судя по тому, как я веселю общество...

– Ну все, ландграф. Сейчас оно начнется, – тихо вздохнула моя соседка.

Зингельгофер встал со своего места и обратился к присутствующим с высокопарной речью:

– Дамы и господа! Цвет и оплот Темной Стороны! Сегодня, в светлый день моей свадьбы, я хочу представить всем мои подарки для будущей жены!

Те же уродцы стали вносить в зал сундучки с драгоценностями, дорогие ткани, изящные безделушки, хрустальные зеркала, слоновую кость и черное дерево. Да, сюда бы еще швейную машинку и лобзик. Натуральный кружок «Умелые руки». Потом какие-то пузырьки, банки, бутылки с непонятными жидкостями, коробки с порошками и снадобьями. Сплошная химия! Но как загорелись глаза Вероники! Знал, сволочь, чем прельстить ее экспериментаторскую натуру.

– А теперь я хочу показать обществу тот бесценный дар, что принесла на свадебный алтарь моя драгоценная рыбка. Это – голова тринадцатого ландграфа!!!

Все разом замерли. В наступившей тишине неестественно радостно зазвенел серебристый смех Вероники:

– Вы не поняли его, милорд! Это шутка!

Молчание стало еще тягостнее. Все поняли правильно. Вот только эта наивная дурочка еще пыталась улыбаться гостям, заглядывала в лица, подмигивала, совершенно искренне недоумевая, почему же никто с ней не смеется? Бедная девочка... Она ему верила! В ее годы и... такое испытание.

– Моя несравненная супруга обещала, что заманит к нам на Темную Сторону нашего злейшего врага. Уверен, все разделят мое шумное восхищение ее талантом перевоплощения! Будучи настоящей ведьмой по крови, она прошла хорошую школу лицедейства в пансионате Тихого Пристанища. Она умело воспользовалась нужными струнами в характере страшного

лорда Скиминока. Взгляните сами! Вечный противник, бесчеловечный убийца, подлый предатель, кровавый мародер, склочный скандалист – вот он! Один! Без друзей! Без глупого дракона! Берите его! Моя послушная жена принесла эту желанную жертву на черный алтарь нашей любви!

– Эй, зятек! А меня ты не хочешь брать в расчет?! – побагровевшая Горгулия Таймс с мягкой медвежьей свирепостью поднялась с кресла. – Я тоже гость твоего дома. Мы с ландграфом старые друзья. Это я дала ему Кольцо Защиты. Прежде чем ты убьешь его, твоим холопам придется убить меня.

– От смерти еще одной тещи мир ничего не потеряет! – широко улыбнулся гнусный жених.

Вся зала взорвалась свистом и хохотом! Только теперь я обратил внимание, сколько оружия было припрятано под юбками, плащами, шкурами и прочей декорацией. Вероника, бледная как полотно, смотрела на меня круглыми от ужаса глазами.

– Это неправда! Он так шутит, милорд! Это же шутка! Зачем вы... Якобс, ну скажи милорду, что ты пошутил... Пожалуйста!

На сей раз грянул гром аплодисментов. Зингельгофер взял невесту за руку и театрально раскланивался перед восхищенной публикой. Юная ведьма стояла столбом.

– Что он с ней делает? – потерянно прошептала Горгулия Таймс.

Весь зал аплодировал стоя. Я подбирал слова для гневного монолога, но в голову лезли лишь грязные ругательства. Какие-то остатки здравого смысла говорили о том, что не стоит ронять себя до уровня этой мрази. Живи весело и умри храбро! Пока со мной был Меч Без Имени, я не испытывал страха. Это тоже своего рода магия. Меч, как символ Креста, взятый за лезвие, рукоятью вверх, казался олицетворением кротости и смирения, готовности прощать и взывать к милосердию. Но, перевернувшись, сверкая неотразимостью клинка, он мог быть воплощением неотвратимого возмездия!

Нечисть взялась за оружие. Верховная ведьма Тихого Пристанища медленно выудила из декольте увесистый молоток. Якобс Зингельгофер принял от подскочившего карлика длинную рапиру:

– Итак, я приглашаю всех освятить наши брачные узы предсмертным хрипом тринадцатого ландграфа!

– Не-е-е-т! – Вероника бросилась на своего возлюбленного с недвусмысленным желанием – расцарапать ему физиономию, но негодяй ловко поймал ее в захват, заломив девчонке руки.

– Дорогая! Ты переигрываешь! Еще слово, и мы все можем подумать, что тебе жаль его. Не уверяй меня, что голова лорда Скиминока дороже нашей любви. Иди к себе! Жди меня на черном брачном ложе. Сегодня наконец мы насладимся друг другом... – Этот гад страстно поцеловал теряющую сознание бедняжку.

От омерзения юная ведьма очухалась, взвизгнула и попыталась укусить его за нос. Зубки лязгнули, как стальной капкан. Зингельгофер презрительно улыбнулся, а потом вlepил ей такую пощечину, что пламя у факелов задрожало.

– Вероника-а-а!

Я пришел в себя, прыгая по столам с Мечом Без Имени в руках и быстро продвигаясь к зубастому молодожену...

Э-э-э-эх! Размахнись рука, раззудись плечо! До Зингельгофера я не добрался...

Брошенный кем-то нож рукоятью разбил мне нос, а что, если б угодил острием?! Разномастная кодла дружков жениха с воем встала на его защиту. Ну и рожи! В страшном сне не приснится... А приснится, так проснешься седой и заикой. Это я тут ко всякому привык. Меня рогами не напугать, клыками не удивить, когтями... Фу, фу, ну и когти! Раз царапнет – стопроцентное заражение крови. Маникюр здесь не в моде. Они их хоть когда-нибудь чистят? Не обращайтесь внимания на мою болтовню. Так, мысли вслух, чтобы отвлечься. На самом деле Меч Без Имени уже в полной мере расплатился с шестерыми негодьями. Есть что-то романтическое в свободной трактирной драке... А когда все на одного – тут, ребяташки, и вправду весело. Безучастных нет! Танцуют все! Посуда летит из угла в угол вперемешку с копьями, ножами, топорами и коваными звездами. Целят, ясное дело, в меня. Но не попали пока ни разу. С пьяных глаз подстрелить бегущего ландграфа – это вам не муху табуреткой огрести! Вопрос – куда же все перелетное добро падает? Верно. На голову противоположной половины. И им до меня после этого есть хоть какое-то дело?! Как же! Они с ревом лезут бить именно того незадачливого вояку, который, целясь в меня, попал им арбалетным болтом в ухо! Теперь представляете, что творилось в общем зале? Нечисть гвоздила сама себя, от души круша в капусту встречного-поперечного. Я исхитрился забиться в уголок у камина и никому особенно не мешал. Горгулия Таймс размахивала молотком, как бог Тор в женском обличье. Она не пропадет, а вот Вероника? Трое бугаев под предводительством предателя Якобса уносили ее, завернув в скатерть. Нет! Так легко вы не уйдете! Маневрируя между группами зверствующих драчунов, я ловко вырвался к выходу и погнался за похитителями.

– А ну стоять, мафиози хреновы! Оружие на пол, все арестованы! У вас есть право на один телефонный звонок своему адвокату. Также должен предупредить – все, что вы сейчас скажете, может быть использовано против вас в суде...

Они не оценили юмора. Двое выхватили мечи и попытались меня задержать. Меня! Тринадцатого ландграфа Меча Без Имени! Через минуту я продолжал погоню, оставив позади два теплых трупа. На повороте Зингельгофер повернул рукоять в стене, и пол под моими ногами принял вертикальное положение. Летел я недолго, а ударился больно. Наступила темнота... Это пол, ставший потолком, мягко захлопнулся надо мной. Сначала в горячке погони я даже попытался встать. Потом передумал. Болел бок, наверняка здорово содрано колено, снова пошла кровь из носа – в общем, лучше полежать. Я закрыл глаза – все равно ничего не видно – и отключился. Пришел в себя от прикосновения к щеке чего-то мокрого и холодного. Обычная вода. Наверное, подается по скрытым трубам. Я встал. Мысли были короткими. Яма, камера, склеп – ну, то место, куда меня заманили, – три шага в длину и два в ширину. Пол и стены чугунные, ни одного намека на дверь, лаз, вход, выход. Самое паршивое, что вода прибывала. Вы понимаете, что это значило? Я, например, сообразил не сразу. Помнится, именно так гробили злых разбойников в сказке про Али-Бабу. Их заливали в кувшинах горячим маслом. Здесь холодная вода, но от этого не легче. Когда до меня в полной мере дошел смысл реальной угрозы стать синим утопленником – было уже по колено. Я немного поругался, поорал, поугрожал неизвестно кому и, прихрамывая, бросился обстукивать рукоятью стены. Ничего! Оставалось впасть в панику или покончить жизнь самоубийством. Просить пощады не у кого. Помощи ждать неоткуда, а вода колыхалась на уровне пояса. Мне не было страшно – я злился! О, какая черная злоба переполняла мою светлую душу! Я ненавидел всех и вся! Веронику – за ее глупость, Горгулию Таймс – за то, что потакала глупой девчонке. Раюмсдаля – за то, что живой и ищет Зубы. Кролика – за то, что спит, скотина! Зингельгофера – у-у-у!.. ПопадетсЯ он мне! В какой-то невероятной

ярости я рубанул мечом по стене и не особенно удивился, когда Меч Без Имени ушел в нее по рукоять...

Сквозь образовавшееся отверстие брезжил слабый свет. Хладнокровно и методично я расширил мечом дыру до приемлемых размеров, отмахивая в стороны солидные куски чугуна. Магия! Какой еще меч в мире способен на такое?! Я уважительно поклонился и запечатлел благодарные поцелуи на серебристом клинке. Говорят, что именно так танкисты после боя целуют свой танк. Холодная вода несколько охладила мой пыл. Надо было выбираться отсюда. Я пролез в дыру и, мокрый как мышь, зашлепал по освещенному факелами каменному коридору. Куда? Куда выведет. Светло, крыс нет, опасности не видно, можно гулять спокойно. Вот только холодно и пыльно. Судя по всему, здешние слуги не особенно утруждают себя уборкой. Техперсонал хуже некуда... Стоп! Почему, собственно, мне так холодно? Сквозняк! Где-то рядом выход на свежий воздух. Я прибавил шагу, слегка кривясь от боли в распухшем колене. Голова трещала от одной нехристианской мысли: догону – убью! Коридор разделился на три прохода. Выбрать нужный не составляло труда – я чувствовал движение сквозняка всем телом. Ага, вот она, заветная дверь. Снизу пробивалась узкая полоска света. По-видимому, проходом пользовались не так уж часто, но дверь была вычищенной, без пыли и паутины. Добрый, надежный дуб, обитый полосами железа. Я прикинул, где может быть засов, и рубанул мечом. М-да... Невероятное оружие! Казалось, что масло режется с большим шумом. Ну, все... Где тут мой любимый Зингельгофер?! У меня к нему ма-а-ленькое дельце... Я прижался к стене – с противоположного конца спешил по коридорчику лысый остроухий слуга с баннным полотенцем в руках. Годится. Он свернул за поворот, и я в три прыжка бросился ему на спину.

– Одно слово – изрублю, как морковку в щи!

– Свирепый ландграф... – ошарашенно прошептал лысый, ненавязчиво пытаюсь уйти в обморок. Баста, карапузики! Не выйдет.

– А ну, вставай! Где Вероника?!

– А... я... н-не могу знать.

Пришлось крепко приложить его затылком о стену. Куда пропали мои природная жалость и сострадание?

– Я скажу... она... они в спальне...

– Веди! При первой же попытке предательства – попросту снесу с плеч твою безволосую тыкву. Все понял?

– Так точно, милорд!

Мелкорослый служака исправно повел меня долгими переходами, минуя стражу и людные места. Спустя полчаса мы были на месте, но у входа в спальню почему-то толпилась куча народа.

– Слушай, а служебный вход есть?

– Да, милорд, как прикажете...

Мы еще поплутали, и он таки вывел меня к маленькой дверце в узком, замаскированном коридорчике. Лысый жалобно поглядел на Меч Без Имени, готовясь к смерти.

– Снимай пояс.

– Да, лорд Скиминок! – понял он, радостно расстегивая пряжку.

– И какой-нибудь платок в рот засунь в качестве кляпа.

– Нет платка, можно носок?

– Можно. – Я связал ему руки его же поясом и усадил в уголке. Убить не позволяло воспитание, а так у парня не будет проблем с наказанием за предательство. Пусть подождет здесь. Я прислушался к тому, что происходит за дверью, мягко нажал на нее плечом и оказался позади балдахина. Ну, знаете, у них были в моде эдакие подобию туристической палатки над кроватью. Плотная парчовая ткань давала великолепную слышимость и нулевую видимость объекта. Покрутившись, я нашел в ней маленькую дырочку... О небо! Дьявол и преисподняя! Бог и все его архангелы! Белая гвардия и компартия Уругвая! Что там творилось...

Спиной ко мне стоял совершенно голый Зингельгофер, обращаясь с торжественной речью к целой толпе свидетелей, окруживших кровать и пускающих слюни от предстоящего зрелища. Перед негодяем лежала привязанная за руки и ноги Вероника. Юная ведьма была в длинной ночной рубашке из красной ткани, рот завязан черной лентой, а глаза сверкали бешенством! Любитель монологов упоенно кланялся присутствующим:

– Дорогие гости! Вы все собрались здесь, дабы лично и непредвзято засвидетельствовать сам факт моего бракосочетания с этой замечательной девушкой. Согласно древним традициям Темной Стороны и специфических требований колдовской этики, наши тела должны слиться в любовном экстазе под пристальным наблюдением не менее тридцати свидетелей. После того как это произойдет, желающие могут честно занять мое место и самостоятельно удостовериться в том, что подо мной был не фантом, не кукла, не иллюзия, а настоящая, живая невеста. Первым буду я! А став, таким образом, законным мужем, я автоматически получу право распоряжаться ее душой и телом по собственному усмотрению и поименно назову тех, кто проверит подлинность моей жены.

Присутствующие, удовлетворенно хрюкнули. Вот погань! Я почувствовал приступ нечеловеческой ярости и мягко поднял меч...

– Зато потом все мы, включая и молодую супругу, дружно пойдем в трапезную залу причаститься горячим бульоном из тринадцатого ландграфа. Итак, начнем...

Двое свидетелей рванули в разные стороны рубашку Вероники, а третий снял ленту с ее губ. Зингельгофер демонически захохотал и попытался склониться над теряющей сознание девчонкой, но... Меч Без Имени беззвучно взрезал заднюю стенку балдахина и скользнул отточенным лезвием между жениховских волосатых ног. Якобс замер в тихом ужасе.

– Кто это?

– Свирепый ландграф, – хором выдохнули присутствующие, не трогаясь с места. Каждый прекрасно понимал, что случится, если я хоть чуть-чуть шевельну мечом. Скороспелый жених боялся дышать.

– Эй, вы! А ну, быстро развязать ее. – Те же парни, что рвали одежду Вероники, безропотно перерезали веревки, стягивающие запястья и голени юной ведьмы. Она как кошка вскочила на четвереньки и... заплакала. До этого момента я ни разу не видел ее слез.

– Пощади-и-те... – робко заскулил Зингельгофер.

– Ты боялся, что я поджарю тебе яйца? – едва сдерживаясь, прошипел я. – Вижу, что в ваших краях милосердие не в чести. Не хотите по-хорошему – будет как всегда. Я же тебе их поотрубаю на фиг!

– О нет! Пощадите меня! Вы добрый, вы хороший, вы благородный, лорд Скиминок! Я поступил с вами некрасиво, но нас так воспитывали. Войдите в мое положение...

– Что ты хотел сделать с Вероникой, подонок?! Пропустить через нее своих друзей?

– Но... у нас же такие традиции!

– Милорд! – хрипло попросила черноволосая подружка, заворачиваясь в покрывало. –

Ради меня... Убейте его, пожалуйста!

– Нет! Не надо!.. Я больше не буду... Я был не прав... Я исправлюсь! Я все для вас сделаю...

Мне было противно. Вот-вот стошнит от общей мерзости происходящего.

– А теперь скажи мне правду – ты ее любишь?

– Ну... Я не виноват... Мне приказали! Она бы убила меня... Это ее план. Мне велели заманить девчонку, через нее выйти на вас... а потом... Я ничего не имею против Вероники лично, но... Все же понимают – она путешествовала с вами, значит, ей нет прощения! Ее все равно убьют... Я... я даже мог бы ее спасти, женившись! Ну, на какое-то время... Но я бы сделал ее счастливой... Она умерла бы без боли!

Меч Без Имени дрогнул в моей руке, Якобс кротко взвизгнул – по внутренней стороне его бедра побежала струйка крови. Хватит. По мне, так он уже достаточно наказан. Как отпетый негодяй, он сумеет пережить свой позор, но в глазах своего же окружения навсегда потеряет лицо.

– А ну, вон! Все вон отсюда!

Присутствующая братва не стала строить из себя крутых, а, многозначительно переглядываясь, удалилась. По моему приказу Зингельгофер припер дверь кроватью и склонился перед нами в ожидании приговора.

– Где мисс Горгулия Таймс?

– Ей удалось сбежать. Я не посылал за ней погоню, честное слово!

– Кто та милая старушка, что приказала тебе обмануть Веронику и заманить меня?

– Ее имя не рекомендуют произносить вслух... – опять заныл он, но я был непреклонен!

– Она... Это мать Ризенкампа!

– Что?! Значит, у Раюмсдаля есть бабушка... Боже мой, так сколько же лет старой перечнице? – поразился я.

– О мадам Гнойленберг Ризенкампа нельзя так говорить! Она всегда прекрасна, молода и желанна, – горячо вступился голый жених, но осекся под недобрым взглядом Вероники.

Мне нужно было действовать побыстрее. Обдумаем все потом, не торопясь и без суеты. Я поманил к себе юную ведьму.

– Пора уходить. Ты сможешь найти дорогу к замку Бесса?

– Да. У меня метла на крыше.

– Тогда вперед.

– Вы что?.. Вы его не убьете? – округлила глаза длинноносая практикантка. Казалось, еще секунда – и она собственными руками задушит меня за предательство. Положение спас придурак Зингельгофер. Перепугавшись, он рухнул к нам в ноги и, страстно целуя мои грязные кроссовки и захлебываясь слезами, запричитал:

– Простите меня, милорд! Я исправлюсь... я больше не буду...

Вероника шумно втянула ноздрями воздух и решительно взяла меня под руку. Она все поняла. Такой кровью – грех пачкать Меч Без Имени. За дверями спальни зазвенело оружие. Вот уж теперь точно пора сматываться.

– Милорд, вы твердо решили его пощадить?

– Да, но, наверно, его надо хотя бы связать, а то он обязательно пустит погоню по

нашему следу.

– Я ничего не скажу! – счастливо подпрыгнул зубастый Якобс. – Бегите, я вас прикрою! Я буду сражаться, как лев. Я докажу... оправдаю... искуплю, так сказать!

– Угу, – мрачно буркнула Вероника и, неожиданно развернувшись, так влепила коленом между ног недавнего супруга, что даже я зажмурился. Готов поклясться, что раздался треск скорлупы! Зингельгофер, обняв руками причинное место, выпучил зенки и рухнул на пол.

– Идемте, лорд Скиминок. Я объявляю ему развод, а ни на ком другом он никогда не женится.

– Почему?

– Потому что теперь он уже не мужчина!

М-м-да... Мельком взглянув на скорчившуюся фигуру, я почувствовал чисто мужское сострадание. Юная ведьма по-прежнему слов на ветер не бросает. Такой удар! Но заслужил, заслужил, ничего не скажешь... Оставив бедолагу страдать в тихом одиночестве, мы вернулись в замаскированный коридорчик, где слуга приветствовал нас восхищенным взглядом. Вероника сама повела меня по внутренним переходам. Особенной опасности не было. Все логично решили, что мы рванем к выходу, но хитрые мы двинулись по винтовой лестнице наверх и без драки вылезли на небольшую площадку для приземления. Там, в углу, среди прочих метл действительно отыскалась нужная. Я было решил тоже выбрать себе помело посимпатичнее, но ведьмочка с чисто технической терминологией объяснила, что подобное транспортное средство подчиняется лишь одному законному хозяину. Таким образом, меня бы просто сбросило. Черт с ним, полетим вместе. Мой дракон мирно спал где-то за холмом, его храп был слышен верст за шесть. Будить бесполезно, убить они его не сумеют, пусть выспится. Потом сам прилетит. Я попытался поудобнее усесться на эту деревяшку.

– Все позади, подружка. В путь! Мне еще надо о многом поговорить с бабушкой Раюмсдаля.

На этот раз метлой правил я. Она подчинялась мне лишь потому, что ее собственная хозяйка сидела у меня за спиной и в голос ревела всю дорогу...

Погони не было. Нельзя сказать, что средневековые люди очень уж тупые – учатся они быстро. Думаю, там нескоро забредет в чью-то бесшабашную голову преступная мысль – преследовать тринадцатого ландграфа. Хотя, по совести говоря, при хорошей атаке с воздуха, шестеро на одного, они бы нас задавили. Я – паршивый летчик. Бомбардировщик еще куда ни шло, но истребитель – хуже некуда! Поэтому в настоящий момент мы летели на помеле при самой низкой скорости. Вероника тихо клевала длинным носом, а у меня было время для логического анализа событий. Итак, о главном. Подумать только, у Ризенкампа была мама! Мне всегда казалось, что при рождении негодяев его уровня мать должна тут же умереть со стыда. А она жива. Горит желанием довести до конца святое дело порабощения мира. Значит, пока ее бледноволосый внучек ищет Зубы, бабулька развлекается тем, что катит на меня бочку за бочкой. Надо признать, котелок у нее варит. Организовать засыл религиозных сект, начать массовый развал веры, одновременно вербуя войска из новообращенных, подготовить к войне Темную Сторону, организовать смуту на окраинах и покушение на короля в его же столице... Ну, старушка дает! Теперь понятно, откуда у Раюмсдаля такая нездоровая деловая активность. Весь в бабушку! Однако где же они прячутся? Живут, конечно, на Темной Стороне, но вот где конкретно? По сути дела, нам троим деваться

некуда. Замок Бесса не лучшее укрытие, а когда в подземельных хоробах у Зингельгофера разберутся, что к чему, они снарядят нам в погоню такую армию! Кролик здесь один, два десятка маневренных ковролетчиков закидают его молниями. Кришнаиты тоже не останутся в стороне. Раюмсдаль с бодрой пенсионеркой добавят жару. Скучно не будет. Врагов, как всегда, полным-полно! Посчитаем наших: я, Жан, Лия. Плюс спасенная от счастливого брака Вероника. Добавим где-то гуляющую Горгулию Таймс. Потом Луна – наемная убийца, относящаяся ко мне с милой симпатией. Да, чуть не забыл, белый дракон с дефектом речи. Все! Негусто... но для братской могилы вполне достаточно. Луна... У нее необычные глаза. Карие, глубокие и необъяснимо теплые... Мои мысли снова и снова возвращались к этой девушке. Я старательно убеждал себя в том, что думаю о ней лишь из соображений собственной безопасности. Ведь это так обидно – быть убитым человеком, которого любишь. Что? Что я сказал?! Какая любовь, что за чушь лезет в голову?

Мы ночевали на том же несчастном холмике, где храбрый Кролик поджаривал упырей. Развели костер, юная ведьма, будучи не в духе, попыталась наколдовать торт с кремом, но ту подгорелую дрянь, вымазанную шоколадной слизью, что шлепнулась прямо в угли перед нами, попробовать не решился никто. Появившийся бочонок с вином мы откупорили мечом, так оттуда шуганула струя пены и, когда она иссякла, то, собственно, нормальной жидкости для питья осталось едва на доньшке. Подумав, мы решили лечь спать натошак. От всяких защищающих куполов и отвращающих кругов я отбрыкался. Первую половину ночи довелось дежурить мне. Упыри не появлялись. Тишина и умиротворение опустились на мир. Ночь сияла сказочными созвездиями, дышала далекими лесными ароматами, успокаивая натруженные нервы свежестью и первозданной чистотой. Костер разбрасывал искры, рукоять Меча Без Имени привычно грела бок... Стоп! Господи Иисусе! Это же знак опасности! Я вскочил на ноги, выхватив меч. Никого. Но вот зашуршал песок, и к огню вышла женщина. Она была босой, в длинном черном плаще с капюшоном. Фигурка даже по задрапированным формам крайне соблазнительная. Черт, да мне кажется, что под шелком плаща у нее вообще ничего нет!

– Здравствуй, рыцарь!

– Здравствуйте, миледи.

Я не первый год замужем и поэтому не выпускал из рук меч, мало ли что... Лучше побыть вежливым.

– Откуда вы в столь поздний час одна, в степи и без охраны?

– Ты говоришь, как знатный лорд, и речь твоя приятна слуху.

Услышь же исповедь мою, воитель гордый. Кто ответит: не ты ли храбрый мой герой, сумевший снять чужие чары с души поруганной?

– Как знать, как знать, миледи...

Но говорите, ибо ночь

близка к полуночи и смена
моя закончится, лишь Зодиак
придет к двенадцатому часу.

(Во как! Это я во дворце выучился. Могу говорить по-рыцарски так, что дам фору любому менестрелю. Почти белый стих, это нетрудно, только слова надо произносить медленно и напевно. Попробуйте, у вас тоже получится.)

Женщина откинула назад капюшон, и я ахнул. Во-первых, она была необычайно красива. Огненно-рыжая, с огромными зелеными глазами, длинными ресницами, чувственным, пухлым ртом и классическим прямым носом. Во-вторых, от резкого движения ее плащ распахнулся, и я с восторженным ужасом убедился в полной справедливости своих подозрений. Она была совершенно голая!

– Я дочь большого короля,
но старый чародей, пытавшись
заполучить мою красу
себе в постель, – каков мерзавец! –
заколдовал меня – и вот...
Я превращаюсь днем в цветок,
а ночью выхожу под звезды.
– Кошмар, кошмар!

Конечно, я ей ни на йоту не поверил, хотя для этих краев история вполне обычная.

– Но где злодей, столь рьяно
вас склонявший к браку?
– К какому браку, милый друг?!
Увы, он жаждал вожделенья!
Животной похоти своей и
скотской страсти непотребной
искал он выход, и мое
девичье тело...

Тут она дернула за шнурочек, и плащ соскользнул на песок. У меня перехватило дыхание!

– ...счел лишь пригодным для того...
– О времена, о нравы, о эпоха! – слабо защищался я.

Ну, с такой грудью, талией и ножками... Да ее только памятник не возжелает! А уж человек... Мертвый глянет – и то встанет! Как мужчина мужчину я вполне понимаю этого чародея. Дедок имел все основания для заигрывания, уж слишком лакомым был кусочек.

– Так чем же я могу помочь
такому дивному творенью

девичьей красоты,
что вы невольно
открыли мне,
шнуровку распустив?
– Один лишь поцелуй...
– И только?
– Ну, не совсем... На самом деле
их быть должно четыре штуки,
так чтоб на теле неприкрытом
образовался знак Креста!
Ты первый раз целуешь в губы,
второй и третий грудь целуешь,
четвертым пламенный живот,
и я свободна от заклатья!

Хм... не слишком сложно. Вероника по-прежнему спит. Робко надеюсь, что ничего другого от меня не потребуют, а четыре поцелуя... Это мелочь. Это даже не измена. Так, факт гуманитарной помощи... Я едва удержался от того, чтобы не кинуться на нее, как изголодавшийся волк. Воткнул меч в песок. Рукоять просто горела! Ну его – мешает только... Обнаженная красавица мягко опустилась на упавший плащ, нежно потянув меня за руку. Ее глаза были магически бездонны, волосы щекотали мне шею, а подаренный поцелуй... О, какое неземное блаженство! Таких сладких, долгих и страстных поцелуев я не получал никогда. В голову ударила кровь, розовый туман заволок сознание... Я лег рядом с нею и припал губами к ее груди. Не сравнить в этом плане с богиней, но тоже – ого-го-го! Восхитительной формы и упругости, пахнувшая молоком и тмином... Боюсь, я увлекся расцеловыванием намного больше, чем требовалось по условиям расколдовывания. Она лишь томно вздыхала, но когда я дошел до ее живота... Красавица выгнулась и так застонала, что во мне все забурлило!

– Мой милый рыцарь!
Мой спаситель! Герой,
любовью снявший чары!
Власть Зла уходит в
бездну Ада, над нами
только полог ночи...
Я не оставлю этот подвиг
без той единственной награды,
которую сама природа
дарует женщине. А та –
единственному человеку,
сумевшему волшебной силой
пылающего поцелуя
зажечь ответную любовь!

Господи! Не надо столько слов, я и так все понимаю. Конечно, хочу! Зачем спрашивать?! Действовать надо...

– Иди ко мне на ложе страсти!
Отбрось звенящие доспехи!
Войди в меня, как входят в море,
омыть трепещущую душу
в небесной сладости и неге,
в восторге нежности и тайны,
в экстазе ласки и любви...

Пока она пылко декламировала эту речь, ее умелые пальцы быстро расстегнули мою рубашку, ловко взялись за ремень на джинсах и тут... Чья-то тень на миг закрыла от меня ее прекрасное лицо. Серебряная молния сверкнула в свете остывающего костра, и Меч Без Имени насквозь пронзил жаркую грудь расколдованной девушки. Я вскочил на ноги. За рукоять меча обеими руками держалась юная ведьма Вероника.

– Успела. Вот тварь! Милорд, вы неоправданно беспечны. Не хочу учить вас жизни, согласна, что кастратка кого угодно очарует...

– Как ты?.. Зачем?.. Ты убила ее!

– Надеюсь, да. Я ударила изо всех сил. Вы спасены. Лия никогда бы мне не простила, если бы кастратка успела вас...

– Ничего не понимаю... Что за кастратка? При чем тут Лия? За что ты убила невинную девушку?!

– Да вы больны, лорд Скиминок! – всплеснула руками длинноносая практикантка. – Кого это вы называете невинной девицей? Эту развратную тварь?! Да она калечит мужчин, как семечки грызет! У нее между ног – зубы! Мужчина, плененный ее красотой, ложится с ней, а как только попадает куда надо – клац! Поэтому ее и называют кастраткой. Не верите? Ну, так взгляните сами. Ой, милорд, что с вами? Вам дурно? Что с вами, милорд?

Впервые за всю мою небедную на события жизнь я плавно ушел в глубокий обморок...

Глава 4

Гроб на колесиках

Черная тень легла на лица его друзей. Солнце замерло в небесах, чистые облака стали грязными тучами, цветы поникли, а с деревьев посыпались листья. Скорбь овладела миром. И лишь скулящий ветер дерзнул коснуться расprostертого тела тринадцатого ландграфа...

Хроники Локхайма

– Нет, лорд Скиминок, я уже никогда никого не люблю...

Черные волосы Вероники щекотали мне нос. Они вообще обладают колдовской способностью вечно лезть мне в лицо. После вчерашних событий я уже не мог заснуть, и мы отправились в путь затемно. Метлой управляла юная ведьма, следовательно, полет проходил на большой скорости, предельной высоте, с неожиданными пике, вольтами, штопорами, мертвыми петлями и прочей авиационной прелестью. Основные силы прилагались мной просто для того, чтобы удержаться – уверяю вас, шмякнуться с помела проще простого! Другие мысли голову не занимали, хотя я искренне старался как-то отвечать на печальные вздохи Вероники.

– Ну, ну... Не горюй! В твои-то годы! Отрицательный результат – это тоже результат. Поверь моему опыту, такая жгучая брюнетка с точеной фигуркой и обалденным носом без кавалеров не останется...

– Не утешайте меня, милорд. Как я вообще смогу смотреть на мужчин после этого?! Они все теперь представляются мне омерзительными, волосатыми, слюнявыми, похотливыми скотами!

– А... вот... ты полегче... Я, знаешь ли, все-таки тоже мужчина. Ты и меня готова возненавидеть, если мне взбредет в голову чмокнуть тебя в щеку?

– О нет! – впервые рассмеявшись, воспитанница Тихого Пристанища лукаво ткнула локотком. – Что вы? Вы для меня словно старший брат, родной и любимый. Защищаете, спасаете, заботитесь... Я за вас жизнь отдам, верите?!

– Верю. Ай! Вероника, не прижимайся ко мне, смотри на дорогу! Второго столкновения с перелетной вороной я не переживу...

Злобная птица с негодующим карканьем ушла вниз, а мне пришлось вытаскивать перья из-за пазухи и воротника. Черт знает что! Хорошо еще не с косяком диких гусей столкнулись – вот была бы потеха...

– Впереди замок!

– Он самый. Спускайся помаленьку. Нам туда.

В рассветных лучах розового утра родовое поместье Бесса казалось волшебной сказкой. Вот именно такими рисуют художники-иллюстраторы романтическое средневековье. При ближайшем рассмотрении видны и грязь, и пыль, и мусор, но с высоты птичьего полета на фоне зеленого ландшафта – это так красиво! Я возвращался сюда как к себе домой. За время моего отсутствия Лия с Бульдозером наверняка заскучали без приключений. Если только Жан в порядке, мы не будем тратить ни минуты – на коней и в путь. Нужно вытрясти из Бесса точное месторасположение Зубов. Он знает. Они все знают, но молчат. Пора лично

поздороваться за ручку с мамой Ризенкампфа. Держись, бабуля, – мы уже идем! Чего я не ждал, так это упреждающего удара в спину. Простите наивного ландграфа...

– Лорд Скиминок, там что-то не так: над замком дым!

– С какой стороны?

– По-моему, догорает левое крыло.

– Аллах и все его пророки! – возопил я, бледнея от очередного виража. – Там комната Жана. Неужели кришнаиты отважились на повторную вылазку?!

– Все возможно. Давайте проявим военную хитрость и поползем к воротам?

– Ага, ты будешь Виннету – дочь Инчучуна, а я Соколиный Глаз, Зверобой и Кожаный Чулок. Главное – нанести на физиономии побольше боевой раскраски. Как доползем до места, грязные как чушки, нас уже никто не признает. Можно безбоязненно швыряться томагавками, драть глотку и снимать скальпы.

– Вы шутите, милорд?

– Шучу, но ты права, спускаемся вниз. Нас ждут с воздуха, а мы пойдем лесом и выясним все на месте.

Повинуясь приказу хозяйки, помело круто пошло вниз. Вот Вероника – на войне, как на войне. Сказано – сделано! Вопросы по существу, инициатива разумная, вера в командование беспрецедентная, самоотдача полнейшая. Это вам не Лия, которую десять раз поуготовариваешь, потом еще выслушаешь ее личное мнение по поводу и без повода, а уж после всего она, возможно, припряжет кого-нибудь к этому делу. Так как сама она, разумеется, очень занята более насущными проблемами. Прической, например...

Мы мягко врезались в кусты, окружавшие дорогу в замок. Демонстративно вытащив колючки и посчитав ссадины, я махнул рукой вперед. Юная ведьма внимательно принюхивалась к чему-то на дороге.

– Милорд, не позже чем вчерашней ночью здесь промаршировал хороший вооруженный отряд. Около двух десятков конных и вдвое больше пеших воинов. Внутренний голос говорит мне, что наши друзья в большой беде!

Подумаешь! А что, когда-нибудь было иначе? Не припомню такого...

Итак, переняв стратегию героев Фенимора Купера и Карла Мая, мы бесшумно скользили меж кустов, общаясь установленными криками. Вероника ухала совой, а я мяукал, как сладострастный кот. Если нас кто-нибудь слышал, то непременно удавился с хохоту. Ну, с чего бы днем не переставая орать сове? А мартовский кот в дремучем лесу посередине лета с какого рожна? Однако шпионов, соглядатаев и засад не обнаружилось. Мы бочком, бочком вышли к воротам и ахнули... Замок захвачен! У входа стоят трое незнакомых стражников в хороших доспехах. Створки ворот валяются рядом, их, похоже, снесли первым же ударом тарана. Трупов защитников отечества нигде не видно, люди Бесса не воины, взять замок может и младенец. Где-то внутри шумела толпа народу. Что они задумали? Придется рискнуть...

– Куда вы, лорд Скиминок?! Вас увидят!

– Пусть.

– А, вы хотите напасть на них врасплох, изрубить в капусту стражников, как берсерк врезаться в толпу, убивая направо и налево, найти Жана с Лией и Мечом Без Имени проложить дорогу назад? Здорово! Превосходный план! Тогда я буду прикрывать вас сверху. Я забросаю их молниями, а для вас создам отвращающий купол.

– Лучше громоотвод. Не мели чепухи! Я тебе не Конан-варвар. Реки крови, мозги на мостовой и постоянное спотыкание о трупы меня не прельщают. Мы просто вежливо попросим нас пропустить.

– Но они вас узнают!

– На это я и надеюсь. Обо мне ходит такая дурная слава, что нас вряд ли осмелятся задержать.

– Мало что понимаю... – честно кивнула Вероника. – Но вы ландграф. Вам и карты в руки.

Вот так, отбросив приличия, хмелея от собственного хамства, мы пошли напрямик к воротам. Трое воинов мгновенно взяли копья наперевес, попытавшись заключить нас в кольцо.

– Стойте, бродяги! Кто вы такие и зачем идете в замок?

– В гости. Попить чайку, поболтать о том о сем. А что, нельзя?

– Странный какой-то... – пожал плечами главный. – Тебя спрашивают – кто ты такой?

– Я?

– Ты.

– Вы настаиваете на ответе?

– Да, болван! – взорвались стражники.

– Лорд Скиминонок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени! – вдохновенно продекламировал я.

Что началось... Я ожидал любой реакции, но такое... Да они просто побросали оружие и рухнули на землю, задыхаясь от хохота! Они хватались за животы, они показывали на меня пальцем, укатываясь снова. Это было так заразительно, что мы с Вероникой невольно засмеялись и добрых десять минут веселились вместе со всеми.

– Ну, парень... – наконец выдавил главный, утирая счастливые слезы. – Уморил! Я... я... ха-ха... был в Ристайле и видел памятник тринадцатому ландграфу. Сходства между вами, как между зайчиком и медведем!

– Точно! – поддержали остальные. – Это самая удачная хохма из всех, что мы слышали. А девчонка тоже с вами выступает?

– Да, – подумав, решил я. – Мы с ней в одной труппе, клоун – мим – эксцентрик на колесах «Ландграф и компания». Выступаем по городам и селам, давая шумные представления с непременным успехом.

– Оно и заметно. Ребята, это же просто бродячие комедианты! – главный стражник хлопнул меня по плечу железной рукавицей. – Проходите, наш принц любит соленую шутку. Скиминонок, говоришь?

– Скиминонок, – кивнули мы.

– Ох, уж эти балаганные артисты... Оденутся невесть во что, наговорят всяких глупостей, развеселят душу! Скиминонок! Нет, каково, а?! Придумают же!

Мы беспрепятственно вошли в замок Бесса. Подобной легкости я не ожидал. Боже, храни эту страну – край непуганых идиотов!

Общий двор оказался столь тесно набит народом, что пройти ко входу не было ни малейшей возможности. Как, впрочем, и малейшей нужды. Все, кто нас интересовал, были здесь, а нами, признаться, не интересовался никто. Мы полезли на крепостную стену, откуда лучше видно. В центре двора были вкопаны три столба, к ним цепями прикручены три

разнокалиберные фигуры, обложенные хворостом.

– В середине Бульдозер, – начала пересчитывать юная практикантка. – Слева Лия, а кто там – блондин справа?

– Бесс – он хозяин замка и наш друг. Ты слышала, как стражники у входа упомянули принца?

– Да. Ой! Неужели вы думаете, что это сам Раюмсдаль?

– Запросто. Подождем начала и все узнаем. Ты только не волнуйся.

– А я и не волнуюсь, ни капельки. Мы ведь их непременно спасем?

– Угу, – без особой уверенности подтвердил я.

С одной стороны, мои ребята уже не раз попадали в подобные передраги, и обычным эшафотом их не напугать. С другой стороны, здесь боеспособных копьеносцев человек сорок и всадников в латах хватает. Даже если местным крестьянам пиво ударит в голову, то их душевного участия будет маловато. Обученный воин в бою стоит пятерых сельских мордovorотов. Эх, Кролика бы сюда... Сколько же он может дрыхнуть?

– Милорд, смотрите, кто это?

Под рев походной трубы на замковый двор вышел принц Раюмсдаль! Бледная рожа, тусклые соломенные волосы, куча бижутерии на шее, а левый глаз закрыт черной шелковой повязкой. Значит, он все же пострадал при взрыве Башни Трупов. Давненько мы не виделись...

– Это Раюмсдаль, сын Ризенкампа и внучек госпожи Гнойленберг. Мы встречались всего три раза, но эмоционально и со спецэффектами. Впервые мы познакомились в кабинете его отца, он бросился на меня с кинжалом и потом долго лежал носом в угол, не понимая, почему я не дал себя убить. Второй раз, когда меня казнили в Вошнахаузе, он хотел лично отрубить мне голову, но принцесса Лиона не позволила. Потом мы с ребятами осаждали Башню Трупов, а он как раз там сидел. Долго спорил с нами, обзывался всячески, а сам сдуру подорвал собственную крепость.

– Он что, совсем тупой, раз постоянно связывается с вами? – искренне удивилась Вероника, вглядываясь в самодовольного принца.

– Да особенным умом этот акселерат сроду не отличался. Ну, вот зачем ему понадобилось привязывать моих друзей к столбу, обкладывать хворостом, собирать народ? К чему такая показуха? Чего он добивается?! Ну, так вот они мы...

– Всем замолчать, скоты! – неожиданно громко рявкнул принц. Растет... растет на глазах, уже и командирский тон выработал. Что же до манеры речи, то хамом он был, хамом и остался. – Я хочу, чтобы все заткнули свои поганые рты и смотрели сюда! Сейчас мы запалим хворост и поджарим попки этим славненьким птичкам. Они будут громко петь, клянусь Адам! Я хочу, чтобы все видели это и помнили! Ох, как помнили!.. Сегодня я милостив – умрут только трое. Но завтра я могу быть в гневе, и тогда от всех деревень не останется даже дохлой курицы! Я пройду по земле огнем и мечом! Слушать! Смотреть! Не отворачиваться, твари!

– Он всегда такой вежливый? – напряглась юная ведьма. У нее даже кончик носа покраснел. – Давайте я кидану в него шаровой молнией, у меня получается.

Пришлось на нее шикнуть, иначе Раюмсдаля не слышно. Меж тем суматошный принц шагнул по-ближе к Бульдозеру, обрушив на бедолагу водопад площадной брани.

– Нечестивая скотина! Ростолстевший лизоблюд! Иди поцелуй в зад своего вшивого ландграфа! Что, не можешь? А знаешь ли ты, продажный негодяй, скольких моих людей ты

убил?! Причем убил не по-рыцарски, не мечом в честном бою, а какой-то грязной табуреткой! Тьфу! Я должен был просто прирезать тебя, как крысу. Огонь слишком большая честь для такого отпетого мерзавца. Ты будешь, рыдая, упрашивать о пощаде!

Ну, Раюмсдаль мог бы долго так распинаться. На несправедливую ругань Жан обычно не реагирует, но его молодая жена... Если у Лии нет кляпа во рту, то она своего не упустит.

– Вероника. Не бубни! Прекрати все заклинания, сейчас Лия произнесет свой знаменитый монолог.

– Какой? – мгновенно отвлеклась от диверсии практикантка.

– Вольная импровизация на тему: «Сам дурак!».

– Заткни фонтан. Редиска! – медленно и гордо начала наша золотоволосая валькирия. – Убери свои поганые ручки от моего достойного супруга. Он не унижится до ответа бесчестному трусу, подло нападшему на спящих людей!

– Замолчи, тварь, – брызгая слюной, завизжал принц, но остановить Лию на такой сцене, при такой публике, в такой роли... Да легче сбить лбом с рельсов локомотив!

– Слушайте все! Не сдавайтесь, не бойтесь этого мерзавца! Не плачьте о нас! Наша смерть не будет напрасной! Лорд Скиминок вернется, и черная кровь его врагов смоет всю грязь нечестивых оскорблений, хлынувших на наши невинные головы!

Готов поклясться, что в толпе раздалась плохо скрываемые аплодисменты. Но ведьмочка ткнула меня локтем, указывая пальцем в сторону эшафота. Я пригляделся. Точно! Между наспех сколоченных досок, сквозь крупные щели плавно двигалась гибкая девичья фигура в черном. Она их не бросила... Что ж, Луна, с меня причитается.

– Это мой наемный убийца. Помнишь нож с клеймом одуванчика? Она на нашей стороне, так что не задень ее каким-нибудь шальным заклинанием.

– Ничего не понимаю! – округлила глаза Вероника. – Если это наемница, то она должна вас убить. Если она вас не убьет, то по законам их клана ее саму убьют. Если вы заключили договор, то один из вас все равно должен умереть, иначе не стоило огород городить. Если...

– Тихо! Смотри, он идет к Бессу.

Бедный владелец замка, столь неосторожно напавший на нас, предавший нас и принесший нам вассальную клятву, был совершенно подавлен. Рогатый альбинос едва не терял сознания от отчаяния, привязанный в собственном дворе к столбу, где его должны были сию минуту сжечь. Судя по его бледному лицу, казавшемуся даже белее волос, в счастливое избавление он не верил ни грамма. На него, как на самую безобидную жертву, и обрушился венценосный подонок.

– Ну что, Бесс? Посмотри в глаза своей смерти! За сколько сребреников ты продал этому шуту в клетчатой рубахе свою гнилую душу?! Ты предал всю Темную Сторону, ты предал госпожу Гнойленберг, но самое страшное – ты предал меня! Ты не открыл ворота, а попытался организовать сопротивление. Ты убил двух моих воинов. О, с каким счастьем я буду смотреть, как ты корчишься в огне!

– Не трус, барон! – неожиданно встряла Лия. – Милорд сейчас придет и всем им покажет. Если бы ты знал, сколько раз он вырывал нас из объятий могилы в самый последний момент, то не волновался бы...

– Замолчи, несносная девчонка! Факел мне! Я мог бы отдать тебя на потеху моим людям, но они брезгают прикоснуться к твоему грязному телу. Думаю, что твой обугленный скелет вызовет у них больше желания!

Воины принца кисло рассмеялись. Если у них совести хоть на йоту больше, чем у их господина, то она у них есть! Взять превосходящими силами незащищенный замок... Сражаться с раненым рыцарем, вооруженным табуреткой... Сжечь неповинную девчонку... Мстить несчастному хозяину, пытавшемуся лишь защитить своих гостей... В этом мало чести даже для самого отъявленного негодяя.

– Вероника, осторожно обойди их сзади и займи оборону в тылу. Приготовь защищающий купол, он нам понадобится. И ради всего святого, не напутай ничего!

– Слушаюсь, милорд! А вы?

– А у меня лирическое настроение, я склонен поболтать.

– Вы отвлекете их?

– Так точно. У тебя будет время позаботиться о наших друзьях. Создай у эшафота такую шумиху, чтоб они при имени Скиминок сразу зарывали башку в песок, как страусы.

– Это я смогу. Я многому научилась за год. Они у меня попляшут... – мрачно улыбнулась ведьмочка, и ее глаза сверкнули зеленым огнем.

Мне нравится работать с ней в паре. Вроде как постоянно показываешь огнеопасные фокусы на пороховом складе. Одно неверное движение, одна нелепая случайность, шутка Господа или шалость беса – и все. Ни тебя, ни аттракциона, ни зрителей. Все уже в белом, на небесах, с арфами. Но зато как интересно...

Вероника снабдила мое появление всевозможными спецэффектами: загрохотал гром, все заволочло дымом, блеснула молния, и на крепостной стене, возвышаясь над Раюмсдалем, оказался я! Это было очень эффектное появление. Все ахнули! Принц с ужасом глядел на меня квадратным глазом, а его нижняя челюсть отвисла почти до пояса. Воины смотрели поспокойнее, они не знали, кто появился перед ними. Мои ребята облегченно вздохнули, попытались принять самые независимые позы. Надо было брать быка за рога.

– Я – лорд Скиминок! Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени!

На долгую минуту повисло гробовое молчание. Люди с напряженным молчанием уставились на меня, пытаюсь решить, я это или не я. С одной стороны, все слышали о геройском ландграфе, с другой – никто не подозревал, что он так разительно отличается от типичных персонажей рыцарского эпоса. Что ж, господи, я такой! Пора отвыкать от стереотипов. Первым сдался Раюмсдаль, выдав себя с поличным:

– Так ты все-таки жив?!

– Скиминок! – счастливо взревела толпа.

Учитывая, что у поскучевших воинов не было ни луков, ни арбалетов, я счел возможным нахально поклониться и приветственно подмигнуть.

– Ну что, попался, принц? Хотя какой ты принц – так, фиктивная пешка третьесортного качества. Говорили тебе – возмись за ум, выучись, постригись, поднаберись манер, хоть внешне на человека похож будешь. Но нет. Ты опять за свое. Снова ландграфов ловить. Ну куда... куда в твои-то годы, с прогрессирующей шизофренией?

Тусклый потомок Ризенкампафа едва не провалился сквозь землю. Переболтать меня он не мог – ума нет, считай, калека! Народ во дворе сдержанно хихикал. Тощий принц грыз ногти, а я веселился вовсю:

– Несчастный трус! Ты сумел привязать к столбу моего раненого оруженосца, моего беззащитного пажа и гостеприимного хозяина. Эй, люди! До каких пор этот венценосный

недоумок будет портить вам законный выходной?!

– За-мол-чи-и-и! – Раюмсдаль дважды швырял в меня своим легким кинжалом, но декоративный клинок не долетал даже до моего колена.

Судя по настрою масс, народ давно созрел для революции. Наемники сдуру выхватили клинки и закрыли своего господина щитами. Толпа поняла, что ее боятся...

– За Скиминока! – оглушительно громко заорал Бульдозер.

– За Бесса! – поддержал я, выхватывая меч.

– За госпожу Лию! – неожиданно для всех заорал тот самый мажордом, что тащил ведро с подсолнечным маслом, давая в морду ближайшему стражнику. Тут оно все и началось! Народ обалдел от демократии и, видя во мне факел перестройки, ринулся наводить в стране порядок. Я видел, как Вероника выбралась на заданную позицию и уже что-то шептала, размахивая руками. Видел, как Луна, появляясь подобно случайной тени, незаметно «сняла» трех стражников у эшафота. Может, и мне настала пора помахать Мечом Без Имени? Только побыстрее, еще чуть-чуть, и отряд принца сообразит, что преимущество в вооружении на их стороне...

Нам повезло. Из-за общего бардака и отсутствия какого-либо руководства каждый занялся тем, что ему больше по душе. Наемники принца окружили его тройным кольцом щитов и организованно отступили внутрь замка. Раюмсдаль бесновался посередине, выкрикивая грязные оскорбления в мой адрес. Половина зрителей швырялась в воинов всяким мусором, половина ударилась в грабеж и разгул, слуги Бесса освобождали Лию. Почему не своего господина? А я почему знаю? Может, за время своего короткого правления она им очень полюбилась... Мы с Луной отвязывали от столба Бульдозера. Наши руки лишь на миг соприкоснулись, но жаркая волна ударила мне в голову. Господи, да еще одна такая встреча, и я влюблюсь в нее, как мальчишка! Остынь, ландграф, дел полно, сейчас они опомнятся... Мама дорогая! Не-е-ет! Вероника ухитрилась-таки зафурычить невозможно грозное заклинание, и в середину двора рухнула огромная шаровая молния! От грохота и дыма казалось, что наступил конец света. Но это полбеда... Огненный шар, взорвавшись, разлетелся на тысячу маленьких шариков, размером не больше воробьиного яйца. Они брызнули во все стороны, жаля без разбору правых и виноватых. Неприкрытым доспехами людям пришлось очень туго.

– Лорд Скиминок! Спасите меня! Я уже исправился-а-а...

О, черти полосатые! Молнии подожгли хворост, которым обложили несчастного белокурого рогоносца. Барон Бесс должен был разделить страшную участь первых христианских мучеников. Про него все как-то забыли. Мы с Луной, Лия с Бульдозером, мажордом со слугами – единой толпой затоптали пламя, едва успев извлечь ошалевшего хозяина, покрытого синяками и ожогами. Но позади нас уже гремел рев дружины Раюмсдаля. Местные революционеры быстро скумекали, что к чему, и не стали изображать из себя борцов за светлое будущее коммуны. Они удрали так быстро, как будто гнались за олимпийской медалью по бегу на марафонскую дистанцию, предоставив нас собственной судьбе. Вот тут мне пришлось поработать мечом. Десяток слуг были в основном безоружными, Жан отмахивался тем самым столбом, у которого его должны были сжечь, а его супруга рвалась в бой, размахивая маленькими кулачками. Кого-то я убил, кого-то ранил, но долго так не повоюешь – значит, настало время магии.

– Вероника! Купол давай!

– Слушаюсь, лорд Скиминок!

Все. Можно было сесть на землю и отдышаться. Все наши были защищены волшебной прозрачной сферой, непробиваемой для оружия врага.

– Все живы?

– Да, милорд. – Лия шмыгнула носом и повисла у меня на шее. – Я волновалась за вас. Сколько времени – и ни одной весточки! Приезжаете в последний момент, без дракона, в несвежей рубашке... Ой, да вы еще и расцарапанный! Вероника никогда не умела за вами ухаживать. Нет, милорд, вы уж как хотите, но одного я вас больше никуда не отпущу!

– Да ладно... Живой ведь. – Я погладил ее по голове. – Жан, балда стоеросовая! У тебя же постельный режим. Кто разрешил покидать кровать?!

– Но... ну... но как же... так я и...

– А если рана опять откроется?! Имей в виду, я тебя попросту сдам в больницу. Дел полно, мне некогда возиться с недорезанными больными.

– Я здоров, милорд! – жалобно взвыл он. – Ради всего святого, возьмите меня с собой. Вы же знаете, я еще не искупил свой долг перед королем Плимутроком!

– Лорд Скиминок, каковы ваши планы на будущее? – скромно пролепетал подгорелый хозяин замка.

Об этом стоило подумать. В прозрачные стены купола били чем попало. Разбить не разобьют, но на нервы действует. Однако надо же как-то отсюда выбираться. В прошлый раз вылезали через подкоп, но сейчас этот номер не пройдет. Купол-то ведь защищающий, а не притягивающий. Следовательно, догонят и убьют. А вот нельзя ли двигаться вместе с куполом?

– Вероника!

– Да, милорд. – Юная ведьма с помелом на изготовку приняла стойку «смирно».

– Подумай, как можно заставить купол двигаться вместе с нами.

– Никак.

– Почему?

– Ну... это примерно то же самое, как накрыть муху стаканом. Сдвинешь – муха может улететь. А если купол перевернуть, то мы будем бултыхаться на дне, как домашние пельмени мисс Горгулии.

– Так... Хорошо, это возможно, хотя... Слушай, помнишь то заклинание, каким ты лишила веса барона де Стэта?

– Помню, но... Что вы задумали, милорд?

Я чувствовал себя в ударе. Мы пересчитали свои силы. Бесс, Лия, Жан, Вероника, Луна, десять слуг барона. Луна... Она не встревала в разговор, ни о чем не спрашивала, ни на что не намекала, но... как она смотрела! Ненавязчиво, вскользь, мимоходом – я ни у кого не встречал таких теплых глаз. Я мог бы смотреть в них часами. Какая девушка! Мне все в ней нравилось, где-то в глубине души я был уверен, что мы придумаем, как отвертеться от ее планового задания, не нарушая дурацких устоев и специфического кодекса чести. Ну не хочет она меня убивать! Я и сам этого не хочу. Погуляем в поисках компромисса...

– Милорд, а вы удержите помело? Может быть, все же доверите это дело мне?

– Только не ей, лорд Скиминок! Вероника вечно все путает. Вы не бойтесь, что вместо веса она вышибет из нас дух?! – встряла Лия.

– Дорогая, она не лишит нас веса, а лишь уменьшит его, чтобы милорд сумел нести всех

нас. – Мой оруженосец заботливо обнял ее за плечи. – Давайте рискнем. Я не очень люблю все это волшебство, но другого выхода нет. Меня метла не выдержит, а на руку милорда можно положиться.

– Тот, кто усомнится в этом, – первый получит от меня в глаз! – грозно пообещала Лия. – Но дело в ином. Лично мне кажется, что многих проблем можно было бы избежать, если разумно...

– Баста! – рявкнул я. – Хана демократии, конец демагогии, Гитлер капут всему плюрализму! Давай еще голосование устроим. Разделимся на партии и начнем набирать кворум. Консолидироваться надо, чукчи забайкальские! Электорат благополучно поорал да смылся, а нам с вами этот межрегиональный конфликт не бальными тувельками расхлебывать! Тут радикальные меры нужны!

Все сразу припухли и умолкли. Если кто чего и понял, то виду не подал. Они там у себя в мозгах все это по три раза перекрутили, вернулись к тому, откуда пришли, и выдвинули вперед делегата.

– Лорд Скиминок, ваша образованность выше всех нас вместе взятых! – под одобрительные хлопки поклонился барон Бесс. – Мы исполнены уважения к вашему ратному опыту и смиренно ожидаем последующих указаний.

– Ну, то-то... Значит, указания проще некуда. По знаку Вероники все дружно подпрыгивают. Кто выше – получает приз!

– Здорово! – загалдел народ.

Ей-богу, как я их всех люблю. Идем на черте-те что, в двух шагах – разъяренные воины с буйно помешанным садистом во главе, план... ну, план спасения такой мудрый... Если бы не я его придумал, то первый засадил бы в психушку автора. Вот расскажу до конца, вы со мной согласитесь. Юная ведьмочка настроилась на заклинание, нужным образом скрестила пальцы и крикнула: «Гоп!» Мы дружно прыгнули вверх. Победила, кажется, Луна. По-моему, ей во всех спортивных упражнениях достанется пальма первенства. Да я и так готов давать ей приз за призом! Простите, отвлекся... Вероника ухитрилась перевернуть купол. Правда, он зачерпнул изрядное количество земли, но приземлились мы уже на перевернутую сферу. Дальше – больше. Вес всех присутствующих, кроме меня, уменьшился втрое. По плечам Бульдозера я добрался до края купола, уцепился за него правой рукой, а в левой крепко сжимал метлу. Принц с наемниками несколько замешкался от изумления. Он никак не мог понять, что ж это за военную хитрость мы затеяли? Некогда объяснять...

– Вероника! Включай метлу.

– Есть! Но я ни за что не ручаюсь. Предупреждаю, милорд, она может вас сбросить...

Мама! Предупреждает она! Поздно! Метла вывернулась из-под меня, как любовница при звонке мужа. Я повис на высоте метров трех между помелом и краем купола, вцепившись в них мертвой хваткой. Стражники Раюмсдаля пораскрывали рты...

– Двигатель заводи! Жми на газ, несчастная, я же упаду!

Вероника щелкнула каблуком, и метла рванула вперед, волоча меня с куполом, наполненным polegчавшими людьми. Принц плевался и топал ногами, глядя, как законная добыча ускользает из его похотливых ручек. Что-то свистнуло у меня над ухом. Ого! Они стреляют. Значит, я ошибся, у мерзавцев есть-таки арбалеты. Метла несла нас вперед с хорошей крейсерской скоростью, но если наемники бросятся к лошадям... Я ведь тоже долго в таком положении не повисю! Судя по крикам внизу и стуку копыт, они додумались до погони. Плохо дело... Метлу держать еще можно, но вот купол совершенно не предназначен

для переноски. Сквозь прозрачные стены я видел бледные лица своих друзей и понимал, что теряю силы. Одна Лия подпрыгивала, тыча пальцем в небо. Хотя непонятно было, чего она добивается. Но в тот момент, когда мои бедные пальцы уже выпускали край купола, я поднял глаза вверх и сквозь соленый пот увидел сияющий город, спускающийся с небес...

Не самая мягкая посадка... Им в куполе ничего, у них весу меньше, а вот меня так приложило спиной о кочки, что на какое-то время и дышалось с трудом. Встать не могу и не хочу! Больно... Эх, жизнь – жестянка! Кому пироги да пышки, а нам синяки да шишки. Такого количества тумачков, как здесь за прошедший месяц, я не получал за все прошлое приключение. Какой, на фиг, герой?! Меня же все время бьют! Кто хочет, тот и обижает. Все, кому не лень, заманивают, гоняются, терроризируют, угрожают, выспаться не дают! Уйду я от них... Вот, ей-богу, найду Зубы и уйду. Нельзя же так с приезжими, в самом деле...

Храбрый потомок Ризенкампа мудро повернул войска назад и скоренько скрылся в лесу. Кому же, как не Раюмсдалю, знать силу и огневую мощь Локхайма. Это приятно.

Хотя с какого лешего он здесь взялся? Танитриэль говорила, что она на Темную Сторону ни ногой. Однако, вот, прилетела. Неужели ради меня? М-м-м... Лестно...

Заботливые руки Бульдозера подняли меня на ноги. Меч Без Имени по-прежнему висел в кольце на поясе. Удивительное дело, сколько ни падаю, ни разу не порезался о собственное оружие. А уж как заточено лезвие – бриться без мыла можно! Следом за Жаном налетела шумная толпа, и мы все бросились отплясывать несуразный танец сумасшедшего счастья. Хорошо жить! Особенно остро это чувствуешь там, где твоя жизнь подвергается ежедневной встрече со смертью.

– Прошу всех ко мне! – возбужденно вопил оживший владелец замка. – В подвалах есть тайная комната (я уверен, что ее не вскрыли), там припрятаны четыре бочки старого вина. Я устрою пир в честь нашего невероятного избавления!

– Побродил бы ты с нами, понял бы: ничего такого особенного в этом событии нет, – презрительно хмыкнула светловолосая вредина. – Милорд по три раза на день спасает нас, по пять раз в неделю вершит героические подвиги, ну и не реже десяти раз в месяц избавляет мир от очередного Великого Зла. Я, например, обстирываю, обшиваю, готовлю, даю стратегические советы. Или вот Жан, он лентяй невозможный, и то... Был недавно случай! Сейчас расскажу. Там такое было! Ужас! А тут наш Бульдозер на боевом коне, с бревном наперевес, в женском платье...

Оп! Тяжелая ладонь красного как рак рыцаря мгновенно запечатала словесный родник его милой жены.

– Прошу тебя, любимая, в другой раз. Она всегда так переживает каждую прошлую историю... У нее даже давление подскакивает. Все устали. Милорду нужна помощь лекаря. Не стоит лишний раз утруждать себя пустыми рассказами. Да, кстати, а чем ты можешь угостить нас на обед?

Больше он ничего не сказал, потому что Лия вырвалась и оставшуюся часть пути все ее успокаивали, отговаривая от немедленного развода с Жаном. Локхайм плавно спускался под звуки камерного оркестра, намереваясь сесть на поляну позади замка. Как-то совершенно случайно оказалось, что мы с Луной идем рука об руку и никто не обращает на нас ровно никакого внимания. У каждого свой собеседник, а общая болтовня толпы никак не мешает спокойному интимному разговору. Вероника о чем-то шепталась с Лией, Бульдозер спорил с Бессом, слуги орали старинный походный марш, а я... Я впервые не знал, о чем говорить.

– Вы...

– Да?

– Угу...

– В смысле?

– Вы очень ловко убрали стражу у эшафота. Я просто восхищен вашим профессиональным даром.

– А, вы об этом... – погрузилась убийца.

Наверное, я сморозил глупость. Действительно, чего ж восторгаться умением хрупкой девушки бить бронированных мужчин?! Это не самое дамское дело.

– Вовсе нет! Я хотел сказать, что у вас глаза красивые.

– Правда? – посветлела она.

– Да. Просто я здорово огрубел в манерах. Суматошная жизнь, несбалансированное питание, вечная нервотрепка, сплошные мордобои, тревожный сон и стрессы, стрессы, стрессы...

– Бедный мальчик!

Что она сказала?! Как она меня назвала? Двумя словами окунула в такой водопад ласки и тепла!.. Хорошо еще, мои ребята не слышали, они бы убили ее за подобное обращение! Меж тем Луна, откинув прядь волос со лба, спросила напрямик:

– Лорд Скиминок, а кем вам приходится эта черноволосая девушка с горящими глазами?

– Вероника? Один раз я спас ее от костра, второй раз – от чертей, третий от – неудачного замужества. Вот и все. Мы друзья.

– От замужества?! – Она закусила губу. – Тогда все понятно...

– Ее жених оказался негодяем! – торопливо бросился объяснять я. – Мне пришлось немного подраться и стащить ее прямо с брачной постели.

– А теперь вы как честный человек на ней женитесь?

– Ну уж не-е-т. С чего это вдруг? Если я стану жениться на всех, кого я спас в вашей гостеприимной стране, то за мной гарем ездить будет!

– Но таковы рыцарские традиции!

– Значит, настала пора в корне изменить устаревшее законодательство. Если следовать точному соблюдению ваших антигуманных правил, то, может, мне и на кастратке жениться надо было?

– Вы спали с кастраткой?! – отодвинулась в сторону вспыхнувшая наемница.

Господи, зачем я это сказал? Что она обо мне подумает?

– Нет, конечно! Уверяю вас, нет! У меня все на месте, ничего не откусано, просто...

– Просто вы ее возжелали!

– Но... не совсем...

– Возжелали!

– Нет!

– Да!

– А чего мы, знаете ли, так орем? – первым опомнился я.

Луна пожала плечами.

– Не знаю... Как-то само получилось. Простите меня. Хотите, я перед вами ворота распахну, как перед победителем?! Хотите?

– Хочу, – улыбнулся я.

Она с детским визгом бросилась вперед, схватилась за створку ворот и потянула их на

себя. Мне надо было подумать о том, почему они вообще закрыты? Надо было вспомнить о подлом характере Раюмсдаля. Надо было вообще...

В проеме оказался привязанный за веревочку, стоящий на упоре взведенный арбалет. Щелкнула тетива. Никто не успел даже ахнуть, когда тяжелая короткая стрела насквозь прошла мне грудь...

– Давно не виделись, ландграф... – Знакомый вкрадчивый голос позвал меня из ниоткуда.

Я открыл глаза. Точно! Сухая фигура в черном плаще с капюшоном, зазубренная коса на плече, белый оскал черепа и зеленые искорки в глубоких провалах глазниц.

– Вот и свиделись. Да ты не горюй – все герои смертны, всех когда-нибудь убивают. А уж ты и так навоевался побольше других. Пора, пора...

Я почувствовал себя легким и бесплотным. Смерть взяла меня за руку, бормоча что-то утешающее. Мы поднимались в синее небо, а внизу царило горе. Я разглядел свое тело, над ним, стоя на коленях, рыдал верный Бульдозер. Маленькая Лия билась в истерике, и слуги Бесса тщетно пытались ее успокоить. Вероника рвала на голове волосы и рычала, как раненая рысь. Локхайм завис над землей, с его борта спустили серебряную лестницу. По ней буквально слетела бледная Танитриэль в голубом платье. Луна... Луна так и стояла у ворот, зажмурив глаза.

– Она все-таки его убила! – в отчаянии бросил кто-то.

Я думаю, Лия. Наемница безвольно опустилась на колени и закрыла лицо руками.

– Не трогайте ее, болваны! Она же ни в чем не виновата! – заорал я.

Они не услышали. Мой голос больше не звучал для моих друзей. Мы уносились выше и выше. Ощущение невероятного покоя снизошло на мою истерзанную душу. Кончились беды, сражения, погони. Остановилось время, замерла суета, затихло тщеславие. Все показалось таким пустым, надуманным, тленным... Какая кому разница – кто победит? Зло и Добро сменяют друг друга уже тысячи лет. Они так часто делали это, что и сами уже с трудом отличаются друг от друга. Победит Раюмсдаль – он железной рукой поставит на колени все Соединенное королевство и Окраинные княжества. Больная фантазия идиота не доведет его до добра, так что рано или поздно он все равно свернет себе шею. Добро в итоге одержит верх и будет тем сладостнее, чем больше Зла успеет натворить потомок Ризенкампафа. Есть ли смысл торопить события? Хорошо, пусть победит Плимутрок с дочерью и зятем. Злобыня от всей души прочешет Темную Сторону огнем и мечом! Его православной душе только дай загубить какого-нибудь выразительного нечистого. Но всех вырезать невозможно. Значит, будут зреть заговоры, таиться месть, сыпаться яды, точиться зубы. Доброе дело рассыплется, дав в результате тысячи маленьких зол, и они надолго отравят жизнь не одному поколению. А потом будет новый бунт, мятеж, восстание, кровь, боль, смерть...

– О чем задумался, ландграф?

– О бренности всего земного.

– Чушь! Выброси из головы. Летим ко мне, выпьем по маленькой.

– А... не понял, – закашлялся я. – Это что, так принято? Все умирающие должны выпить с вами бокал забвения?

– Впервые слышу, – задумалась Смерть. – Но мысль интересная. Я поговорю там наверху. Действительно, может получиться неплохая традиция! Ты какое предпочитаешь, красное или белое?

– Все равно, лишь бы много.

– Ой, да ты в печали! Открой душу бабушке. Мы все же старые друзья, чего таиться.

Влюбился небось?

– Нет.

– Врешь. По глазам вижу, что влюбился. Ну, расскажи, расскажи! Может, я чего тебе посоветую.

– В каком смысле?

– В прямом. Ну, как завладеть ее вниманием. Как очаровать девушку, как привлечь. Это, друг ты мой усатый, целая наука. Я всего насмотрелась, мне такие ловеласы попадались! Вот увидишь, через неделю она будет твоей!

– Моей?! – в ужасе взвыл я. – Нет! Не надо. Пусть уж она живет. Я не хочу ее смерти!

– Станный ты... Можно подумать, я хочу. Дураку понятно, что если она умрет, то ни о какой любви между вами не может быть и речи. Если ты, конечно, не страдаешь некрофилией?

– Да ничем я не страдаю! С какого рожна вы вообще завели со мной этот разговор?! Сколько мне известно, усопшим полагается тишина и покой.

– Ишь, развыступался тут! – деланно возмутилась Смерть. – А кто тебе сказал, что ты, собственно, усоп?

– Как кто?! Вы что, ничего не видели? Меня же убили!!! Из арбалета! Стрелой! Навылет!

– Не ори! Всех ангелов распугаешь, хулиган... Подумаешь, убили его! Мало ли кого убивают?

– Ну так не действуйте мне на нервы!

– Слушай, а с тобой, оказывается, без пол-литра не договоришься. Двигаем ко мне. Пойми главное, будь ты обычный жмурик, я бы с тобой не возилась.

– А что же во мне необычного? – искренне удивился я.

– Только то, что ты не умер...

Тьма. Белый камень с двумя глазками. Апартаменты Смерти. Дубовое кресло с резными летучими мышами. Вышколенные слуги из числа ночных кошмариков, неслышно скользящие по гранитному полу. Красивая смена горячих блюд, разнообразные закуски, уйма разносолов, тонкие вина. На отсутствие компании тоже грех пожаловаться. Смерть необыкновенно интересный, хотя и несколько циничный, собеседник. Нет, правильнее будет – собутыльник. Еще точнее – собутыльница! Я не помню, сколько дней мы гудели. Во Тьме нет деления на дни и ночи. Я засыпал в кресле или мордой в салате, возможно, меня относили на кровать, но просыпался я там же, где сидел. За столом со Смертью, в промежутке между тостами, с неизменным бокалом в руке. Когда безноса выполняла свои прямые обязанности, ума не приложу. О своем душевном состоянии также ничего толкового не скажу. Я не знаю, как себя чувствуют другие умершие люди. Наверное, поэтому и не могу рассказать ничего интересного о загробном мире. Ни Ад, ни Рай, ни Чистилище я не прошел. Ангелов не встречал, чертей видел и раньше, но при других условиях. Трудно, знаете ли, воспринимать себя усопшим, поглощая вино, уминая тушеное мясо и болтая на тысячи разных тем. Впрочем, здесь вру. Тема разговоров была в основном одна: «Ты меня уважаешь?»

– Ты пой-ой-ми... нельзя так долго бегать! Н-н-рушение всех т-р-диций! Ландграфы стоко не живут!

– Н-не понял? П-щему?!

– Ну... нельзя им стоко жить. Не-ве-ж-ли-во! Они усю эту... г-рмонию, вот! Г-рмонию

нарушат.

– П-думаешь! Не все ли равно?

– Между Злом и Д-б-ром должна быть эта... г-рмония! Понял?

– Понял. Надо добрать зюдям жла, как говорила В-роника. А пощему я тут... пью, если меня там...

– Где?

– Та-а-ам... далеко, уже хоронят?

– Суший сюда... Ты меня уважаешь?

– Угу!

– Зак-куси грибочком.

После шестого тыканья мне удалось нацепить маринованный шампиньон на двузубую вилку. По правде говоря, для этого мне пришлось прижать его ладонью. Вяло прожевав, я с удивлением поймал себя на ощущении абсолютной трезвости. Во всем организме не осталось и следа алкоголя. Вот блеск! Какой гонорар можно было отхватить за патент подобного лекарства! Смерть щелкнула плюснами и со столов мигом убрали все. Похоже, наконец начинался серьезный разговор. Я построжел, но безноса я начала издали:

– Ненормальный народ вы, рыцари... То подвиги совершаете, то собачитесь друг с другом на турнирах. Выбираете себе даму сердца, а женитесь в результате на другой. Понятное дело, что ни одна дура не будет сидеть у окна, по тридцать лет дожидаясь, пока вы наисполняете все свои скоропалительные обеты. Питаетесь одними иллюзиями, почти у каждого третьего гастрит. Обычно не доживаете до старости, богаты редко. Все, что способны завещать детям, так это старый меч да выспренный девиз. Все вас хвалят и ругают, любят и предают, чтят и ненавидят. Вот ты – кого-то бил, кого-то спасал, отделял светлое от темного, а смысл? Они закопают твоё тело в землю и забудут. Ну, не сразу... пусть через год, два, три. Но ведь забудут наверняка! В чем же основная цель твоей беготни? Я еще местных могу понять, они так воспитаны, у них гены. Но ты? Тебе в твоём мире не дают мечом помахать или более насущных проблем нет?

– Полным-полно! – кивнул я. – Экология, например. Потом можно положить голову в борьбе за исчезающие виды растений. Повозродить племенное казачество. Настоять на неотвратимых реформах Вооруженных сил. Безапелляционно требовать выгула собак в строго установленных общественных местах. Пострадать за чистоту языка у продавщиц коммерческих киосков. Повоевать за мир, это у нас вообще очень популярно. Как кому заняться нечем, так он сразу начинает бороться за мир. Причем, во всем мире. А зачастую и со всем этим миром. В общем, выбор есть. Без подвигов не останешься.

– Вот видишь. Ну-ка, расскажи об этой борьбе поподробнее. Очень интересно, как у вас с ней справляются?

– Да обыкновенно. Вот, положим, вы решили, что мир вокруг недостаточно хорош и нуждается в коррекции. Берете дубину побольше, а потом идете куда-нибудь. Находите там кого-нибудь, прямо излагаете ему свою доктрину борьбы за лучший мир. Если он не согласен, то бьете его дубиной по башке – одним оппонентом меньше. Если согласен, то он тоже берет дубину и двигает с вами, задавая похожие вопросы прохожим. Выигрывают те, кого окажется больше. Они объявляют себя истинными борцами за мир, а прочих – светлыми жертвами, павшими за прекрасное будущее.

– Все как у нас, – хмыкнула Смерть. – Тогда чего ты так переживаешь из-за того, что тебя исключили из игры тут?

– Не знаю... Просто хотелось, чтобы все закончилось хорошо. Я не воображаю себя последней инстанцией в вечном споре Добра и Зла, ни о чем не жалею и ни от чего не отказываюсь. Это была славная жизнь... Плохо то, что ценить ее мы начинаем лишь после смерти. Но ведь это и означает наличие более высоких целей и побуждений! Я старался как мог. Вышло то, что вышло. Вот и все.

– Больше ничего не хочешь спросить?

– Может быть... Кто будет следующим ландграфом?

– Ты.

– Я?

– Да. Черт с ними, с бюрократами! – раздухарилась Смерть. – Какая кому разница, заберу я тебя сейчас или через несколько лет?! Кому это надо? Обойдутся! Это имеет решающий вес для Вечности? Да никто и не почешется. Ну их всех... туда... в неприличное место! Почему я всегда обязана соблюдать этот паршивый нейтралитет?! Мне тоже интересно! Имею я право на капризы?

– Имеете! Кто бы поспорил... Только объясните Христа ради, я все-таки умер или нет?

– Ландграфы умирают пышно и торжественно, а не от глупой арбалетной стрелы, пущенной неизвестно кем!

– Все равно мне не ясны отдельные детали. Если я тут и я живой, то как мое мертвое тело лежит там с пробитой грудью? Только не уверяйте меня, будто ничего такого не было. Я сам все видел!

– Какое твое дело?! Очень хочется полазить в пространственно-временных аспектах многослойности реальной жизни после смерти? Оставь науку специалистам. Много будешь знать, скоро состаришься! Не лезь в душу... Давай заключим устный договор. Ты уходишь под мою ответственность и даешь честное слово вернуться лет через пятьдесят по первому моему требованию. По рукам?

– Идет. Вот только хочу спросить, а с чего это вы лично ко мне так неожиданно лояльны?

– Не задавайся... – сквозь зубы посоветовала Смерть. – За тебя просили... И не вздумай особо болтать о том, что я тебя отпустила. Мне ничего нельзя отдавать добровольно! Беги к своей девчонке... забыла, к которой? Ну, да на месте разберешься. Там, у камня Судьбы, тебя уже ждут. Иди, ландграф!

Все еще смутно понимая происходящее, я осторожно встал и направился к выходу. Сухопарая фигура Смерти повернулась ко мне спиной. Нехорошо как-то... Надо хотя бы проститься и поблагодарить.

– Сударыня... – Я быстрыми шагами пересек залу, опустился на одно колено и поцеловал белую руку скелетообразной старушки, как целуют кисть самой прекрасной дамы сердца! На долю секунды мне показалось, что в черных глазницах блеснула влага.

– Иди же, а то еще оставлю...

Не оборачиваясь, я двинулся к выходу и бодрым маршем вышел к камню Судьбы. Меня действительно ждали...

– Кэт?!

– Да, а вы не ожидали меня здесь увидеть, правда? – Богиня Катариада улыбнулась мне самой чарующей улыбкой. Великолепная грудь чуть колыхнулась под полупрозрачной туникой.

Я все забыл... Тут, знаете, у любого дыхание перехватит. Что она со мной делает? Вот я, например, женат, но Танитриэль мне нравится. Луна, так та вообще не идет из головы. Но Кэт... О, это история особая. Во-первых, более красивой женщины в мире просто нет! Богиня любви и красоты, тут не поспоришь. Во-вторых, как богиня она бесплотна. Недостигаема! Это и огорчает и придает ей неуловимый шарм. Одного взгляда на нее достаточно, чтобы навсегда потерять голову. Представляете, перед вами женщина, равной которой не создавала природа, вы ее видите, вы ее хотите, а она... Эфир, небыль, фантазия!

– Как вы меня нашли?

– Это нетрудно. Я узнала о вашей трагической гибели, уточнила по своим каналам, что ни в Ад, ни в Рай вы не попали. Оставался только распределитель. Вы чем-то приглянулись Смерти, и поначалу она ни в какую не хотела вас отдавать. Признаться, мне пришлось подключить к этому делу самые высокие инстанции. У нас наверху кое-кто кое с кем даже подрались!

– Из-за меня?

– Конечно. Всем ужасно интересна эта захватывающая история. Вас настолько нелепо убили, что многие небожители сочли подобную случайность чрезмерно случайной. Вы меня понимаете?

– Не совсем... Пока мне никто толком не объяснил – живой я или мертвый?

Катариада нежно взяла меня под руку, и ее жаркая грудь упруго ткнулась мне в предплечье. Уф... Снова и снова повторяю себе, что богини бесплотны. Зато сразу пропало желание на что-либо жаловаться. Хотя... Если она будет меня прижимать так регулярно, я завалю ее жалобами. Обидами и упреками на несовершенство мира. Только пусть приласкает...

– Я волновалась за вас.

– Правда?

– Да.

Наверное, я покраснел. Вот ведь, переживает, пока я к другим бегаю, стыдоба!

– Не думайте о них. Они просто земные женщины, их любовь меня не тревожит.

Здорово... Она уже все обо мне знает. Приятно, что ничего не надо объяснять, но вообще-то иметь такую жену... Не спрятаться, не скрыться! Но Кэт так глянула мне в глаза... Я ей все прощу.

– Не говорите ничего, ландграф. Пока я нужна вам – я буду приходить. Мне не требуются слова, когда я стану лишней, я пойму это гораздо быстрее, чем вы... А сейчас пойдете. По дороге я отвечу на все ваши вопросы.

– Я вернусь в мир?

– Да. Мы обставим ваше воскрешение со всей возможной пышностью. Если похороны ландграфов обычно бывают предельно торжественны, то как же должно отметить их возрождение?! Как феникс из пепла, восстанет новый герой и возьмет все, что ему принадлежит по праву.

Меня учили рыцарскому обращению с дамами. Почти интуитивно я опустился на одно колено и поцеловал руку богини. Нежная кожа пахла ландышами и... она была теплая! Наверное, мое удивление было столь явно написано на лице, что Кэт рассмеялась. Мне стало стыдно. Потом я рассердился. Весь красный вскочил на ноги и страстно коснулся ладонью ее груди... Гром не грянул, молнии не заблестели, а грудь оказалась именно такой, как я ожидал – горячей, упругой и полной.

– Она настоящая...

– В каком смысле? – мягко улыбнулась богиня.

– Мне говорили, что силиконовая хрустит... – ошарашенно выдал я, без сил опустившись на пол.

Катариада смотрела на меня с невыразимой смесью застенчивости и ласки. Вот так самые отъявленные атеисты, столкнувшись с небесным божеством, становятся религиозными фанатиками! Какая женщина...

– Мне все равно ужасно интересно, каким образом вам удалось так договориться со Смертью, что она добровольно отпустила меня погулять?

– Добровольно? О нет... Смерть ничего не отдает добровольно. На нее надавили сверху и выторговали для вас отсрочку в пятьдесят лет. Хотя лично мне показалось, что она спорила лишь для проформы.

– А кому вообще пришла в голову такая идея?

– Мне, – просто ответила небесная красавица, выводя меня из Тьмы.

Знакомые края... Безрадостный пейзаж, тусклое солнце, мертвый песок и пустота на сотни верст вокруг. Богиня по-прежнему шла со мной рука об руку. Наверное, я ей нравлюсь. Танитриэль как-то говорила, что я обаятельный... Сверху опустилось розовое облако, Катариада бросилась в него с визгом, как в ванну, полную пены. Через минуту она вылезла, отфыркиваясь, и подмигнула мне смеющимися глазами.

– Карета подана, милорд!

Я вздохнул, гикнул, разбежался и с размаху прыгнул в розовую сказку – прямо в нежные объятия смеющейся богини...

Облом! Вот так из самых сладких грез попадаешь в лапы жестокой действительности. Не везет мне в последние времена на личную жизнь. Интиму – завались, эротики сколько угодно, а вот чуть дальше... Так сказать, к непосредственному тесному контакту, единству душ и тел – ну, никак! Обидно. Почему так? Вокруг уйма красивых, одиноких, располагающих во всех отношениях дам-с. И каждый раз, когда романтическая атмосфера достигает критической точки, в самый неподходящий момент все идет насмарку. Нет, надо с этим что-то делать...

В тот самый миг, когда наши губы уже соприкасались друг с другом, яркий солнечный свет заставил меня на минуту зажмурить глаза. Мир сместился.

– Вот мы и на месте... – с ласковой печалью в голосе сказала Кэт.

Я огляделся. Наше облако висело прямо над Локхаймом, стоящим на опушке близ замка Бесса. Денек был не по траурному светел, но на стенах Тающего Города полоскались черные полотнища. Людей не видно, возможно, находятся в часовне. Помещение достаточно обширное, человек сто смело поместится.

– Нас пока не видно, – пояснила Кэт. – Вы должны пройти внутрь, найти свое тело, слиться с ним и восстать. К сожалению, я сама вам больше ничем помочь не смогу.

– Вы обещали уточнить, кто стоит за Раюмсдалем и где находятся Зубы? – вспомнил я.

Богиня на мгновение задумалась, повела округлыми плечиками...

– Мне казалось, что вы выяснили все это и без моей помощи. Там подняла голову престарелая патронесса Гнойленберг, она бабушка принца. Зубы находятся на севере. Это горный хребет или даже цепь пиков. Внутри расположена древняя цитадель – родовое гнездо Ризенкампов. Учитывая, что их кровь всегда стояла на стороне Зла, они не могут размножаться обычным путем. Ваша задача – не позволить принцу занять наследника.

– Что ж мне, его за уши из брачной постели вытаскивать?

– Я не уверена, но вроде бы там не все так просто... Постели, как таковой, даже нет. Все заключено в биолого технических возможностях из древних знаний. Но вполне возможно, что принцу понадобится женщина... для сохранения плода.

– Так, может, в целях профилактики скрестить недоумка с кастраткой и таким образом навсегда обезвредить этого сексуального маньяка?

– Ах, ландграф, ландграф... И вы слабы, как все мужчины.

Я заткнулся. Надо же было вспоминать о той зубастоногой твари? Теперь Кэт будет думать... Ну, виноват! Исправлюсь! Рвану в монастырь замаливать грехи, скопившиеся у меня в чудовищном множестве. Хотя, пожалуй, кардинал Калл отпустит мне их скопом за сравнительно маленькую епитимью. Надо всего лишь подбросить ему пару оригинальных выражений для проповеди. В прошлый раз, помнится, он стибрил у меня словечко «офигеть!».

– Ладно, уговорили. А как именно я должен воссоединиться?

– Как подскажет вам ваше сердце. Ведь это происходит впервые. Чудо невозможно предугадать даже богам. Прощайте, ландграф.

– А... Кэт, одну минуту! – решил я. Живой или мертвый, а упускать такую возможность просто преступление. – Я хотел бы... то есть, если вы не против... в смысле, может быть... как-нибудь... Но я пойму...

– Мы встретимся, – чарующе улыбнулась она, тая в воздухе.

Розовое облачко опустило меня вниз. Я решительно прыгнул на землю и зашагал в сторону Локхайма. Трава под моими ногами не приминалась. Значит, все и вправду не так просто...

Совершенно удивительные ощущения. Не страшно ни капли! Чего бояться? Я уже умер, побывал в гостях у Смерти и получил длительный отпуск. Раз мне не рады ни в Аду, ни в Раю – к чему печали? Я с удовольствием вернусь обратно. Вот оно – философское отношение к бытию! Жив – хорошо, умер – тем более не о чем беспокоиться. А тут столько новых впечатлений... интересно, похож ли я сейчас на привидение? В апартаментах Смерти зеркал не было. Сам я, насколько могу судить, по-прежнему упруг и плотен. Ел, пил, спал, все такое прочее, как нормальный живой человек. Но ведь я все-таки умер! С другой стороны, с чего бы это такой элитной дамочке, как Катариада, целоваться с ходячим трупом или туманным призраком? Господи, сколько непонятного... И хоть бы одна научная вша взялась объяснить!

Так неторопливыми рассуждениями короталась дорожка до Локхайма. Из замка выбежал чей-то мальчик, пронесся мимо меня и скрылся в небесном городе. Я ему орал, шумел, даже руки навстречу выставил – ноль внимания! Он меня не заметил. Значит, я невидим. Плохо! Попробую сорвать ромашку... Получилось! Это очень даже хорошо! Невидимость плюс возможность передвижения предметов дает отличный шанс поразвлечься. Побуду-ка я барабашкой! Сейчас пойду пощекочу Лию, щелкну по носу Веронику и вытащу стул из-под Бульдозера. А потом... О! Потом можно пойти и подсмотреть за Танитриэль в ванной. Эх! Гулять так гулять! Задержусь на пару деньков с воскрешением, но обязательно найду Раюмсдаля. Уж я ему устрою веселую ночь длительных кошмаров с фальшиво поющим привидением! Заикаться станет. По гроб жизни заречется мечтать о власти над миром. Да я ему... Такую кузькину мать покажу! Луна... Они же, наверное, думают, что она меня убила. Все все видели, но... Под горячую руку они ее на лоскуты

изорвут. Ребята меня слишком любят, для моих врагов это опасно. В средневековье суровые нравы и быстрая расправа. Обязательно должен найтись кто-то, кто своей головой ответит за пролитую кровь. Пусть даже случайно, по ошибке, без злого умысла – искупительная жертва должна быть принесена. И я вполне допускаю, что в их понимании наемная убийца – самый беспроегрышный вариант. Тогда тратить время преступно! К черту Локхайм, там пока обойдутся и без меня, а я вернусь в знакомое подземелье замка Бесса. Если она жива, то в плену. Сколько помнится, в Тающем городе тюрем не было вообще. Я, запыхавшись, вбежал в злополучные ворота и нос к носу столкнулся с двумя рогатыми стражниками. Лица у обоих печальные, алебарды небрежно прислонены к стене, а на правой руке у каждого завязан пышный черный бант. Солдатня трепалась о своем...

– Ну хоть одним глазком посмотреть бы на похороны!

– Не трави душу, самому хочется. Ты же видишь, все ушли, одни мы как два дурака сидим в охране. От кого бережемся? Принц сюда вряд ли заявится – уж слишком хорошо ему тут под зад дали.

– А бабка его? Это ж такая злющая ведьма...

– Да, она особа весомая. Ей палец в рот не клади – сапог не оставит. А вынос-то когда?

– Вроде после обеда. Сейчас народ в часовне молится, потом прощание с телом. Ландграфа, слышь, хотели сначала в Серединное королевство увести, там схоронить, ближе к столице.

– Ну?

– Ну, вот и передумали! Решили, что если у нас на Темной Стороне будет стоять могила Скиминока, то на землю благословение снизойдет.

– Ух ты! Он, что же, святой был?

– А то?! У него ж отец Сан-техник!

– Не может быть? Вот горе-то... Какого человека потеряли!

Я сидел напротив этой парочки нос к носу и искренне веселился. Все равно меня не видно и не слышно. Стражи продолжали травить баланду насчет древних героев, благосклонно упомянули Лию, вспомнили свою личную отвагу в сражении у трех несостоявшихся костров... Вот уж врали! Дело-то нехитрое, солдатское. Я уже собрался уходить, но...

– А наемницу когда казнят?

– Хотели сразу после похорон обезглавить. А сейчас вроде решили пораньше, чтоб, значит, ни на что потом не отвлекаться. Голову королева Локхайма хочет отвезти в Ристайл.

– Жаль ее... В смысле, девушку жаль. По мне, так и нет в его смерти никого виноватых!

– Ты потише тут! Мало ли... Госпожа Лия, да господин Жан и ведьмочка та, длинноносая, тоже говорят, что не надо казнить. Но королева словно на дыбы встала! Она всех заставит заплатить за гибель лорда Скиминока! И наемницу, и Раюмсдаля, и даже саму Гнойленберг.

– Да... она дама строгая – скажет, что обрежет! А что ж тогда из подвала часовые ушли? Ведь сбежит пленница...

– В том-то и дело, что не сбежит. Она уж, считай, третий день как бы не в себе. Сидит в углу молча, ни ест, ни пьет. Плачет...

– По нему все бабы плачут. Ох, и шустрый, видать, мужик был, этот свирепый ландграф! Слышь, а правду говорят, будто бы сама Танитриэль к нему сваталась, а он и отказал?

Все, я слышал достаточно. Пора за работу. Так, где подвал?

Основная сложность заключается в чисто психологической подготовке. Человек определенного воспитания, узко выраженный в отдельной эпохе, здесь не выдержит. Мне повезло, я успешно совмещал в себе средневековый фатализм с ультрасовременным практическим материализмом. Только поэтому у меня не поехала крыша, я не ударился в религию, а спокойно, без суеты, делал свое дело. До подвалов дошел не сразу... И не потому, что далеко. Просто понравилось проходить сквозь стены. Нет, ей-богу, здорово! Я сквозь одну раз восемь проходил, все пытался понять, как это получается? Так и не понял. Моя рука, плотная, живая, настоящая, входила в каменную кладку, как лопата в первый снег. Я зажмурился, шагнул вперед и легко оказывался по противоположную сторону стены. Я попробовал медленно, быстро, головой вперед с разбега, прыжком с места – результат один. Стены мне не преграда! Как я убедился в дальнейшем, двери и предметы тоже. Могу, например, пройти сквозь стол. А могу и не проходить, пнуть его, он зашатается. Значит, тут дело тонкое, как-то оно все регулируется. Наверное, без мысленной энергетики и кармической экстрасенсорики не обошлось...

Уф! Вот наконец и подвал. Я без труда отодвинул засов; мягко стукнув, он плавно отошел в сторону. Внутри низенького помещения, на соломе, спиной ко мне сидела знакомая фигурка. Рядом стоял табурет, на нем тарелка с хлебом и медная кружка с водой. Не густо... Она даже не обернулась на скрип двери. От сострадания у меня защемило сердце! Я на цыпочках подошел поближе... Почему? Ведь она меня не слышит и не видит. В коротких темно-каштановых волосах наемницы блестели серебряные нити. Господи, любимая... Что с тобой сделали?! Луна сидела, обхватив колени руками, упираясь в стену безжизненным взглядом. Я сел рядом, пытаюсь заглянуть ей в глаза. Она много плакала... и все из-за меня. Ну почему ей достался такой несчастливый жребий? Пусть бы меня убивал кто-нибудь другой, не так обидно... Волны неожиданной нежности захлестнули мою душу. Я протянул руку и погладил ее по щеке:

– Не надо так. Все будет хорошо. Я вернусь...

Луна вздрогнула. Она меня не слышала, но недоуменно провела ладонью по щеке в том месте, где ее коснулись мои пальцы. В воодушевлении я начал бегать по комнатке, разбрасывать солому, стучать ее кружкой по стенам и от переполняющего меня счастья творить полное безобразие! Убийца испуганно вскочила на ноги. Я схватил ее за плечи, покружил в ритме вальса и, окончательно обнаглев, смело поцеловал в губы. Какое-то время она не сопротивлялась и ошарашенно молчала. Потом зажмурила глаза, сжала кулачки и робко спросила:

– Это... вы, ландграф?

– Да. Конечно, я! Кто же еще? Вы уж простите, что я без приглашения и в таком виде. Признаться, не ожидал увидеть вас сидящей в неволе, в темнице сырой...

Тьфу! Черт подери, она же меня все равно не слышит. Да, не все в жизни привидений так сладко, как казалось. Однако, Луна, как истинное дитя своего века, быстрее разобралась в ситуации:

– О, дух лорда Скиминока! Если это действительно ты, то заклинаю – дай мне знак!

Умница! Сейчас завалю знаками... Я упоенно начал крутить кружку в воздухе. Бедная наемница так и села. Ну, что же вы, милочка, сами просили...

– Милорд! Заклинаю вашу неупокоенную душу, позвольте мне умереть! Я не могу больше нести этот крест. Я одна виновата в вашей гибели... Дайте мне знать, позволительно

ли мне принять казнь или убить себя самой?

– Что?! Только попробуй! – Кружка возмущенно запрыгала вверх-вниз. Мне было наплевать, что она меня не слышит. – Еще хоть раз заикнешься на эту тему, и я тебя попросту отшлепаю!

– Но... я не поняла... Вы не хотите, чтобы я была с вами на небесах?

М-м-м... Вот упрется же... Совсем человеческих слов не понимает!

– Я не хочу жить. Дайте мне знак, и я умру за вас.

Да на! Тяжелая, медная кружка с размаху припечаталась доньшком к бледному лбу несчастной девушки. Глубина звука впечатляла... Луна откинулась на спину, и ее глаза, кажется, слегка сошлись на переносице. Ответ получился по-ландграфски выразительным и кратким.

– Хорошо. Я буду послушной. Что мне надо делать?

В коридоре раздались шаги. Двое знакомых стражей вошли в подвал, склонив алебарды. По-моему, их ничуть не удивил открытый засов.

– Пойдемте, госпожа! Все готово для похорон лорда Скиминока.

Луна повиновалась молча, с ужасной покорностью. В отместку я столкнул ни в чем не повинных мужиков головами. Они, ничего не поняв, переглянулись, потеряли лбы. У них свое дело, случайности их не колышат. Я вновь почувствовал, что свирепею. Ох, свирепею, братцы... Столько пережить, только-только намылиться воскреснуть, а тут – нате вам! Собираются казнить мою любимую девушку! М-м... с каких это пор я стал называть ее любимой? Недавно. Почему – не знаю. Как-то так, к слову пришлось... Ну не влюбился же я на самом деле?!

Мы вышли во двор. Погода была безупречной: солнышко, зелень, ветерок, птичий щебет! Если бы не постные лица многочисленных присутствующих, не траурные одежды, не отсутствие улыбок, то в тот денек славно бы устроить общий пикник. Может-таки, соорганизуемся после похорон?

А народу вокруг!.. Видимо-невидимо! Целая округа собралась полюбоваться на мое погребение. Собственно, а где наши? О, нашел! На время я оставил Луну, – ей пока ничего не грозит, – и бодро побежал навстречу к своим ребятам. Всем торжеством руководила Танитриэль в черном бархате, без единого украшения, но красивая невероятно. Лия, Жан и Вероника держались особняком. Рожи у всех мрачные, глаза красные, сразу видно, что не спали две ночи, да и наревелись изрядно. Однако... Королева Локхайма мало знала мою команду – эту троицу не стоило оставлять без присмотра. Сторонний наблюдатель, может, ничего и не заметит, но мне-то сразу ясно, что они вновь что-то задумали... Я подошел поближе и устроился за спиной верного оруженосца.

– Лорд Скиминок не простит нам этого даже на небесах! Ведь мы-то знаем, что она его не убивала...

– Я во всем виновата... – хлопнула носом Лия. – Зачем я кричала?! Танитриэль ничего не видела, ее же не переубедишь. Она даже нас была готова убить за то, что не уберегли милорда. Вероничка, а почему ты не устроила Луне побег? Мы с Жаном всю ночь отвлекали Танитриэль молитвенным бдением над телом милорда. У вас было часов шесть.

– И все шесть я потратила на бесплодные уговоры! – хмуро фыркнула юная ведьма. – Ничего не понимаю. Эта идиотка вбила себе в голову, что не хочет жить без лорда Скиминока. Она надеется там, на небесах, вымолить у него прощение. Я, конечно, могла бы

усыпить ее и выволочь силой, но если человек не хочет жить... Всегда ведь можно встретиться со смертью добровольно.

– Но... но она же не покончит самоубийством?!

– Теперь уже нет... Вот что, Бульдозер, нужно сделать так, чтобы ей было не суждено умереть!

– Как это? – заинтересовались супруги.

Вероника, девочка моя! Спасибо! Я знал, что в трудную минуту могу положиться на тебя. Другие вечно нервничают да хнычат, а воспитанница Тихого Пристанища, не зажмуривая глаз, отважно бросается в бой с любыми трудностями. В этом мы с ней похожи. Надеюсь, она не предложит апробировать парочку новых, бронебойных заклинаний?

– Есть такой обычай, – поведала черноволосая полиглотка, – когда кого-нибудь казнят, а Смерть не хочет принимать несчастного, то обязательно случается чудо. Веревка порвется, топор соскочит с топорща, огонь не сможет поджечь дрова, да мало ли... Тогда приговоренного отпускают. Людской суд здесь бессилён. Считается, что за него вступились Высшие силы – ему не суждено умереть.

– Та-а-ак... – задумчиво протянул трусливый рыцарь, обнимая за плечи Лию и Веронику. – Милорд бы назвал это странным словом «авантюра» или «операция».

– Точно. Давайте поклянемся светлым именем нашего господина, что не позволим омрачить его память кровью невинной жертвы! Ой, мама... как же мы без него? Не могу... не хочу верить... – Моя белобрысая плакса вновь захлюпала носом.

Вместе с ней начали поскуливать и остальные. Мое сердце тоже разрывалось от общего горя... Но зато теперь я был уверен, что моя команда не даст пропасть Луне до моего воскрешения. К ребятам бочком подкатился молодой Бесс. Выражение лица похоронно-хитрое...

– Господа, не смотрите в мою сторону. Нас могут подслушивать. Ваш заговор раскрыт! Королева Локхайма далеко не так простодушна, как кажется на первый взгляд. Она ни за что не позволит осужденной избежать наказания. Ей назначено Семь Кругов Боли! Рекомендую не высовываться. Танитриэль всех вас любит и уважает, но сейчас ее разум помрачен тяжелой утратой. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то из вас попался под горячую руку властительницы Локхайма.

– Почему она так ненавидит Луну? – тяжело выдохнула Лия.

– Трудный вопрос... – ответил рогатый альбинос. Некоторое время он изучал облака. – Думаю, все дело в элементарной женской ревности...

Вот ей-богу. У меня поначалу просто руки опустились. Хочу рассердиться и не знаю, на кого! На ребят за то, что не успели спасти мою старательную убийцу? На Луну, категорически отказавшуюся от побега? На Танитриэль за то, что бедная женщина ополоумела от любви и горя? На белокурого владельца замка, научившегося предавать кого надо и сохраняющего мне вассальную клятву верности? Пусть у него свои понятия о чести, но даже после моей смерти он пытается заботиться о ребятах. Что прикажете делать? Пока здесь не наломали дров, надо срочно воскресать и железной рукой наводить порядок. Дробно зарокотали барабаны. В такт им грянули трубы и литавры. Впечатляющая музыка! Локхайм, несомненно, имел лучший оркестр во всем Соединенном королевстве. Вблизи Тающего Города был сооружен длинный эшафот странной формы. Чем-то похоже на детский аттракцион из семи различных развлекалок, только пахло от него смертью. Туда-то и

стекался народ. Моя опергруппа пошла вместе со всеми, а я даже рванул вперед рысью, чтобы занять удобное местечко прямо за спиной у палача. Это был могучий рыжебородый мужик в традиционно черной безрукавке и красном колпаке, закрывающем лицо, в прорезях для глаз сверкал огонек холодной уверенности и обостренного чувства долга. Я узнал парня – он был в телохранителях королевы. Должность палача являлась уважаемой, так что его как работника очень ценили.

Народ шумел в предвкушении зрелища. Должен разочаровать вас, граждане, казни не будет! Я так решил, что делать... Но обещаю устроить такое шоу! Вам всем надолго запомнится, каково пытаться отправить на тот свет друзей тринадцатого ландграфа. Вот если бы и меч был... Ладно! Попробую сам справиться.

На площадку Тающего Города вышла Танитриэль. По-видимому, она там все же использовала какой-то усилитель – ее печальный голос гремел, как набат.

– Великое горе обрушилось на нас! От подлой стрелы, пущенной наемным убийцей, трагически погиб доблестный лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени... Вечная печаль овладеет миром. Мы собрались здесь, чтобы воздать последние почести его телу и покарать ту, что дерзновенно подняла руку на великого героя!

Вновь грянул оркестр. Из Локхайма показались шестеро гвардейцев в камзолах цветов королевского дома. Они выкатили новенький катафалк с роскошным гробом, обитым фиолетовым бархатом. Я не удержался и побежал посмотреть поближе. Мать Божья! Да ведь это я! Мое бездыханное тело. Как же я изменился после смерти. Лицо стало такое благообразное... Одет, как принц, – рубашка с жабо и кружевными манжетами, костюмчик из серебристой парчи, высокие замшевые сапоги, бархатные штаны в обтяжку с позументом по бокам, пальцы унизаны перстнями, на груди толстая золотая цепь с голубоватым камнем в обрамлении маленьких бриллиантиков. Загляденье просто. Может, прямо сейчас взять и воскреснуть?! Ну почему Катариада не сказала как?..

– А сейчас я хочу, чтобы та, кто убила лорда Скиминока, выпила полную чашу возмездия за свое злодеяние!

На эшафот устало поднялась Луна.

– Твое последнее желание?

Наемница отрицательно покачала головой.

– Тогда иди и заплати кровью за кровь, как и положено людям вашего клана!

Толпа сурово молчала. Заплечных дел мастер положил тяжелую руку на плечо наемницы, и тут...

– Это несправедливо! – взвилась Лия. Расталкивая людей, она выбралась к помосту и боднула палача головой в живот. Не ожидавший подобной прыти от хрупкой девушки, мужик охнул, оседая рядом с плахой. – Она ни в чем не виновата! Почему все молчат?! Мы же видели, как это произошло. Там оказался арбалет, а Луна лишь распахнула ворота. Стрела могла попасть в кого угодно!

– Но ты сама кричала, что она убила ландграфа, – холодно отметила королева.

– Ну... крикнула разок... Подумаешь! – стушевалась белобрысая защитница. – Может, мне показалось? Может, мне соринка в глаз попала? Что ж, из-за соринки человека жизни лишать? Не виноватая она!

К Лие молча подошли трое гвардейцев и, взяв в охапку возмутительницу спокойствия, унесли ее в Локхайм. Бульдозер помрачнел, потом на что-то решился и отправился следом за

супругой. Его по пятам преследовали люди королевы. Не убьют, конечно, но подержат где-нибудь под замком. Вероника поудобнее перехватила помело, злобно зыркнув на Танитриэль, но сзади ее сцапали крепкие руки... Горгулии Таймс! Верховная ведьма Тихого Пристанища держала сторону властительницы Локхайма.

– Не брыкайся! Танитриэль права. Она королева и ответственность за совершенные поступки несет перед высшими силами.

– Нет! Так нельзя! Лорд Скиминок...

– Его не вернешь. А ее не спасти. Как ей жить с клеймом убийцы милорда? Она же сойдет с ума! Поверь, дура, смерть для нее – милосердие...

Все. Хватит решать за меня. На сегодня довольно. Предлагаю дать слово тринадцатому ландграфу!

Ну почему меня никто не видит?! Даже как-то неудобно стоять здесь перед всем народом... Вроде бы я тут изгаляюсь, как хочу, выпендриваюсь направо-налево, а прочие мне подыгрывают. Делают вид, что на мне шапка-невидимка, и удивленно вытягивают лица, как бы искренне веря в происходящее. Забавно!..

Когда палач торжественно уложил Луну на затянутую в черное плаху, поначалу я думал просто его стукнуть. Потом мне стало стыдно. В сущности, у мужика такая скотская работа, что уж тут... Не он это придумал, просто у него оказались наиболее подходящие данные. За что бить? Я встал у него за спиной.

Барабаны буквально сходили с ума от яростной дробы. Палач картинно взмахнул топором и... Главное было вовремя использовать его замах! Я мягко наложил ладони на топорнице, чуть отклонив его в сторону. Никакой помехи силе удара, где мне с этим бугаем тягаться... Широкое кованое лезвие так рубануло по плахе, что от дубового комля отлетел приличный чурбачок. Но у лежащей наемницы не пострадал и волос...

Толпа ахнула! Я нахально раскланялся. Палач сосредоточенно чесал в затылке, виновато поглядывая на бледную Танитриэль. Королева Локхайма какое-то время нервно кусала губы, потом взмахнула платком. Обрадованный палач поднял удивленную наемницу, отводя чуть в сторону, установил ее на табуретку и накинул на шею петлю. Так, здесь задачка посложнее... Пожалуй, без небольшой демонстрации дзю-до не обойтись. Может не хватить времени на развязывание узлов. Вновь грянули барабанные палочки, рискуя расшибить деревянные лбы о натянутую ослиную кожу. Я встал в боевую стойку, закрывая спиной казнимую. Мужик размахнулся и ударил ногой, целя в табурет. Как же! Его сапог попал в мой захват, я резко крутанул ступню, палач вылетел с помоста, свалив по дороге здоровенный чан с кипящей простоквашей! Как сам не обварился, ума не приложу... А я то все гадал, что ж это у них так паршиво пахнет? Додумались – простоквашу кипятить! Кулины, мать их за ногу... Ого, а народ-то начал бухтеть! Из толпы раздавались недоуменно-протестующие возгласы. Юная Вероника вырвалась из ослабевших рук своей наставницы и завопила в полный голос:

– Она невинна! Небо не хочет ее смерти!

Королева Локхайма рвала на лоскуты батистовый платочек, а я не спеша развязывал узел на шее у совершенно обалдевшей Луны. Когда наемница легко спрыгнула с табурета, все заткнулись. Горгулия Таймс решительно направилась к королевской ложе, по-видимому, и до нее начала доходить несуразность происходящего. Палач вновь поднялся на эшафот, сбивчиво извиняясь перед публикой. Показательная казнь в честь тринадцатого ландграфа быстро превращалась в несанкционированный бардак. С помощью двух мрачных гвардейцев Луну

привязали к широкой доске, и четверо лучников шагнули вперед, вытаскивая стрелы. Ну, ребята, час от часу не легче... Да что я тут весь день буду изображать божественное вмешательство?! Хватит! Я даже не стал ждать, пока они толком прицелятся. Парни встали в ряд, подняли луки, и я с разбегу изо всех сил толкнул крайнего в плечо. Он стукнулся о соседа, тот о другого, в общем, двое упали, третий сломал лук, четвертый выпустил стрелу в голубые небеса.

Народные массы прямо-таки взревели! Из ворот Локхайма вылетел гвардеец, за ним еще двое, следом рука об руку вышли Лия и Бульдозер. Лица супругов были суровы, оба сжимали мечи. Минутой позже к ним присоединилась Вероника. Еще чуть-чуть – и начнется генеральное смертоубийство. От моих ребят нет спасения! Убить их еще возможно, хотя... проблематично. А вот на колени перед силой они не встанут ни добровольно, ни под угрозами! Положение спасла Танитриэль. Гордая королева Локхайма устало вытерла пот со лба, дав знак своим людям:

– Развяжите ее! Я признаю волю небес. Она не повинна в смерти ландграфа...

Уф! Дело сделано, можно отдохнуть. Я так понял, что мероприятие на сегодня далеко не закончено. Впереди похороны. Моя команда окружила Луну, чувствовалось, что они не дадут ее в обиду.

– Ты в порядке? Если бы Жан не так копошился, мы бы давно были здесь. Не бойся, мы все им покажем! Покажем, да?

– Меня держала Горгулия Таймс! Если бы не она, мы бы уже улетели на метле. Пока они поднимут Локхайм, пока пустятся в погоню... В общем, держись поближе ко мне – если что, сразу прыгай на помело!

– Они не причинили вам вреда? Простите за нескромность, мне показалось, вы дороги милорду. Во имя его светлой памяти, как его верный оруженосец, я предлагаю вам свой меч. Мы все позаботимся о том, чтобы вы в полной безопасности вернулись в свой дом.

Спасибо... Спасибо всем! Со мной или без меня – вы очень славные. Не каждому так везет на друзей... Будет возможность – с меня причитается!

– Ребята... Я должна вам всем сказать – дух милорда здесь! – Луна произнесла эти слова на выдохе, восторженным полусшепотом. Мои головорезы ахнули... – Я общалась с ним в тюрьме, и он позволил мне жить.

– Как?

– В подземелье сегодня появился шумящий дух. Он разбросал солому, жонглировал в воздухе кружкой и отвечал на все вопросы.

– А это действительно дух милорда?! – с сомнением прищурилась Вероника. – Много таких барабашек разгуливают по сырым подвалам...

– Он самый! Кому ж еще быть? Представляете, когда я стала уверять его, что хочу умереть, он стукнул меня кружкой по лбу!

– Как это по-ландграфски! – дружно согласилась моя команда.

На чем разговор, собственно, и оборвался. Каждый задумался о своем. У Лии опять набежали слезы на глаза, Бульдозер слишком пристально разглядывал проплывающие облака, судорожно делая плотательные движения, деятельная практикантка сосредоточенно грызла ногти, незаметно хлюпая красивым носом. Луна остановилась взглядом на моем гробу, куда уже подходили местные жители для последнего прощания с телом покойного. Я тоже было направился в ту сторону, но позади раздались суматошные крики, и толпа так шархнула

назад, что я едва выскользнул. Весь люд сгрудился у белоснежных стен Локхайма, а из-за замка Бесса неторопливым боевым порядком выходили войска.

Война! Здесь всегда война. Каждый день кто-нибудь с кем-нибудь воюет... Спрятаться невозможно! Политика невмешательства считается преступной, и частенько две группировки объединяются, чтобы отмутузить третью только за то, что она не поддерживает ни первую, ни вторую. Знаете, где по-настоящему спокойно? В гостях у Смерти. Во всем остальном мире – война!

Все обалдели от неожиданности. Ну, естественно, меня нет, народ утратил бдительность, углубился во всепоглощающую скорбь и забыл, где находится, – результат налицо! В первых рядах разношерстного сброда нечисти на гнедом птеродактиле ехал небезызвестный женишок, Якобс Зингельгофер. Вероника! А это, между прочим, по твоей части. Должна была догадаться, что дражайший зубастик наверняка бросится в погоню, как отлежится. Ни один нормальный мужчина не простит такого унижительного удара. Судя по тому, как осторожно сидит в седле, последствия дают о себе знать по сию пору. Предупреждал же, ну почему позабыли об элементарных мерах предосторожности?! Часовых было лень выставить, стратеги вислоухие... Рядом с Якобсом на вороной кобыле восседал сбежавший принц. Раюмсдаль горделиво осматривал присутствующих. Козе понятно, что Локхайм не успеет подняться в воздух, дабы обрушить на врага гром и молнии! Тающий Город совершенно не приспособлен для боя на земле. Стены скорее декоративные, перильца золоченые – толпа рогатых варваров захлестнет его прежде, чем там успеют дать приказ о подъеме. Гвардия королевы не велика, едва ли сотня умелых, закаленных в сражениях воинов. Они будут драться до последнего, но их слишком мало. Народ не в счет, они местные, им здесь жить, погибать за Локхайм или за семью Бессов никто особенно не разбежится. Ну, кто там еще способен оказать сопротивление? Моя банда будет биться, как крейсер «Варяг»! Но их всего четверо. Кришнаиты пришли. Сколько лет, сколько зим... Давненько не встречались! На похороны пожаловали? Или у бритоголовых иные планы? Ладно, ладно, сейчас сами все расскажут. Боже мой, а это кто? Прямо перед моим гробом, зависая между двумя противоборствующими сторонами, из переливающегося тумана возникло старушечье лицо неулыбчивой госпожи Гнойленберг. Миловидненькая бабушка Раюмсдаля озирала мое бездыханное тело с жадным, почти плотоядным интересом.

– МерТВ! – наконец констатировала она.

С одной стороны – да, мертвее не бывает. А с другой – вот он я, просто меня не видно и не слышно. Зато могу доказать свое существование вещественным щелчком по носу! Хотя это не выход. Черт возьми, ну как же тут принято воскресать?! Сейчас самое время...

– Он мертв!

– Что вам нужно? – Гордый голос Танитриэль зазвенел над притихшей толпой. Она и впрямь настоящая королева! Везде и всегда, в плену и в бою, в любой ситуации – этого у нее не отнять. Все поняли, что именно сейчас сошлись две главные силы – и зыбкое равновесие Добра и Зла уже нарушено.

– Мы не будем мешать. Делайте то, зачем собрались. Мы хотим присутствовать на его похоронах. То, что является великим горем для вас, не менее великий праздник для нас! Смерть тринадцатого ландграфа должна отмечаться как всенародное гуляние всей нечисти Темной Стороны.

– Этот день будет началом вашего конца!

– Девчонка! Мой сын погиб из-за того, что оставил тебе жизнь. После похорон ты отдашь мне Локхайм. Иначе вы все умрете.

– Мы умрем, – твердо решила Танитриэль.

Лия с Бульдозером, Вероника с Луной и грозно уперевшая в боки руки Горгулия Таймс окружили мой гроб. Я встал у себя в изголовье. Королева Локхайма на минуту исчезла; вернувшись, она держала на вытянутых руках Меч Без Имени. Господи, как я по нему соскучился!.. Только сейчас в полной мере в мою голову вошло понимание того, что меч – это душа воина! Мудрость древнего Востока в преломлении к диким нравам феодализма, активно сдобренная здоровой психологией современного человека. Меч Без Имени – моя душа! Без него я пуст, брошен, одинок. В мире много оружия, но не оно дарит ощущение безопасности или уверенности в себе. Количество и качество заточенного железа совсем неадекватно внутренней гармонии мужчины. Меч Без Имени сроднился со мной, он стал моей рукой, моей мыслью, моей верой, смыслом всего моего существования...

Танитриэль торжественно положила его в мой гроб. Я готов поклясться, что, как только он лег в руки мертвого меня, я явственно почувствовал знакомое тепло рукояти! Не знаю, как это происходит... Не требуйте от меня объяснений! Я не ученый, не волшебник, не сказочный герой – мне никто ничего не объясняет. Самому интересно больше всех. При случае спрошу у Катариады... Но сейчас не до этого.

– Лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени... Услышь нас на небесах! (Не просите невозможного, Ваше Величество, мне и отсюда отлично слышно.) Взгляните, как радуются ваши враги! (Делать мне больше нечего. Сейчас отложу арфу и начну любоваться на их веселье!) Они смеются над вашим бездыханным телом. Их хохот подобен карканью воронья! (Вороны по сравнению с ними соловушки. Вы правы, даже слушать противно!) Одного вашего взгляда хватало, чтоб их трусливые толпы, плача, бежали прочь. (Точно! Бывает, как вскину бровь, как закручу усы, как зыркну – все так и валятся с ног...) Пусть жалкие гиены хохочут над телом мертвого льва... Пусть они трубят победу, подлостью замавав руки его благородной кровью... Лорд Скиминок, слышите ли вы нас?! Честь попрана, и никто не защитит ее от пошлой грязи. Никто не охранит обиженных безвинно. Никто не посмеет шагнуть во Тьму ради друга, не ради славы. (Я построжел. Время для шуток слишком не подходящее. Риторика – великое искусство, Танитриэль слушали все – и свои и чужие.) Никогда больше ваша рука не поднимет меч, и мир не дрогнет от грозного боевого клича: «Скиминок!»

Ну все, твое Величество, довела-таки до слез! Не переживай – дрогнет мир. Еще как дрогнет! Яростная радость захлестнула мою грудь. По щеке королевы Локхайма покатилась слеза и упала на лоб моего бездыханного тела. Боже мой! Я прижал руку ко лбу. Почему я это чувствую?! Что происходит?

– Она плачет, – хихикнуло старушечье лицо, впервые растянувшись в паскудной улыбочке.

Первым заржал ее недалекий внучек. За ним тоненьким фальцетом закатился мелочный Зингельгофер.

– Она плачет! – восторженно захохотало все нечистое воинство. Слезы капали и капали. Может быть, мне показалось... Я плохо помню те минуты, но на короткое мгновение... Нет! Теперь я ясно видел, как холодные пальцы трупа пытались сжать рукоять Меча Без Имени. Я бросился вперед и стал ему помогать. Тот, что был в гробу, теплел под моими руками. Неожиданно Луна наклонилась к нему и, жадно поцеловав в губы, в полный голос закричала:

– Вставайте! Пожалуйста, вставайте, ландграф!

Войско врага буквально рухнуло от гомерического смеха. Моя команда, в отчаянии пытаясь отодрать наемницу от катафалка, неожиданно ополоумела и дружно принялась трясти гроб.

– Вставайте, милорд!

Я понял, что еще минута, и они меня уронят. С них станется! Растолкав всех, я попытался придержать меня, уже выпадающего на мостовую. Но эти барбосы так тряхнули гроб, что я страшно треснулся лбом в лоб сам с собой. Искры брызнули из глаз и наверняка были видны окружающим. Голова болела так, словно на нее слон наступил. Какой дурак все еще трясет этот идиотский гроб?! Я продрал глаза, приподнялся и сел. Присутствующие окосели...

Вот оно, стало быть, как... Ни фейерверков, ни землетрясений, ни каких-то иных проявлений торжественности момента – тишина! Как муха пролетит, тоже не слышно, все мухи от удивления наземь попадали. Я повел плечами, пошевелил ногой – хорошие сапоги, не жмут. Только что ж они меня так роскошно вырядили, в теперешнем костюмчике мне хоть сейчас на свадьбу. Вот загвоздка – на ком жениться? Обычно желающих хоть отбавляй, но сейчас они все подозрительно бледные...

Нервная система типичного представителя средневековья не предназначена для шоковой терапии. Минуту спустя случилось то, что должно было случиться. Все присутствующие – ВСЕ! – войска Раюмсдаля и Зингельгофера вместе со своими командирами, старушка Гнойленберг (одним лицом, закатив глаза и распахнув варежку), крестьяне, ремесленники и торговый люд окрестных деревень, все люди Бесса вкупе с белокурым господином, гвардия Локхайма, Танитриэль, Жан, Лия, Вероника, Луна и Горгулия Таймс – все грохнулись в обморок. Причем так дружно и организованно, словно репетировали неделю. Единственными удержавшимися на ногах оказались мелкие драконоподобные существа, на которых ехала кавалерия Якобса. И то лишь потому, что у них нет мозгов и они не в состоянии осознать значимость момента. Вот лошади, те соображают – тоже валяются кверху копытами...

Представляете, что вокруг меня творилось? Нет, вы мои ощущения представьте! Сажу в гробу, мрачный, как черт, скрестив руки на груди, а вокруг вповалку валяются друзья и враги. Хоть вставай и поочередно приводи их всех в чувство! Воевать они сюда пришли! Агрессоры, чтоб им опухнуть! А защитнички каковы?! Они меня с ума сведут своей душевной простотой...

Я покрепче взялся за Меч Без Имени. Уселся поудобнее, и тут... Катафалк дрогнул. Позолоченные колеса неторопливо двинулись вперед. Прежде, чем я понял, что никак не могу управлять этой колымагой, мой гроб на колесиках весело покатился в сторону зашевелившейся нечисти. Зависшее лицо мадам Гнойленберг приняло цвет порозовевшей поганки и завизжало так, что очухались все! Катафалк набирал скорость...

– А-а-а-а! – в ужасе завопили передние ряды врага и, сминая задних, ломанулись наутек.

– О-о-о-о! – орал перепуганный я, пытаясь размахиванием меча удержать шаткое равновесие и не вывалиться.

– У-у-у-у! – восторженно взревело фиолетовое воинство Локхайма, потрясая клинками.

Старушечья физиономия мамы Ризенкампа быстро растаяла в воздухе, оставив после себя серный запах. Раюмсдаль с Зингельгофером повернули своих скакунов и наперегонки

рванули в сторону леса. Их отряды, бросая оружие и знамена, беспорядочной толпой кинулись вслед. Кое-кто умудрялся даже обогнать своих отважных полководцев. Народ подпрыгивал на месте, швыряя в воздух чепчики. Армию врага преследовал бледный я, безуспешно пытающийся остановиться... Но вот следом сорвалась Лия, за ней Жан с Вероникой, потом Танитриэль, и вскоре все наши счастливой толпой бежали за мной, радуясь солнцу, жизни, победе! Их безумство было настолько заразительным, что я плюнул на все попытки затормозить и восторженно завопил вместе со всеми. Что может быть милее сердцу рыцаря, чем спины убегающих врагов? Мы прогнали их без единой капли крови, не потеряв ни одного человека, и, будь в Локхайме кавалерия, наши клинки могли бы славно погулять по тупорылым головам рогатой нечисти. Впрочем, лихорадочное отступление или паническое бегство привело к тому, что неприятель потерял не менее четверти своего войска задавленными и затоптанными. Так что лично мне догнать никого не удалось. Угол катафалка неизящно вписался в первое же дерево, отчего я едва не вылетел из гроба. Но все равно я здорово ударился и разбил нос. Теплая струйка крови побежала через усы к подбородку, я запрокинул голову и прилег. Теплый ветер колыхал листья у меня над головой, птицы надрывались в упоенном свисте...

Живой! Не призрак, не привидение, не бесплотный дух – живой, реальный, настоящий я! Вот оно и произошло... Что произошло? Не помню. А, ну мое воскрешение! Чье? Не знаю. Мое?! Да бросьте вы, разве я умирал? Ничего подобного! Это у меня память перемкнуло. Я ведь отлично помню, как в меня попали арбалетной стрелой, как я упал, как... Такое бывает. По-видимому, я впал в летаргический сон или нечто подобное. Когда меня омывали и переодевали, кто-то, конечно, зашептал рану. Наверняка Вероника или даже Горгулия Таймс, она в этом деле профессионал. Мне нужно было всего лишь выспаться, а они, наивные, решили, что я помер. Точно! Все именно так и было. А договор со Смертью об отсрочке... Чуть! Такого просто не может быть! Почему? Ну, если бы было, я бы, естественно, помнил. Вот такие дела...

Луна резко затормозила у гроба и осторожно заглянула мне в лицо. Она добежала первой и, следовательно, заслужила приз. Я обхватил ее за шею и смачно чмокнул в губы.

– Вы что?.. Вы... люди же смотрят! – тут же вырвалась она.

Я надулся...

– Ну вот, здрасьте... Вместо того чтобы порадоваться моему здоровому виду, вы почему-то толкаетесь! Между прочим, когда вы расцеловывали меня в гробу прилюдно, я не вырывался!

– Да, но... вы были мертвым.

– Глупости! Нашли сказочного принца... Уж не решили ли вы, что вернули меня к жизни поцелуем?

– Нет, но... – смутилась она.

– Тогда лучше поцелуйте меня еще раз и будем квиты, – с отчаянной храбростью предложил я, но наемница не успела даже ответить. На нас бурей налетел Бульдозер, сгреб меня в охапку и закружил по поляне.

– Ребра! Ребра поломаешь, дубина стоеросовая!

– Пусти меня к милорду! – И счастливая Лия повисла на нас с Жаном.

– Лорд Скиминок! – верещавшая Вероника прыгнула на нас с другой стороны.

Под тройным весом Бульдозер рухнул, и мы, хохоча, покатались по траве. Господи, я

повторяюсь, но... как я их всех люблю!

Набежавшая толпа захлестнула нас. Хорошо, что в те времена не было принято рвать одежды кумиров на сувениры. С шумом и песнями меня подняли на руки и понесли к Локхайму. Всенародный праздник счастливого воскрешения тринадцатого ландграфа состоялся. Всем было весело! Вот только Танитриэль горько плакала на плече у верховной ведьмы Тихого Пристанища, а та что-то успокаивающе шептала ей на ухо и гладила по спине...

Лишь поздним вечером мне удалось с ней толком поговорить. Расписывать застольные диалоги и бешеную болтовню – не вижу в этом ровно никакого смысла. Главное, что мое чудесное возвращение было для всех вполне закономерным чудом. Народ устроил роскошный пир и праздничное гуляние. Пьяный от счастья барон Бесс выкатил заветные бочки. Разгул завладел душами. Даже те негодяи, которые пытались под шумок спереть что-нибудь из родового замка сюзерена, быстренько покаялись и все вернули. Праздник грозил затянуться до утра! Поэтому, оставив полномочным представителем Жана отвечать на тосты и здравицы в мою честь, я тихо смылся в свою комнату, где вольготно растянулся на кровати. Нет, сначала я поснимал все перстечки. Бедные женщины, никогда не предполагал, что от колец так зверски устают пальцы... Стражники у входа получили приказ: не позволять никому меня беспокоить! Ребята выглядели достаточно надежными и очень старались мне угодить. Какое-то время, минут десять, действительно никем не пахло. Потом началось... Такого разговора с Танитриэль у меня отродясь не было! Но первой в дверь постучала Лия.

– К вам можно, милорд?

– Тебе – всегда все можно! – Я подвинулся на кровати, моя недотрога безмятежно плюхнулась рядом.

– Надоело мне у них... Все пьют, орут, а по душам поговорить не с кем. Вы знаете, что бы я сделала после ваших похорон?

– Ушла в монастырь.

– Ха! Как же... Нет, мы с Жаном решили найти Зубы, разделаться с Раюмсдалем, отомстить Зингельгоферу, а уж потом...

– Потом прийти и умереть на моей могиле.

– Да. А как вы догадались?

– Дедукция. На самом деле все будет гораздо проще. Завтра мы седлаем лошадей и выезжаем. Теперь уже кто угодно будет рад сообщить нам, где находятся Зубы. Так что готовься к походу.

– Успею... Я хотела серьезно поговорить с вами, милорд.

– О чем? – беззаботно хмыкнул я.

– О любви!

Та-а-к... дело серьезное. Судя по ее горящим глазам и стиснутым кулачкам, обычными шуточками мне тут не отвертеться, придется проявить максимум такта и понимания.

– Лорд Скиминок... вот вы давно меня знаете... Скажите правду, ради всего святого! Не щадите меня, я хочу... Я знать хочу, как вы ко мне...

– Лия, девочка моя... – Мы сели еще ближе, и я, крепко обняв, прижал к себе начинающую всхлипывать горемыку. – Бедные мы, бедные... Хочешь, вместе поплачем? Я не слепой, я же все вижу, все понимаю, но что делать, раз так распорядилась судьба? Я – женат, ты – замужем. Мы оба несвободны. Ты меня любишь?

– Люблю, – всхлинула она.

– А Жана?

– И его люблю! – Девчонка рыдала уже в полный голос. – Что мне делать, милорд?! Я же вас обоих очень, очень люблю... я добровольно вышла за него замуж и буду самой верной, самой хорошей женой. Он будет со мной счастлив, он никогда не пожалеет, но вы... Я ведь все равно всегда буду вас любить!

– Горе ты мое... – Я нежно поцеловал ее в мокрую щеку.

Лия благодарно уткнулась носом мне в плечо и затихла. Нашу сладкую идиллию прервал стук в дверь.

– Кто это? Милорд, я не хочу никого видеть. Там наверняка королева Локхайма, а мы с ней... Спрячьте меня!

– Куда?! – невольно заволновался я, но практичная собеседница уже лезла под кровать. Стук повторился...

– Войдите!

– Это я, милорд... – В проеме двери показался острохарактерный нос юной ведьмы, почему-то ярко-красного цвета.

– Там все... уже пьяные, можно, я с вами... тут! В смысле, поговорить хо-щется...

– Боже мой! Да ты пьяна! – подскочил я настолько вовремя, чтобы успеть поймать ее, уже просто впадающую в комнату.

– А вот и... и... и... и нет! Тве-ре-зая, как стеклушко... Хочу спросить, ми-л-лорд, тут к вам Лия н... не заходила?!

– Ну-ка сядь и не брыкайся! – Мне с трудом удалось втащить пританцовывающую Веронику на кровать. Несложившаяся новобрачная кокетливо хихикала, тыкая меня пальцем в пузо. В таком состоянии я видел ее впервые. Был убежден, что уж она-то вообще не пьет! – Какая тебе Лия? Надо же так набраться... Что ты пила?

– Все! – честно кивнула она. – А Лию мне надо. По делу. Я хочу... хочу ей вы-ск-казать! Че она... как это... всем врет!

Если первоначально белобрысая критиканка и хотела вылезти, то вовремя передумала.

– Что врет?

– Все врет! 3-зачем она им го-во-ри-т... Ну, будто я вам рубашку н-не постирала?! А у меня время было? Дайте ее сюда!

– Лии здесь нет, – твердо решил я, укладывая Веронику на подушки.

– И н-не надо! Рубашку вашу... Дайте мне сюда рубашку! Я шас... ее... так ее шас постираю!

– Ляг, тебе говорят! Ты совсем сбрендил... У тебя же растущий организм. Кто тебе позволил так напиться?

– А я... а я спрашивать буду!

– Будешь... У меня будешь. – Я от души наградил ее крепким шлепком по заднице.

Она охнула, но не протрезвела.

– Вы живы, милорд! Это же... радость же какая я... Как ж... тут... не выпить?

– Где Горгулия Таймс?! Куда она смотрит?! – закричал я, продолжая экзекуцию.

Вероника попыталась подумать на эту тему, но в дверь опять постучали.

– Эт-то она! Мисс Горгулия!.. – вскинулась юная ведьма. – Она же меня... в смысле, мне... прямо по... ой! Спрячьте меня, п-пожалуйста!

Я сдвинул ее к стене и замаскировал шкурами, покрывалами и подушками.

– Как мы... мышка! – тихо поклялась нетрезвая Вероника.

Стук раздался снова. Господи, пресвятые угодники, ну для чего я ставил стражу? Чтобы ко мне никого не пускали или наоборот?! Пришлось открыть.

– Луна? – На пороге комнаты, смущенно улыбаясь, стояла кареглазая наемница. Она ничего не сказала, и я стоял как идиот, не зная, с чего начать. Обычно робость по отношению к хорошеньким женщинам мне не свойственна. Если бы уродина какая... с Лионой, правда, мы в друзьях, а уж она-то явно не Софи Лорен, даже отраженная в кривом зеркале. Все, молчу... о жене друга, ждущей ребенка, да еще наследника трона, плохо не говорят.

– К вам можно?

– Конечно, прошу вас, присаживайтесь к столу.

– Спасибо. Там у входа такие странные стражники... Они смотрели на меня, как будто я вхожу в клетку к тигру, питающемуся девушками.

– Ха-ха... А? – Мой неискренний смех оборвался кислыми размышлениями. Что же на самом деле думают обо мне те парни, что сейчас стоят у дверей? Вошла Лия – не вышла. За ней Вероника – безвозвратно. Теперь Луна... И самое страшное, что уж ее-то у меня нет ни малейшего желания отпускать.

– Хотите вина?

– Нет. Я пришла попрощаться с вами.

– Как? Только-только встретились и уже прощаться! Пойдите, куда спешить. Вы ведь меня уже убили. Задание выполнено, никто не виноват, что я вновь воскрес. Зачем вам куда-то уходить?

– Вот именно, лорд Скиминонок. Моя миссия выполнена, теперь вам нечего опасаться. Ой, что я говорю? Вы меня никогда не боялись.

– Но... почему вы уходите?

Из-под кровати и с кровати раздались возмущенные шорохи. Девчонки все слышали, но, слава Богу, пока не вмешивались. Луна, если что и заметила, то виду не подала.

– У каждого свое дело. Вы должны найти Зубы, отомстить принцу и победить саму Гнойленберг. Вам помогут новые друзья; да все видели, как вы и в одиночку можете прогнать целую армию.

– Ну... спасение мира может немного подождать. Мне думалось... может быть, вы найдете время, и я нарисую ваш портрет?! В мирное время я художник, у Танитриэль в коллекции хранятся два портрета моей работы.

– О, мне много рассказывали о более известном произведении вашей кисти...

– О каком? – наивно любопытствовал я.

– Об изображении вашей спутницы Лии в совершенно голом виде на дверях монастыря Святого Ефроима Приблудного.

– А! Ну... менестрели вечно врут! Все было совсем не так...

– Это уже не важно. – Она грустно вздохнула и печально погладила меня по руке. – Прощайте, лорд Скиминонок...

– Но почему?

– У меня новое задание.

– Вот как? Вас снова нашли для заказного убийства. Кого хотят прищучить?

– Моего прежнего нанимателя, барона де Стэта.

– Круто! Однако я предпочел бы заняться им лично. Сколько вы хотите за перекуп задания?

– Я профессионалка!

– Понял. Сочувствую барону. Но... вы вернетесь?

– Зачем?

– Вы мне нравитесь, – неожиданно для самого себя выпалил я.

Какое-то время она пристально смотрела мне в глаза. Потом мягко улыбнулась. Господи, я едва не теряю сознание от счастья, когда она улыбается...

– Как много времени мы потеряли...

Мы! Она говорит – мы! В смысле, я и она! Боже мой...

– Луна, бросьте все. Оставайтесь!

Она отрицательно покачала головой и взялась за ручку двери.

– Если не секрет, кто додумался вас нанять? – мрачно буркнул я.

– Королева Танитриэль.

Вот так и ушла. Не обняла, не поцеловала на прощание... Нет, не любит она меня. Да и с чего бы? Она редкий профессионал, у нее престижная работа, на воздухе, с людьми, ее уважают, прилично платят. Она ведет спортивный образ жизни, всегда в хорошей форме, наверняка лечебно голодает, закаляется и уж точно не страдает нервными расстройствами. А я? Ну, что особенно интересного по сравнению с ней могу представлять совершенно заурядный я? Не жизнь, а нервотрепка. Каждый Божий день беготня, суета, драки, разборки... Причем в большинстве случаев без всякого повода. Может, кто-то и склонен называть это подвигами, но у меня другая точка зрения. Что я могу ей предложить? Где-то далеко у меня жена. Сумасшедшая судьба ландграфа вряд ли позволит обзавестись семьей, не говоря уж о том, что из этого мира меня могут запросто вернуть домой, не утруждаясь моим добровольным согласием. Нет, все правильно, зачем я ей такой?

– Милорд, апчхи! Можно я вылезу?

– Мил-ло-рд, как вы... зря вы ее отпустили! Эх, мужчины...

– Да ну вас обеих! Много вы понимаете в тонких чувствах...

В дверь снова постучали. Мои подружки дружно нырнули в прежние укрытия. В комнату медленно вошла королева Локхайма. М-м... выспаться мне не суждено. Танитриэль была обворожительна, в блестящем синем платье с открытыми плечами и высокой прической, убранной жемчугами. Аромат неизвестных духов попросту одурманивал. Шелестящее платье, казалось, вот-вот должно было соскользнуть к ее ногам. Я кротко вздохнул и приготовился к недолгой защите. Устоять перед такой женщиной невозможно!

– Присаживайтесь, Ваше Величество. Видимо, вы устали от шумного пира... Располагайтесь, у меня здесь так уютно, тепло...

– Я дала стражникам строгий приказ никого не впускать. Мы можем наконец поговорить наедине?

– Да... в смысле, я и сам их об этом просил.

О, только бы Лия не расчихалась, а Вероника не сочла своим долгом дать подходящий совет в неподходящее время. Танитриэль какое-то время смотрела на каминное пламя.

– Может быть, вина, Ваше Величество, или фруктов?..

– Вы невозможный человек, ландграф! – И королева с разворота повисла у меня на шее.

Я встал столбом, пытаюсь пробулькать что-то невразумительное, с кувшином в одной руке и яблоком в другой. Меж тем страстная властительница безнаказанно сжимала меня в объятиях, жарко шепча в ухо:

– Как вы могли? Как вы могли так долго... Я же чуть с ума не сошла, увидев ваше бездыханное тело. Вы были насквозь прошиты толстой стрелой арбалета, из вас вытекло столько крови... Я сама... Сама! Своими руками обмывала ваше...

– Вы меня мыли?!

Ну, все! Я морду набью этому тупоголовому оруженосцу! Сам что ли не мог вымыть, интеллигент паршивый?! Чистоплюй! Я чувствовал себя перед ней просто голым.

– Господи Всевышний, мне никогда не забыть вашего мертвенно-воскового лица. Я выплакала все глаза... Я не хотела верить в то, что вас больше нет. Человек, победивший Ризенкампа, не мог так нелепо погибнуть!

– А... э... давайте все-таки сядем. Между прочим, вы зря обиделись на Луну, она меня не убивала.

– Знаю, – отмахнулась королева. – Я сама видела волю небес, ей не суждено было умереть.

– Тогда зачем вы отправили ее резать глотку барону де Стэту? Это не только далеко, но и опасно. Если помните, он приводил дрессированных гоблинов на Ристайльскую битву.

– Ничего, кто-то же должен за все ответить.

– Но почему именно Луна?

– А почему вы вообще так много внимания уделяете стриженной наемной убийце?!

– Я? Да ни в одном глазу. Вам показалось. Излишняя мнительность...

– Ах, показалось! – Похоже, что королеву окончательно допекло. Святой Варфоломей, ну когда я научусь разговаривать с женщинами? – Значит, мне уже давно кажется, что эта светловолосая девочка с ангельским лицом и командирскими замашками не отходит от вас ни на шаг, окружая постоянной любовью и заботой?

– Увы... – деланно посокрушался я. – Лия вышла замуж за моего верного оруженосца. У них дружная семья, настоящая ячейка общества. Не поверите – они понимают друг друга с полуслова.

– Да что вы говорите?! – грозно всплеснула руками покрасневшая королева. – А эту длинноносую ведьму несовершеннолетнего возраста вы тоже выдали замуж?

– Наоборот, спас из-под венца!

– То-то она кричала на весь зал: «Да здравствует мой любимый лорд Скиминок!»

– А... любимый, это не совсем в том смысле. Или, правильнее, совсем не в том. У нас действительно родственные отношения, в какой-то мере... Вероника называет меня старшим братом.

– Вот как! Очень трогательно. А с богиней красоты вас тоже связывают чисто деловые отношения?!

– С какой богиней? – Теперь настала моя очередь всплескивать руками, изображая искреннее недоумение и святую простоту.

– У вас провалы памяти, милорд! Ваш оруженосец при всех поднимает тосты за богиню Катариаду, отметившую вашу скромную особу сердечным разговором и бесстыжим поцелуем!

– Не понимаю, к чему столько эмоций?.. Вы же лично утверждали, что богини бесплотны? – как мне казалось, очень удачно выкрутился я.

– Бесплотна-то бесплотна, а вот как целоваться, так губа не дура! Скажите мне честно, чем она лучше меня?!

– Успокойтесь, Ваше Величество, уверяю вас, что в интимном плане я пока ничем

никому не обязан. Мы с ними просто друзья...

– Вы не ответили на мой вопрос! – вновь закипела королева. – Что такого вы нашли в своих подружках, чего нет у меня? Волосы? – Она выдернула золотую заколку, и волна густых темно-каштановых волос хлынула ей на плечи. Да, в первую нашу встречу ее прическа была намного короче. – Глаза? Руки? Фигура?

– Нет, нет... Клянусь всеми святыми – вы вне конкуренции!

Но до Танитриэль уже невозможно было докричаться.

– Я вам все покажу... Вы мне честно скажете, что у меня не так!

Ангелы-хранители, она лихорадочно расстегивала платье! Крючки на спине не расходились, королева рванулась, и нитки затрещали.

– Помогите же мне!

– А-э... в чем?

– Помогите мне снять это дурацкое платье, чурбан вы бесчувственный!

Мои пальцы дрожали... Наверное, это вот и называется изнасилованием. Сейчас она разденется, прижмет меня к стене, бросит на кровать... Господи, почему так странно устроены мужчины? Она ведь мне нравится. Танитриэль чертовски симпатичная и сексуальная особа. Она может счесть, что я больной или предпочитаю вообще любую женщину, кроме конкретно нее! Где выход? Что делать? Почему именно сейчас я физически ее не хочу?! Зато потом буду каяться всю жизнь?

Танитриэль развернулась ко мне лицом, часто задышала и неожиданно резким рывком толкнула меня в постель. Я упал на спину, беспомощно раскинув руки.

– Вы невозможный мужчина, лорд Скиминок. Я хочу понять силу вашего притяжения...

Ее глаза горели глубоким огнем дикой чувственной страсти. Повлажневшие губы шептали что-то нежное. Платье сползло так, словно решило на следующем выдохе отчаянно рухнуть к ногам своей хозяйки. Ресницы чуть вздрагивали, щеки пылали – тигрица, а не женщина! Я зажмурил глаза...

Все. Сейчас оно и произойдет. Легкий шорох из-под кровати... За спиной Танитриэль неслышной тенью выросла моя белобрысая спасительница.

– Позвольте, я помогу вам, Ваше Величество. Вовремя раздеться – это тоже искусство! – певуче протянула Лия, умело берясь за крючки.

Королева Локхайма вздрогнула и залилась краской. Но прежде, чем она четко сформулировала хоть одно слово, крепкие ладошки Вероники уверенно легли мне на плечи.

– Начинайте, Ваше Величество, я подержу его, чтоб не вырвался! – с нетрезвой лаской предложила юная ведьма, высовываясь из-под шкур.

На несколько секунд повисла гробовая тишина...

Властительница Тающего Города не знала, куда деть глаза и как удалиться, сохранив при этом благородный вид. Положеньице – не позавидуешь! Уж если мои девчонки решили меня спасти, то делают они это с полной самоотдачей, не признавая авторитетов, не понимая разумных пределов. Не знаю уж, что они там о себе навоображали, но действовали слаженно и дружно, как на генеральной репетиции.

– Смелее, Ваше Величество, мы не будем смотреть!

– Б-брите его, пока он теп-лень-кий!

– Не тушуйтесь, любовь не знает извинений – он ваш!

– Отбросьте этот... как его... л-ложный стыд! М-мы все свои...

– Ну же, он потом разогреется. Уверяем вас – ему будет даже приятно.

– Тольк-ко умоляем, п-жалуйста, будьте с ним н-неж-ны!

– Он вам потом спасибо скажет!

– Тошно! Обычно его не т-тошнит.

Танитриэль зарычала. Мне показалось, что комнату слегка заволочло дымом. Взбешенная королева развернулась с дикой яростью пристыженной женщины. Лия отлетела в угол, как тряпичная кукла. Подхватив спадающее платье, Танитриэль ногой открыла дверь – слишком любопытные стражники стукнулись головами о стену и сползли на пол. Ее Величество одарила меня взглядом, который обещал все – от короны до плахи! Королева Локхайма удалилась по коридору стремительными шагами.

– Она еще вернется, милорд... – охая, подошла моя боевая подруга.

Вероника тоже села рядышком. Долгое время мы молчали. Никто не решался заговорить первым. Да и о чем? Все понятно без слов. Если хочешь жить, то иди на смерть. Завтра мы уезжаем. Грустно, похоже, придется убегать от оравы любящих женщин. Вернее, от одной, но она заменит многих. Что же такое происходит, Ваше Величество?

– Наверное, вы влюбились, лорд Скиминок, – мудро изрекла Лия, безошибочно отвечая на мои печальные мысли.

– Ты так полагаешь?

– Она права, – поддержала юная ведьма. Хмель из ее головки медленно выветривался, по крайней мере, спотыкание в словах исчезло. – Это очень на вас похоже – влюбиться без памяти в наемную убийцу, трижды покушавшуюся на вашу жизнь.

– И что, очень заметно? – сухо пробурчал я.

Подружки со вздохом кивнули. В несчастную дверь снова забарабанили. Первое неосознанное движение у всех троих – нырнуть под кровать! Переглянувшись, мы устыдились недостойного порыва и хором рывкнули:

– Кто там?

– А это я... – В проеме показалась счастливая физиономия моего оруженосца.

Жан был настолько умилен радостной картиной – видеть всех нас мрачных, как носороги, что едва не прослезился. Мы с трогательным единодушием одарили его самыми неласковыми взглядами.

– Как все счаст-ливы, м-м-лорд...

– Мы выезжаем.

– Чего? Н-не понял...

– Седлай лошадей, оруженосец! – яростно рывкнул я, а девчонки сурово сдвинули брови.

– Когда от-п-равляемся? – с тихим заиканием пошатнулся он.

– Немедленно!

Глава 5

Зубы Ризенкампа

Горные кряжи преграждали ему путь, лавины закрывали перевал, утесы рушились перед копытами его коня, а зеленые молнии дробили гранитные вершины, осыпая водопадом искр тринадцатого ландграфа. Все, что только способна породить Темная Сила, отступило перед серебристым сиянием Меча Без Имени...»

Хроники Локхайма

Когда надо, мои ребята умеют собираться быстро. Жан действовал на «автопилоте», контролируемый бдительной супругой. Вероника трезвела с поразительной для начинающего алкоголика скоростью. Пока вся троица седлала лошадей и набивала походные сумки, я решил написать несколько прощальных писем. Если честно, то все наши хлопоты были достаточно скрытными, более всего походя на тихое бегство. Лия мгновенно раздобыла чернильницу, перо и бумагу. Учитывая мою неопытность в обращении со столь древним инструментом, буквы получались корявыми, строчки неровными, а уж клякс... от всей щедрой души! Итак, первое письмо, конечно же, королеве Локхайма.

«Милый друг!

(Почему-то именно такое обращение показалось мне наиболее теплым и приемлемым. А то все время: «Ваше Величество, да Ваше Величество». Немного легкой фамильярности не помешает.)

Поверьте, я очень огорчен тем печальным фактом, что нам так и не дали отдохнуть наедине. Моей измученной в ратных трудах душе катастрофически не хватает Вашей ласки. Не сомневайтесь во мне. Если я не погибну, клянусь обязательно вернуться в Вашу милую гостиную, где Вы устроите мне приятный ужин при свечах с интимной беседой, сладкими винами, приятной музыкой. Обещайте мне «белый танец». Помолитесь за меня.

Целую ваши нежные ручки.

Лорд Скиминок».

Вот так вот коротко, со вкусом, в меру многообещающе и в принципе ни к чему не обязывающе. Надеюсь, что это удержит королеву от слишком решительных поисков меня, а там мы выкрутимся. Не может такого быть, чтобы сбежать от влюбленной женщины было сложнее, чем от самого Ризенкампа!

Второе письмо – хозяину замка барону Бессу. Тут уж я мог быть строг и краток.

«Извините, что уезжаю не простившись. У меня есть на то причины. Ваши идиотские принципы – то предавать, то клясться в верности – заставляют меня решать возникшие проблемы в одиночку. Могли бы и сразу сказать, где Зубы! Ладно, дело прошлое... Зла на вас не держу. Буду возвращаться, возможно,

загляну на огонек. Приготовьте стол, закуску, вино, ну и пару зажигательных девчонок из местного стриптиз-шоу. Мы с Бульдозером слегка расслабимся, готовы и вас взять в компанию. Шучу, шучу... Самим мало!

До встречи.

Лорд Скиминок,

тринадцатый ландграф Меча Без Имени.

P.S.: Рога не беспокоят? (шутка)».

Что-то я развеселился. Мужик он не самый плохой, а рогатость у них у всех такая. Темная Сторона, что поделаешь...

Потом еще одна записка для Горгулии Таймс.

«Уважаемая мисс Горгулия!

Вынужден срочно съехать с теплой квартирki. Веронику отправляю домой. Мы втроем попытаемся быстро найти Раюмсдаля и будем партизанить до подхода основных сил. Будьте добры, внимательней приглядывайте за Вашей воспитанницей. В последнее время она взяла слишком большую волю. Конечно, я все понимаю, она девушка взросленькая, но пить до такой степени... Отшлепайте ее, в конце концов! Такой разгул до добра не доведет. Она даже заигрывала со мной, щекоча меня за ухом... Надеюсь на Ваше своевременное вмешательство.

Свирепый ландграф Скиминок».

Ну и напоследок небольшое послание князю:

«Злобыня, друг

Я нашел Зубы. Поднимай дружину, бери гвардию короля и двигай на Темную Сторону. Не бойся, я прошел и не пропал. Там все не так страшно, как трактуют брахливые летописцы. Дорогу тебе покажет Локхайм. Жду.

Скиминок».

Так. Вроде бы все.

– Лошади готовы, милорд.

– Отлично, Вероника. Передай эти письма какому-нибудь мажордому, или дворецкому, или кто у них там еще есть. Вот это для Танитриэль; это, поменьше, для Бесса; эти для Горгулии Таймс и Злобыни Никитича.

– Есть! – Она щелкнула каблуками, пошатнулась, но удержала равновесие. – Бу сделано, лорд Скиминок!

Если бы я тогда хоть на мгновение мог предположить, ЧТО она с ними сделает...

Мы покинули Локхайм в ночь. До рассвета еще оставалось немало времени, так что низко летящая Вероника большим факелом освещала нам путь. После таких перипетий,

бесед и разборок спать уже не хотелось. Расспрашивать о том, в какой стороне Зубы, не было ни малейшей необходимости – следы убегающей армии Раюмсдаля оставили за собой хорошую утоптанную дорогу. Ночной засады мы также не опасались, вряд ли кому в ближайшее десятилетие взбредет в голову нападать на живого ландграфа. Ведь если воскрес один, то не исключена возможность воскрешения и остальных. А это двенадцать рослых, опытных в военном деле бойцов. «Не тебе чета!» – как говаривал незабвенный Матвейч. Да всю Темную Сторону бы так потрянуло, что впредь на всей ее территории стояли бы одни монастыри, полные кающихся грешников, резво перебежавших в христианство. Мечты, мечты, где ваша сладость?

– Вероника!

– К вашим услугам, лорд Скиминок. – Практикантка выровняла свободный полет помела с рысью моей лошади.

– Я не уверен, что Танитриэль сумеет как надо все объяснить князю. Моего письма может оказаться недостаточно. Поэтому поручаю тебе очень сложную боевую задачу – лети в Ристайл и доложи обстановку Злобыне Никитичу. Заодно выяснишь, как там здоровье короля.

– Не хочу... – заскулила ведьмочка, но Лия грозно рыкнула:

– Не спорь с милордом! Он лучше знает, где твои наиболее сильные стороны смогут причинить наименьший вред.

– Потом вернешься на Темную Сторону и найдешь Кролика. Если этот дракон-вегетарианец по сию пору не проспался, то пригрози Матвейчем. Скажи, что приедет маг-ветеринар и вгюхает ему по самые уши за вопиющее нарушение режима. Даже огнедышащим птеродактилям спать больше недели не полагается. Его помощь будет просто неоценимой в осаде Зубов.

– О, так вы без меня не начнете?!

– Ну естественно! Работенка не самая простая. Вот Локхайм, например, был всего лишь передвижной резиденцией Ризенкампа. Это не Зубы, Зубы – база! Родовое гнездо! Бункер! Крепость! Корень всех бед и проблем. Там строятся планы, плетутся интриги, куется оружие. Мозговой центр всей мафии, да еще и специализированный диспансер по вопросам продления фамилии. Так что, как бы это местечко ни называлось, укреплено оно будет как орешек. Нам надо собрать все силы. Лети!

– Все понятно, – сморщила нос юная ведьма. – Вы втроем опять полезете в самое пекло. Но когда вас посадят на сковородку и польют маслом, появлюсь я на белом коне. Тьфу! На белом драконе, с дружиной князя, рыцарями короля и начну всех спасать, невзирая на лица. Может быть, меня даже наградят...

– Орденом Сутулого с закруткой на спине! – вновь влезла Лия. – Вероничка, главное – не простудись. Помнишь, сколько носовых платков ты извела в прошлый раз?

– Ладно, я лечу. – Она по очереди обняла нас троих и, подвязав волосы ремешком, дала метле шпоры.

В светлеющем небе мы еще минут десять видели ее стройную фигуру, бесшумно скользящую среди перистых облаков.

– Прохладно... – вздохнул Бульдозер, поеживаясь в кольчуге.

– Терпи, казак, – атаманом будешь! Найдем врага, побьем, сразу и согреемся. Поехали...

– Милорд, скажите, а вот там... откуда вы вернулись, там очень страшно?

– Нет, Жан. Пожалуй, нет... – задумался я. – К сожалению, мало что могу тебе

рассказать. Почему-то ничего не помню.

– Не приставай к господину с глупыми вопросами! У милорда давно провалы в памяти. Наверное, что-то с головой...

– Ах ты, несносная девчонка!

– Ой! Я не это имела в виду, лорд Скиминок! – Лия с трудом увернулась от моего шлепка. – Как вы могли подумать?! Я всего лишь хотела сказать, что вам неплохо бы отдохнуть, поесть фруктов, бульончику куриного, каши-пюре разные. У мисс Горгулии Таймс я как-то видела такое уютное кресло-каталку... Ай!

На этот раз я дотянулся. Мой паж прищпорила своего конька и, вырвавшись вперед, уже оттуда прокричала:

– Как я счастлива, лорд Скиминок, что вы вернулись!

Вот и сердись на нее после этого...

Часам к десяти я объявил привал. Нужно хоть позавтракать в конце концов. Дорога предстояла длинная и наверняка небезопасная. Хотя имело ли это когда-нибудь хоть какое-нибудь значение?.. Утренняя трапеза состояла из поджаренной на костерке ветчины, белого хлеба, острого сыра, зелени и непременно вина.

– Лия, ты компот варить умеешь?

– Благородные рыцари не пьют компотов! – отрезала она. Все, разговор окончен. С традициями кодекса поведения знати спорить бессмысленно.

– А если мне доктора велют для восполнения ослабевшего организма подкрепляться витаминами?

– Ну... как лекарство, наверное, можно... У нас есть яблоки, я могу поискать ягоды и траву-кислицу. Заварить прямо сейчас?

– Сделай милость. – Пока наша повариха умело резала фрукты, мы с оруженосцем отвлеклись на составление плана дальнейших действий. Я рисовал прутиком в придорожной пыли примерную карту маршрута...

– Вот замок Бесса.

– Очень похоже, но вы забыли круглую башню справа.

– Не приставай к художнику с глупостями! Я рисую топографическую карту, а не батальный пейзаж. Тоже мне критик-реалист!

– Но, милорд...

– Все! Проехали. Значит, смотри сюда. Вот – замок Бесса, вот – лагерь кришнаитов, на востоке – владения родственников Зингельгофера, на юге – перевал и выход в Серединное, или Соединенное, королевство. Вопрос: в какой стороне Зубы?

– В той, куда ведут следы! – убежденно заключил Жан. Я просто вздохнул и попытался все объяснить по второму кругу.

– На юге – нет, на востоке – нет, на западе – тоже нет, значит?

– Пойдем по дороге и сразу найдем, – счастливо угадала Лия.

Так... правильно их поженили. Они друг друга стоят. Выражение «Ум хорошо, а два – лучше» не про них. Зато если что улавливают, то одновременно и наверняка.

– Ладно, меняем план. Сколько башен не хватает у замка Бесса? Теперь правильно?

– Угу.

– Перевал похож или еще деревьев добавить?

– Похож. Ну, разве что вот здесь еще елочку...

– Да ради Бога! Итак, мы движемся вот по этой дороге и напрямую попадаем в лапы доброй бабушки Гнойленберг. Нас ждут. Нам готовят теплую встречу. Эй, Бульдозер! Как ты думаешь, сколько дней до вышеобозначенного объекта?

– Если рассуждать логически: вы были без сознания целых четыре дня, за это время принц успел съездить туда и обратно да еще вернувшись назад с войском. Значит, не более двух дней.

– Неплохо, оруженосец! Что он упустил, Лия?

– Возможно, – моя спутница слегка пожалала плечами, – Раюмсдадь столкнулся с отрядом Зингельгофера, еще когда бежал от Локхайма. Тогда они, объединившись, взяли с собой кришнаитов и, услышав о вашей смерти, решили вернуться. Они же не знали, что вы им покажете.

– Молодцы! Суть проблемы усекли точно. Однако я убежден, что на самом деле до Зубов еще ближе. Не больше одного дня хорошей рысью. Вон та горная гряда вам ничего не напоминает? – Я указал на север, куда восходящее солнце уже добросило свои первые лучи.

– Похоже на королевскую корону, – решил Жан.

– Или на зубья пилы, – добавила его супруга.

– И самое главное – следы ведут в ту сторону! – многозначительно заключил я.

Мои ребята смотрели на меня, как Ватсон с Лестрейдом на Шерлока Холмса. Хотелось поклониться и величественно закурить трубку.

– Вот только надо сообразить, как попасть в Зубы, минуя возможные засады и секреты. Иначе нас доставят к Раюмсдадю ногами вперед. Нам бы не худо стать более незаметными.

– А давайте опять в кого-нибудь переоденемся! – мгновенно загорелась Лия.

Женщина, что возьмешь... Ей бы только тряпочки примерять да перед зеркалом вертеться. Нет, вру! Лия у нас герой. Она не такая, как все...

– Я не хочу больше одеваться в дамское платье!

– Не скули, несчастный! Как милорд скажет, так и будет.

– Но я же мужчина! Я рыцарь! У меня даже золотые шпоры есть, – жалобно запричитал Бульдозер. – Я, правда, не помню, куда их папа положил, но думаю, что где-нибудь на комодке...

– Все нормально, старик! Успокойся. В женщин мы уже переодевались – я этого маскарада по гроб жизни не забуду! Нарываться второй раз на кого-нибудь не менее озабоченного, чем ваши орки-урки... Увольте!

– Как хотите. Ох и привереды же вы, мужчины! Тогда давайте во что-нибудь другое, например, в гоблинов? Из Жана получится отличный гоблин! У него и рост, и сложение, и выражение лица подходящее. Вот только как бы ему рога присобачить...

– Ну... насчет рогов ты бы посоветовалась с Танитриэль, она живо объяснит, – закашлялся я, стараясь не смотреть на покрасневшего Бульдозера. – Не выйдет. Нас еще можно загримировать так, чтоб неотвратимый дебилизм был налицо, но ты?

– А мне можно одеть шлем поглубже и бороду фальшивую привязать! Ну давайте хотя бы попробуем, милорд, – начала канючить наша голубоглазая авантюристка. – Что вам стоит? Не понравится – снимем.

– Ладно, – пожал плечами я. Почему бы и нет? Рисуем-то в любом случае. Костюм гоблина для такого похода ничем не хуже любого другого. – Вот только где все это взять?

– Поедем и найдем, – подумав, решили супруги.

В сущности, правильно, пора ехать. Через несколько минут мы были в седлах. Бодро

направляясь к зловещей горной гряде, я беззаботно болтал с ребятами, не утруждая свою голову тяжелыми размышлениями. Все как бы решалось само собой. Возможно, и у меня появилось это милое чувство средневекового фатализма – будь что будет! Королева получит письмо, Вероника долетит до князя, войска успеют вовремя, мы проберемся в Зубы и начнем диверсионную войну, Раюмсдаль не успеет стать папой, Гнойленберг ни за что нас не поймает, Кролик прилетит и всех спасет... Уф! По теории вероятности, если хоть один пункт из этой околесицы сработает, то Бог есть!

– Повешенный – это к счастью!

– Сама придумала или народная примета такая?

– Вероника так говорит, – пояснила Лия, указывая пальцем на выбеленный скелет, подвешенный к ветви дуба ржавой цепью.

Мы набрали на него ближе к вечеру, когда наступала благословенная пора подумать о ночлеге. В этой славной стране трупы, если и не попадаются вам на каждом шагу, то в любом случае дают возможность к себе привыкнуть. Нервы закаляются, сердце грубеет, душа прячется в латы спокойного равнодушия. Все нормально. Но какой-то червячок точит изнутри, словно здесь не все чисто.

– Бульдозер, мы должны похоронить его.

– Вы правы, милорд. Сам воздух этого места вопиет о возмездии. Здесь, наверное, свершилось страшное преступление.

– Жан! Перестань меня пугать на ночь! – взмолилась его супруга, но послушно слезла с коня, приняла поводья наших лошадей и отошла в сторонку. Я приподнял скелет, пока трусливый рыцарь разматывал петли цепи. Странное чувство охватило меня... Кости несчастного не были ничем скреплены, но держались едино. Скелет лег в мои руки, как ребенок в объятия матери. Он почти ничего не весил. Здесь не обошлось без магии. Я всей кожей ощущал, как неприкаянная душа молит об успокоении. Словно кто-то толкался в мое неподготовленное сознание, пытаюсь любыми силами добиться от меня помощи... Кости были не маленькие. Наверняка это воин или, может быть, даже рыцарь. Лия пошарила вокруг, но ничего не обнаружила. Хоть бы обрывок ткани, или колечко от кольчуги, или остатки доспехов, или... да все равно что! Двумя мечами мы с Бульдозером кое-как вырыли неровную могилу, уложили туда скелет, забросали землей и обложили дерном. Наша веселая подружка, посерьезнев, прочла молитву, воткнув в изголовье могилы грубый крест, связанный из веточек. Мы помолчали. Я достал флягу с вином помянуть усопшего, кто бы он ни был. Все приложились. Прощаясь, я плеснул вином на свежую землю рядом с крестом. Непривычные слова сами слетали с языка:

– Спи спокойно. Да будет с тобой тишина и прохлада. Прими, Господь, твою душу. Если твоя жизнь была грешной, пусть тебя простят. Если ты был праведником, то тебя не забудут на небесах. Прости нас, если мы были недостаточно внимательны к твоему праху. Покойся с миром...

– Лорд Скиминонок. – Лия потеребила меня за рукав. – Там за деревьями мелькает огонек. Может, глянем на предмет ночлега?

– Пошли. Возможно, там какой-нибудь придорожный ресторанчик или гостиница. Бульдозер, оставь копье и возьми за топор, мало ли что... Ты из нас единственный в доспехах, так что пойдешь первым.

– А... я давно хотел спросить, почему вы не носите латы? Вы ведь рыцарь!

– Нет уж, набегался на турнире. Чтоб еще когда добровольно дался заковать себя в железо?! Я вам не робот-трансформер. Двигаем побыстрее.

Далекий огонек оказался горящим окном высокого замка. Классическое место для обитания легендарного поганого злодея. Все так и дышит стариной, сыростью, плесенью, прочей поднадоевшей чернухой. Не знаю, как вам, а мне это уже не в диковинку. Вот сейчас въедем во двор и ворота за нами захлопнутся. Медленно так... с противным скрипом.

– Милорд, ворота закрылись!

Ну, что я вам говорил? Сейчас традиционно окажется: стражи нет, никого нет, внутри накрытый стол со всякими закусками, а в потаенной комнате старый гроб с позументом. Приподнимешь крышку, а там живой вампир!

– Никого нет. Подозрительное место, вы не находите, лорд Скиминок?

– В сущности не хуже и не лучше ночевки на улице. Вряд ли в Темной Стороне могут быть островки безопасности. А внутри мы наверняка ни с чем новым не встретимся. Оруженосец! Привяжи лошадей, все идем внутрь.

Не убирая рук с оружия, мы прошли через традиционный черный коридор, освещенный факелами, и вышли в просторный зал. Ну, вот оно, здрасте, пожалуйста! Посередине на покрытом зеленым бархатом столе торжественно размещался богатый ужин. Чего же не хватает? А! Заставляя дрожать зеленоватое пламя свечей, по замку пронесся классический демонический хохот...

– Ну что, сядем поужинаем? – невинным голосом предложил я, берясь за стул.

– А вдруг оно... вдруг оно снова захохочет? – сбивчиво выдавил Бульдозер, но Лия меня поддержала:

– Подумаешь, рассмеялся кто-то. Помнишь, как Бумбрумгильда хихикала? Может, ему тоже весело, может, у него праздник...

– Именно, – вставил я.

– Да! Или просто очень рад нас видеть, вот и ржет как ненормальный.

Мы сели за стол. Деятельная вертихвостка быстро исследовала все блюда, сунула нос в каждую кастрюльку, нюхнула из каждого графинчика и даже многозначительно перетерла соль в пальцах. Хохот раздался снова.

– Давайте поедим, милорд. Если этот радостный гад решил нас отравить, то это даже как-то скучно. Что за дубовый юмор? Скорее всего он нас пугает. Какое-нибудь заблудшее привидение...

– А мне кажется, что самое страшное впереди, – буркнул Жан, но взялся за вилку.

Мы с Лией болтали не переставая, не забывая воздавать должное кулинарному искусству повара. Давненько меня так не кормили! Даже изысканная кухня королевы Локхайма бледнела перед безымянным мастером таинственного замка. Бульдозер больше помалкивал, недоверчиво ковыряя жаркое. Наш дружный ужин временами прерывался демоническим хихиканьем, но мы, признаться, уже не обращали на него ни малейшего внимания. Какого черта! После третьего бокала розового вина я вспомнил знаменитую сказку Аксакова и, привстав, громогласно объявил:

– Гой еси, хозяин неведомый! Благодарим за хлеб-соль. Ты уж прости, что нежданны-незванны, а в гости заявились. Так что бьем тебе челом – покажись, сделай милость. Уважь, Христа ради!

– Вы чего?.. вы зачем? Нельзя беспокоить привидение, – заволновался трусливый

рыцарь.

– Долг вежливости. Понимать надо. Вдруг он все-таки придет? И... вот видишь – пришел.

С противоположного конца комнаты прямо из стены шагнула долговязая фигура в богатом восточном костюме. Типичный вампиридзе! Нос крючком, кожа смуглая, глаза горят нездоровым огнем, брови срослись на переносице и, если бы он сейчас предложил нам гвоздики: «Дарагой, для тэбэ нэ дорого отдам!» – я бы не удивился.

– Как посмели вы, недостойные, нарушить мой сон?! Страшная кара ждет вас!

– Это не мы! – замотала головой Лия. – Вас, наверное, разбудил хохот? Тут какой-то идиот постоянно хохочет. Так действует на нервы...

Призрак смущенно закашлялся, потом вспомнил, кто он есть, обозлился и решил изобразить нам нехорошего Бармалея:

– Смерть вам! Глупцы, это мой смех предупреждал вас об опасности. Любой, кто войдет в замок и вкусит яств, обречен на безвременную кончину...

– Тьфу, зараза! Милорд, так что ж, все и вправду было отравлено?!

– Успокойся, девочка моя, ты ведь еще не ощущаешь рези в желудке? Ноги не холодеют? Не тошнит? Как станет плохо – скажи. Мы с Бульдозером живо выбьем противоядие из этого дружелюбного привидения!

Горбоносый опешил. Я почти физически чувствовал, как дикая злоба ко всему живущему борется в нем с патологическим удивлением. Похоже, мы первые, кто при его хохоте не впал в истерию, не стал звать маму, не побежал на горшок. Злоба победила. Призрак быстренько подплыл к нам и ткнул бледным пальцем в сторону трусливого рыцаря:

– Тень!

Жан зашатался. На наших глазах живой, здоровый парень медленно сполз с кресла и распластался на полу. Его молодая жена с тихим рыком швырнула в хозяина соусником. Опля! Ха, привидение или нет, но костюмчик у мужика испорчен бесповоротно.

– Тень! – бешено заорал враг, и уже Лия рухнула носом в салат.

Я хладнокровно положил руку на рукоять Меча Без Имени. Теплая...

– Тень! – в третий раз наставил свой противный палец негостеприимный тип в томатном соусе.

Казалось, какая-то вяжущая волна ударила мне в лицо и... отхлынула прежде, чем дрогнули ресницы. Никакого воздействия! Я даже чуть удивился. Потом встал и, стараясь погрознее чеканить шаг, медленно повел мечом в сторону вампира.

– Ты что сотворил с моими друзьями, Кио недоделанный?!

– Тень... – осторожно вякнул он. Опять никакого результата.

– Обычно я достаточно дипломатичен, но сегодня мне так хочется поступить по-ландграфски!

– Тень! Тень, поглоти его душу! – вопил несчастный, пока серебристый клинок с разгульным свистом загонял его в угол.

Это был первый бой после моего воскрешения. Мерзавец ругался, плевался и швырялся в меня молниями. Но я уже видел подобное у Вероники, и лихо разрубал их мечом без всякой опаски. Меч Без Имени нарушит любые законы физики ради своего хозяина. Так что хороший спортивный азарт наполнял мои жилы здоровой бодростью. Старикашка увертывался, но его роскошные одеяния уже в двух местах зияли дымящимися дырами. За своих ребят я не волновался, краем глаза отметил, что они уже зашевелились. Но в тот момент, когда я

широким взмахом рассек гада пополам, он вдруг разделился надвое. В смысле на двоих!

– Ты умрешь страшной смертью, рыцарь. – И демонический хохот вновь заполонил залу.

Я наотмашь отсек руку ближайшему сиамскому близнецу. Что за чертовщина?! Он разделился! Теперь их было трое. Молнии замелькали слишком часто. Я задел за плечо еще одного – опять двадцать пять! И он разделился. Четверо на одного – это многовато. А уж когда они заржали одновременно...

– Не возитесь так долго, милорд! Я пытаюсь привести Бульдозера в чувство. Вы не помните, в какой бутылке было самое крепкое вино?

– Нашла время! Ты бы еще спросила, чем его закусывать?!

– Да я же не для себя, – надулась Лия, совершенно не обращая внимания на мою трудоемкую битву. – А кстати, действительно, чем?

Я только заскрипел зубами. Отобьюсь от привидений – дам ей подзатыльник. Неловким движением мой меч задел еще двоих... О Лия! Это все из-за тебя! Врагов стало шестеро. Они уже сами лезли под удары, а я прекрасно понимал, чем это может кончиться...

– Гобелен... – В моем мечущемся мозгу зазвучал далекий голос. – На стене висит гобелен – убей его!

Мистика... Голоса слышу. А может, магия? В любом случае рассуждать не приходилось – к горлу со всех сторон тянулись костлявые желтоватые пальцы. Я прыгнул на стол, под который моя спутница только-только успела затащить мужа, и увидел гобелен. На той стене, из которой вышел многоликий размножитель привидений амебным методом, висел вытканый ковер, изображающий того же подлого типа, вонзающего нож в спину неизвестного юноши.

– Порази его, рыцарь! Спаси мою душу.

– Эх, дубинушка, ухнем! – во всю мощь горящих от беготни легких заорал я и ринулся вперед.

Меч Без Имени расчищал дорогу, успешно делая из одного гада двух. Нет, все же их слишком много... Поздно! В меня вцепились не менее десятка призраков, почти повалили, но, вывернувшись самым невероятным образом, я просто метнул свой меч, как копье. Серебро клинка насквозь прошило двоих и по рукоять ушло в плотную ткань гобелена. Вытканый негодяй схватился за пронзенную грудь. Призраки взвыли дружным голосом!

– Смотрите, лорд Скиминок, там кровь!

Горбоносые злодеи-вампиры таяли на глазах, заходясь жутким поминальным криком. Лия оставила Бульдозера под столом и стояла рядом со мной, наблюдая, как из-под лезвия меча скатываются капли черной крови. Подумав, я взялся за рукоять и выдернул клинок. Кровь хлынула ручьем... Фигура на гобелене блекла, тускнела, нити рассыпались на глазах, и вскоре огромная дыра обнажила каменную стену.

– Что это было, милорд?

– Леший его знает! Я не специалист в области магических структур данной субстанции, но склонен предполагать определенную молекулярную связь, которую при должном лабораторном анализе...

– Все поняла! – объявила Лия и строевым шагом пошла отмывать от вражьей крови мой меч. Возвращая оружие, она смотрела на меня, как зеленая студентка на маститого профессора.

– Я, конечно, не хотела приставать к вам с глупыми вопросами, но...

– Говори, – важно кивнула наша ученость.

– Вы не могли бы пояснить мне один странный момент с чисто научной точки зрения?

– Ну... если вкратце и по существу.

– Слушаюсь, милорд, – вежливо поклонилась белобрысая язва. – Судя по всему, вы убили этого злодея в пышном наряде. Так не могли бы уточнить для необразованной меня, кто же тогда стоит за вашей спиной?

Оп! Никогда в жизни не оборачивался с такой недостойной рыцаря скоростью. Кто-то мог бы подумать, что я всего лишь испугался, но мы-то знаем... Позади меня оказался призрак. Новый! Не тот, которого (или которых?) мы только что завалили. Но чем-то очень знакомый.

– Спасибо тебе, рыцарь. Ты избавил мою душу от страшного плена.

Боже, тот самый голос! Мой неожиданный союзник, значит, бояться нечего.

– Если бы вы не подсказали, как разделаться с горбоносым приставалой, то нам пришлось бы туго. Так что примите мою благодарность.

– Я – твой должник. – Призрак был похож на того юношу с гобелена. – Ты первый путник, сжалившийся над повешенным и не побоявшийся похоронить меня по-христиански.

– Батюшки! Выходит, тот скелет на цепи... он ваш?! Простите за косноязычие... Никогда не разговаривал с умершими.

– Поговори со мной, как с другом, – попросил он. – До рассвета не так много времени, а с первыми лучами солнца моя душа обретет покой.

– Лорд Скиминонок, да что ж это вы стоите и стоите! – опомнилась Лия, активно включаясь в беседу. – Вот, присаживайтесь к столу, я сейчас вина налью, вот сыр остался, колбаска... Бутерброды сделать?

– Спасибо, добрая девушка. Мне ничего уже не нужно...

– А мне, пожалуй, стакан холодного вина. – Мы все-таки сели. Трусливый рыцарь от тихого обморока успешно перешел к плохо скрываемому храпу. Бог с ним, пускай выспится. – Может быть, вы расскажете мне свою историю? Где-то в книжках я читал о том, что для призраков это первая радость – поведать случайному путнику о собственной злополучной судьбе. Поверьте, мне и вправду интересно.

– Ты добр, храбр и учтив, а на бедре твоём сверкает Меч Без Имени. Ты – ландграф. Борец со Злом в любом его проявлении. Слушай же меня! Пусть моя грустная повесть поможет тебе в жизни и сбережет твою душу от горьких разочарований. Знай же, мое имя Эмилио. Этот дворец, ранее полный слуг, челяди и воинов, принадлежал мне по праву рода. Я был единственным наследником своего отца, уже в те давние времена, когда Темную Сторону еще никто не именовал Темной. Щедрость и богатство были тогда в чести. В наш замок являлось много люду, но никто не уходил не обласканный нашим вниманием. И вот однажды в ворота постучался странный горбоносый человек с острыми зубами. Подобно другим, его приняли с должным почетом. Я долго внимал его рассказам о магии, о дальних странах, о неведомом волшебстве, о тайных обрядах... Вскоре он сделался чем-то вроде члена семьи и моего наставника. В благодарность за все источаемые на него милости он вдруг предложил мне бессмертие! Я посмеялся над ним, сказав, что, пока моя кровь бьется в жилах, этот замок не послужит пристанищем колдовства. Даже если оно дарует вечную жизнь! И вот в одну из страшных грозowych ночей он подкрался ко мне и вонзил нож в мою спину...

Рассказ прервался неровными всхлипываниями. Лия, обняв кастрюльку с салатом, тихо

ревела от жалости и сострадания. Она девушка сентиментальная, ее до слез довести – раз плюнуть. Я успокаивающе похлопал бедняжку по спине, хотя у самого комок к горлу подкатил. Бледный юноша, печально глянув на нас, продолжил грустную историю своей жизни:

– Вот так. Мой странный гость оказался страшным чернокнижником, а я пал жертвой низкого предательства. Он повесил мое тело невдалеке от замка, как вешают грязного вора или продажного убийцу, и вороны клевали мою плоть. Его подлое колдовство захватило весь замок, люди умирали в муках, и каждая капля крови добавляла новый стежок в Гобелен Смерти. Произведения искусства действительно живут дольше человека. Он и вправду подарил мне бессмертие, заключив мою неприкаемую душу в вечные тиски Гобелена. На нем он всегда убивал, а я всегда умирал с ножом в спине. Шли годы... Он заманивал в замок путников, а их смерть укрепляла его вышитую фигуру. Колдовство, особенно черное, есть насилие над природой. Природа мстит за себя. Как-то раз он с ужасом понял, что тот, на гобелене, много сильнее и жизнеспособнее его, настоящего, из плоти и крови. Но было поздно. Мы оба оказались пленниками Гобелена Смерти...

– Значит, пронзив его изображение, я победил реального врага, а не ту иллюзию, что выделявала перед нами балаганные фокусы?

– Да. Ты сразил самое Зло, что гнездилось в нем и в конце концов пожрало своего хозяина.

– А то, что мы вас похоронили?..

– Это дало возможность моей душе вырваться из нитей Гобелена и припасть к вашим ногам с мольбой о помощи. Теперь после погребения я могу предстать перед Божьим судом. Но торопитесь, ландграф, уже светает!

– Нам надо уйти?

Чего спрашивать, бежать надо. Черт его знает, что здесь произойдет после смерти колдуна. Вряд ли что-нибудь по-мультипликационному приятное. Сколько замученных душ с ревом вырвутся на свободу?! Еще лошадей напугают... Мы с трудом выволокли из замка храпящего оруженосца.

– Прощай, лорд Скимминок! – Фигура Эмилио таяла в воздухе. – Помолись за мою душу. Храни вас всех Бог...

На месте замка за клубился густой туман, я такой в Тихом Пристанище видел. Когда солнце подало первый розовый луч из-за горного хребта, мы увидели развалины. Все, что недавно было странным замком, оказалось грудой отесанных камней.

– И в чем же мораль?

– Не знаю, Лия. Буди Бульдозера – поехали. И вот еще! Обязательно напомни мне поставить свечку в ближайшем храме за упокой его души...

Всю дорогу трусливый рыцарь выпытывал у нас пропущенную часть этой чудесной истории. Лия огрызалась короткими односложными ответами. Я вообще молчал. Почему-то говорить не хотелось. Что за чертовщина? Влип в какую-то гофмановскую сказку и впал в сентиментальность. Скоро брошу меч, отрешусь от дел, ради вывода новой породы кур или разведения морковки на собственном огороде. Ну ее, войну... Вон чем она кончается. Станешь, как Эмилио, неуспокоенным призраком и будешь веки вечные пугать прохожих жалобными рыданиями. Сколько же еще непонятого в таинствах жизни и смерти... Баста, все! Пока жив – хочу быть героем.

Весь день прошел без единого намека на приключения. Невероятная редкость. Уж и не помню, когда последний раз так везло. Ни одной стычки, ни попытки нападения, ни коварной засады, ни банальной ловушки, ни даже крохотной случайной драки. Тишь и Божья благодать! Вы не поверите – ночь... Ночь прошла спокойно! Мы с Бульдозером дежурили по очереди, никто не осчастливил наш скромный бивуак драматическим посещением. Мы спокойно выспались, без суеты позавтракали и уже в обед вышли к намеченной цели. Зубы! Вот, значит, как оно выглядит... Дорога упиралась в гранитный монолит кроваво-красного цвета, уходящий под небеса. Со всех сторон скалы – ни объехать, ни перелезть. В центре красовались чугунные ворота, искусно сделанные в виде двух сомкнутых челюстей. Размеры – устрашающие! Заперты наверняка магией. Соответственно ни звонка, ни глазка, ни молоточка, захочешь доораться – сорвешь горло.

– Зубы, – выразительно прокомментировала Лия.

– Видим, – буркнул я. – Хотелось бы знать, а чего это мы вообще сюда приперлись?

– Не поняли? – приподнялись в седлах мои боевые товарищи.

– Я имею в виду, что не имею ни малейшего понятия о том, как штурмовать этот Рейхстаг, и если вы имеете хоть какие-нибудь соображения по этому поводу, то самое время их высказать. Ну так как, господа философы, что будем делать?

– Милорд, как может слабая женщина рассуждать о том, что касается мужчин?! Мои глупые советы способны лишь рассмешить такого великого стратега, как вы.

– Лорд Скиминок, вы невероятно великодушны, давая право слова даже мне, оруженосцу... Рыцарю, и не дерзающему прикоснуться рукой к святыне Меча Без Имени. Я склоняю голову перед вашим военным гением...

Вот так! Получил? Сполна, по самые уши. Буду знать, как издеваться над больными людьми. Хотя если разобраться, то это еще кто над кем издевается? Спелись, подхалимы несчастные...

– Значит, ничего не предлагаете? – хмуро буркнул я.

– Мы с усердием и старанием выполним любое ваше приказание! – услужливо улыбаясь, доложили оба. Ладно, в конце концов я привык, что вся тяжесть ответственных решений вечно ложится на мои хрупкие плечи. В чем дело-то? Надо попасть внутрь, и все. Раз войско Раюмсдаля и прочая кодла туда вошли, то чем мы хуже? Помещенье внутри, видать, объемное. Три лишних рта в глаза не бросятся, а там поглядим. Как же тут двери открываются? Я слез с лошади и осторожно обследовал кованые створки страшных ворот. На первый взгляд – никаких сложностей. Судя по всему, верхняя часть поднимается вверх на манер банального подъемного моста. Мои ребята сползли с усталых коней и тоже включились в исследовательскую работу. Лия первая нашла две узкие смотровые щели. Поразмыслив, мы забили их грязью и навозом. Потом гнедой жеребец Жана ткнулся мордой в центральный зуб, и ворота поползли вверх.

– Уф! – облегченно выдохнули мы.

Вход свободен, путь открыт. Хватайте славу за шиворот, ваше благородие! Прежде чем мы искренне обрадовались, жеребец сделал еще один шаг... Створки ворот рухнули вниз, без видимых усилий разрубив бедное животное пополам! Кровь брызнула во все стороны, а задняя часть, повалившись на бок, в судорогах засучила копытами. Тошнотворное зрелище.

– Это и есть ваше хваленое гостеприимство?! – борясь со слабостью в ногах, грозно закричал я.

Бледный Бульдозер ловил ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Одна Лия

сохраняла завидное спокойствие.

– Они не очень толстые.

– Что?

– Ворота, я говорю, не очень толстые. Может быть, вам применить Меч Без Имени как зубочистку?

– Умница! Начнем с коренных. Кто тут нуждается в услугах стоматолога? О, разве можно так запускать зубы! Когда их в последний раз чистили? Все в грязи, в крови, в мусоре. А что у нас насчет кислотно-щелочного баланса в полости рта? Жуйте «Дирол» без сахара с ксилитом! Иначе можно заболеть страшным кариесом и потерять совершенно здоровый зуб!

Я разошелся не хуже финского лесоруба. Куски металла так и летели в разные стороны. Лия радостно верещала, упоенно хлопая в ладоши. Жан вытер слезы, набежавшие после гибели любимого коня, и мстительно улыбался. В воротах появилась изрядная дыра. Великолепные Зубы напоминали щербатую улыбку первоклассницы. Одного не понимаю, почему на нас до сих пор никто не напал? Спят они, что ли? Мы им ворота поломали, а хозяева даже не чешутся. Подозрительно...

– Они просто не в состоянии осознать всю глубину опасности, – в тон моим мыслям высказался трусливый рыцарь. – Кто дерзнет направить копьё в сторону бесконечного Зла?

– Лично я не помню даже детской сказки о том, чтобы легендарные герои ходили штурмовать Зубы, – добавила Лия.

– Выходит, нас никто не ждет? Совсем страх потеряли, борзуют на глазах. Я привык к торжественным встречам с оркестром и цветами. В крайнем случае, стрелами и кипящей смолой, но проявлять настолько бесстыжее равнодушие... Что, они меня за героя не считают?

– Это уже оскорбление! – кивнули мои ребята. Интересно, задумываются ли они о том, где находятся? Понимают ли, что внутри разгуливают два крупных боевых отряда, руководимые нашими самыми заклятыми врагами? Помнят ли о бабушке Раюмсаля, о неведомой силе старинных манускриптов, о страшных пророчествах и прочих многообещающих ужасах?

– Пойдемте, милорд! – Жан потянул меня за рукав, Лия уже тихо пролазила в вырубленную дыру.

Вот и все размышления... Пока я о них пекусь и страдаю, эти двое давно действуют, не забывая свою мыслительную деятельность пацифистской философией. Бульдозер протиснулся без осложнений, а когда полез я, металлические зубы поднялись и рухнули вниз, с пугающим лязгом смыкая челюсти. Глаза невольно зажмурились... Уф! Все в полном порядке, абсолютно цел. Я быстро шагнул внутрь.

Мы осторожно двигались вдоль стены. Вы знаете, изнутри на первый взгляд – обычный средневековый замок. Освещение факельное. Стражников или слуг пока не видно, хотя голоса и шарканье ног слышны постоянно. Скорее всего, это огромной площади помещение, вырезанное прямо внутри горы, причем качество отделочных работ просто превосходное. Если тут вправду столько места, то мы имели шанс легко затеряться. Хотя... надо бы срочно поменять костюмы на местный колорит. Так, а в чем здесь ходят? О! Вон у дверей грозно замерли два рослых гоблина в шотландских юбочках, расшитых безрукавках с сияющими нагрудниками и рогатых шлемах. Годится.

– Жан, как тебе размерчик?

– Думаю, подойдет. Будем вызывать их на поединок?

– Нет. Сегодня я попрошу тебя поступить не по-рыцарски. Просто подойди к ним и без всяких объяснений стукни башкой об башку.

– Не слишком громко, – напутствовала его супруга.

Жан справился с задачей блестяще. Может быть, впервые за долгое время нашей дружбы побив врага без лишних вопросов. Он строевым шагом направился к удивившимся гоблинам и, ухватив каждого за рога на шлеме, стукнул бармалеев лбами. Стража рухнула, как мачтовые сосны. Мы дружно оттащили их за угол, раздели, связали спина к спине их же поясами, заткнули рты рукавами рубашки Бульдозера. Бедолаги слишком тяжело треснулись, головы у гоблинов не слишком сильное место. Пока Лия бдила на стреме, мы быстро переоблачились.

– Милорд, вы неотразимы!

Я честно старался посмотреть на себя со стороны критическим взглядом. Кольчуга явно велика и сидит на мне, скорее, как кованое платье с шлейфом модели последней технической революции. Про шлем и говорить не приходится, это все равно что ведро на голову надеть – закрывает аж до подбородка. К тому же левый рог больше правого, из-за чего меня постоянно кренил в сторону. Жаль, нет зеркала, я бы искренне поохотал сам над собой в таком несуразном наряде. Жану легче, он большой, на него доспех пришелся впору, но вечная ворчунья и тут нашла способ всем испортить настроение:

– Лорд Скиминок, правда же, он совсем не похож на нечисть? Рожу бы скривил, что ли... Ну, постарайся, постарайся... Ничего не выходит! У тебя слишком умное лицо. Взгляни на милорда! Вот уж кто настоящий гоблин! Ни капли грима не надо.

Я почувствовал жгучее желание запустить в нее чем-нибудь потяжелее спичечного коробка.

– А вот мне костюма не досталось. Может, погуляем, поищем кого помельче? Тут наверняка лакеев и пажей просто горстями грести. Давайте поймем одного. Только чтобы камзолчик был приличный и не старорежимного фасона. А то, знаете, сейчас ведь сильно приталенные уже и не носят...

– Милорд, – на ухо предложил призадумавшийся Бульдозер. – Мы можем сделать из нее пленницу. Нарядим в рвань, вымажем грязью, свяжем руки и будем водить на веревочке...

– Блестящая идея! – воодушевился я.

В знак мужской солидарности и полного взаимопонимания мы пожали друг другу руки. Лия, задохнувшись от негодования, выпучила глаза и хватала ртом воздух, как выброшенный на берег карась. В две минуты мы ее так извозили в саже из близстоящего коридорного камина, что даже ее умершие родители перевернулись бы в гробу, если б кто-то стал утверждать, что это огородное чучело – их дочь!

После содеянного, сладостно ощущая в душе чувство глубокого удовлетворения, мы двинулись вперед. Утруждать себя поисками правильного пути было бессмысленно. Черт его знает, где здесь что? Я, признаться, волновался лишь по одному пункту – почему нас еще не ловят? Беспечность или ловушка? Если обычная безалаберность, то это ничего. Пока успеем осмотреться и хорошенько покурлесить, всегда есть время нас поймать. Если стандартная западня – значит, они хотят, чтобы мы залезли поглубже и упростили им задачу нашего сцапывания. Наивные... Ведь чем глубже мы залезем, тем труднее будет нас оттуда выковырять!

Первыми навстречу попались четверо вампиров. Обычно они стройные, но эти парни

были безобразно раскормленные. Лия их сразу заинтересовала. Она всех почему-то интересуется.

– Новая пленница? Какая замарашка, но миленькая! Ведете в подземелье?

– Да! – хрипло ответили мы. Причем все трое одновременно.

– Замечательно! – обрадовались толстячки. – Значит, как всегда?

– Угу, – неуверенно переглянулась наша банда. Потом я взял нить переговоров в свои руки. – Добрые кровопийцы, мы с другом здесь новенькие. Поймите нас правильно, не хотелось бы нарушать сложившихся традиций, но... Как всегда – это как?

– Да как обычно! Сначала с ней потешатся стражники, потом ее кровь наполнит наши желудки радостью, а уж мясо и кости – ваша законная доля.

Лия эффектно подкосила ноги, театрально погружаясь в самый аристократический обморок. Вампиры счастливо засучили лапками:

– Померла, померла! Не надо ее никуда тащить, тут на месте и разделаем!

– А ну, убери свои грязные когти от моей законной и горячо любимой жены! – ревнивым бизоном взревел оскорбленный Бульдозер. Понятное дело – он сразу заложил нас с потрохами!

– Вы не гоблины! – прозрели враги, выхватывая длинные кинжалы.

– Да, поганые пожиратели гербалайфа! – Волна багровой ярости захлестнула сознание, и мне было плевать на то, что нас так быстро раскрыли. Я не шпион, я – воин! Проникать тайком, резать горло спящим, нападать со спины и всю жизнь ходить в черной маске... Нет, увольте! Я упоенно засандалил рогатым шлемом в лоб близлежащего жиртреста. Зазвенели клинки. Со всех сторон раздались крики и топот. Как глупо мы попались.

– Жан, уноси Лию! Я прикрою отход.

– Но...

– Выполняй приказ, оруженосец!

– Я вернусь за вами, милорд! – С девчонкой на руках он кого-то сбил по пути и рванул по правому коридору.

Каким-то чудом я ухитрился вылезти из кольчуги и вложить всю душу в Меч Без Имени. Они меня знали... Знали и боялись! Я не считал врагов, меня прижали к стене и отступить было некуда. Ноги скользили в крови, а самые безумные берсерками лезли под мой клинок. Давайте, давайте... С Мечом Без Имени я смогу держать оборону весь день, а если понадобится, то и... Худющий гад в черном разбил медицинскую колбу прямо передо мной. Желтый дым заволок коридор. Больше ничего не помню...

Плен. Тоже мне трагедия! Мало ли я был в плену. Если перечислять по порядку: в тюрьме Вошнахауза сидел, у Ризенкампа в Локхайме сидел, у барона де Стэта сидел, у Озабоченных Орков сидел, у рогатого альбиноса Бесса сидел, у Смерти... впрочем, там скорее гостил. Теперь вот тут сижу. Никакой разницы. Темница вполне приличная, в этом плане мне почти всегда везет. Сухо, скамеечка есть, руки-ноги не связаны. Лежу на соломенном тюфячке, мне тепло и уютно. Меча, конечно, нет. Дураком надо быть, чтоб его оставить. Ладно, сам попозже заберу. Вон, ключ закрипел в дверях. Кого несет? Для спасителей рановато, а тюремщики могли бы и подождать. Так хотелось отдохнуть, но ведь не дадут...

– Вот ты и попался, грязная свинья!

Раюмсдаль. Кто же еще? Только по однообразию эпитетов уже ни с кем не спутаешь – на

что-то более оригинальное у него фантазии не хватит. Господи, вот уж от кого я действительно устал...

– Послушай, принц. Избавь меня от своего лучезарного присутствия. Не хочу портить маникюр об твою прыщавую физиономию.

– Негодяй! – взвыл долговязый внук, не решаясь, между прочим, перешагнуть порог моей камеры. За его спиной переминался с ноги на ногу коварный Зингельгофер с телохранителями. – Паршивый пес, ты еще смеешь повышать на меня голос?! Мы заманили тебя в ловушку, твоего дракона больше нет, твои друзья разбежались, ты будешь умолять меня о легкой смерти!

– Что?! Что-то случилось с Кроликом? – привстал я. Мой верный друг, белый дракон с дефектом речи, если они его хотя бы поцарапали...

– Мы дали ему напиток Вечного Забвения. Твой глупый зверь никогда не поднимется с нашего холма. Вороны расклюют его спящего! – фальцетом выкрикнул экс-жених.

Я неторопливо встал, взял наперевес табуреточку – вражины мгновенно попрятались, а из дверного проема оцетинились копыя.

– Закройте дверь с другой стороны, кретины! Я буду разговаривать только с бабушкой. А сейчас – вон!

Табуретка разлетелась в щепки, ударившись о вовремя прикрытую дверь. Сволочи! Нужно срочно предупредить Горгулию Таймс, пусть поможет Кролику. Если он только спит, то мы сумеем его спасти. Жан и Лия, по-видимому, еще в бегах, иначе принц не преминул бы похвастаться их поимкой. О себе я не волновался, у меня есть козыри в рукаве, но об этом молчок.

– Вы отчаянный человек, ландграф. Как я счастлива, что не ошиблась в выборе героя!..

– Кэт! – В углу камеры за моей спиной появилась классическая богиня.

Катариада – самая красивая из всех виденных мной женщин. Она богиня. Богиня любви и красоты этого мира. По общему мнению, небожители бесплотны. Брехня! У нее такая грудь... Один раз она меня даже поцеловала.

– Кэт, я ужасно рад вас видеть!

– Я тоже. Вижу, вы не успокоились и снова влезли в совершенно невероятное приключение.

– Плен иногда бывает полезен. Дает возможность не торопясь подумать, выспаться, отдохнуть от суеты. Так что не беспокойтесь обо мне, расскажите лучше, как вы сюда попали?

– Пришла к вам в гости.

– А у меня даже нет возможности предложить вам сесть. Последнюю мебель я только что разнес об дверь, выгоняя отсюда хозяев.

– О, да вы невежливый гость!

– Меня сюда особенно не приглашали. Принесли, предательски отравив газом. Местные умельцы наострились делать такие пакости, что честному рыцарю просто некуда податься со своими устаревшими принципами. Как ставки наверху?

– Сравнялись. Все убеждены, что из Зубов вам живым не выйти, слишком неравное соотношение сил. Но мне кажется, вы, судя по всему, не настроены на героическую кончину?

– Нет, я не намерен повторять подвиг Гастелло, унося с собой в бездну Ада весь этот злачный квартал. Смилуйтесь, Кэт! Я уже добрых пять минут ломаю комедию, как диктор на канале ОРТ, а у вас такие грустные глаза...

– Скиминок... – Ее тонкие пальцы осторожно коснулись моей небритой щеки. На длинных ресницах богини блеснули хрустальные капельки. – Здесь действительно очень опасно...

– Подумаешь. Временами я такой храбрый!

Катариада сделала еще шаг и прижалась лбом к моему плечу. Мы стояли молча. Я чувствовал, что рубашка мокнет от ее тихих слез, и не мог решиться обнять такое чудо. Казалось, даже мысль о том, чтобы лишь взглянуть на нее как на женщину, была бы самым страшным святотатством. Она – богиня! Второй такой нет. Как бы я ни относился к Луне, как бы ни восхищался Танитриэль, как бы ни любил Лию и Веронику – никто никогда не займет место Кэт в моей душе! Есть же хоть что-то святое...

– Я должна вывести вас отсюда. Гнойленберг не хочет повторять ошибку своего сына. Скоро в камеру войдут воины с арбалетами. Вас приказано просто убить.

– Не романтично, – мрачно фыркнул я.

– Девочка и рыцарь в безопасности, им удалось оторваться от погони. Они идут в тронный зал. Ваш оруженосец полон решимости покончить с тайной Зубов. Они погибнут.

– Чертов Бульдозер! Вечно лезет куда не просят, а еще трус называется. Получит он у меня по первое число, диверсант паршивый!

– Какой же вы свирепый, ландграф, – улыбнулась богиня, хлопая мокрыми ресницами. Волшебство... Просто как солнышко сквозь тучи проглянуло. Ах, Кэт! – Но поспешите, еще один человек нуждается в вашей помощи. Дело в том, что барон де Стэт тоже прячется в замке.

– Луна?! – молнией сверкнуло в мозгу. – Она же пошла выполнять заказ королевы Локхайма. Как ей удалось влезть в это осиное гнездо?

– Ее поймали гоблины при неудавшемся покушении на жизнь барона. Наемницу держат в пыточной башне. Она еще жива. Вы должны успеть...

Тяжелая дверь открылась без малейшего скрипа. Уродливые стражи у входа замерли соляными столбами, глядя сквозь нас стеклянными глазами. Мы торопились. Уже на бегу я хлопнул себя по бедру и вспомнил о мече. Помнится, Матвеич подсказывал, как быть в таких случаях. Достаточно позвать, и Меч Без Имени вернется. Главное, чтобы руки были свободны, если ты связан подобно куколке бабочки, то на кой тебе меч рядом? Только лишние слезы. Мы не очень долго шли, тюрьмы и пыточные камеры обычно находятся рядом. Кому охота тащить умирающего узника к черту на рога в отдаленный микрорайон. А ведь потом надо еще и нести бесчувственное после допроса тело обратно.

– Здесь. – Катариада указала на приоткрытую дверь.

Я огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого. Отбойного молотка, кирпича или гаубицы поблизости не оказалось.

– Их четверо. Я не смогу вам помочь.

– Точно, не женское это дело.

Когда я обернулся, богиня исчезла. Лишь неуловимый аромат ее неземных духов говорил о том, что еще мгновение назад она озаряла мою жизнь небесным светом. Это не любовь, нечто иное...

Я прислушался, вжимаясь спиной в стену. Знакомый голос барона был все так же мелодичен и певуч:

– Какая грудка у девочки! Ах, ах, ах... Даже не хочется портить ее раскаленными

щипцами. Это ведь будет больно, очень больно. Вместо жарких губ любимого – белый металл и запах горелого мяса! А все почему? Потому что непослушная разбойница вместо того, чтобы убить ландграфа, влюбилась в него! Так нельзя, лапочка.

Что же такое подходящее я видел в американских боевиках про полицейских? По-моему, сначала дверь распахивают ударом ноги, а потом...

– Все арестованы! – Я заревел так, словно хотел изобразить милицейскую сирену. Присутствующие окаменели на несколько секунд – никогда не помешает, чтобы враги считали вас чуточку сумасшедшим. Для этого надо громко орать и совершать нелогичные поступки. Но главное – все делать быстро. Иначе опомнятся – и вам хана! У самого входа стояла бадья с рассолом, в ней мокли розги. Барон не успел даже пикнуть, как я одел ему ее на голову. Потом пнул жаровню с маслом, облив горячей жидкостью голые ноги гоблина с топором и тупыми глазами. Палач схватился было за нож, но я выхватил из красных углей раскаленные щипцы и ловко цапнул его свиное ухо. Камера наполнилась переливчатыми криками, воем и визгом. К деревянной скамье ремнями была привязана Луна. Я подобрал нож палача, через минуту мы уже бежали по коридорам. На шум и крики начала собираться стража. Еще немного, и весь замок будет похож на гнездо диких ос. Мы вжались спинами в какой-то уголок, мимо пробежали трусоватые монстры Зингельгофера. Последний, самый высокий, почему-то вернулся, долго вглядывался в плохо скрывавший нас сумрак, пока наконец не решился спросить:

– Это вы, милорд?

– Жан?

– Я, лорд Скиминонок!

Мой оруженосец восторженно сжал меня в медвежьих объятиях.

– Уф, пусти, амбал, – все ребра переломашь! Лучше бы жену так обнимал, глядишь, и она в твою сторону поласковее поглядела. Где Лия?

– Послала меня за вами, а сама решила пойти искать Раюмсдаля. Говорит, что хочет все ему высказать прямо в лицо.

– И ты ее отпустил?

– Ну, как вы могли подумать? Я ее запер в какой-то комнатке. Для ее же безопасности. Ой, это вы, леди Луна?!

– Здравствуйте, Бульдозер. – Наемница высунулась из-за моего плеча, протягивая руку трусливому рыцарю.

Жан галантно коснулся ее губами, поднял глаза и...

– Но вы же ранены!

– Что?! – Я повернулся к Луне и впервые внимательно оглядел ее. О Господи... Облегающий костюм был не изорван, а скорее исполосован, в длинных дырах были видны синяки, царапины и ссадины, до сих пор кровоточащие. Из уголка губ сбегала неровная струйка крови, левая скула почернела от тяжелого удара. Нервный розовый туман вновь стал завлакивать мое сознание...

– Нет, милорд! – вцепился в меня Бульдозер.

– Уйди с дороги, я хочу поговорить с бароном!

– Не надо, лорд Скиминонок! – Наемница повисла у меня на спине. – Не сейчас! Я в порядке, мне и не так доставалось. С бароном должна разобраться я сама – это моя работа. Оставьте его мне, пожалуйста.

– Ладно. Пустите. Только ради вас. Но не лишайте меня возможности убить следующего

негодяя, который попытается косо посмотреть на вашу прическу!

– Как скажете, милорд, – перевозмогая боль, улыбнулась она.

– Теперь все за Лией, берем ее в охапку и двигаемся на поиски тронного зала. То, что мы ищем, – там!

– Но откуда вы узнали? – поразился Жан.

Люблю его за это, он всегда так искренне удивляется. Приятно чувствовать себя очень умным.

– Катариада сказала. Она же и вытащила меня из камеры.

– Это та самая богиня? – с непонятной напряженностью в голосе вступила Луна.

Так... Я хоть когда-нибудь научусь правильно разговаривать с женщинами?

На этот раз Лия повела себя крайне благоразумно. Вместо того чтобы в лучших традициях мелодрам закатить мужу скандал, она лишь кротко пообещала устроить ему сладкую жизнь чуть позже. В ее голубых глазах светилась такая простота и смирение, что Жан невольно сделал шаг назад. Девушки чмокнули друг друга в щечки. Лия поохала и поахала, разглядывая побитую Луну.

Комната, в которой мы находились, была небольшой кладовой для хозяйственного инвентаря. Мы кое-как расселись на ведрах, приспособили под спины веники со швабрами и быстро скорректировали план действий:

– Почему все убеждены, что мы пойдем в тронный зал?

– А как же, милорд! Его так охраняют! Уж наверняка именно там спрятаны Зубы!

– Лия, Зубы – это то, где мы в данный момент находимся! Ты искренне считаешь, что на троне в стеклянной витрине лежит вставная челюсть Ризенкампа? Только в сказках Кощей Бессмертные умирают от перелома иглы. Все слишком просто. Нам дают спокойно войти, погулять туда-сюда, попасть в плен, уйти из плена, освободить друг друга, встретиться и пойти за главным искомым в тронный зал. Кто-то очень хочет, чтобы мы туда пошли. Вспомните, какого бы размера ни был этот замок – в нем набиты толпы народа. При желании они могли бы перекрыть все коридоры, ходы и переходы, переловить нас как цыплят в течение получаса.

– Вы исключаете элемент воинской удачи, – неуверенно вступил Бульдозер.

– Об этом я и толкую, мой недалекий друг. Нам СЛИШКОМ везет! Невозможно, феерически неправдоподобно! И все ради того, чтобы мы попали в тронный зал.

– Но ведь и Катариада советовала вам пройти туда, – вспомнила Луна.

– Было дело. Я же не отказываюсь, просто рассматриваю и другие возможности.

– Ну, если уж нас там так ждут, то, может быть, не стоит разочаровывать хозяев. Может быть, все же пойдем и покажем, а? – еще раз вякнула белобрысая догада.

– Да, стратег. Я ведь и вправду как разойдусь – туши свет, бросай гранату! Полетят клочки по закоулочкам! Ни своих, ни чужих не различаю, лучше падайте головой в угол, затыкайте уши и не шевелитесь...

– Зачем вы так, лорд Скиминок? – с мягким укором остановила меня наемница. – Мы же не спорим с вами. У нас просто нет должного опыта по захвату замков.

– Ага, а у меня есть!

– Мы так и знали! – дружно заулыбались все.

Я прикусил язык, боясь выдать что-нибудь лаконичное по существу, но не для дамских ушей. Да и Жан периодически краснеет от моих выражений... Я прикрыл глаза и попытался

настроиться на небо с облаками.

– Все, все. Мне спокойно, мне хорошо... Все тихо. В полях ромашки, на деревьях птички, в пруду рыбки – всем хорошо! Я весь в нирване. Салам Аллаху, привет Будде, хари Кришне! Наступил покой и умиротворение... Какого черта вы тут сидите, идиоты?!

Все вскочили на ноги, вытянувшись по стойке «смирно».

– За мной! Первый, кто обнаружит металлический провод, получит медаль за отвагу.

– А что такое провод? – пискнула Лия.

– Такая длинная веревка с медной ниточкой внутри, – рыча, объяснил я. – Еще вопросы есть?

– Никак нет, милорд.

Порой мне трудно объяснить логичность собственных поступков. Знаю, что надо поступать, так и все. Зачем, почему, с какой целью, каков предполагаемый результат – разберемся по ходу дела. Помнится, у Ризенкампа в Локхайме была целая лаборатория. Он даже хвастался наличием в своем роду магов, психологов и ученых. Если это имело место там, то как же должна быть оборудована база? Может, именно сейчас, когда мы гуськом крадемся по переходу, старушка Гнойленберг любит нас в десяток цветных телевизоров. Видеокамеры внутреннего слежения? Запросто! Я посмотрел на каменную горгулью, украшавшую потолок. Убежден, что видел таких уже не раз.

– Жан, ну-ка подними меня повыше. Точно! Опустит. За нами следят через глаза этой нечисти. Подпрыгни и разбей!

Бульдозер повиновался без пререканий. Один удар гоблинского топора, искры и – тонкая техника разнесена в щепки.

– Разбивайте каждую такую по пути. Всех не поломаем, но весомо уменьшим шансы на нашу поимку.

– Провод!

– Умница, Лия. Где нашла?

– Вот, внизу тянется. Мы пойдем за этой веревочкой?

– Да. А вась куда и выведет.

Мы недолго шли. За поворотом стояли шестеро охранников. Их спины скрывали черную дверь с табличкой «Не влезай – убьет!» с черепом и молнией.

– Это оно!

– Как вы узнали, милорд?

– Не высывайся! Увидят. Очень просто – в моем мире полно таких табличек. Они типовые, ни с чем не спутаешь. Ты сможешь взять на себя четверых?

– Хоть всю пятерку! – гордо махнул топором Бульдозер.

– Отлично. Только не завязни в долгий бой, у нас проблемы посерьезнее.

Жан надвинул шлем поглубже на брови и решительно шагнул из-за поворота. Стражники расслабились, ведь гоблины были своими. Двое рухнули, так и не поняв, что произошло. Следом бросились мы. Через минуту все стихло. Часовые валялись или убитые, или без сознания. Я осторожно открыл дверь. Так и есть! Все заполнено счетчиками, датчиками, прочей научной аппаратурой. Все мигает, пиликает, переливается разноцветными лампочками. Посередине на высоком столе утыканный проводами стеклянный колпак. Мы подошли поближе. Луна сдвинула брови, Лия опять разохалась, Жан забормотал молитву – внутри колпака плавал черный мозг! Теперь мы точно попали именно туда...

– Что это, лорд Скиминок?

– Подумай.

– Не может быть...

– Очень даже может, ребятушки. Помнится, князь рассказывал, что род Ризенкампфа воспроизводится не совсем обычным способом. Все замешано на уровне генетики. Где-то имеется ДНК классического злодея, на ее основе выращивается мозг, а уж как его вселяют в тело... можно только гадать. В наследника закладываются необходимые знания, навыки, весь опыт прошлых поколений. Теоретически каждый новый тиран должен быть гораздо опаснее предыдущих.

– Да, но Раюмсдаль глуп, как пень, – удивилась Луна.

– Дело случая. В семье не без урода. Всего предусмотреть невозможно, но обратите внимание на его чрезвычайную жизнестойкость. Из Вошнахауза сбежал, в Башне Трупов уцелел, из замка Бесса спасся, от догоняющего Локхайма ушел, при моем воскрешении тоже успел исчезнуть вовремя. Думаю, что после полноценного воспроизведения сына, он получил бы здесь титул регента, дополнительные магические силы, и выход на все технические новшества. Тогда действительно не окажется реальной силы, способной его остановить. Хотя, как вы понимаете, – это всего лишь гипотеза.

– Ты очень недалек от истины, ландграф... – Между нами и заспиртованными мозгами возникло печально знакомое лицо. Не знаю, на что оно рассчитывало, но удовольствия от вида нашего испуга ей получить не удалось.

– Жан, прижми дверь чем-нибудь помассивнее. Не люблю, когда мешают приватной беседе, а ведь сейчас точно кто-нибудь заявится.

– Да, несчастные! Через минуту здесь будут верные мне воины – и всем вам придется испить чашу мучительной смерти! Ай! Что вы делаете, варвары?!

Так, ничего особенного. Просто трусливый рыцарь, выполняя мой приказ, отрубил кучу проводов и прикрыл дверь массивной медицинской машиной. В колпаке появились пузыри, видимо, что-то стало поступать с перебоями.

– Я уничтожу вас!

– Эй, бабуля! В ваши годы о душе думать надо, а не на молодежь рот разевать, – деловито отметила Лия. – Я, конечно, все понимаю: после шестидесяти в голове одни маразмы, но вредничать-то зачем? Если уж достался такой скверный характер и нет возможности примириться с ветром перемен, то могу замолвить словечко самой Горгулии Таймс. Она по благу устроит вас в специализированный санаторий для ведьм. Крестики, черепушечки, кровавые оргии, срамные танцы по воскресеньям – вам понравится!

– Замолчи, девчонка! – яростно закричало лицо, делая отчаянную попытку укусить нашу подружку щербатой пастью. Лия красивым кувырком ушла в сторону, сбив по дороге дорогостоящие капельницы, и намертво запуталась в проводах.

– Только не ножом! – предупредил я спешащую на помощь Луну. – Все под напряжением, лучше просто выдергивайте.

– Ты не посмеешь, Скиминок! – страшно выкатывая глаза, зашипела старуха.

Пузырьки в колпаке прекратились, но уровень жидкости начал неумолимо падать. В дверь забарабанили. Положение кислое. Прорваться с боем вряд ли удастся. Лицо-призрак не способно причинить нам вреда, но угрозы мерзавцев с другой стороны более реальны для воплощения. Решение пришло быстро.

– Лия, Луна, стройся за моей спиной. Бульдозер. Будешь прикрывать тыл. Приготовьтесь к самому худшему! Я лично не знаю, что произойдет, но надеюсь, что госпожа Гнойленберг подумает и решит о нас позаботиться. Все готовы? – Я отодрал от стола стеклянный сосуд с черным мозгом и перевернул вверх дном, чтобы жидкость не вытекала.

– Убийца-а-а... – заскулила старуха. Двери сорвались с петель. Вооруженные люди и нелюди молча уставились на нас.

– Если я уроню это на каменный пол, то наследнику трона – капут! Бабулечка-красотулечка, мне кажется, в ваших интересах самолично проводить нас в тронный зал. И без фокусов.

– Делайте, что он говорит, – выдавило лицо.

Соображает быстро, но ведь наверняка учинит какую-нибудь бяку. Это у них в крови, они иначе не могут. Ладно, а пока мы прогуляемся туда, куда нас все так хотели отправить. Зачем? Вот и выясним. Старушечья физиономия, подергиваясь, поплыла впереди, показывая дорогу. Злобные монстры бессильно сжимали в руках оружие, но не могли послушаться приказов своей госпожи. Эх, жизнь-жестянка! Успела ли Вероника предупредить князя? Сумеет ли Злобыня вырвать дружину мне на помощь. Разбудит ли Горгулия Таймс бедного Кролика? Нет, она об этом даже не знает. Вот если Танитриэль догадается привести Тающий Город по-ближе к Зубам... Тогда у нас есть расплывчатый шанс вернуть Меч Без Имени, прорваться к выходу и сигануть на борт, а там давай Бог ноги! Вернемся с войсками, довершим остальное. Конечно, хорошо, если бы еще...

– Тронный зал!

Значит, прибыли...

– Чего ты хочешь, ландграф?

Ну, так я сразу и сказал, подумать надо... Более всего тронный зал напоминал празднично украшенный бункер. Представьте себе огромное помещение с низким потолком, сырые стены из серого камня, кое-где декорированные потертым бордовым бархатом, мебели никакой, зато не менее восьми входов. Углы украшены уродливо-реалистичными изображениями бронзовых демонов. Полы укрыты толстыми красными коврами, посередине, на гранитном алтаре, – богато отделанный черный гроб. Воины Раюмсдаля, ужастики Зингельгофера и гоблины де Стэта выстроились вдоль стен и не сводили с нас плотоядного взгляда. Их многомудрые командиры тусовались особнячком, явно строя очередной план захвата. Чуть в стороне без лишнего шума приплясывали кришнаиты. Их было не очень много, но наверняка все самые главные. Вот мне, например, уже в горле стоит необходимость вечно убегать, а им, интересно, не надоело нас все время ловить? Других дел нет, что ли?.. Мы прошли в центр зала и остановились около гроба. Гневное лицо бабушки Раюмсдаля повисло рядом.

– Чего ты хочешь, ландграф?

– Рюмку шнапса! – почему-то вырвалось у меня. – Эй, бабочка! Неси курки, млеко, яйки! Шнеллер, шнеллер...

– Ничего не понимаю.

– Это у вас фамильное. Я хочу знать, как вы намеревались захватить Серединное королевство. Расскажите-ка нам поподробнее о ваших милитаристских планах.

– Зачем тебе это, смертный?

– Так, из спортивного интереса. В принципе особенного значения не имеет, но все же...

– Не надейся на помощь. Спрашивай!

– Кто придумал напустить в страну кришнаитов?

– Я. Необходимо было насытить армию недумающими, хорошо подготовленными кадрами, а заодно внести смуту в города.

– Глупо. В средние века чуждые религии так легко не прививались. Народ быстро придет в себя, и ваших кришнаитов будут попросту бить!

– Как сказать. Это все же шанс. Разрушив веру, несложно изменить и устройство мира. Мы направили наших учеников по всем городам, снабдив их необходимой магией, деньгами, оружием. Психотропные средства, добавляемые в пищу, легкоусвояемые наркотики, серьезный подбор руководства и строгая иерархия. Плюс полная конспирация...

– Бронзовый Кришна – это заводная игрушка, последняя супер-модель металлического кибера или оживший бог?

– Тебе не понять. Это очень древняя и мощная магия. Насыщенный жертвами идол при помощи определенных заклинаний на время пробуждается к жизни.

– Покушение на Плимутрока I – тоже часть вашего плана?

– Естественно. Его должен был убить человек, которого все знают, герой, борец со Злом и твой сподвижник.

– Для этого вы и охмурили Бульдозера... Страсть как коварно и изысканно! Оруженосец лорда Скиминока убивает законного короля Соединенного королевства! Поневоле задумаешься, а так ли хорош сам ландграф, если у него такие оруженосцы?

– К несчастью, ваш король выжил.

– Спасибо за приятную новость. А кто взбунтовал окраины? Ведь они всерьез вознамерились возводить своих кандидатов на престол. Некий де Хорст, сколько помнится, хотел видеть на троне своего тестя...

– Наши люди везде.

– Почему в первый же день моего появления в Ристайле вы наняли наемного убийцу?

– Я приказала это сделать барону. Он давно имеет на вас зуб. Нам удалось спасти его от неприличной легкости тела. Но он сглумил, посылая эту девицу. Такие дела надо делать собственноручно.

– Приказ о цене за голову ландграфа придумали вы лично или кто подсказал?

– Это старое, проверенное средство, – поморщилось лицо.

– Ладно. Я так подозреваю, что и к заманиванию меня посредством охмурения Вероники в лапки вон того кастрата вы тоже приложили ручку?

– Да.

– Сколько времени нужно для того, чтобы вырастить наследника и привести Темную Сторону к присяге?

– Теперь уже меньше двух недель.

– Успели, – хором выдохнули мои ребята. Они всегда меня подбадривают. И правильно делают, между прочим, – в критической ситуации я резко свирепею и сразу же нахожу выход.

– И последний вопрос – где мой меч?

– Ты не увидишь его!

– Разобью стекляшку! Весь мозг порежется осколками, а выращивать второй нет времени! Поищем компромисс?

Лицо Гнойленберг кривилось от ненависти и гнева. Если бы ее взгляд убивал, я был бы похоронен еще сто лет назад, но даже будучи трупом, не мог бы укрыться от

всепоглощающей злобы старческих глаз.

– Ты не выйдешь отсюда живой!

– Вы его плохо знаете, – мурлыкнула Луна, прижимаясь ко мне круглым плечиком. Вот оно счастье... Можно и помереть спокойно.

– Лорд Скиминок вообще отличается редкой живучестью, – весомо добавил Жан, стараясь унять дрожь в коленях.

– Если кого и заберет себе Смерть, то сегодня у нее довольно большой выбор! – не улыбаясь продолжила Лия. Мне, видимо, тоже стоило что-то сказать, но я передумал, и так все ясно. Все, кроме нас, нервно завозились, осторожно поглядывая друг на друга. Не очень-то они все настроены на героическую гибель. Непонятно одно – зачем мы сюда пришли и что теперь с этим делать?

– Чего ты хочешь, ландграф? – вновь напомнило лицо.

Повисло тягостное молчание. Ни та, ни другая сторона не знала, чем в данный момент заняться. Так как я не решил, куда приложить руки, то и прочие надолго призадумались. Время тянулось медленно...

Первым не выдержал принц Раюмсдаль:

– Бабуля, ну, давай его убьем!

– Тогда он уронит черный мозг, – философски отметила старушка.

– Милорд, давайте разобьем колпак и размажем эти чертовы мозги тонким слоем по всему периметру, – попросила Лия.

– Тогда они бросятся на нас и всех убьют, – логично парировал Жан.

– Но делать-то что-то надо. Вы посмотрите, многие уже откровенно зевают. Мы не можем торчать здесь целую вечность, становится слишком скучно. Может, споем?

– Ну спой, – пожал плечами я.

Голубоглазая веселушка с чувством исполнила: «А ты не вейся, черный ворон...» Из рядов нечисти раздались нестройные аплодисменты. Народ слегка зашевелился. Висящее лицо госпожи Гнойленберг онемело от удивления. Я передал черного заложника Бульдозеру и, нахально шагнув вперед, исполнил цыганочку с выходом. Общее оживление крепло. Шестеро гоблинов гуськом выдали подобие «летки-енки» Гром оваций! Воины Раюмсдаля, посоветовавшись, грянули залихватскую разбойничью песню, сопровождая ее танцевальной пантомимой и на редкость спевшимся многоголосьем. Еще чуть-чуть, и зала начала бы напоминать дискотеку. Все напрочь позабыли, зачем приехали.

– Идиоты!!! – проснулась бабушка принца. Присутствующие стушевались и построжели.

– А кто, собственно, у нас в гробу? – неожиданно для самого себя поинтересовался я.

Лицо крайне вытянулось, и шипящий шепот перешел в негодующее кудахтанье:

– Ты... ты не посмеешь!

– Почему?

– Потому, что тогда мир рухнет!!! – драматическим фальцетом завизжала бабуля. Все в ужасе прикрыли глаза, но на меня перспектива крушения мира не произвела никакого впечатления. В средневековом сознании такие вещи действительно пугают, но для жителя двадцатого века угрозы светопреставления по той причине, что кто-то заглянет в чей-то гроб, просто смешны. Жизнь на планете не может кончиться из-за будничного любопытства.

– Если подойдут поближе – швыряй бомбу им под ноги! – предупредил я побледневшего Жана. – В чем проблема? Ты же всегда хотел быть легендарным героем, сражаться с Великой Неизбежностью, а умерев, возродиться в песнях и балладах. Вот и хлебнешь такого добра от

всей души!

– Не пугайте его, лорд Скиминок, – вмешалась Луна. – Хотите, я помогу вам сдвинуть крышку?

– Нет, нет, она тяжелая. Я сам.

– Не сметь!!!

– Поздно.

Крышка с глухим стуком упала на пол. Мы вчетвером заглянули внутрь, и даже ближайšie монстры вытянули шеи. Внутри была высохшая мумия, сжимающая в сухих пальцах Меч Без Имени.

– Это ваша? – вежливо обратилась Лия к нервно подергивающемуся лицу. – Я раньше никогда не видела мумий. Так интересно... И даже запах не очень противный. Вы молодец, хорошо за ней ухаживаете!

– Негодяи...

– Бабушка, ну давай их убьем!

– Кто положил сюда мой меч? Я не потерплю, чтобы оружие ландграфа ржавело в гробу среди разных бактерий.

– Милорд, в какую сторону мне бросать мозг? Они все шагнули к нам одновременно.

– У одного из гоблинов барона на поясе мои ножи. Надеюсь, никто не будет против, если я их заберу?

– Спокойнее, мальчики. Вы же видите, у него меч. Я не хочу, чтобы мои бедные гоблины порезались. Пусть сначала солдатики принца повоюют, а вы сразу хватайте девочек – и ко мне.

– Молча-а-ть! – перекрывая общую болтовню, завопила госпожа Гнойленберг. Мы нахмурились, но заткнулись. Вдруг и впрямь скажет что-нибудь интересное.

– Ты убил моего сына, ворвался в мой дом, сломал мои ворота, убил моих людей, отнял моих пленников, разрушил мою лабораторию, похитил моего правнука, открыл мой гроб... Уходи! Забирай своих друзей и навсегда уходи с земель Темной Стороны. Я не буду тебя преследовать.

– Что ж, со мной всегда можно договор... – начал было я, но Лия буквально взвилась, тараторя, как станковый пулемет Калашникова:

– Мы подумаем насчет условий вашей позорной капитуляции! Но сразу должна предупредить, что выкуп будет огромен, что сами Зубы должны быть снесены до основания, а на их месте можно открыть... например, пивную! Раюмсдаль отсидит лет пять в королевской тюрьме, там из него живо сделают порядочного человека. Барон де Стэт получит пятьдесят плетей и два полных срока исправительных работ в каменоломне. Зингельгофера – на галеры, он Веронику обидел. Всех кришнаитов отдать Голубым Гиенам, как миссионеров нового учения, пусть друг друга перевоспитывают. Воинам, гоблинам и прочей нечисти – два подзатыльника и амнистия.

– Это все? – подозрительно кротко вздохнуло лицо.

– Ну... почти. Я там в коридоре, направо, видела на стене симпатичный такой коврик. Можно забрать его в качестве контрибуции?

Старушечья физиономия стала наливаясь багровым светом и расти. Казалось, сейчас она раздуется, как туча, разразившись громом и молниями. Моя команда сгрудилась вокруг меня. Я демонстративно обнял Луну за талию, понимая, что это конец. Переговоры

кончились, сейчас произойдет то, что должно произойти...

– Убейте их!

– А как же... – начал было принц, но бабушка оборвала его на полупhrазе:

– Лучше пожертвовать тем, кого еще нет. Убейте их и не думайте ни о чем!

Враги осторожно двинулись вперед. Ах, как хорошо все начиналось... Не люблю умирать... Не нравится мне это. Я механически взялся за рукоять Меча Без Имени и... неожиданно понял, что рукоять прикручена к пальцам мумии серебряными проводками. Жан махом грохнул черный мозг перед нападающими. Грянул взрыв! Ей-богу, не понимаю, чего там могло шарахнуть?! Осколков не было, убитых вроде тоже, но гарью все заволгло.

– Смотрите все – он это сделал! – тонко взвыл зубастый Зингельгофер. – Он убил нашу надежду, лишил нас нового князя, отнял у нас силу и смысл жизни. Смерть ему!

– Смерть! – поддержали все не слишком уверенно, но атака началась.

Я рванул меч, холодная рукоять уверенно легла в мою напряженную руку. Старушечье лицо так страшно завизжало, что нападающие замерли. В мертвой тишине раздалось ритмичное тиканье. Хронометр? Будильник? Часовой механизм? О Боже! Они ведь там сплошь ученые. Что им стоит смастерить систему самоуничтожения?! Оборвав проводки, я непроизвольно включил счетчик...

– Помогите мне! – Общими усилиями мы подняли гроб и отложили его в сторону. Гранитный алтарь оказался скорее ящиком, наполненным проводками, схемами, брикетами динамита и чем-то еще не совсем понятным, но очень страшным. Тик-так, тик-так! Я подскочил к визжащему лицу и с размаху саданул плоской стороной меча по прозрачным губам. Старуха ошарашенно смолкла.

– Слушайте все! Здесь бомба с часовым механизмом. Динамита – на три Башни Трупов хватит. Кто хочет жить – бегите отсюда не оглядываясь!

– Динамит – это вроде твоего пороха? – вспомнил принц.

– Да, только в десять раз сильнее!

Раюмсдаль коснулся повязки на лице и, неожиданно развернувшись, рванул из тронного зала, как перепуганный заяц. Следом бросились более сообразительные командиры – Зингельгофер и де Стэт. Через пару минут зал опустел. Учитывая количество выходов, давки не было. Мы вчетвером удирали с не меньшей скоростью, кое-где даже опережая других. Но и в этот раз не все обошлось так гладко, как хотелось бы. За нашими спинами прогремел взрыв ужасающей мощи. Весь замок задрожал, начиная разваливаться, как карточный домик. Все рушилось! Стены падали целыми блоками, с потолка валились плиты, ломались колонны, вспучивался гранит полов, в воздухе пахло серой и кровью. Я не помню, как мы выбрались. Но уже будучи по ту сторону щербатых ворот, стоя среди ошарашенной нечисти, мы с ужасом наблюдали, как цельная скала, расколовшись надвое, начала делать жевательные движения. Зубы съедали сами себя! Громыкнуло еще два взрыва. Сверху посыпались камни и щепки. Через десять минут все было кончено.

– Мы победили?

– Не знаю, Жан. Вполне возможно... По крайней мере, мы наверняка разрушили Зубы.

– Милорд, – напомнила кареглазая наемница, – по моим скромным подсчетам вокруг нас около пятидесяти вооруженных монстров. Мне кажется, у нас есть хороший шанс не дожить до полной победы.

Меня вновь переполнило чувство необычайной теплоты к этой странной девушке. Она говорит, что мы умрем, и смотрит на меня самым влюбленным взглядом. Я понимаю, что не

могу дать ей ничего по тысяче объективных причин от моей женитьбы до сиюминутной гибели. И все равно не нахожу сил отпустить ее руку, отвернуться от ее лица, забыть хоть на время ее голос...

– Мальчики мои, их всего лишь четверо! Вперед! Тот, кто принесет мне голову тринадцатого ландграфа, получит любую из этих хорошеньких девчоночек. Кусайте, рубите, рвите, режьте – они ваши, детишки мои!

– Барон! – зарычал я. – А ну выходи на честный бой!

– Я тактик, а не самоубийца, – высокомерно ответил он.

Гоблины и кое-кто из монстров потянулись за оружием.

– Ух, и подеремся же мы сегодня! – страстно замычала Лия, влезая на шею Бульдозеру. – Конный бой! Ты смотри поосторожнее там своей дубинкой, а то еще колено мне поцарапаешь...

– Лиечка, может быть, не надо? Посиди в тенечке, я сам все сделаю.

– Надо!

– Милорд, у нее сабля. Она наверняка отрежет мне уши, – заныл трусливый рыцарь, сжимая в мускулистых руках здоровенный обломок бревна.

– Не отвлекай милорда, ты же видишь, что он влюблен!

Я и вправду с трудом обращал внимание на их постоянную ворчливую болтовню. То, что эти двое идеально подходили друг другу, не вызывало сомнений ни у кого, кроме них самих. Привыкнул. Поймут. Будут счастливы. Но спасибо не скажут...

Все устали. Гоблины напали на нас лениво и неохотно. Мы сгруппировались, давая достойный отпор с той же замученной неторопливостью. Бульдозер сбил двоих, я тоже там кого-то обезоружил. Лия больше шумела, чем делала дело. Найденной саблей она размахивала совершенно без толку, но с такой опасной небрежностью, что два раза я и сам еле увернулся. Луна куда-то нырнула и ушла за спины врагов. Через минуту длинный мужской крик повис над молчаливым лязгом битвы. Гоблины обернулись. У покореженных ворот истекало кровью безжизненное тело барона. В груди де Стэта торчал черный нож с клеймом одуванчика. Сидящая в стороне наемница зубами затягивала тряпочку, перевязывая рану на плече. Нечисть переглянулась, сплюнула, развернулась и... ушла! Мы остались одни, как полные идиоты. С нами просто отказались воевать. Я подошел к Луне и опустился на камушек рядом. Тут же под бок подкатилась белобрысая ревнивица, а сзади, тяжело дыша, бухнулся Жан. Говорить было не о чем. Хотелось отдышаться. Вот вроде бы и все... Зубы разрушены. Новый потомок рода Ризенкампа не выйдет в свет, хотя тайна его, рождения технически-биологическим путем, так и осталась нераскрытой. Только в книжках в самом конце все становится ясно. В жизни иначе. Я могу лишь поделиться своими догадками, но правды не знаю сам. Интересно, о чем думают мои спутники? Вот Лия, например, теперь жена рыцаря. Значит, она станет дамой высшего общества, заведет кучу ребятишек, наверняка, переустроит весь замок своего тестя по собственному вкусу и постарается как можно реже вспоминать бурную молодость с походами и стычками, пленом и прочими приключениями. Или вот Бульдозер. Теперь его простят, он получит высочайшее помилование, а за участие в разрушении Зубов еще какую-нибудь награду. Его папа выйдет из шока, будет гордиться сыном, быстро смирится с Лией и счастливо станет нянчить внуков. Луна... Сейчас она молчит задумчиво и по-детски многозначительно, а я даже не могу предположить, как сложится ее судьба. Останется ли она в тайных рядах наемных убийц?

Начнет ли новую жизнь, а мы от души поможем, представив ее во дворце короля? Иногда мне кажется, что более верной, нежной, доброй и заботливой жены найти невозможно! Господи, как я хочу, чтобы она была счастлива...

Откуда-то сверху раздался упоенный свист, и черноволосая девчонка остановила свою метлу эффектным виражом прямо перед нами.

– Всем привет! Как вы тут без меня, не очень скучали?

Мы отрицательно покачали головами.

– У, какие вы грустные. Устали, забегались, запылились... Сейчас бы хорошую ванну, потом плотный ужин, а? Не отвечайте, милорд, я сама все вижу. Сию минуту все будет исполнено.

– Не-е-ет! – Я едва успел вскинуть руку в протестующем жесте. Поздно! Появившаяся из ниоткуда бадья с ароматизированной розовой водой обрушила на нас целый водопад. Мы не ругались. Бесполезно...

Жан набрал каких-то досок и запалил костер. Мы расселись вокруг, пытаясь хоть немного просохнуть и согреться. Вероника ковырялась в развалинах, в надежде выловить какую ни есть колдовскую штучку.

– Лорд Скиминок, вот почему всегда так?

– Как?

– Ну, вот мы с вами воевали, сражались против всего этого, а оно просто раз – и взорвалось! Нас с детства пугали страшными Зубами, древние пророчества угрожали ужасающими последствиями, а на самом деле? Все лопнуло, как мыльный пузырь. Что же получается: Зубы – это миф!

– Да, Лия. В определенной мере да. Помнишь, какую славу раздул себе Ризенкампф? И благополучно отошел в мир иной. Я думаю, что любой злодей спешит создать для себя невероятную рекламу. Тогда обычный страх парализует человеческое сознание, и любое общество становится жертвой тирана. Вас с малолетства приучали бояться непонятного. Зубы были тайной за семью печатями. Но ведь и Темная Сторона тоже. Мы рискнули прийти и посмотреть. Что же оказалось? Темная Сторона вовсе не безжизненная пустыня. Зубы – всего лишь хорошо укрепленный замок. Если бы Плимутрок только осмелился послать крепкий боевой отряд, он бы взял Зубы своими силами. Но по причине воспитания, установившихся традиций, общественного мнения – ему просто не приходило это в голову! Для него подобная мысль – святотатство! Пророчества... Они всегда туманны и преувеличены.

– Как несовершенен мир... – грустно кивнули все.

– Выходит, что тайну логова Ризенкампфа мог раскрыть любой странствующий рыцарь? – продолжил тему Жан.

– В принципе – да. Но ведь наверняка и раскрывали! Пророчества, слухи, сплетни, обрывки сказок и легенд не растут на пустом месте. Я убежден, что не один воин доходил до этих ворот или умудрялся бежать отсюда. На основе их обрывчатых воспоминаний, щедро сдобренных фантазией и бахвальством, рождался миф о Зубах. Но мы дошли до конца, мы живы, возможно, это даже подвиг. Если, конечно, удастся вернуться в Ристайл.

– Почему нет? – удивилась Луна.

Она сидела на низком камушке, положив голову мне на колено. Самое странное, что Лие и Жану фривольность нашей позы казалась совершенно естественной. Наверное, я покраснел...

– Да ладно вам, лорд Скиминок! Луна – хорошая девушка и нам она нравится, – серьезно заключили мои ребята. Мы рассмеялись. К костру подошла недовольная Вероника. Похоже, поиски юной ведьмы завершились ничем. Она уселась рядом с нами в позе лотоса и, сжимая помело, пожаловалась:

– Совсем ничего нет, одни болтики и пружинки. Мисс Горгулия будет очень огорчена.

– А почему она сама не приехала? – утешительно похлопывая подругу, поинтересовалась супруга рыцаря.

– Не смогла. Успокаивает королеву Танитриэль, отговаривает от самоубийства, поит разными настойками...

– Что?! – Наверное, мы все подскочили.

– Да вы же сами попросили ее об этом в письме! А потом в Локхайме я отдала Ее Величеству второе. С ней началась истерика. Сначала она чуть не переубивала слуг, пытавшихся ее утешать, потом грозилась расшибить Тающий Город о ближайшую скалу! А когда утихомирилась, то заявила, что жизнь с таким позором ей не мила, и стала вязать петлю. Вот тут мы с мисс Горгулией ее и перехватили...

– Ничего не понимаю! – Коронная фраза Ризенкампа. Я ли это говорю?..

– Вот князь, тот сразу все понял. На окраинах вроде попритихло, так что он с дружиной двинулся в Вошнахауз, оттуда до замка Повара, потом через перевал к Бессу, а там и до Зубов рукой подать.

– Хорошо, но мы его ждать не будем, сами пойдем навстречу.

– Да, но...

– Что еще?

– Барон де Бесс деликатнейше просил вам передать... – Вероника наклонилась вперед, перейдя на заговорщицкий шепот.

– Говори внятно, здесь все свои! – возмутился я.

– Он просил передать вам, что очень сожалеет, но не может достойно ответить на ваши чувства. У него другая ориентация, и его давно ждет невеста. Он, конечно, очень вас уважает, совсем не хочет обидеть, надеется, что вы поймете его правильно и перенесете свою неожиданную страсть на другого мужчину. Если позволите, барон даже готов сам помочь вам с поиском партнера... Милорд!

Я пришел в себя лежа на теплой земле. Меня обведали тряпочкой. Ласковые руки Луны гладили мои волосы. Где-то рядом Лия переругивалась с Вероникой. Что-то часто я стал падать в обморок...

– Ты что сделала с нашим господином, дура?

– Сама дура! Я всего лишь раздала письма, как он и просил.

– Да он не мог такого написать, идиотка!

– Так что, по-твоему, я это написала? Он попросил мисс Горгулию посмотреть за Танитриэль, потому что она неприлично себя ведет.

– Не верю!

– А еще, самой королеве он ясно дал понять, что она просто достала его своей любовью!

– Все равно не верю! Лорд Скиминок – не Голубая Гиена, он не мог так заигрывать с белокурым рогоносцем!

– А ты откуда знаешь?!

– Да уж знаю!

– Ну, откуда? Откуда?

– А мы с ним целовались!

– Ах, вот оно как!

– Да, вот так! Что, завидно, завидно, завидно?!

– Бульдозер... – жалобно попросил я. – Унеси их обеих куда-нибудь подальше, дай мне умереть спокойно.

– Слушаюсь, милорд. Только не спешите на тот свет. Все объяснится, мы сумеем разобрать эту страшную путаницу.

– Луна?

– Да, любимый...

– Я ни в чем не виноват. Я не отфутболивал Танитриэль, я не пылаю любовью к мужчинам-альбиносам, я не...

– Не надо. Лежите. Жан прав, в конце концов все выяснится.

– Вы не бросите меня?

– Нет. – Я сжал ее руку и счастливо прикрыл глаза. На меня снизошел короткий, исцеляющий сон. Я видел Астрахань, мы с Луной катались по Волге на парходике, ели мороженое, пили сок, болтали о поэзии. Она настолько естественно вписывалась в мой мир, словно только здесь и жила. Я обнимал ее, что-то шептал на ухо и, даже проснувшись, еще чувствовал на губах свежий вкус ее поцелуев. А разбудил меня грохот...

– Не волнуйтесь, милорд. Это всего лишь Кролик.

– Кролик?

И впрямь, на развалинах Зубов, как курица на насесте, устроился огромный белый дракон. Вид у него был взмыленный и невыспавшийся.

– Сто усе, все консилось? Лолт Скиминок, так не сесно! Посему вы меня не подостали?

– Дрыхнуть меньше надо! – цыкнула суровая Лия.

Жан придерживал их с Вероникой за воротник. Две подружки напоминали двух сцепившихся собачонок.

– Ладно... Поехали домой. Дружище, довези-ка нас до замка Бесса. Порешаем кое-какие дела, оттуда в Локхайм, а потом перехватим Злобыню, и все в столицу.

– Холосо. А кте влаги?

– Де Стэт мертв. Раюмсдаля и Зингельгофера мы не видели. Может, погибли в развалинах, а может, удрали по ту сторону Зубов. Кришнаитов, кстати, тоже не было заметно. Да, ну их к лешему! Пусть радуются, если сумели сбежать. Вернусь в Ристайл – объявлю общекоролевский розыск по системе Интерпола. Поймают и без нас. Ну, так что, поехали?

Мы летели не слишком долго, зато очень быстро, потому что страшно хотели попасть в замок к ужину. Все здорово проголодались, но предложение Вероники наколдовать для нас бифштекс из медвежатины с кровью мы отвергли с редким единодушием. Никому не улыбалось в случае ее невинной ошибки удирать от расцарапанного в кровь медведя. Я на время полета сумел забыть и отставить в сторону разрешение этих маленьких загадок, отравивших всем жизнь. Из-за деревьев показались аккуратненькие башни замка. Похоже, за несколько дней нашего отсутствия здесь безостановочно велись восстановительные работы. Здание выглядело как новенькое. Ни малейших следов огня, войны и разрухи. Нас заметили. Вверх взвились флаги, загрели трубы, а Кролик самостоятельно решил дать круг почета, планируя вниз так мягко, словно снежинка под Рождество. Мы поочередно прыгнули с

гребня дракона под овации приветственной делегации во главе с белокурый хозяином.

– Лорд Скиминок, я счастлив приветствовать вас в добром здравии! Мой замок и все, что в нем есть, – к вашим услугам.

– Помните, раньше вы утверждали, что к моим услугам не только замок, но и вы сами лично?!

Лучшая защита – нападение. Барон закашлялся, ища взглядом поддержки. Мое лицо было предельно каменным.

– О... да! Но... вы ведь не имеете в виду...

– Что имею, то и введу! – уже перейдя всякие границы приличия, сверх откровенной пошлости добил я. Со мной такое не часто. Довели... – Что вы себе навоображали, идиот несчастный?! Да я вам за такие мысли морду набью! Письмо он получил... Какое-такое письмо? А ну, подайте его сюда сию же минуту! Если там есть хоть намек на... Я при всех брошусь грудью на Меч Без Имени. Но если я не найду ничего криминального, если вы пустили этот слух для того, чтобы обвинить меня черт-те в чем, если из-за ваших тупорылых шуточек на меня косо глянут мои друзья... Да я из вас хачапури сделаю!

– Пощадите его, милорд! – Бульдозер обхватил меня сзади за пояс, Лия и Луна повисли на руках, Вероника, упав на колени, обхватила ноги. Все четверо едва не давились от хохота, но орали, как наглотававшиеся валерьянки коты.

– Бегите, барон!

– Успокойтесь, лорд Скиминок!

– Что вы наделали, несчастный?!

– Мы его долго не удержим!

– Милорд, дайте же ему шанс оправдаться!

– Покалечу! всю жизнь на лекарства работать будет! – не своим голосом вопил я, увеличивая общую суматоху. Бедный Бесс опрометью бросился в замок, его слуги повалились ничком, прикрывая руками головы, а мы, еще чуток поломав комедию, от души посмеялись. Вскоре вернулся наш зеленоглазый альбинос. Судя по всему, он уже приготовился к смерти и даже надел чистую рубашку. Поклявшись, что, кроме него, Вероники, Горгулии Таймс и королевы Танитриэль, никто ничего не знает, барон почтительно отошел в сторону, обреченно ожидая неотвратимости нашего суда. Я нервно развернул лист бумаги. Быстро прочел про себя. Потом долго смотрел на Веронику. Юная ведьма настороженно завозилась и попыталась улизнуть. Жан поймал ее за ногу на взлете. Тогда я откашлялся и прочел текст вслух.

– «Милый друг!» Кому здесь не понятно, о чем идет речь?

– Всем все понятно... – покраснела моя команда.

– Дурачье! Речь идет о женщине! Кому еще я могу написать: «Моей измученной в ратных трудах душе катастрофически не хватает вашей ласки». Естественно, женщине, а не мужчине. Вот, смотрите еще: «Вернуться в вашу милую гостиную». Где тут милая гостиная? Нет ее и сроду не было! А вот в Локхайме есть. Так, читаем дальше: «Где вы устроите мне приятный ужин при свечах с интимной беседой, сладкими винами и приятной музыкой». При чем тут замок Бесса?! Все здешние вина отличаются редкой кислятиной, а сладкие вина пьют именно дамы. «Обещайте мне белый танец». Вы хоть слышали, что это значит? Белый танец – это когда дамы приглашают кавалеров. Если кавалер ангажирует на вальс другого кавалера, то это не белый танец, а голубой! Ну и концовка... Вот, внимание: «Целую ваши нежные ручки». Взгляните на его грабли! Ногти не стрижены месяца два, в ободках грязи –

картошку сажать можно. Козе понятно, что речь идет не о Бессе! Все поняли?

– Угу, – закивал народ, а я строгим взглядом прищучил Веронику.

– Скажи мне, милый ребенок, так кому же ты должна была передать это письмо?

– Королеве Танитриэль, – дружно догадались все.

Длинноносая практикантка шмыгнула и заревела.

– Там не написано кому...

Ну вот, я опять во всем виноват.

– Локхайм будет здесь к вечеру, лорд Скиминок. Я приказал вывесить на башнях все необходимые флаги, я убежден, что дозорные королевы нас заметят. Доложу вам – Ее Величество намеревалась напрямую, не дожидаясь войска, двинуться к Зубам, но получила ваше странное письмо. Что творилось в Тающем Городе!.. Невозможно описать.

– Да уж... Если эта интриганка на помеле всучила вам то, что адресовано ей, значит, ей досталось то, что я написал вам. Два других письма были подписаны. Господи, вспомнить бы еще, что я там вам накорябал?

– Сколько мне помнится, Танитриэль пришла в бешеную ярость, когда узнала, что вы лично попросили Горгулию Таймс присмотреть за ней.

– Что?!

– Не знаю. Смысл вроде такой, что она к вам приставала, пьяная, с попыткой заигрывания посредством щекотки.

– Ну... я... Это же про Веронику! Как они могли все перепутать?!

– А вы упоминали ее имя?

– Конкретно – нет. Но поверьте, барон, по тексту просто невозможно подумать иначе. Я ведь писал о ее «воспитаннице», а не о... О черт, ведь Танитриэль тоже ее воспитанница! Ну почему все складывается так глупо?

Белокурый альбинос снова наполнил мой кубок подогретым вином. Мы коротали время у него в кабинете. Луна утешала бедную ведьмочку, Лия о чем-то спорила с Бульдозером, так что все были при деле.

– Сказка кончилась, господин ландграф. Зубы повержены, войска Темной Стороны вряд ли поднимут общий мятеж против Серединного королевства. Вы победили. Теперь началось время банального быта.

– Вы правы, героем быть гораздо проще. Больше синяков, но никакой трепотни нервов.

Я покачал головой, поставил пустой кубок на стол и пошел искать Веронику. Практикантка и наемница понуро сидели на выходящем во двор балкончике. Увидев меня, они разом встали.

– Вероника, прости меня, пожалуйста... Я сам во всем виноват. Мне и вправду ничего не стоило подписать, кому адресованы письма. Вместо этого я начал пороть горячку, наорал на тебя... Не сердись, пожалуйста, прости...

– Милорд... – Длинноносая девчонка повисла у меня на шее, сотрясаясь тихими рыданиями.

Луна отвернулась.

– Иди к себе, крошка. Если найдешь Лию, попроси ее приготовить чай. Мне сказали, что скоро прибудет Локхайм. Значит, впереди долгий разговор с Танитриэль.

Ведьмочка успокоилась, улыбнулась и побежала на поиски подруги. Мы с наемницей остались наедине. Она напряженно изучала каменную кладку, потом поклонилась и пошла.

Я попытался остановить ее:

– Что-нибудь случилось?

– Нет.

– Тогда почему вы уходите?

– Вы только что сказали, что ждете важную гостью. Я не хочу мешать, да и королеве это будет неприятно.

– Пойдите. Не уходите, Луна. Какая кошка здесь пробежала? Я не хочу, чтобы вы уходили. Я...

– Не надо, лорд Скиминк, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени. Не стоит растолковывать мне общеизвестные вещи. И жалеть меня тоже не нужно.

– Вы не поняли...

– Я все поняла! Все-все поняла. Вы – лорд, я – наемница. У меня – работа, у вас – королева. «Ужин при свечах, интимная беседа, сладкое вино. Целую ваши нежные ручки!»

– Боже мой! Да я всего лишь хотел расстаться по-хорошему, у меня и в мыслях не было...

– Не лгите! Представляю, что было у вас в мыслях.

– Ничего такого.

– Правильно, что в этом такого? Ничего, все вполне естественно... Как женщина она бесспорно привлекательна...

– Ну и что?!

– Ну и то! Зачем вы меня обнимали? Очень хотелось слегка перекусить перед праздничным ужином?

– Луна, вам не кажется, что все это напоминает сцену ревности? Мы еще не женаты, а уже устраиваем классический семейный скандалчик.

– А с чего вы вообще вообразили, что я за вас выйду?! У меня и мыслей таких не было! Зачем вам я? Тут и Лия, и Вероника, и Катариада, и Танитриэль и даже кастратки всякие... Я не буду стоять в очереди за вашим поцелуем!

– И это после того, как вы меня несколько раз едва не убили?! – возмущенно взвыл я.

– Дурак... – едва слышно выдохнула наемница и, развернувшись, бросилась прочь.

Я бессильно прислонился лбом к стене. Вот и все... Дурак. Как она права...

– Ешьте быстрее, милорд. Дозорные доложили о появлении Локхайма на горизонте.

– Лия, не торопи меня. Мне и так кусок в горло не лезет. Как вспомню, что придется объясняться с королевой...

– Хотите, я сама ей все объясню?

– О нет! Только не это.

– Не доверяете вы мне... – надулась ворчунья наша. – Да я за вас, милорд... Жизнь положу! Подумаешь, обиделась. Скажите, пожалуйста, королева какая! У нее всего королевства-то – один перелетный городишко. Чего она добивается? Не любите вы ее, чего непонятно? Не нравится – иди в монастырь! Правда, ребята?

Жан и Вероника молча пожали плечами. У Бульдозера голова забита личными проблемами: как объяснить папе, что сын привез молодую жену без роду-племени, которая наверняка настроена на лидирующее положение в доме? Поздно, брат... Доброхоты наверняка уже сто раз напели в уши твоему больному батюшке все, что хотели, о покушении на короля, о женитьбе на эшафоте, об изгнании из города. Хорошо, если сердце у старика

выдержало. Жан всегда волновался, что отец как-нибудь умрет от позора. Вероника давно забыла о своих незаслуженных обидах и налегала на пирожки с явным желанием растолстеть. Еще парочку, и метла ее не поднимет. Постучав, к нам в комнату вошел хозяин замка.

– Пора?

– Пора, лорд Скиминок. Горгулия Таймс ждет вас одного.

– А почему не Танитриэль?

– Королева в очень плохом состоянии. Она может погорячиться, и это будет иметь гибельные последствия.

– В каком смысле?

– Она убьет вас, – просто объяснил Бесс.

– Фу... Тогда не страшно. Если бы что-то оригинальное... Помню-помню, как она в слуг бутылками кидалась – ручка у нее тяжелая. Попадет... но ведь может и промахнуться?

– Мы трое пойдем с вами, милорд, – решил Бульдозер. – Всех не перевешают!

– Да ладно вам. Сделали из бедной женщины какую-то вампиршу-потрошительницу. Сейчас схожу, и все быстренько объясню. Она меня и пальцем не тронет. Просто... на всякий случай подождите за дверью.

Сопровождаемый моими суровыми друзьями, я легкой танцующей походкой отправился в гости к королеве. Локхайм завис в трех метрах от окна головной башни. С борта спустили позолоченный трап. Солидной делегацией мы ступили на мостовую Тающего Города. Барон остался поболтать с гвардейцами и полюбоваться закатом. У входа в апартаменты Танитриэль в резном кресле развалилась верховная ведьма Тихого Пристанища.

– Пришел?

– А почему бы, собственно, и нет?

– Ну, ты нахал... Эй, выйдите-ка все, кроме ландграфа.

– Можно мне остаться? – взмолилась Вероника. – Это ведь будет очень плохой поступок?

– Брысь! – обрезала наставница. Чувствовалось, что нервы у нее на пределе.

– Иди, девочка моя. Я сам о себе позабочусь. Ждите меня за дверями, и главное, держи помело в состоянии повышенной боевой готовности!

– Сядь. – Когда моя команда, ворча и зырякая грозными взглядами, удалилась, Горгулия Таймс достала мое письмо, адресованное лично ей. – Поговорим серьезно. Ты так страшно обидел мою воспитанницу, что до сих пор не понимаю, какая сила удерживает меня от жгучего желания превратить тебя в дикобраза?!

– Постарайтесь выслушать меня спокойно. Дело-то выеденного яйца не стоит. В письме, отправленном вам, я имел в виду Веронику, а никак не Танитриэль! Помните, как она напилась в честь моего воскрешения? Вот я и хотел, чтобы вы присмотрели за девчонкой, а то от этих скоропалительных женишков да долгоиграющих пьянок и до беды недалеко...

Горгулия Таймс еще раз быстро перечитала письмо. Потом скомкала его и запустила в угол, с тихим рычанием обрушившись на меня:

– Тебе что, имя было трудно написать?!

– Я вам не Достоевский! Откуда мне знать, что вы сразу все стрелки переведете на королеву?

– Ладно, забыли... Оба хороши: и ты и я! Теперь растолкуй мне, сердцеяд усатый, как ты мог написать Танитриэль, что она...

Входные двери распахнулись. На пороге стояла властительница Локхайма, гордая и прекрасная, с черными кругами под глазами и распухшим от слез носом.

– Зайдите ко мне, господин ландграф.

Меня просто обдало холодом от ее тона.

Все та же гостиная: маленький стол, трещащий камин в углу. Только, в отличие от прошлого раза, ни шампанского, ни фруктов, ни шоколада. Танитриэль стояла спиной ко мне, напряженная, как высоковольтная линия. Она была одета в темно-синюю тройку делового покроя от какого-то там престижного кутюрье. Я запомнил его по первой встрече, еще тогда в старом прибалтийском замке. Жаль, что не успел спросить у Ризенкампа о том, как они сообщаются с Локхаймом. Хотя... прежний тиран утверждал, что имеет недвижимость в нашем мире, значит, запросто мог снять офис где угодно.

– Вы ничего не хотите мне сказать?

Значит, настала пора объясниться. Что ж, начнем от всей души ставить точки над «і».

– Нет, Ваше Величество.

– Ах, вот как.

Она обернулась, в ее глазах горело опасное женское бешенство. Неожиданно я поймал себя на том, что вновь свирепею. Холодная ненависть королевы вместо чувства вины и желания объясниться разбудила во мне тихую оранжевую ярость. Она считает меня негодяем? Нипочем не буду оправдываться!

– Это вы написали? – Танитриэль дрожащей рукой достала злополучное письмо.

– Я.

– И у вас хватает наглости в этом признаться?

– Не вижу причины отказываться от того, что сделал.

– Ах, вот как...

– Вы повторяетесь.

– Что?

– «Ах, вот как» – вы сегодня уже говорили.

– Прекратите паясничать! – взвилась королева, бросаясь на меня длинным тигриным прыжком.

Ха! Ландграфы не так легко ловятся. Я отработанным кувырком ушел в сторону, с трудом удерживаясь от того, чтобы не выхватить меч. Дальнейшее напоминало трактирную драку в Техасе, сражение при Ватерлоо, разборки в Маленьком Токио и милый междусобойчик на одесской коммунальной кухне.

– Что вы о себе возомнили, мерзавец?!

Бам! Японская ваза династии... не знаю кого, но надеюсь не Минь, вдребезги разлетается от удара о стену над моей головой.

– Какого черта?! Я всего лишь написал пару строк своему другу. Не нахожу в столь невинном поступке ровно никакого преступления!

– Значит, это я вас то предаю, то клянусь в верности?! Подлец! – Она окончательно уподобилась Везувью. – Не беспокоят ли меня рога?!

Ого! От второго подсвечника я едва увернулся.

– Вы с ума сошли – они же тяжелые! Литая медь французского ренессанса. Похоже, ваш бывший муж тащил все, что плохо лежит...

– Каналья! Так, значит, вы не держите на меня зла? Значит, я должна приготовить для

вас стол, вино и закуску, а вы, может быть, «заглянете на огонек»?

В ход пошли музейные тарелки. Вот это хуже всего. Ой, мама! Быстро же она ими пристрелялась...

– Не понимаю, с чего вы так раскипятились?! Я искренне считал, что вы никогда не против вин и закусок...

Бах-тара-рах! Попала-таки. Я с трудом отполз под стол. Мысли путались... Оказывается, деревянным хохломским подносом по голове – это очень больно!

– Так, значит, мне еще и приготовить для вас с оруженосцем пару зажигательных девчонок из стриптиз-шоу?! Только на этих условиях вы сочтете возможным проявить ко мне снисходительное внимание. И может быть, даже возьмете в одну компанию вместе с вашим тупоголовым Бульдозером?! Негодяй!

Наверное, все же стоит применить более крутые меры. Меч Без Имени настоятельно этого требует. А то ведь запросто убьет... Хотя, наверно, стоит попытаться еще раз. Что у нас там в ведерке? Шампанское! Вышибить пробку – дело секундное, остальное еще проще. Взболтав бутылку и зажав горлышко пальцем, я пустил в раскрасневшееся личико королевы холодный душ Шарко. Она завизжала и выронила большую супницу мейсенского фарфора. Ну, вот и ладушки... Теперь у меня есть шанс объясниться.

– Господи, какая я была дура...

– Я тоже хорош! Не переживайте, вообще-то никто не виноват, просто так нелепо сложились обстоятельства.

– Простите меня, лорд Скиминок! Я вела себя как...

– Не извиняйтесь, Ваше Величество, спасибо за то, что не убили сразу.

– И по заслугам бы! Заварил такую кашу, столько людей перебаламутил... – вновь нахмурилась Горгулия Таймс.

– У милорда был тяжелый день, его можно понять! – хором вступились мои ребята.

Все общество сидело за круглым столом в трапезной, пока слуги пытались навести хоть какой-нибудь порядок в раскуроченной гостиной. Королева и барон цепко держали письма, адресованные именно им, словно боялись, что если они их выпустят, путаница пойдет по новой.

– Значит, вы разрушили Зубы?

– До основания, – подтвердил я.

– Свершилось... – молитвенно сложила ручки Танитриэль. – С проклятием рода Ризенкампа, столько веков угнетающего наш мир, покончено!

– Ну, не совсем...

Ее Величество напряженно замолчала.

– Не тьяни, ландграф, говори прямо – кто ушел?

– Мисс Горгулия, от вас ничего не скроешь, – поклонился я. – Замок действительно разрушен, но мы не видели трупов Раюмсдаля и Зингельгофера. Может, они погребены под развалинами? Но я бы посоветовал объявить розыск. На всякий случай. И еще там было летающее старушечье лицо...

– Гнойленберг! – воодушевленно хлопнула себя по колену верховная ведьма.

– Вы знали бабушку Раюмсдаля?

– О, я о ней много наслышана! Она именует себя бабушкой, но на самом деле ей далеко за четыреста лет!

– Все женщины так или иначе скрывают свой истинный возраст, – философски улыбнулся Бесс.

– Гнойленберг была чуть ли не первой женщиной в их поганом роду. И наверняка последней. Дальше они плодились не как нормальные люди, а другим, страшно богомерзким, способом.

– Больше этого не будет. Лабораторию мы разнесли в щебенку. Если мои худшие подозрения оправдаются и принц все-таки жив, ему придется трудиться над наследником по общепризнанному методу.

Присутствующие дамы мило покраснели. Вошедший гвардеец объявил, что дружина Злобыни Никитича с отрядом Чарльза Ли выступила по направлению к замку Бесса. Стало быть, не позднее послезавтра они будут здесь. Как все-таки приятно вновь увидеть старых друзей... Пусть ратники князя хорошенько прочешут развалины Зубов и их окрестности. Во всяком случае, поищут следы исчезнувших кришнаитов и прочей нечисти.

– Да, славный был поход... – вдохновенно промычал Бульдозер, осторожно прижимая к себе Лию, но та лишь улыбнулась, подкатываясь к супругу под мышку.

Горгулия Таймс о чем-то заболталась с Бессом, нечисть – им легко найти общую тему для разговора. Танитриэль пересела поближе ко мне и снова начала с извинений:

– Я ужасно себя чувствую... Вы действительно не сердитесь? Правда? Никогда себе не прощу, что могла вот так запросто поднять на вас руку. Как только вы меня терпите?.. – Она говорила еще и еще. Я плохо понимал, что именно. Где-то далеко в мозгу копошилась мысль о том... не знаю. Не помню. Не понимаю, но что-то не так! Не хватает чего-то очень важного, существенного, жизненно необходимого, вроде воздуха... К нам вышла маленькая колдунья.

– Вероника, присаживайся. Какие новости?

– Почти никаких. Луна ушла.

– Как ушла? – опешил я.

– Обыкновенно. Попрощалась со мной, подарила ножик на прощание, сказала, что вы все очень заняты, просила извиниться.

Повисло напряженное молчание. Я словно окаменел. Луна ушла! Скромная девушка, моя убийца, моя спасительница, моя... Я не знал, что это может быть так больно. Ну зачем? Почему она так поступила? Это несправедливо, нечестно, неправильно!

– Милорд, догоните ее! – первой воскликнула Лия.

За ней бодро поднялся Бульдозер:

– Я оседлаю лошадей и принесу вам меч.

– Мы можем полететь на моей метле, – чуть удивленно предложила Вероника.

– Может быть, мне Локхайм поднять ради какой-то наемницы?! – возвысила голос королева Тающего Города.

Я рывком встал, плечом распахнул дверь и бросился вниз в конюшню.

– Вернитесь, лорд Скиминок! Мне срочно необходимо всерьез поговорить с вами!.. – раздавался позади срывающийся голос Танитриэль.

Чья-то нежная, но уверенная рука остановила меня на ходу, подцепив под локоть.

– Кэт?

– Здравствуйте, ландграф. – Богиня красоты задумчиво улыбалась, но в ее прекрасных глазах таилась грусть.

– Простите меня, я спешу. Может быть, мы поболтаем немного позже? Поверьте, я

всегда рад вас видеть, но обстоятельства складываются так...

– Не спешите. Вы ее не догоните.

– Почему?

– Мне бы не хотелось этого объяснять. Сегодня у меня не слишком приятная миссия... Я очень просила поручить это дело другим, но наверху распорядились иначе. Пойдемте, я немного вас провожу. Вы позволите взять себя под руку?

– Разумеется, почту за честь. – Что-то непонятное в ее голосе заставляло подчиняться ей так легко и послушно, как маме в раннем детстве. Никогда бы не подумал... Ни приказа, ни просьбы, ни угроз, ни уговоров – просто сказала, и я пошел. Мы медленно прошли по коридору и вышли на чистый воздух. Почему-то было уже темно, хотя это не сразу бросилось мне в глаза. Голос Катариады был невероятно ласков и печален.

– Мне не хочется прощаться с вами, ландграф, но мы теперь долго не увидимся. Вы запутались в себе и своих женщинах. Надо сделать выбор, иначе можно сойти с ума. Решите, кого же вы любите на самом деле. Вы ландграф или нет? Герой не должен опускаться до такого уровня быта! Мне стыдно за вас...

– Не знаю, все смешалось... трудно ответить сразу.

– Не спешите. У вас будет достаточно времени, лет пять, не меньше. Обещаю вам...

– Это пророчество или предсказание? – улыбнулся я.

– Это судьба... – Кэт неувовимо легко поцеловала меня в щеку и медленно растаяла в сиреновом свете фонарей.

Высотные дома горели разноцветными огоньками. У подъезда переругивались два милиционера. Воздух был свеж и дышал ароматом Волги. Я... дома?!

– Не-е-е-ет!!! – Меня буквально трясло от ярости и обиды, я воздел руки к равнодушным небесам, заорав как ненормальный: – Эй, вы там! Что вы себе позволяете?! Кто вас просил? Кто вам дал право так распоряжаться моей жизнью?! Я не буду больше играть в ваши игры! Я не фишка! Я – Скиминонок!!!

Эпилог

Прошло пять долгих лет. У меня родился сын. Я по-прежнему живу в Астрахани. Часто сижу у окна и тупо смотрю на луну, освещающую ночное небо. Я ни о чем не жалею и ничего не жду. Мой мир вновь вернул меня в реальность современной жизни. Хотя... что же Катариада имела в виду, обещая мне встречу через пять лет?..